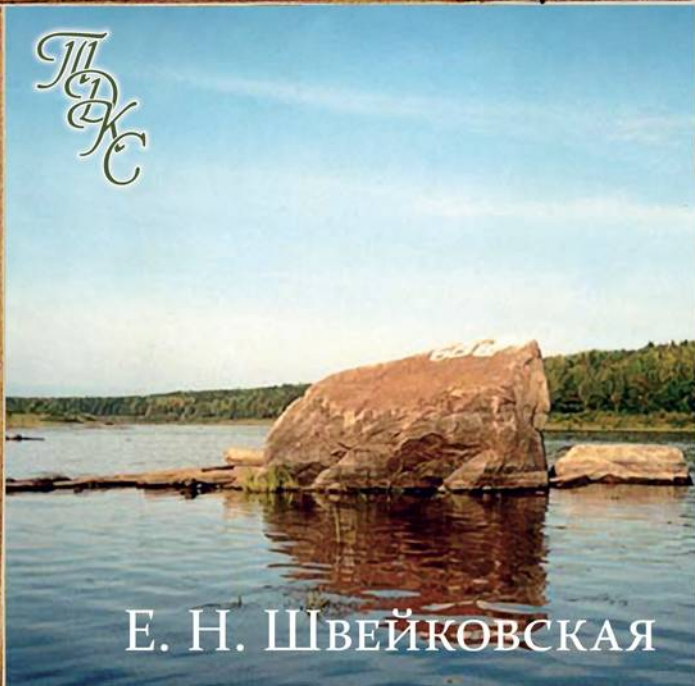

ИДЖС

Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН
В ДОМЕ И МИРЕ:
СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Традиционная Духовная Культура Славян

ТДК

Современные исследования

Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН

В ДОМЕ И МИРЕ:

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ

КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
МОСКВА 2012

Издание выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 11-01-16012д)

Монография написана при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 04-01-00310а)

Рецензенты:
Е.Б. Смелянская
С.О. Шмидт

Швейковская Е.Н.

**Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня
конца XVI — начала XVIII века. — М.: Индрик, 2012. —
368 с. («Традиционная духовная культура славян. Сове-
ременные исследования»).**

ISBN 978-5-91674-172-8

В монографии исследуются основные социальные ассоциации — семья и деревенский мир, в которых протекала повседневная жизнь крестьян Русского Севера в конце XVI — начале XVIII в. Она локализовалась в доме-дворе и определенном инфраструктурном пространстве. Через разноуровневые связи, в которые вступал индивид в микромире деревни и волостной общины, а также за его границами, контактируя с должностными лицами земского мира и воеводой как представителем власти, выявлены ценностные ориентации и мировидческие представления крестьян. Культурно-исторический подход не исключает обращения к социальным экскурсам, что вкуче способствует углубленному пониманию образа, стиля жизни крестьян и социальной природы российской деревни.

© Швейковская Е.Н., Текст, 2012
© Институт славяноведения, 2012
© Издательство «Индрик», Оформление, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1	
КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ XVI–XVIII вв.: ПОНЯТИЕ И ДЕМОГРАФИЯ	21
ГЛАВА 2	
КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ XVI–XVIII вв.: ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.	53
ГЛАВА 3	
ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	97
ГЛАВА 4	
ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО КРЕСТЬЯН СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ	139
ГЛАВА 5	
ДВОР — МЕСТО ОБИТАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ.....	153
ГЛАВА 6	
В МИКРОМИРЕ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ	177
ГЛАВА 7	
ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ КРЕСТЬЯНАМИ	225
ГЛАВА 8	
КРЕСТЬЯНЕ И ЗЕМСКИЙ МИР	251
ГЛАВА 9	
ВОЕВОДСКИЙ ДВОР И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	291
ГЛАВА 10	
ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В УСТЮГЕ	325
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	341
БИБЛИОГРАФИЯ	345
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	355
SUMMARY	364

*Книга посвящается
светлой памяти моей матери
Валентины Романовны Швейковской*

ВВЕДЕНИЕ

История Европейского Севера нашей страны издавна вызывала у меня большой интерес, и она стала предметом профессиональных занятий. Главным направлением отечественной исторической науки на рубеже 1960–1970-х гг., когда я пришла в нее, да и позднее, было социально-экономическое. Формирование и функционирование феодального землевладения, эксплуатация и закрепощение крестьянства, особенности и фазы его расслоения, генезис капиталистических отношений — вот неполный перечень крупных проблем от древности до отмены крепостного права, которыми занимались историки России, в том числе и периода XV–XVIII вв. В те же десятилетия начали разрабатываться демографические вопросы, нацеленные по преимуществу на изучение миграционных процессов, в которые отливался протест трудящихся слоев против усиления феодального гнета. В 1960–1970-е гг. в рамках решения проблемы о вызревании и эволюции феодальной земельной собственности развернулась оживленная дискуссия между московскими и ленинградскими учеными о существенном характере землевладения черносошных крестьян, категории, не находившейся в XV–XVII вв. в частнофеодальной зависимости. Временами, например в 1978 г., она принимала достаточно острые формы. Перечисленные и другие проблемы решались в основном на материале источников, из которых можно извлечь более или менее массовые данные, пригодные для количественной обработки и статистических выкладок, получения временных сопоставительных срезов, их анализа и построения моделей. Можно сказать, что в области социально-экономических исследований преобладали работы, сходные с исследованиями этапа «серийной», социально-структурной истории в зарубежной историографии.

Занимаясь на междисциплинарном стыке историей севернорусской группы крестьян — монастырских и помещичьих, а также черносошных в XVII–XVIII вв., я столкнулась с информацией источников, которая не укладывалась в ложе «серий». Из документов проступали, словно глубинные пласты, несколько иные, чем отраженные в историографии второй половины XX в., отношения

землевладельцев с крестьянами, связи крестьян внутри общины и между собой, и главное — люди. Появилось стремление глубже разобраться в сути существовавших взаимоотношений. Тем более, что через работы отечественных медиевистов М.А. Барга, А.Д. Люблинской, А.Я. Гуревича, А.Р. Корсунского, Ю.Л. Бессмертного, В.М. Далина и других ученых было возможно познакомиться с освещением проблем социальной истории в западной историографии с 1950-х гг. В ней, несомненно, выделялось мощное направление, представленное французскими историками, которые группировались вокруг журнала «Анналы»¹.

В этом направлении существовало несколько течений. Одно из них — историко-антропологическое, которое реализовалось в социально-культурном контексте. Оно восходит к французской историографии 1960–1980 гг. и работам историков Ф. Броделя, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гоффа, Р. Шартье, А. Бюргера и др., хотя концептуально их работы не находились в едином русле. На разработки этого направления откликнулись историки других стран — К. Гинзбург, У. Раульф, П. Берк, Э. Томпсон, Н. Земон Дэвис, В. Кула и др., а среди отечественных медиевистов — А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный, А.Л. Ястребицкая и др. Историческая мысль в обширном пространстве исторической антропологии развивалась в ракурсе углубленного познания: самого человека прошлого и его инкорпорации в социальную сферу — семью, систему родства; демографических процессов и отношений, социальных связей; экономической составляющей — обмена, экономического поведения, отношения к богатству и бедности, влияния религии и этики на проявления экономики; категорий культуры — народных верований и ритуалов, представлений о мире, времени, мифе, символики жестов, соотношения народной и ученой культур. Значительное внимание в 1970–1980-х гг. уделялось раскрытию устройства и действия разных социальных общностей — прихода, корпорации, общины, их внутренней среде и разноуровневым связям, многообразию соотношений микроструктур между собой. Подход к обществу как единому организму с взаимодействием всех его составляющих, находящихся в сложной системе разнонаправленных связей, обусловил изучение истории ментальностей — устойчивых систем ценностей, мировидческих представлений, стереотипов поведения и т.п. у людей прошлого разных культур, влиявших на их сознание, реконструкцию «картины мира». Постепенно происходило сосредоточение на куль-

¹ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

турном постижении социальных явлений, на погружении в микроисторию (направление возникло в Италии среди ученых, группировавшихся вокруг журнала «*Quaderni storici*»), когда изменялся масштаб и ракурс изучения за счет углубленного проникновения в частную судьбу индивида, семьи, микрогруппы, принадлежащих к какому-либо из городских или сельских социальных сообществ, с ориентацией на осмысление целостного исторического контекста. В 1990-х гг. интерес историков смещается от социокультурной истории к культурной истории социального. В области последней прослеживается повышенное внимание к представлениям людей об окружающей действительности и способах ее восприятия, в соответствии с которыми они принимают те или иные решения в своей социальной практике и таким образом осознают свое место в реальном мире. Модели поведения задаются социальным опытом, который обусловлен повседневностью человеческого бытия, и ее исследование на разных хронологических отрезках и для разных социальных общностей обретает свою самостоятельность².

Отечественная литература по истории России лишь в малой степени затрагивала отдельные из таких сюжетов. Крестьянский двор, семья, община исследовались в историографии 1960–1980-х гг. как социально-экономические образования, которые обеспечивали производительность феодального владения, а также с точки зрения их иму-

² Отклик о развитии направлений в зарубежной историографии см.: Гуревич А.Я. Указ. соч.; История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996; Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 8–72, 224–284; Дингес Мартин. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 96–124; Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003; Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 23–70; Экле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007; и др. Реакцию отечественных медиевистов на историографические вызовы, например, см.: Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993; Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000; Уваров П.Ю. Указ. соч.; Винокурова М.В. Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI — начала XVII века). М., 2004. См. также публикации в альманахах: «Одиссей. Человек в истории», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

щественной обеспеченности и дифференциации (В.А. Александров, А.Л. Шапиро, А.И. Копанев, Н.А. Горская, Ю.А. Тихонов, Н.А. Миненко и др.). Отношения индивидов внутри этих социальных структур были почти не изучены. Контакты же крестьян в деревне и волости были разнообразнее, чем только по поводу раскладки и уплаты тяглых и других фискальных платежей.

В данной работе предпринята попытка заполнить имеющуюся проблемно-тематическую лауну и выяснить, как действовал крестьянин в деревенской действительности XVII в., реализуя в повседневности свой индивидуальный опыт, какова была сеть внутренних — семейных, деревенских — связей, отношений за границами «своего» микромира, насколько типичны были принимаемые решения в существовавших обстоятельствах, что позволит выявить ценностные ориентации и мировидческие представления. Культурно-исторический подход не исключает обращения к социальным экскурсам, что вкуче способствует углубленной трактовке образа, стиля жизни крестьян и обновленному пониманию социальной природы российской деревни.

В центре внимания исследования находятся социальные общности — семья и мир, составлявшие значимые, причём разновеликие, групповые образования сельского социума XVI–XVIII вв., в которых протекала повседневная жизнь человека. Естественно, что они существовали также за рамками обозначенной хронологии и в какой-то мере их можно считать константными. Каждый крестьянин по рождению и потомственно принадлежал к дому-двору, был членом земского мира и вступал в мелкие формальные и неформальные группы. Человек в силу родства и свойства, кумовства, возраста, состоятельности мог одновременно входить в разные подобные объединения. Они накладывались друг на друга и пересекались, в результате чего в деревне и общине существовала сеть неоднозначных связей. В результате культурной трансмиссии в семье и общине человек получал трудовые навыки, религиозные, моральные и этические ценности, под действием которых у него складывалась картина мира. Включенность индивида в межличностные и коллективные отношения, пронизывавшие повседневность бытия, корректировала его мировидение. Крестьянское сообщество — традиционно, как его экономика. В нем действуют «иные представления о должном и сущем, нежели в обществе, основывающемся на принципе индивидуализма и вещном обмене. Среди качеств, отличавших достойного человека, в традиционном крестьянском менталитете на первый план выходила нравственность, жизнь по правде и совести. Эти черты были проне- сены крестьянством через всю многовековую традиционную стадию

общественного развития и нашли отражение в фольклоре даже на последних ее этапах»³. Однако при изучении сельских, впрочем, как и других общностей важен подход к ним как к подвижным, изменяющимся, живым, а не статичным, застывшим. Трансформации, которым они подвергались, хотя и замедленные во времени, зависели от разных объективных и субъективных обстоятельств.

Конкретно тема раскрывается на материале севернорусской деревни, черносошной и владельческой, конца XVI — начала XVIII в. Целесообразно охарактеризовать такие константы крестьянской повседневности: двор и деревня как место обитания и хозяйствования семьи, общинный мир как средоточие разнообразных соседских связей, средства жизнеобеспечения, хозяйственное поведение, а также ментально-культурные категории — пространство и время, праздники. Важность рассмотрения названных тематических сюжетов дополнительно стимулируется и тем, что «отношения в крестьянской среде, т. е. отношения в основной массе тогдашнего (средневекового — *Е.Ш.*) общества, исследованы медиевистами в самой ограниченной степени, их природа все еще темна для историков»⁴. Это мнение А.Я. Гуревича в полной мере приложимо к изучению крестьянских общностей позднесредневековой России.

Предпринимаемое исследование диктует свои требования к источниковой информации, которая добывается не путем увеличения ее количества, а за счет качественно иного, чем это практиковалось в историографии ранее, набора задаваемых источникам вопросов. Конечно же, пристального внимания заслуживают документы и сведения, возникшие непосредственно в крестьянской среде. Следует отметить, что по северному региону сохранилась разнообразная и обширная документация XVII в. центральных учреждений — четвертей и уездных приказных изб, а также земских миров. Документы последних сохранились плохо по центральным и северо-западным уездам, где было распространено поместно-вотчинное землевладение. В них к тому же земское самоуправление в последней трети XVI в. заменили губные старосты и городовые приказчики. Привлекается все многообразие источников, и не только XVII в. Прежде всего, законодательные — это статьи Русской Правды, Судебников

³ *Данилова Л.В.* Сельская верхушка в средневековой Руси // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда, 2001. С. 35.

⁴ *Гуревич А.Я.* «Феодалное средневековье»: что это такое? // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2002. С. 273.

1550 и 1589 гг., Соборного уложения 1649 г., узаконения за период 1550–1649 гг. из издания «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.» (Л., 1986). Затем разнохарактерные книги — писцового описания 1622–1625 гг. Сольвычегодского у., подворной ландрагской переписи 1717 г. Вологодского у., расходные земских миров середины — конца XVII в. — чернососных Тотемского, Сольвычегодского, Устюжского у., монастырских Вологодского у. Использованы документы, сложившиеся в работе миров чернососных и монастырских крестьян XVII — начала XVIII в., акты межкрестьянских поземельных сделок конца XVI — конца XVII в., разнородные челобитные крестьян, адресованные уездным воеводам и в Устюжскую четверть, церковно-монастырским властям, судебные дела и такие памятники как Стоглав 1551 г., Домострой. Другими словами, используется информация самого широкого диапазона, соответствующая поставленной задаче.

Что касается историографии, то она в прямом приложении к теме в отечественной русистике отсутствует. Однако это не значит, что отдельные сюжеты, представляющие интерес, совсем в ней не затрагивались. Некоторые данные можно почерпнуть в литературе как конца XIX — начала XX в., так и второй половины XX в. А.Я. Ефименко в работе, посвященной землевладению крестьян Подвинья, пожалуй, впервые привела много фактических данных из поземельных актов. Она рассмотрела вопрос о составе крестьянских семей, об устройстве деревень, о землях, находившихся в общем междеревенском пользовании, и их обороте — продаже, закладе, дарении⁵. М.А. Островская в книге о земельном быте северных крестьян уделила внимание расположению и типу поселений, путям сообщений, внутридеревенскому и междеревенскому пользованию землей, а также отдельным аспектам семейных отношений⁶.

Первостепенное значение из работ начала XX в., конечно же, имеет фундаментальный двухтомный труд М.М. Богословского о земском самоуправлении на Русском Севере в XVII в. Вклад ученого в изучение проблемы столь весом, что на некоторых поднятых им вопросах, соответствующих рассматриваемой теме, следует задержать внимание. Историк задался целью «изучить местное земское самоуправление в Московском государстве с его фактической, действи-

⁵ *Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере: Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.

⁶ *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913.

тельной стороны, показать, как учредительные грамоты XVI века осуществлялись в жизни»⁷, для чего он мобилизовал большой источниковый материал, почерпнутый из архивных хранилищ. Впервые в отечественной историографии М.М. Богословский подробно показал административно-территориальное деление Севера в XVII в. Он писал: «Административная карта Поморья в XVII в. — это причудливый узор, выведенный историей, создавшей местные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиравшим все местные особенности»⁸. В этом высказывании подчеркнуты эволюционность и органичность складывания территориального деления региона в предыдущие века. В нем же улавливается некоторая доля иронии в адрес петровских административных преобразований⁹. М.М. Богословский на основе глубокой проработки сведений писцовых и переписных книг первой половины XVII в. в сочетании с делопроизводственными материалами Устюжской и Новгородской четвертей с большой обстоятельностью изложил устройство уездов и волостей в географически разных местностях северного региона, простиравшегося от Заонежья до Урала. Он обнаружил тесную зависимость сельского расселения от природных условий, впервые локализовал поморские волости, и эта работа по сей день имеет непреходящее значение. Северная деревня охарактеризована им как место обитания и сочетаемые с ним сельскохозяйственные угодья. Итоги и выводы М.М. Богословского были восприняты историографией, как современной ему, так и позднейшей, и не утратили своей ценности. Они оказали в определенной мере воздействие на формирование дисциплин, сложившихся во второй половине XX в. как самостоятельные, — исторической географии, включая топонимику, и демографии сельского населения.

Несомненной заслугой М.М. Богословского являются его веские суждения по мало исследованному на тот период вопросу о землевладении насельников Севера. Он обратился, прежде всего, к общественным группам, на которых лежали обязанности по отношению к государству. Таковы черные люди, они — «разновидность тяглых людей, это тяглецы, жившие и трудившиеся на государственной земле, посадские люди или государственные крестьяне». В противопо-

⁷ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. III.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ М.М. Богословский посвятил реформам Петра I свой первый курс лекций 1898/99 г. и магистерскую диссертацию: «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.». М., 1902.

ложность им беломестец — человек нетяглый, служилый, и белая земля — свободна от тягла¹⁰. По поводу значения термина «черный» в Древней Руси историк писал: «Чернь — это то же, что мир, весь мир в смысле общества. Черная земля — это земля, не составляющая ничьей частной собственности, ничья, общая мирская»¹¹. Он поставил важный вопрос о праве черных крестьян в XVII в. на используемую ими землю. По сохранившимся документам крестьяне широко практиковали сделки купли-продажи земли, и они совершали «на свои участки все акты распоряжения», из чего возникает обманчивое впечатление о праве собственности владельцев на участки. Ученый пришел к убеждению, что достаточно ясен «взгляд правительства XVII в. на черную землю, как на землю, находящуюся в собственности государства и лишь во владении крестьян»¹². В итоге своего исследования М.М. Богословский дал следующую оценку положения северных крестьян: «Кажется, состояние черных крестьян в XVII в. можно обозначить, как состояние крестьян, живущих на черной государственной земле, прикрепленных к волостным обществам и обязанных самоуправляться в интересах государственного казначейства. Так, по крайней мере, смотрели на них в правительственных сферах XVII в.»¹³.

Важен поднятый историком вопрос о месте и роли земского самоуправления в системе государственной власти, который был изучен в ракурсе развивающейся в XVII в. чиновничьей бюрократии. «Механизм бюрократического управления представляет собою иерархически построенную систему должностных лиц, основанную на подчинении низших высшим и всю проникнутую недоверием высших к подчиненным». При подобном способе управления приказный проходит ступени возвышения благодаря своим личным достоинствам и дарованиям. Достигнув самого верха, он склонен переоценивать свои способности, и «отсюда та самоуверенность и самомнение, та привычка считать себя единственным обладателем знания и умения, то высокомерие к остальному обществу, которые отличают приказного дельца. Он имеет исключительное право на знание, он готов считать себя всеведущим. Общество, над которым он так высоко взлетел, кажется ему темной массой, которою он призван руководить с своего высокого верха, куда голос общества до него не долетает»¹⁴. Оценка, данная

¹⁰ *Богословский М.М.* Земское самоуправление... Т. I. С. 50–51.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 53–61.

¹³ Там же. Т. II. М., 1912. С. 310.

¹⁴ Там же. С. 261, 262.

приказному бюрократу, проистекает из глубокого знания функционирования управления XVII — начала XVIII в.

Ученый рассмотрел организацию местной администрации в уездах, которая возглавлялась в XVII в. воеводами. В северные города они назначались из приказов, которым административно подчинялся какой-либо уезд. Из Устюжской четверти воеводы получали назначения в Тотемский, Сольвычегодский, Устюжский уезды. На местах они действовали на основе полученного в четверти наказа, в котором фиксировались их обязанности. Ученый отмечает скрупулезную обстоятельность наказов воеводам. По наказам, указам и распоряжениям, посылаемым впоследствии из четверти воеводам, их ответным документам он прослеживает двухстороннюю связь центрального и местного аппаратов управления, показывает руководящую и контрольную роль четверти по отношению к уездной власти, т. е. ее глава по сколько-нибудь серьезному вопросу должен обращаться в центр. М.М. Богословский подытоживал свои рассуждения о воеводском управлении, главная задача которого «сквозит в каждой статье наказов. Не благосостояние местности, не общее благо населения имеют в виду все эти многочисленные, иногда нескладно выраженные и по нескольку раз в одном и том же наказе повторенные предписания, а исключительно только интересы фиска, казенную прибыль, своевременное поступление сборов, отсутствие или, по крайней мере, наименьшие размеры недоимок. Параллельно с этим узко-фискальным взглядом на деятельность местной администрации в наказах повсюду виден чисто бюрократический дух недоверия высших органов власти к низшим, начальствующим к подчиненным. Подчиненный лишен всякой самостоятельности, связан по рукам и ногам, шагу не может ступить без разрешения высшей инстанции»¹⁵. Историк выразил свое явно негативное восприятие воеводской администрации. Он считал, что отсутствие у воевод свободы действий и их постоянная обязанность сноситься с четвертью имели своей оборотной стороной злоупотребления властью¹⁶.

М.М. Богословский уделил значительное внимание органам земского самоуправления и их обязанностям — финансовым, судебным, полицейским, которые были схожи с функциями, исполнявшимися воеводским аппаратом. Действительно, бытование на Севере двух разных по характеру управленческих звеньев вело к функциональному дублированию. Ученый раскрыл самостоятельность миров в проведении выборов, в которые воеводы не вмешивались. Он уловил двой-

¹⁵ Там же. С. 271–275.

¹⁶ Там же.

ственную суть земских властей: «Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью, и по тем целям, во имя которых они должны были действовать»¹⁷. Однако в этой позиции историка государственное начало подчиняет выборное, имевшееся у земских миров. Эта трактовка связана с тем, что историк не считал северные волостные миры общинами и отделял вопросы самоуправления от землевладения.

Община русских крестьян, как выяснили отечественные ученые много позже, во второй половине XX в., представляла собой довольно замкнутую социальную систему, во-первых, инкорпорированную в частное, поместьно-вотчинное владение, и во-вторых, в поморском черносозном регионе встроенную как относительно самостоятельное звено в систему государственного хозяйствования и управления. Должностные лица северных миров, во-первых, избирались и сами выборы не зависели от государственного вмешательства, во-вторых, они периодически сменялись, в-третьих, действовали самостоятельно. Мирской аппарат, как традиционный управленческий орган общины, в соответствии с обычаем решал разнообразные земельные, тягло-финансовые, судебно-полицейские и другие насущные дела. Дальнейшие исследования продолжили направление, начатое М.М. Богословским, и показали, что государственное местное управление в XVII в. не могло обойтись без земского звена¹⁸.

Монография М.М. Богословского была первым в российской историографии масштабным сочинением по истории поморского Севера, отличного от поместьно-вотчинного Центра России. Она с точки зрения современного познания исторического процесса, полагаю, вполне вписывается в нынешнее направление трудов по локальной истории. Главное в них не регионально-территориальный принцип, а анализ реальных социальных групп локального уровня, характеристика конкретных общностей и индивидов. Региональное, стратифицированное общество поморского Севера, безусловно, предстает из труда историка как целостность.

Большой интерес для темы данного исследования в литературе последней трети XX в. представляют две монографии А.И. Копанева о крестьянах Севера в XVI и XVII вв. Они теснейшим образом связаны

¹⁷ *Богословский М.М.* Земское самоуправление... Т. I. С. 321.

¹⁸ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 171; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 232–246.

между собой по содержанию и построению и только по формальным причинам вышли под несколько отличными названиями и с большим промежутком во времени¹⁹. Ученый использовал мало привлекавшие источники, такие как акты поземельных сделок, веревные, оценные книги, разрубные списки, появившиеся в результате хозяйственной деятельности крестьян. Глубокое проникновение в столь разные источники погружает читателя книг в самую толщу деревенской и волостной жизни черносошного Севера XVI–XVII вв.

Из работ А.И. Копанева предстает северная деревня, характерной особенностью которой была малодворность²⁰. Ученый установил, что в старых, давно заселенных уездах Двинском, Важском к середине XVI в. почти все пригодные для сельского хозяйства земли были культивированы. Новые селения если появлялись, то на пустошах, возобновляя прежние очаги земледелия²¹. При выяснении поземельного устройства деревни А.И. Копанев, пожалуй, впервые подробно прорисовал топографию деревенских полей, которая отражала постепенное, трудоемкое приращение мелкими клочками земельных угодий каждого владельца. Мозаичность и чересполосность небольших участков земли, причем расположенных в разных местах, была присуща хозяйству каждого крестьянина, а их число во владении двора достигало двух, а порой трех десятков. Даже угодья однодворной деревни не находились в едином массиве. Выразительно ландшафтно-топографическую разбросанность угодий отразили веревные книги XVII в., которые учитывали (в целях обложения) тщательно измеренные в веревках земельные клочки каждого дворохозяина. Книги возникли в крестьянских мирах Подвинья и сохранились только для этого района Поморья, а А.И. Копанев был не только глубоким интерпретатором их сведений, но и публикатором. В своих работах 1970–1980-х гг. ученый раскрыл реальную картину антропогенного воздействия на существовавшие в XVI–XVII вв. ландшафты, вплотную подойдя к важной проблеме изучения исторического ландшафта в целом и деревенского микроландшафта в частности²². В ходе своего исследования я не раз буду обращаться к монографиям М.М. Богословского и А.И. Копанева.

¹⁹ *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.

²⁰ *Он же.* Крестьянство... в XVI в. С. 118–119.

²¹ Там же. С. 144–145.

²² В этой области появились интересные работы: Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003; Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005; Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М., 2007–2009. Т. 1–3.

Следует отметить, что в последние годы интерес к истории повседневности в отечественной историографии России явно усилился. Об отдельных сюжетах, которые находятся в исследовательском поле повседневности, речь идет в первой части труда Л.В. Милова, озаглавленной «Великорусский пахарь в XVIII столетии»²³. Историк отметил отсутствие в советской историографии «исследований повседневной истории, в то время как в зарубежной литературе эта тематика разрабатывалась и тщательно, и скрупулезно на протяжении целых десятилетий». Изучение крестьянского хозяйства не касалось технологии сельского производства, быта крестьян, и самое главное, по мнению ученого, отсутствовало «должное понимание роли природно-географического фактора» и его влияния на развитие Российского государства²⁴. В первой части монографии поэтому дана оценка значения природно-географической среды и ее воздействия на жизнь и труд крестьян. Вместе с тем характеризуются условия их хозяйствования — применяемые системы земледелия, орудия труда и приемы обработки почв, посевные культуры и их урожаи, способы уборки и хранения урожая, крестьянская изба и подворье, пища, одежда. Однако направленность рассмотрения этих вопросов находится в русле общей оценки производственных возможностей крестьянского хозяйства и земледельческой базы в стране в целом, что подводит историка к осмыслению российского общества, располагавшего минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Повседневности горожан Бежецка в XVIII в. посвящена книга А.Б. Каменского. Этот небольшой провинциальный город, как считает автор, был типичным для центральной России. Выбор его в немалой степени был обусловлен сохранностью источников. Их информация определила конкретные сюжеты, которые изучает исследователь, степень их освещения. Большое место в книге уделено городской среде, самим горожанам, их занятиям, службам и повинностям. Рассмотрены конфликты бежечан, причины раздоров, способы их урегулирования, даны криминальные картины городской жизни. Кратко показаны также и семейные отношения горожан²⁵.

Повседневность подмосковных дворцовых усадеб во второй половине XVII в. стала предметом изучения А.В. Топычканова. Он опубликовал ценный комплекс документов приказной избы дворцового

²³ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 31–379.

²⁴ Там же. С. 3–4.

²⁵ *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.

села Измайлова с очерком повседневной жизни этой усадьбы. Позже он сосредоточился на проявлениях повседневной культуры дворцовых сел в неразрывной связи со сложившимися в них документальными комплексами. На их основе исследователь прослеживает, как через делопроизводственные практики реализовалось управление дворцовыми селами, претворялось в жизнь локально-ситуативное поведение действующих лиц, какие слагаемые составляли культуру повседневности, что и формировало конкретный образ придворного общества второй половины XVII в.²⁶

Значительный интерес представляет труд швейцарского ученого Карстена Гёрке «Русская повседневность. История в новых временных образах», сложившийся на основе многолетнего чтения лекционного курса. В работу вовлечен солидный массив русских источников и литературы XIX–XX вв. Ученый вписывает изучение повседневности в культурный контекст исторической антропологии на 9 больших хронологических отрезках. Интересующий меня период включает 4 из них, это 1) IX столетие, 2) XII — начало XIII столетия, 3) XV столетие, 4) вторая половина XVII столетия. По каждому из периодов отдельно показана повседневность сельская и городская. Ценно имеющееся приложение русских источников, переведенных автором на немецкий язык. Неутешительно высказывание ученого: для XVII в. приходится констатировать, что современная история повседневности этого переходного времени еще не существует²⁷.

Необходимо заметить, что мои собственные наблюдения и выводы, изложенные в монографиях о севернорусских крестьянах, а также в книге о собственности в средневековой России, дали пищу для размышлений, реализуемых в предлагаемой работе²⁸.

Несколько слов о ее построении. В центре внимания — крестьяне в доме-дворе и деревне как месте обитания и хозяйствования, которые органично входят в сельские миры. Для средневекового рус-

²⁶ *Топычканов А.В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004; *Он же.* Культура повседневности подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в.: делопроизводственные источники и методы исследования. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2007.

²⁷ *Goerke Carsten.* Russischer Alltag. Eine Geschichte in neuen Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 1: Die Vormoderne. Zürich. 2003. S. 11–18, 254.

²⁸ *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997; *Собственность в России: Средневековье и раннее новое время.* М., 2001. Гл. 4, 5.

ского общества понятие «мир» было многозначным. Оно включало в себя макрокосм, человечество вообще, людей, объединение людей, и в таком смысле «мир» — универсум. Однако средневековый человек обретался в своем мире, т. е. со-обществе социально себе подобных. «Мир» крестьян сочетал групповую ассоциацию и жизнь в определенном пространстве, а таким на Севере была волость с существовавшими в ней разновеликими поселенческими системами. Характерно, что крестьяне по отношению к своему сообществу употребляют как раз выражение «мир», а не община.

Начать рассмотрение, полагаю, необходимо с нижней ступени, а именно с семьи. Затем показать то пространство, в котором она действовала. Главы дворохозяйств, будучи владельцами земельных участков, несли конкретные социальные обязательства и представляли интересы семьи как члены общин. Крестьяне, реализуя те или иные потребности и обязанности, вступали в контакты не только между собой на уровне деревни, но и с должностными лицами земского мира, а также местной административной власти. Представители этих двух общественных ступеней находились, конечно, на более высоком уровне, чем крестьянин в деревне, и были носителями иных способов поведения вследствие неравного социального, экономического, политического положения и влияния, особенно воеводы со своим аппаратом. Однако никто из крестьян не был застрахован от необходимости обращения в приказную избу или к воеводе, например, с челобитной по какому-либо поводу. Логично поэтому рассмотреть другой культурный срез — воеводский двор и повседневную обстановку в нем, так как он был центром, где фокусировались публичные и частные связи, а в их орбиту, пусть эпизодически, мог попасть любой горожанин и крестьянин. В нем же проявлялись скрытые стороны жизни представителей иной общественной группы, входившей в правящий слой.

* * *

Приношу глубокую благодарность сотрудникам архивов, где мне пришлось работать, и прежде всего РГАДА, которые на протяжении многих лет оказывали мне содействие и внимание. Моя сердечная признательность коллегам по Археографической комиссии за доброе отношение, дружескую поддержку и ценные советы. Я благодарна своим друзьям за постоянную помощь и поддержку, которые они оказывали мне в годы работы над книгой, за проявляемый интерес к ней, за терпение и умение слушать. На разных этапах Российский гуманитарный научный фонд содействовал исследованию темы и изданию монографии.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ XVI—XVIII ВВ.: ПОНЯТИЕ И ДЕМОГРАФИЯ

Изучение русской семьи в отечественной науке началось примерно с середины 1950-х гг. в этнологии. В последующие два десятилетия оно достаточно интенсивно развивалось в исследованиях по истории России XVI — первой половины XIX в. Этот процесс шел параллельно с подобным же процессом в зарубежной историографии¹. Однако в истории России семья не стала самостоятельным объектом изучения. В рамках дисциплины, которая за рубежом сложилась как демографическая история, соединилось изучение семьи и частной жизни. Последняя предметом своего рассмотрения считает жизнь «домашнюю», в семье и по канонам обычного права, которая противостоит публичной².

Публичная и частная сферы в обществах средневековья и раннего нового времени переплетены, они трудно разделяются, соотносясь в едином социальном пространстве, взаимно дополняя друг друга. Ю.Л. Бессмертный высказал справедливую мысль об известной сложности, возникающей у медиевиста или историка раннего нового времени, вынужденного решать, «к какой сфере отнести межличностные отношения вне семьи и домохозяйства, лежащие в основе довольно густой сети горизонтальных и вертикальных связей (в том числе «сеньор—вассал», «патрон—клиент»)». Он подчеркивал, что присущая средневековью невыделенность индивида из традиционных коллективных структур и переплетение частного и публичного начал в сфере феодального владения существуют в разных плоскостях, хотя и имеют в подоснове общие моменты³.

Сюжеты, касающиеся важнейшей проблемы исторической демографии, а именно семьи, в историографии отечественной истории характеризовались, по преимуществу, для получения суждений о воспроизводстве населения и социальных отношениях. Существуют две крупные проблемы российской истории, в связи

¹ Бессмертный Ю.Л. Новая демографическая история // Одиссей. М., 1994. С. 244.

² Там же. С. 245.

³ Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 27–28.

с которыми с 1960-х гг. изучалась крестьянская семья: 1) колониционно-миграционные процессы, хозяйственное освоение новых территорий и формирование на них постоянного населения и 2) экономическая мощь крестьянского хозяйства с упором на выявление его рабочих ресурсов⁴. Социально-психологические и культурно-исторические аспекты истории семьи, обстоятельно изучаемые в западноевропейской и американской литературе, а также в отечественной медиевистике⁵, сравнительно мало исследуются историками средневековой России.

Н.А. Горская в монографии, которая подытожила накопленные достижения в области исторической демографии России с точки зрения ее главной составляющей — народонаселения, уделила внимание достаточно широкому кругу проблем. В книге охарактеризованы для эпохи феодализма: динамика численности населения, его состава, плотности; миграции населения; а также процессы воспроизводства населения (естественное движение как социально детерминируемый процесс) и законы демографического развития; история демографической политики. Рассматривая аспекты, в которых изучались процессы воспроизводства населения в XVI–XVII веках, Н.А. Горская свидетельствует, что история семьи интересовала исследователей с точки зрения ее состава, численности, структуры, а в конечном счете, определения рабочего потенциала дворохозяиств. Неутешительно звучала и остается актуальной констатация автора: «Семейно-брачные отношения XVI–XVII вв. во всем их комплексе историографии не имеют». Изучение таких вопросов как представления о браке, детях и их месте в жизни семьи, сексуальной морали — назревшая необходимость⁶.

Темы и подходы, присутствующие в исследованиях российских демографических процессов, на которые обращали внимание исто-

⁴ Швейковская Е.Н. Крестьянская семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV–XVII вв.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.). Вып. I. Таллин, 1986. С. 5–6.

⁵ См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. Особенно гл. 1, 4, 6; Женщина, брак, семья до начала нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993; Бессмертный Ю.Л. Историко-демографические процессы в Западной Европе XVI–XVIII вв. в современной науке // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. *Он же*. Новая демографическая история; Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.

⁶ Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994. С. 9, 15, 128, 134.

рики, обусловлены до некоторой степени источниками XVI–XVIII вв. В первую очередь использовались те из них, которые содержат данные, пригодные для «статистических» выкладок. Сложившаяся историографическая ситуация по проблемам исторической демографии России, дополненная источниковой спецификой, а она состоит в преобладании фискально-податных документов в масштабах государства и частновладельческой вотчины, осложняет разработку сюжетов о внутрисемейных отношениях, ментальных представлениях, повседневных проявлениях частной жизни крестьян и посадских людей, которые были включены в свои микромиры. Штудии такого рода, безусловно, необходимы и направлены на познание многогранности социальной жизни прошлого. Вместе с тем важно разобраться в общих нормах, которые действовали в тот или иной конкретный период и были присущи разным социальным общностям, что позволит ярче высветить обнаруженные характеристики. Несомненно, семья как раз была и остается важнейшей из таких общностей.

Понимание малой семьи как индивидуальной (нуклеарной) не вызывает у исследователей отечественной истории разногласий. Семьи разветвленного состава, тем более с боковыми родственниками, противоплагаются малой семье и обозначаются по-разному: сложная, большая, неразделенная⁷. Ученые, подходя к крестьянской семье чаще всего как к хозяйственной ячейке, выясняли ее форму и модификации в зависимости от социально-экономических условий XV–XVIII вв. Отдавая себе отчет в том, что численность семьи интересна как сама по себе, так и для выяснения ее внутреннего строя, отмечу следующее обстоятельство. Историки определяют численность для изучаемого периода, как правило, на основе источников писцового и переписного характера, а они в силу основной цели составления не всегда дают возможность реконструировать родство, а тем более проникнуть во внутренние отношения семьи. По этим материалам достаточно хорошо устанавливается величина семей, хуже их родственный состав, а извлекаемые данные легко подвергаются количественной обработке. Замечу, что численность семей уже несет скрытую информацию об их составе. На протяжении длительного

⁷ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962; *Раскин Д.И., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; *Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974; Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV в. М., 1955; *Она же.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; и др.

периода с XV по середину XIX в. число жителей во дворе в зависимости от региона, владельческой принадлежности крестьян, формы ренты колебалось от 5 до 10 чел. обоего пола. Исследователи установили постепенное укрупнение двора с 5–6 чел. в конце XV — начале XVI в. до 7–8 чел. в конце XVII — середине XVIII в.⁸

Накопившиеся к 1980-м гг. историографические данные по структуре крестьянской семьи обобщил В.А. Александров и предложил ее классификацию. Одна из причин, побудивших его сосредоточить усилия на типологических изысканиях, состояла в том, что в литературе существовал устойчивый взгляд на большую семью, которая генетически связывалась с первобытной семейной общиной и даже в позднефеодальное время не меняла своей архаической сущности. Ярким выразителем этой точки зрения был М.О. Косвен, считавший большую семью патронимией⁹. В.А. Александров, привлекая репрезентативный материал, установил господство малой семьи как главной институциональной формы на протяжении эпохи феодализма. Она, в зависимости от конкретных условий, пульсировала к неразделенной. Отцовские и братские семьи XVII — середины XIX в., появившиеся в результате регенерации малой семьи, не имели ничего общего с большой семьей в понимании М.О. Косвена, который уподоблял ее семейной общине — патронимии. Большая семья на Руси была стадийным институтом и соответствовала более ранним этапам общественного развития¹⁰.

В.А. Александров был первым из отечественных историков, который во второй половине XX в. уделил специальное внимание обычному праву крестьян и раскрытию семейно-имущественных отношений, бытовавших у них. Ученый пришел к первостепенному заключению, что совокупность традиционных норм в этой важной сфере жизни отражала общую систему обычного права для всего русского крестьянства. Она была достаточно развитой и рациональной. В ней выделялись три главных принципа: 1) обеспечение хозяйствования крестьянской семьи; 2) поддержка ее нетрудоспособных членов; 3) условность разграничения между общим и личным имуществом в хозяйстве.

Показательно, что движимое и недвижимое имущества существовали в правовом мышлении крестьян как единый комплекс, и его общность была рационально обусловлена потребностями зем-

⁸ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 52; Горская Н.А. Указ соч. С. 104.

⁹ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

¹⁰ Александров В.А. Указ соч. С. 42–69, 58, 61, 69.

ледельческого производства. Хозяйственную дееспособность двора поддерживали как раз обычно-правовые нормы. Именно общесемейная сущность имущества, акцентировал свою мысль ученый, составляла принципиальный компонент обычного права, причем традиционно сохраняемый. Эта черта отличала его от права писаного государственного, определявшего индивидуальные права отдельных членов семьи на разные виды имущества. В крестьянских семьях каждый мужчина, способный возглавить хозяйство, претендовал на долю в общесемейном имуществе. Подробно разобрав права прямых и боковых родственников, В.А. Александров сделал ценный вывод о подчинении имущественных отношений в семьях разных типов интересам малой семьи и необходимо подчеркнуть, как основы семейного строя. В сфере имущественных отношений обычноправовые нормы бытовали наиболее стойко и находились на страже материальных интересов семьи в целом¹¹.

Оценивая значение обычного права в феодальной деревне, В.А. Александров считал, что оно, способствуя стабилизации и воспроизводству семейных, общинных и общественных отношений, притормаживало имущественное расслоение среди крестьян, нивелируя положение отдельных семей. Обычноправовые нормы играли первостепенную, но «защитную роль, будучи инструментом сословия, борového за существование своего хозяйства». Тональность же инструмента изменялась в зависимости от складывавшихся обстоятельств в существовании сословия.

Из сказанного ясно, что историография 1960–1980 гг. накопила достаточный материал для суждений о семье — ее типах, строе, обычноправовых основаниях на имущество. Однако сложилась парадоксальная ситуация: ученые, изучая столь первостепенное, социально значимое, кровно-родственное объединение, не задались вопросом, как оно обозначалось в российском обществе XVI–XVII вв. и какой термин для этого употреблялся? По-видимому, априорно считалось, что если институция бытовала, то существовало и общее понятие для ее маркирования. И все-таки соответствовало ли столь привычное для нас слово «семья» всецело вкладываемому в него тогда содержанию?

Полагаю, что этот вопрос существенен и заслуживает специального рассмотрения, ибо имеет культурно-ценностное значение. Если термин «семья» осознавался в качестве обозначения явно действующей социальной общности, то он, я полагаю, должен был отразиться в публичноправовых актах. Всякий нормативный акт, в том числе и

¹¹ Там же. С. 244, 246–247.

законодательный, аккумулировал и фиксировал существовавшую практику и нормировал на будущее сходные положения. Поэтому на любой из актов можно опереться, так как при его составлении принимались во внимание имевшиеся прецеденты по тому или иному вопросу. Конечно, следует учитывать, что такое обобщение не исчерпывало многообразия жизненных ситуаций.

Для этой цели были проработаны 345 законодательных постановлений за столетний период между Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г., которые опубликованы в издании «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.». Из них только в двух встречается термин «семья». Во-первых, в приговоре о губных делах 1556 г. в связи с коллизией ведения следствия, при которой «в обысках многие люди лжут семьями и заговоры великими: иные говорят по ищее, а иные по ответчиках»¹². В расследование уголовных дел входила процедура массового опроса жителей — «повальный обыск», в орбиту которого и попадали «семьи», дававшие лживые показания. Во-вторых, в одной из статей Уложения 1607 г. о найме землевладельцем-вотчинником чужих крестьян на сезонную работу на срок, не превышающий года. В ней ставится условие: «А придет к кому крестьянин наняться на работу на лето или на зиму или на весь год», он может это сделать «один», а «не семьею»¹³. Стилистика данной статьи говорит об обыденности для крестьян сезонной работы на срок, она разрешает передвижение крестьян и индивидуальный найм работника при том, что его семья остается на прежнем месте. В статье Уложения, предшествующей упомянутой, речь идет о возвращении крестьян прежним владельцам «с женами и детьми» и со всем имуществом на основании писцовых книг 1592/93 г. Учитывая ее содержание, становится ясно, что понятие «семья» объединяло супругов с детьми, правда, неясно, имелись в виду дети малолетние или женатые.

Показательно, что термин «семья» лишь дважды встретился в публично-правовых узаконениях с временным разрывом в полвека. В одном случае упоминание — глухое, без раскрытия содержания, во втором крестьянин, нанимающийся на работу, противопоставлен се-

¹² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 16. С. 39. В несколько иной редакции это постановление вошло в Судебник 1589 г.: «Шлютца с суда ищее и ответчик на мир в обыск, и в обысках многие люди лжут семьями и заговоры великими, — иные молвят по ищее, а иные по ответчике, и по тем лживым обыскам дел не вершити» (Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. С. 409).

¹³ Законодательные акты Русского государства... № 57. С. 75.

мье, и в обоих — упоминание семьи попутное, в связи с конкретным поводом. Все же можно понять, что подразумевается некая группа, в которую входили мужчины, их жены и дети.

Отдельные из законодательных актов, нормируя определенные положения и обстоятельства (например, бегство, заклад земли), воспроизводят семейно-родственные линии. При этом из статей проступают ненамеренно отображенные ситуации и коллизии крестьянской жизни. Попадая в узаконения и применяясь затем в практике, такие случаи приобретали некую общность и регламентирующую силу.

Прежде всего, из публичных актов вырисовывается состав родственников. Каков же он? Среди людей, предъявлявших неформальные завещания (1561 г.), перечислены отцы и матери, «и сестры и племянницы свои», а также жены. Дети, братья, племянники стрельцов, «которые живут с ними в их дворах на одном хлебе», приняты во внимание в указе 1608/09 г. Заложенные (но не более 40 лет назад) предками земли — отцами, дядями, братьями могли выкупать крестьяне Сольвычегодского уезда (1625 г.)¹⁴.

Крестьяне — главы дворов в XVII в., как известно, заносились в писцовые, а позже в переписные книги, о чем свидетельствуют наказы, выдаваемые писцам, о проведении поземельных описаний 1620-х гг. и подворных переписей 1646 и 1678 гг. Они представляли собой подробные инструкции, разработанные приказными администраторами. Наказы рекомендовали переписывать во дворах «людей» (1620-е), дворы и в них крестьян (1646, 1678 гг.) поименно, причем не только глав, но и их «детей и братью и племянников»¹⁵. Статьи наказов универсальны, они включались в инструкции писцам и переписчикам всех уездов страны. Поименное внесение в писцовые, а позже в переписные книги мужчин — глав семей с основными родственниками воспроизводило типичность связей родства, которая, конечно же, с вариациями по регионам, была в XVI–XVIII вв. устойчива.

Из приведенных государственных постановлений виден определенный состав родственников, строящийся по мужской нисходящей прямой (отцы—сыновья) и боковой (братья, племянники) линиям, а также по восходящей (отцы, дяди), по женской (матери, сестры, племянницы) и по брачной (жены, мачехи, зятья) линиям. Ясно, что отсчет родства в соответствии с существовавшей в обществе гендерно дифференцированной ориентацией ведется по

¹⁴ Там же. № 35, 61, 145. С. 54, 78, 125.

¹⁵ АПД. М., 1917. С. 66, 79; Там же. М., 1977. С. 78, 79.

отношению к мужчине — главе семьи-двора. Примечательно, что не упоминались семьи с дедами и внуками. Присутствующее в наказах фиксирование родственников, ограниченное двумя поколениями, можно связать с тем, что законодотворцы считали вполне достаточным назвать родственников близких, наиболее распространенных степеней, а не обозначить специально всех родственников. Данное обстоятельство говорит в пользу существования двухпоколенного родства как наиболее типичного и вместе с тем служит знаком, указывающим на имевшееся у государственных администраторов опосредованное представление о характерности именно таких семей и нечастом бытовании трехпоколенных семей.

Из законодательных актов узнаем также об изменениях, происходивших в составе семей. В случаях, когда «от отца детям или от тестя зять или от брата братия отделяются и ставят новые дворы», монастырям разрешалось увеличивать число своих дворов на посадах и в городских слободах (1550 г.). Выделение сыновей из отцовских домохозяйств («и которые породятся после той переписи и учнут жить своими дворами вновь») предусматривал наказ о переписи 1646 г. Еще обстоятельнее о родственниках, образующих новые семейные и домохозяйственные ячейки, в которые «отделились от отцов дети и от вотчимов пасынки и от братьев братья и от дядей племянники, и живут себе дворами», говорит постановление 1647 г., дополняющее наказ о переписи от предыдущего года¹⁶. Правительственные узаконения, которые посвящены отнюдь не демографическим вопросам, тем не менее уловили естественное движение в крестьянских семьях («которые породятся... вновь», «отделились от отцов») и тем самым изменения в состоянии и структуре семей. В актах, как само собой разумеющееся явление, зафиксированы разные варианты выделов семей: из отцовских — взрослых сыновей и замужних дочерей (зятя), из братских — одного брата с семьей от других, от дядей — взрослых племянников, скорее всего женатых.

Из рассмотренных публичноправовых актов XVI–XVII вв. ясно виден достаточный охват родственников, в который включаются периферийные ступени родства и даже свойства. Показательно, что узаконения называют родственников конкретно, и их перечисление выражает степень родства по отношению к мужчине — главе двора-семьи. Характерно, что такое номинирование представлено

¹⁶ Законодательные акты Русского государства... № 3, 311, 324. С. 30, 214–215, 218–219.

в описательной форме¹⁷. Важно заострить на этом факте внимание. Законотворцы XVI–XVII вв. в своей практике почти не употребляют в отношении рассматриваемой структурной группы социального обобщения, термин «семья» не фигурирует в их понятийном аппарате. Одним из объяснений отмеченного обстоятельства может стать превалирование патрилинейного счета родства, его ориентация больше на родственные связи, чем на брачные. К тому же с XI–XII вв. заключение брака и оформление семьи, ее внутренняя жизнь находились в ведении церкви¹⁸, а не светских властей. Однако этот вопрос требует самостоятельной проработки.

Указ 1647 г., называющий отчимов и пасынков, представляет дополнительный интерес, ибо обычай о приеме в семью зятя к дочери, а также мужа к вдове с детьми попал в законодательные акты. В поле его зрения, как и цитированного выше указа 1608/09 г. о стрельцах, оказалась даже организация ведения семейной жизни. Оба указа отреагировали на совместное проживание и хозяйствование главы семьи и его детей или братьев и племянников, что выражено оборотом в «одном хлебе». Он подчеркивает нераздельность семейного коллектива с одним главой, состоявшего из нескольких ячеек, его цельность, крепившуюся общими доходами и хозяйствованием. Замечу, что данное понятие присутствует в ст. 94, 95 Псковской судной грамоты. Оно применено к объединенному хозяйству братьев, совокупно несущих ответственность за отцовский долг, которая возлагается на старшего из них — главу дома¹⁹. Показательно

¹⁷ О.Н. Трубачев отметил, что описательная система родства, действующая в «современных индоевропейских языках», описывает «индивидуальные отношения родственников, разграничивая то, что не было существенно в древности», когда действовала классификаторская система, при которой каждый индивид имел собственное обозначение. «Описательная система, — продолжает ученый, — сменила классификаторскую у индоевропейцев, судя по всему, в глубокой древности, и говоря о славянской терминологии родства, мы понимаем, насколько далека она от классификаторской системы родства, от матриархата в целом. Но в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой» (*Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2. М., 2006. С. 14*).

¹⁸ *Щапов Я.Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 15–16; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978. С. 253.*

¹⁹ *Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 108–109; Он же. Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997. С. 45, 78.*

длительное, двухвековое бытование емкого по смыслу и точного по содержательной сути оборота «в одном хлебе», который стереотипно отражал единство дома, наполненного жителями разной степени родства и ведущими общее хозяйство.

Из просмотренных государственных узаконений предстает гендерный статус женщины. При патрилинейном счете родства субординационное включение женщин в семейные коллективы автоматически подразумевалось; в отдельных случаях, как видно из выше приведенных актов, присутствует социально окрашенный родственный (мать, дочь, сестра, племянница) или брачный (жена, мачеха) статус женщины. Типичные житейские ситуации отражены в узаконениях, связанных с побегам и «сходами» крестьян от своих землевладельцев. Бегство мужчин воспринималось в тогдашнем обществе как естественный поступок (во всяком случае, до Уложения 1649 г.), и источники специально не заостряют на этом внимания. А вот бегство женщин привлекает пристальный взгляд законодателей. Они рассматривают случаи, когда «побежит женка или вдова или девка в чужую вотчину» (Уложение 1607 г.). Интересно, выделение в статье трех стадий в жизни женщины: до замужества — «девка», замужество — «женка» и вдовство. Характерно, что второй этап — «женка» выдвинут на первый план, на следующее место поставлена вдова и на последнее — девушка. Такой порядок отразил существовавшее в тогдашнем обществе ценностное представление о первостепенности репродуктивного этапа в социальной жизни женщины, когда фертильная способность женщины-матери обеспечивает не только выживание, но и демографический прирост в поместно-вотчинном владении в частности и в государственном масштабе в целом. Это воззрение, по всей вероятности, восходит к раннефеодальному времени, когда община была заинтересована в материальной помощи женщине ее мужа, а также в замужестве девушки, получавшей с выходом замуж такую поддержку²⁰. Важна следующая примечательная деталь. Уложение 1649 г. в статьях о бегстве женщин предусматривает случаи, когда «из вотчины или ис поместья сбежит крестьянская дочь девка» или «крестьянка вдова»²¹, но не «женка», как говорило Уложение 1607 г. Что же, по истечении почти полувека законодатели не допускали ситуации, в которой женщина, жена и мать, могла бросить на отца и произвол судьбы, с их точки зрения, своих детей и удариться в бегство? Ведь допускали же они бегство вдов, которые,

²⁰ Щапов Я.Н. О функциях общины в Древней Руси. С. 18.

²¹ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 65–66.

вряд ли, были не обременены детьми. Сейчас можно лишь предположить, что законотворцы в силу гендерного сознания действовали в соответствии с господствующим представлением, по которому женщина в семье подвластна и подчинена своему мужу, ибо находится от него в материальной зависимости, а дети также были во власти отца.

В бегах, как предполагалось, судьба женщины могла варьировать следующим образом. Если она выходит замуж, причем за крестьянина или бобыля, и у них появляются дети, то все они возвращаются прежнему землевладельцу: «того крестьянина, который женится на чужой женке, отдати... и з детьми, кои от тоя беглыя родились» (1607 г.), или: «и ее (девку — *Е. III.*)... отдати с мужем ее и з детьми, которых она детей с тем мужем приживет» (1646 г.). Если такая беглянка выходила замуж за вдовца, имевшего детей от первого брака, то его увозили вместе со второй женой, а дети от первой жены оставались на месте своего рождения (1649 г.). Этот казус перекликается с подобным в Уложении 1607 г., которое рекомендовало детей крестьянина от первого брака «с мачихою не отдавать». Если же они «малы» и не достигли 15-летия, то тогда их следовало «пустити с отцом» и, таким образом, с мачехой. Независимо от возраста, дети от первого брака крестьянина, женившегося на беглой, разлучались с отцом в соответствии со статьей Соборного уложения 1649 г.²², и в этом смысле норма ужесточилась. Положение, когда бежавший крестьянин, обосновавшись у нового землевладельца, выдавал здесь замуж дочь, девушку или вдову, учтена также Соборным уложением (ст. 17). К старому владельцу возвращалась вся семья крестьянина, включая замужнюю дочь, зятя и их детей. Детей же зятя от первого брака рекомендовалось «челобитчику (землевладельцу — *Е. III.*) не отдавать».

Судьба вдов, вышедших вторично замуж в бегах (ст. 15, 16), решалась по владельческой принадлежности их первых мужей. Вдова с новым мужем возвращалась к своему прежнему владельцу, за которым ее первый муж был записан в писцовых и переписных книгах; если же он не был занесен в эти книги, то вдова оставалась с вновь обретенным мужем у нового землевладельца²³.

Принцип канонической нерасторжимости брака, явно выступающий из разобранных казусов Уложения (гл. XI), наиболее отчетливо провозглашен в ст. 68 гл. XX «Суд о холопех», которая гласит:

²² Законодательные акты Русского государства... С. 75; Соборное Уложение... С. 66.

²³ Соборное Уложение... С. 66, 236.

«по правилу святых апостол и святых отец жены с мужем разводиться не велено, где муж, тут и жена, кому, жена, тому и муж»²⁴.

Важно сопоставить воззрения на брак светского и церковного законодательства. Брачные отношения находились в ведении церкви, и светская власть, судя по только что приведенной статье Соборного уложения 1649 г., следовала за церковной в этой сфере. Повторным бракам в случаях вдовства одного из супругов, равно как и первым, уделил внимание Стоглав, многоплановый памятник постановлений церковного Собора 1551 г. Он допускал вторые и третьи браки, когда венчались вдовец с девицей или вдова с юношей или брачались вдовец с вдовой. Третий брак с точки зрения церкви был совершенно нежелателен, так как «нужа ради телесные бывает»²⁵. Только первый брак церковь считала «законом». Вступившие во второй брак не допускались к причастию в течение двух, а троюженцы пяти лет. Четвертый брак квалифицировался как «свинское есть житие»²⁶. Венечные пошлины для вступающих во второй и третий браки несли в себе штрафные санкции. Если брачущиеся первым браком платили 1 алт., то вторым — 2, а третьим — 4 алт. Священники обязывались выяснять, не состояли ли жених и невеста в кровном родстве, кумовстве, сватовстве. Брачные нормы Стоглава действовали вплоть до 1830 г. То обстоятельство, что 5 статей Стоглава внушают священникам их обязанность, доводить до паствы незаконность второго и третьего браков, со всей очевидностью показывает, что такие браки могли существовать без соблюдения церковных правил.

Называя возраст, ранее которого браки нежелательны, Стоглав никак не высказался по поводу значительной разницы в годах между супругами. По всей вероятности, по представлениям людей XVI–XVII вв. не было ничего предосудительного в браках с большим возрастным разрывом между партнерами. Стоглав, обобщая практику и придавая ей правовую юрисдикцию, предусмотрел вариант женитьбы вдовца на девице и выход вдовы за юношу, когда для вдовых людей брак был вторым, а для девушек и юношей — первым. Примечательно, что Стоглав сфокусировал внимание на возрасте брачущихся только первым браком, причем регламентируя его нижнюю грань (15 и 12 лет) и ссылаясь при этом на следование «священническому чину» (гл. 18), т. е. придерживаясь канонических норм²⁷.

²⁴ Там же. С. 110.

²⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 287–289.

²⁶ Там же. С. 287.

²⁷ Там же.

Еще некоторые стороны семейной жизни крестьян подверглись нормативному упорядочению, и именно в Соборном уложении 1649 г. Отпуск крестьянок (девушек и вдов) замуж в другие владения санкционировался выдачей «отпускной» за подписью землевладельца или его духовного отца, уплатой вывода за невесту, размер которого определялся договором и вносился в отпускную. «Отпускать» крестьянок замуж могли сами помещики и вотчинники, и «или чьи приказчики и старосты». Последним дворяне, конечно, были вправе препоручить одну из своих обязанностей, однако относительное местоимение «чьи», синонимичное «который», позволяет отнести приказчиков и старост также и к монастырским владениям, дворцовым и черным волостям. Уплата свадебных пошлин за крестьянских невест — стариннейшая обычноправовая норма²⁸, теперь она вошла в общегосударственный кодекс. «С свадеб венешные пошлины» ежегодно собирали земские старосты в северных черносошных волостях в XVII в., они в составе неокладных доходов шли на нужды местного и центрального аппарата²⁹. Вряд ли необходимо пояснение для этой нормы, регулирующей выдачу женщин замуж в другие владения и ставящей до некоторой степени под контроль землевладельца и общины выбор брачной партии, норма самым непосредственным образом вторгается в образование семьи.

Нарушение женщинами нравственных устоев, обусловленных церковной моралью и брачной моделью, закон сурово карал (Соборное уложение 1649 г., гл. XXII). Битье кнутом ожидало «жонок и девок», склоненных сводником, будь то мужчина или женщина, к «блудному делу»; сводничество получило в Уложении этическую оценку как «беззаконное и скверное» деяние (ст. 25). Существовавшие представления о женщинах, имевших внебрачных детей, закрепились в выражении: «которая жена учнет жить блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей». Женщина, которая убивала своих детей, рожденных вне брака, «сама» и ее соучастник — «иной кто по ее веленью» — наказывались жестоко, смертной казнью (ст. 26). В данном случае смертная казнь не только наказание за преступление, приравненное к уголовному, но и акт устрашения, выраженного сентенцией: «чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися»³⁰.

²⁸ См.: Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 203.

²⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 26. Л. 94.

³⁰ Соборное Уложение... С. 129–131, 384.

Итак, круг крестьян-родственников, который фигурирует в рассмотренных законодательных актах середины XVI — середины XVII в., был разветвлен и, что самое важное, конкретно выражен. Родство представлено несколькими уровнями, каждый из которых имеет некую степень обобщения. Она такова, что позволяет исследователю аналитически соотнести существовавшие ступени родства со структурными типами. Это — семьи супругов с детьми, двухпоколенные, а по своей форме — малые; отцовские и братские с их детьми, двух- и трехпоколенные, многоячейные, а по форме — неразделенные; последние были потенциально мобильны для выделов новых малых семей. Содержащееся в узаконениях обобщение не абстрагировалось от конкретных родственных уз, которые сохраняли первостепенность, так как были укоренены в социальной среде.

Попадание родственной номенклатуры независимо от воли разработчиков в законодательные акты, которые преследовали свои определенные цели, не связанные с регулированием семейных отношений, затрагивало частную и повседневную жизнь крестьян. Это обстоятельство, во-первых, опосредованно сказывалось на консервации состава семей и внутренних отношений в них, способствовало постепенному внедрению контроля, особенно со стороны частных землевладельцев, за семейной жизнью крестьян, что привело в конце XVII–XVIII вв. к регламентации их семейно-брачных отношений. Помещики нарушали даже каноническое правило нераздельности крестьянских семей, когда детей отторгали от родителей³¹. Во-вторых, крестьянин и его семья за рассматриваемое время были лишены права предпочтительного выбора места жительства с наиболее благоприятным для себя режимом существования, затруднено было и изменение социального статуса. Стремление наиболее мобильных крестьян к увеличению благосостояния семьи было ограничено и сковано. Свобода выбора стала в представлениях крестьян ассоциироваться со свободой передвижения. Воплощение ее в жизнь влекло преследование крестьян по закону и водворение на прежнее место приписки и жительства. Такие внешние общие условия, несомненно, воздействовали на частную жизнь крестьян, привносили в нее жесткость внутренних отношений, крепившую авторитарность главы семьи и подчиненность ему.

Приведенный законодательный материал, в той или иной степени касающийся людей, связанных родственными узами, и опос-

³¹ Александров В.А. Сельская община в России. XVII — начало XIX в. М., 1976. С. 303–309.

редованно вытекающие из него обыденные последствия наглядно демонстрируют место семьи в сфере переплетения публичного и частного, общественного и личного.

Особый интерес представляет Домострой, в редактировании которого, а возможно, составлении участвовал священник Благовещенского собора Сильвестр. Принадлежа к жанру учительной литературы, памятник содержит собрание нравственных, юридических и обиходных норм, которые предлагались состоятельной городской семье. В части, относящейся как раз к ведению и «доброму» содержанию домохозяйства, встречается термин «семья». В главе с наказом ключнику о приготовлении постной и мясной еды (гл.18 и 51 первой и второй редакций) термин вынесен в заголовок «...и кормить семья в мясоед и в пост», и он употреблен в собирательном смысле, обобщающем устойчивую социальную ячейку. Глава дома — «государь», прежде чем дать распоряжение ключнику, должен «з женою о всяком обиходе домашнем посоветовати», о блюдах в постные и мясоедные дни, о приготовлении напитков, которые надобно «нести государю и его жене, про семью, и про гость». Изложив возможные варианты обедов и ужинов, составитель «домоводческой энциклопедии» дает рекомендации по кулинарии. Он предвещает их следующим заголовком: «Наказ от государя или от государыни ключнику и повару, как варити на семью, челяди или нищите, скоромную и посную еству»³². Содержание главы вполне определенно отделяет хозяина городской усадьбы — «государя» с женой-«государыней» и детьми, т. е. семью, от челяди: слуг-мужчин, «женок челяденных», «девок и робят», а также от «лучших людей приказных» или торгующих. При многоотраслевом домовом хозяйстве зажиточного горожанина, наполненном гостями, разными слугами, привечаемыми нищими, его семья отчетливо выступает как брачно-родственная ячейка, самостоятельная и главенствующая в доме. Между семьей «государя» и челядью улавливается известная дистанция, а тот факт, что «отрадные» люди из нее удостаивались «прибавки остатков» с «государева» стола, лишь подчеркивает это.

Обратимся к рассмотрению крестьянских семей, бытовавших в повседневной реальности XVI–XVIII вв. Заглянуть внутрь крестьянского двора и познакомиться с семьей севернорусских крестьян позволяют, до некоторой степени, подворные переписи населения, в частности 1678 г. и так называемая «ландратская» 1717 г.; преимущество последней состоит в том, что в нее внесены и жен-

³² Домострой. СПб., 1994. С. 27, 120.

щины. Переписные книги 1717 г. зафиксировали конкретные семьи с мужским и женским кругом родственников. По переписи 1678 г., включавшей только мужчин, отчетливо видна поколенная, нисходящая (деды—отцы—внуки) организация семьи. Объектом таких переписей был двор — посадский в городе, крестьянский в селе или деревне, и мужчина, обозначенный во дворе, был его главой и одновременно отцом семейства.

Проведенное в свое время изучение родственного состава дворов у монастырских и помещичьих крестьян Вологодского у. в конце XVII — начале XVIII в. убедило меня в том, что жители двора, как правило, представляли собой семью, они были связаны той или иной степенью родства или свойства и наряду с родственными также и хозяйственными отношениями. Присутствие во дворе чужеродцев — пасынков, приемышей, подворников и даже свойственников — зятьев, шуринов — переписчики обычно оговаривали. Такие дворы немногочисленны (2–7%). Господствующей формой семьи была малая, нуклеарная, а ведущим ее типом — двухпоколенная семья супругов с неженатыми детьми. Неразделенная семья существовала в границах трех поколений и троюродного родства, а преобладающий ее тип — братская, т. е. семьи двух-трех женатых братьев, как с холостыми, так и женатыми детьми. Наиболее характерная численность семей в 4–6 чел. обоего пола, а предел численности был обусловлен типологией семьи и редко превышал 12–14 чел. За почти четыре десятилетия, прошедшие между переписями 1678 и 1717 гг., усложнился структурно-поколенный состав семей за счет увеличения неразделенных, однако это в целом не повлияло на преобладание малой семьи как формы у вологодских крестьян³³.

Исследователи аграрных отношений на Северо-Западе России также пришли к заключению, что на протяжении XVII в. крестьянский двор населяла, как правило, одна семья. В XVI — первой четверти XVII в. малая форма семьи преобладала в Новгородских пятинах, Псковском у., Заонежских погостах, в Подвинье. Структура семей, детально прослеженная по переписным книгам 1646–1649, 1678–1679 гг., показала, что в разных районах Северо-Запада у крестьян различных владельцев: помещичьих в Шелонской пятине Новгородского у., монастырских в Белозерском у., а также у черносошных в Заонежских погостах и Двинском у. — малая семья была основной формой, а типологические сдвиги во второй половине

³³ Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 35–40.

XVII в. происходили за счет перераспределения отцовских семей в пользу братских. Превалировали семьи в 2 и 3 поколения, а их численность изменялась от 4–5 до 7–8 чел. обоего пола³⁴. На поморском Севере, в Подвинье в начале XVII в. также преобладали малые индивидуальные семьи, хотя на Пинеге (одном из трех обследованных районов) отцовские и братские неразделенные семьи несколько (на 5%) превышали малые³⁵. Усложнение структуры вело и к повышению численности жителей двора. Генетическая связь малой и неразделенной форм семьи проявлялась в том, что последняя на определенном этапе своего существования видоизменялась, из неразделенных выделялись малые семьи.

Следующее обстоятельство нужно принять во внимание. Выше я говорила об усложнении структуры крестьянской семьи, которое отчетливо проявилось к концу XVII в. Исследователи социально-экономических отношений единодушно отмечали произошедшее к этому времени укрупнение крестьянского двора, увеличение числа жителей в нем. Эти изменения связывают со сменой после переписи 1646 г. единицы податного обложения государственными налогами: вместо поземельной сохи ею стал двор, крестьянский в деревне, посадский в городе. Правда, при подворном (даже при подушном в XVIII в.) обложении, как и ранее при пососном, в вотчинах и северных черносошных волостях крестьяне продолжали разверстывать налоги с учетом имевшейся земли, хозяйственных сил и средств плательщиков — «по животам и промыслам». Крестьянские семьи вполне определенным образом отреагировали на введение более жесткого обложения, хотя и смягчаемого раскладкой внутри общин. Стремясь сохранить, поддержать свой материальный уровень, они сменили жизненную стратегию и выбрали совершенно конкретный путь, а именно — сдерживание семейных разделов.

Наблюдения над семьями вологодских монастырских и помещичьих крестьян показало, что от 1678 к 1717 г. приросло число семей, в которых продолжали жить вместе с родителями женатые сыновья со своими детьми, женатые братья с холостыми и женатыми детьми, женатые дяди с холостыми или женатыми племянниками.

³⁴ Аграрная история Северо-запада России XVII в. Л., 1989. Гл. 5. С. 55–62 (Автор главы *О.Б. Кох*).

³⁵ *Александров В.А.* Обычное право... С. 58–59. Он скорректировал в соответствии со структурными типами семей данные, приведенные А.И. Копаневым в его книге: Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120–121. См. также: *Кох О.Б.* Крестьянский двор и крестьянская семья на русском Севере в конце XVII — начале XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1987.

Такое разрастание семей свидетельствует о сократившемся выделе молодых супружеских пар. Между 1710 и 1717 гг. разделившиеся семьи вологодских крестьян не превышали 16%. Чаще всего делились семьи с боковыми родственниками: женатые дяди и племянники, родные и двоюродные братья³⁶. Судя по превалированию малой индивидуальной семьи, которое констатируется на основе переписи 1678 г., семейные разделы во второй половине XVII в. совершались интенсивнее, чем в начале XVIII в.

Важным показателем было число детей в крестьянской семье. Подворные переписи конца XVII — начала XVIII в. регистрировали население, наличное на момент описания, включая и детей. По их данным можно выявить число детей в семье, выживших в невзгодах крестьянской жизни. У вологодских монастырских и помещичьих крестьян по переписи 1717 г. дети составляли треть всего населения, а их число на одну семью редко превышало 6 чел., семьи с 7–11 детьми были редки. Преобладали семьи, имевшие 1–3 детей (у монастырских таких — 3/4, а у помещичьих — 2/3).

В возрасте до пяти лет процентное соотношение мальчиков и девочек одинаково, в следующих группах 6–10 и 11–15 лет уменьшается общее число детей, а соотношение между полами складывается в пользу мальчиков. У монастырских крестьян на 100 мальчиков приходилось по возрастным группам: 0–5 лет — 85 девочек, 6–10 лет — 78 и 11–15 лет — 75, у помещичьих — 87, 70, 63 девочки соответственно по возрастным группам. Среди детей всех возрастов на 100 мальчиков приходилось в семьях монастырских крестьян 80, а помещичьих — 75 девочек³⁷.

Половозрастной состав детского населения показывает, во-первых, значительную смертность детей после пяти лет, во-вторых, более благоприятную ситуацию воспроизводства у вологодских монастырских, чем у помещичьих крестьян. У последних детская смертность была, по всей вероятности, выше, чем у монастырских. Преобладание мальчиков над девочками свидетельствует либо о худшей выхаживаемости последних и потому их большей смертности, либо о менее точном их учете при переписи, ориентированной, прежде всего, на регистрацию мужчин.

Важным вопросом для истории семьи является возраст вступления в брак. Сфера брачных отношений, как уже упоминалось, находилась в ведении церковного права. Стоглав 1551 г. говорит об

³⁶ Бакланова Е.Н. Указ. соч. С. 36–39, 166–167.

³⁷ Там же. С. 20–23.

обручении и венчании, регламентируя эти ответственные моменты жизни человека. Глава 18 предписывает священникам действовать «по чину». Для вступающих в первый, законный брак оговорен возрастной показатель: священники должны венчать отроков не ранее 15, а девушек 12 лет. Сочетать браком молодых людей ранее этого возраста запрещалось. Священник обязан был совершать обряд венчания после обедни, а не после вечерни и никак не «в ночи»³⁸. Эта глава церковного уложения внесоциальна, она регламентирует действия и обязанности священника, возлагает на него ответственность при совершении таинства брака.

Случайно ли пятнадцатилетие мужчин принято за границу брачного возраста, связано ли это с понятием совершеннолетия и было ли такое понятие? На этот вопрос нужно дать утвердительный ответ. В XVI–XVII вв. именно в 15 лет сыновья вотчинников и помещиков вступали на государеву службу — «верстались новиками». Пятнадцатилетние крестьянские юноши также считались совершеннолетними, они могли возглавить самостоятельное хозяйство и нести тягло, которое было показателем социального статуса, а не только податной обязанностью. Пятнадцатилетие как рубеж, отделявший отрочество от совершеннолетия, причем единый для разных сословных категорий — дворян, посадских людей, крестьян, — зафиксировано в указе 1641 г., который запрещал холопить (принимать в кабальные холопы без старших родственников) детей, не достигших 15 лет³⁹.

Существовало ли в русском обществе XVII–XVIII вв. представление о верхней границе для заключения брака? Вернее, в каком возрастном пределе вступление в него считалось нормальным? В Уложении 1607 г. есть статья об отпуске на свободу холопов, которых их господа не женили и не выдали замуж до определенного возраста⁴⁰. Интересны упоминаемые в ней возрастные показатели. Не рекомендовалось держать и не выдавать замуж — женить «рабу до осмнатцати лет девку, а вдову молоду после мужа более дву лет, а парня холостого за 20 лет». Характерна мотивировка, имеющаяся в статье: «не держи неженатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и сквернодеяние в людех»⁴¹. Эта статья, думаю, отразила направляемое и поддерживаемое церковью

³⁸ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 287.

³⁹ Законодательные акты Русского государства... С. 195. Комментарии. С. 200–201.

⁴⁰ О причине появления этой статьи в Уложении см.: *Панелях В.М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975. С. 210–211.

⁴¹ Законодательные акты Русского государства... № 57. С. 76.

морально-этическое воззрение и потому свойственное разным социальным категориям и группам, что девушек следует выдавать замуж к 18, а юношей женить к 20 годам.

В 30-е гг. XVIII в. в пошехонской вотчине П.М. Бестужева-Рюмина тяглый возраст крестьян начинался в 15 лет; во второй половине XVIII — начале XIX в. этот возраст повысился до 16–18 лет, судя по данным центральнорусских имений М.М. Голицына, Ф.В. Самарина, Гагариных, пермских владений Строгановых⁴². С определенной долей осторожности можно говорить о повышении в XVIII в. возраста совершеннолетия. В тогдашнем обществе 15–20 лет для юношей и 12(13)–18 лет для девушек считались наиболее приемлемыми и потенциально репродуктивными для вступления в брак.

Закон Петра I о дворянском единонаследии от 1714 г. устанавливал брачный возраст для мужчин в 20, а женщин в 17 лет. Однако браки продолжали оставаться в компетенции церкви, и нормы Стоглава действовали в течение всего XVIII в. Синод в 1744 г. повысил на 1 год брачный возраст для девушек до 13 лет. Окончательно нормы Стоглава в этом вопросе были отменены только в 1830 г.⁴³ Правда, А.С. Павлов, ссылаясь на дело (№ 291) синодского архива, приводит данные из трактата о порядке и условиях совершения брака, который был составлен Санкт-Петербургским архиепископом Гавриилом Кременецким «от лица Св. Синода» в 1765 г. Из него следует предписание «не венчать жениха, коему нет от рождения 17, таж невесту, коей нет же 15 лет». Не рекомендовалось венчать вдовца или холостого жениха, «коему уже 60, таж и невесте, коей 50 лет от рождения миновало». Воспрещались неравные браки, «великое неравенство в летах имеющих», 17- или 18-летнего юноши и 35–40-летней невесты, равно как и 50–55-летнего мужчины и юной 17–18-летней невесты⁴⁴.

При том, что у крестьян 15–16-летние сыновья вступали в брак и слыли готовыми для исполнения генеративной роли и социальной — организации хозяйства и несения тягла, посмотрим, удавалось ли таким молодым мужчинам в обычных, не чрезвычайных обстоятельствах возглавлять хозяйство и каков наиболее характерный возраст

⁴² *Осьминский Т.И.* Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1731 год) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 356; *Александров В.А.* Сельская община в России. М., 1976. С. 206, 304–305.

⁴³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 437.

⁴⁴ *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С.346.

глав дворов. Возраст дворохозяев был прослежен по материалам переписи 1717 г. Вологодского у. для помещичьих и монастырских крестьян⁴⁵. Главы дворов были распределены по возрастным группам, составленным по десятилетиям, за одним исключением: первая из них с показателем от 16 до 20 лет, затем от 21 до 30 лет и так далее до 80 лет и выше. Большинство дворов возглавляли крестьяне в возрасте от 41 до 60 лет, у монастырских таких дворов 50,2%, а у помещичьих 56%, причем дворохозяев до 50 лет и от 51 до 60 лет примерно одинаковое число (у монастырских — 26,5 и 24%, а у помещичьих 28,3 и 27,6% соответственно по возрастам). Мужчин глав хозяйств после 30 и до 40 лет было у монастырских крестьян 20% (или 1/5), а у помещичьих — 16% (или 1/6). Приблизительно одинаково число дворов, где во главе стояли 21–30-летние мужчины: 8,1% у монастырских и 7,6% у помещичьих крестьян, а также 61–70-летние хозяева — 12,4% у монастырских и 10,1% у помещичьих; 21–30-летних глав было в два с лишним раза меньше, чем в следующей группе 31–40-летних. Главы дворов в 16–20-летнем возрасте были редки, таких 2,3% у монастырских и 1,4% у помещичьих крестьян. Также немногочисленны и семьи, возглавляемые стариками старше 70 лет — 3,2 и 5,8% соответственно по категориям крестьян.

Приведенные данные показывают, что шансы возглавить самостоятельное хозяйство появлялись у крестьян, как правило, когда они достигали 30 лет и в интервале до 40 лет. Минимальное число глав семей 16–20-летних свидетельствует о включенности молодых супружеских пар в отцовское хозяйство. Именно возраст от 31 до 40 лет был тем периодом семейной стратегии, в который происходили выделы из общего хозяйства женатых сыновей с семьями и братьев в неразделенных отцовских и братских семьях.

Складывались жизненные ситуации, когда крестьянские домохозяйства возглавляли вдовы. Их зафиксировали как писцовая книга Сольвычегодского у. 1622–1625 гг., так и перепись 1717 г. Вологодского у. По данным писцовой книги в семи наиболее крупных волостях уезда: Алексинской, Антропьевой слободе, Вилегодской, Лальской, Лузской Пермце, Окологородной и Ратмировской из общего числа в 2652 двора хозяйств, руководимых вдовами, оказалось — 56 или 2,2%. Таких дворов в 1717 г. тоже немного, они составили у монастырских

⁴⁵ Характеристику переписных книг 1678 и 1717 гг., число дворов у монастырских и помещичьих крестьян, на основе которых изучена демография семей, см.: *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. С. 12–19. Нижеследующие данные о вдовах-домохозяйках в монографии не приводились.

и у помещичьих крестьян по 2%. Принимая во внимание относительность подсчетов на две хронологические даты с интервалом почти в 100 лет, все-таки можно судить о существовавшей упорядоченности, обусловленной наряду с демографическими факторами ментальными устоями в обществе. Малое число хозяйств, возглавляемых женщинами, свидетельствует об исключительности подобных случаев, а главное, об ориентации и государства, и вотчинников в социальной практике, особенно явственно проявлявшейся в фискально-податной сфере, на мужчину-дворохозяина, способного тянуть тягло.

Писцовая книга Сольвычегодского у. 1622–1625 гг. дает возможность углубиться в рассмотрение сюжета. В ней составители по-разному регистрируют женщин-глав домохозяйств. Так же как и мужчины, вдовы именуются с большей или меньшей полнотой. Важно, что первым называется собственное имя женщины с добавлением имени мужа в форме притяжательного прилагательного и его прозвания: Катерина Селивановская жена Ногавицына, Домница Левкинская жена Ермолина, Агафья Родионовская жена Юрьева, Устинья Григорьевская жена Офонасьева, Марьица Яковлевская жена Лихачева, или прозвание мужа опускается — Соломонида Никитинская жена, Марья Олферовская жена, Анница Григорьевская жена, Маремьяна Денисовская жена, иногда дается имя женщины в сочетании с именем мужа — Соломонида Федоровская, Фетинья Терентьевская, Фекла Пантелеевская, Алимпейка Силинская — или с его фамильным прозвищем — Параньца Попова, Хавронья (Февронья — *Е.Ш.*) Лихачевская, Федосья Пьянковская либо просто по имени — вдова Марьица, Домница, Василиса⁴⁶. Вдовы во дворах показаны одни (8 случаев), с сыновьями, большей частью с одним (18 случаев) и с двумя (10 случаев), редко с тремя-четырьмя. Так, в Вилегодской вол. один из двух дворов в д. Дяткинской значился за вдовой Пестелинью Терентьевой женой Нечаева с сыном Данилкой, и отмечено, что он — «мал». Такое примечание писцов о явно детском возрасте сына вдовы встретилось в книге единожды, по-видимому, она привела веский довод в его пользу. В другом дворе написан Завьял Нечаев с братом Ермолкой, и они владеют землей по «купчей 1600 г.». Вдова, бывшая замужем за их третьим братом Терентием Нечаевым, владеет участком «по одной купчей» с братьями мужа, но раздел с ними был произведен до писцового

⁴⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 446. Л. 114об.–115, 211об., 340, 600, 620об., 220, 323, 407, 845об., 222об., 226, 609об., 583об., 10об., 610об., 603, 42об., 219об., 227. Имена здесь и далее даются в написании источника.

описания⁴⁷. В д. Еремено Евсевьевская, а «Большой двор тож» в Окологородной вол., жила Параньца Попова с четырьмя сыновьями Максимком, Ивашком, Федкой, Ивашкой и владела участком по купчей 1605 г.⁴⁸. Когда писцы во дворе записывали только одну вдову, то это не означало, что она была одинока, конечно, у нее бывали дети, среди них несовершеннолетние или молодые сыновья и дочери. Лишь единичны домохозяйства вдов с внуками: в д. Черная речка Окологородной вол. названа вдова Анна Девятова с внуком Данилкой, державшая хозяйство по купчей 1583 г., в д. Василево вол. Лузская Пермца в одном из пяти дворов — Марьца Юрьевская жена, у нее внук «Севко»⁴⁹.

Вчитываясь в подворные записи писцовой книги, удастся проникнуть в родственные отношения жителей дворов. Так, в Окологородной вол. в двухдворной д. Устиновская хозяйствовали Офимьца Иванова жена Федотова и в другом дворе — Ивашко Федотов с сыновьями Ивашком и Пятункой, и оба двора владели землей по одной купчей 1597 г.⁵⁰. Из именованя Офимьцы ясно, что она была замужем за Иваном Федотовым, который был братом живущего в другом дворе также Ивана Федотова, и ему вдова приходилась снохой. Тот факт, что братья имели одно имя Иван, не удивительно, оно было очень распространенным, так как в святцах несколько святых с именем Иоанн, дни памяти которых распределены на протяжении года⁵¹. Антропонимические наблюдения, проведенные мной в свое время на материалах переписи 1717 г., показали высокую частотность употребления имени Иван, а также бытование внутрисемейной одноименности среди вологодских крестьян⁵². В Алексинском стане в двухдворной д. Петримова в первом хозяйстве жил Родька Омельянов сын Кривошапкин с сыновьями Мишкой и Тараском, а во втором дворе — вдова Маланья Петровская жена Кривошапкина с сыном Осипом. Судя по фамильному прозвищу, Маланья Кривошапкина была женой Петра Кривошапкина, брата Родьки,

⁴⁷ Там же. Л. 752.

⁴⁸ Там же. Л. 101об.

⁴⁹ Там же. Л. 109, 602об.

⁵⁰ Там же. Л. 115.

⁵¹ См.: Именослов. Киев: Издательство Киево-Печерской лавры. 2010. С. 100–104.

⁵² *Бакланова Е.Н.* Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 310–311. Из 6760 мужчин с именем Иван насчитывалось 1189 (17,6%) человек.

последний и Маланья доводились друг другу деверем и снохой. Владение землей указано для двора Родьки Кривошапкина по купчей 1569 г. и мирской данной 1584 г., и на основе названных актов участками обладали, скорее всего, оба хозяйства⁵³. В д. Павлицево Окологородной вол. в одном из двух дворов хозяйствовал Андрей Иванов с сыновьями Панкратом и Митькой на основе мирской данной 1572 г., а другой двор вдовы Татьяны Григорьевской жены стоял пустой, но его землю «пашет» уже названный Андрей Иванов⁵⁴. Обрабатывать второй участок ему было по силам, ведь у него два взрослых сына, внесенных в книгу. Возможно, мирская данная была получена на участок, ставший со временем общим для двух дворов, а он и вдова могли быть в родстве. В д. Бородинской Вилегодской вол. первым из трех дворов владела по купчей 1585 г. вдова Ульянка Федорова Орефина с сыном Ваской, а во втором хозяйствовал по мирской данной грамоте 1623 г. Богдашко Орефин с сыном Первушкой⁵⁵. Судя по общему их прозванию Орефины, Ульяна была замужем за Федором, братом Богдана, скорее всего старшим. Ведь вдова осталась на жеребье мужа, приобретенном за 40 лет до проводимого писцового описания, а Богдан взял землю из мирского резерва только в 1623 г., и совершенно ясно, что к моменту описания братья вели отдельные хозяйства. В вол. Лузская Пермца в деревне (без названия) в жилом дворе значится вдова Катерина Федотовская жена Кирьянова с сыновьями Терешей и Парфеном. Второй двор пуст — бобыля Киприяна Трофимова, который, как отметили писцы, «умер»⁵⁶. Обычно такие сведения в писцовые в книги не вносились. Видимо, в данном случае по веской для писцов причине они выделили это событие, произошедшее недавно или, возможно, даже при описании ими деревни, или из-за имевшейся между обоими дворами связи, ведь они обладали землей по старине.

Привлекают внимание варианты, которые проявляются сквозь призму сведений писцовой книги. Такой сложился в д. Чюпаново или Взвозная в Ратмировской вол. Она состояла из трех дворов, причем в двух из них жило по вдове. В одном хозяйствовала на основе данной грамоты 1624 г. вдова Маремьяна с сыном Омелькой, и она держала половника Онисима Драчова. В другом дворе — вдова Марьяца Яковлева жена Нечаева. Интересно именно ее домохозяйство.

⁵³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 446. Л. 229.

⁵⁴ Там же. Л. 321.

⁵⁵ Там же. Л. 703.

⁵⁶ Там же. Л. 605.

В деревне писцы первым обозначили двор Первушки Нечаева, который владел жеребьем по купчей 1599 г., и у него был половник Левка Карпов. Хозяин двора и вдова Марьица — оба Нечаевы, и они не чужие друг другу. Их взаимное отношение становится ясным из указания на основание, по которому Марьица владела участком, а именно по одной «купчей со свекром» Первушей Нечаевым, откуда следует, что она была женой его умершего сына. В Объячевском погосте вол. Лузская Пермца имелась д. Марковская из трех дворов, в первом значится Иван Титов, владевший им по духовной грамоте, дата которой не указана. Второй двор пуст, однако его землю пашет Полуян Федоров. В третьем дворе жили Васка Федоров с братом Полуянком, который обрабатывал участок соседа, и братья обладали своим жеребьем по купчей 1586 г. К деревне «на той же земле в выставке» показаны 2 двора, и в каждом из них по вдове: одна — Варвара Онцифоровская с сыном Мишкой, владевшая по купчей 1615 г., а другая — Дарьица Титовская — по духовной 1619 г., и землю ее двора «пашет Иван Титов», то есть хозяин первого двора основной деревни Макаровской. В именовании Дарьицы вторая часть Титовская говорит о ее принадлежности к Титовым и родственной связи с Иваном. Свои земельные участки они держали скорее всего по одной и той же духовной, дата которой приведена в сведениях о дворе Дарьи. Данный факт дополнительно подтверждает ее родство с Иваном, а также вполне может означать, что грамота хранилась именно у нее, вдовы, ее преклонный возраст и передачу участка в обработку родственнику, более молодому, чем она⁵⁷.

По данным переписи 1717 г. Вологодского у. хозяйками дворов у монастырских крестьян были женщины от 41 до 60 лет, а у помещичьих — вдовы в возрасте от 31 до 50 лет, что подтверждает приведенное раньше наблюдение о менее благоприятном демографическом климате у второй категории крестьян. Овдовев или по иной причине лишившись кормильца, женщины, нередко с малолетними детьми, были вынуждены скитаться «в мире от хлебной скудости», кормиться подаянием. За период с 1710 по 1717 г. скитальчество женщин находится на втором месте среди причин их убыли: смерть вырывала 53,5%, а скитальчество 20,7% всех убывших женщин⁵⁸.

Рассмотрение законодательных актов в сочетании с конкретными данными о составе семей убеждает, что в актах воспроизводились их отдельные звенья, которые совокупно соответствовали

⁵⁷ Там же. Л. 326об., 610.

⁵⁸ *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. С. 18–19.

строю реально бытовавших крестьянских семей. Демографическое поведение объективировалось и включалось в нормативную практику. Прделанное сравнение свидетельствует также о нерелексивуемом приказными деятелями представлении о составе тогдашних семей, которое вошло в разработанные ими узаконения. Необходимо еще раз подчеркнуть выявленные в публичноправовых актах указания на реальные родственные узы и предпочтение их обобщающему термину «семья». Полученный вывод, безусловно, можно считать ценностной нормой, которая была присуща социальной и правовой культуре рассматриваемого времени.

Заслуживает внимания наблюдение, сделанное при изучении семейно-брачных отношений по актам и статутам правителей Прованса в XII–XIV вв. Семья в этом регионе тогда не имела «однозначного обозначения и понимания. Представления о семье и отношение к ней отражено в терминологии родства и в сведениях о “доме“, “очаге“, “фамилии“, подразумевавших семейное единство»⁵⁹.

Однако термин «семья» в российском обществе, как можно было уже убедиться, существовал и бытовал в обыденной жизни XVII в. Документ от 1638 г. — «засетка», вышедший из недр посадского земского мира Сольвычегодска, решал животрепещущий вопрос о налогах. Он устанавливал порядок их раскладки и явки участников на сход. Посадские люди на него должны приходиться «дани розрубать из семей по одному человеку, которые писаны в окладных книгах, а не семьями». Если некоторые придут от «одное семьи человека по два или по три», то они будут удалены. Сход постановил, что семью и хозяйство должен представлять ее глава без сопровождения сыновей или братьев⁶⁰.

Важно установить, как обстояло дело с понятием «семья» на уровне самой группы, им обозначаемой? Употребление к супругам привычных терминов «муж», «жена» было вполне обычным, однако в повседневности встречалось и другое понятие.

Примечательно свидетельство следующего документа — данной грамоты от 1600/01 г. землевладельца Вологодского у. Степана Семенова сына Трусова игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Гурию. Он с сыном Ларионом дал в монастырь «на поминонок деревню Щапово со всеми угоды и со хрестьяны по приказу брата своего

⁵⁹ Тушина Г.М. Демографические аспекты социальной истории Прованса XII–XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993. С. 85–86.

⁶⁰ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912. Приложение № 4. С. 18.

Ивана и по духовной памяти за его Ивановою рукою». С 1600 г. и впредь за этот вклад в монастыре должны «брата моего Ивана поминати, а моего дядюшку, и понахиды по нем пети и обедни служити собором и кормы ставити». Наряду с поминовением данная содержит условие, относящееся к вдове усопшего И.С. Трусова: «И что старица Варвара, бывшая семья его, Иванова, в монастыре у Николы чудотворца на Валухе пострижена, и тое старицу Варвару за тот вклад покоити». По ее смерти «игумену з братьею старицу Варвару в монастыри погresti, а поминати ея и кормы ставити»⁶¹. В рассматриваемом случае термин «семья», во-первых, находится в деловом документе, оформлявшем вклад в Спасо-Прилуцкий монастырь земельной недвижимости, причем вместе с живущими в деревне крестьянами; во-вторых, он относится к вдове завещателя, которая приняла постриг в местном монастыре.

В приходе-расходной книге того же Спасо-Прилуцкого монастыря за 1604/05 г. под 13 апреля содержится предельно четкая запись: «Дал на сорокоустье по Антомонове семье Елене сорок алтын»⁶², из которой следует, что «семья» — это, безусловно, жена.

В 1626 г. «Натальица Иванова дочь Соколова, а Орловская бывшая семьяшко, Сухонского Нововышлого стану» Устюжского у. подала челобитную на земских судебных должностных лиц — судью, старосту и трех целовальников. У нее осталась кабала «мужа моего покойного Фрола» с долгами крестьянам того же стана на сумму 30 руб. Земские власти предложили погасить долги вдовы, взяли у нее документ, но денег не заплатили. Вдова назвала себя «семьяшкой» своего «мужа»⁶³.

В том же 1626 г. посадский человек Великого Устюга Степан Яковлев сын Низовцев жаловался на устюжанина же Петра Пантелеева сына Рукавишникова, который ограбил его двор и, главное, его «семьяшко Улку Гаврилову дочь», защищавшую нажитое с мужем добро, жестоко избил и изувечил. Степан Низовцев дважды жену назвал «семьяшко» и дважды же «женишко»⁶⁴. Этот документ интересен тем, что равноправно оперирует обоими терминами, свидетельствуя об их равнозначности, тождественности, а также о лексической распространенности.

⁶¹ Государственный архив Вологодской волости (далее — ГАВО). Ф. 1260. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–10б. Копия второй половины XVIII в. Выражаю свою признательность Д.Е. Гневашеву за предоставление этого документа.

⁶² Там же. Ф. 512. Оп. 1. № 3. Л. 68.

⁶³ РИБ. СПб., 1908. Т. 25. № 24.

⁶⁴ Там же. № 23.

Устюжанка «Марьица Семенова дочи Шадрикова, а Леонтьева семья Иванова сына Толстоухова» подала в 1632 г. челобитную на своего подворника с тремя товарищами-«подельниками». Все они, воспользовавшись ее тяжелой болезнью и беспамятством, не только ее ограбили, но, главное, подворник «насыпал мне Марьице в нос табаки и меня Марицу бещестил и соромотил, грешное мое тело обругал с тем Давыдом прикащиком и с своими товарищи». Женщина, адресуя челобитную царю Михаилу Федоровичу, обратилась к протопопу собора Успения Святой Богородицы для подтверждения случившегося⁶⁵. В сложившейся ситуации она называет себя по собственному имени и дополнительно уточняет, что она «Леонтьева семья Иванова сына Толстоухова». Из такого сложносоставного именованья становится ясно ее замужнее состояние, однако о судьбе ее мужа речи не идет, во всяком случае, он отсутствует и потому женщина пустила подворника. Подворники — это посадские люди или крестьяне, не имевшие собственного двора и нанимавшие жилье за деньги или за работу. Их социальный статус был ниже, чем у дворохозяев-тяглецов. В описываемом Марьей случае в ее доме оказались одновременно подворник и его три товарища. По всей вероятности, они могли быть в нетрезвом состоянии и надругались над женщиной. Попав в беду, она сделала заявление соборному протопопу. В компетенции церковных властей находились преступления против нравственности и морали⁶⁶, а в данном случае оно сплетено с уголовным. По Судебнику 1550 г. бесчестье посадского человека оценивалось в 5 руб., а «женам их вдвое»⁶⁷.

В 1652 г. в с. Коровниче вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря один крестьянин продавал двор другому. Архимандрит выяснял, на каком основании продавец Дружина владел двором. Покупатель отвечал, что документа, именно купчей, переданной ему Дружиной, у него нет, и объяснил причину: «А то ведает семья ево Дружины Овдотья Андреева дочь, почему бывшей муж ея Дружина

⁶⁵ Там же. № 45. Об освящении церкви на праздник Успения 15 августа 1290 г. см.: Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 49. Историю первоначально деревянной, многократно горевшей церкви, с 1639 г. каменной, см.: *Власов А.Н.* Житийные повести сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 560.

⁶⁶ Устюжская епархия была образована в 1692 г., а до этого времени в XVI–XVII в. архимандриты Михайло-Архангельского монастыря (основан в XIII в.) представляли высшую церковную власть. См.: *Власов А.Н.* Указ. соч. С. 569.

⁶⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 101. Бесчестье горожанки фертильного возраста в 2 раза выше, чем мужчины.

владел тем двором»⁶⁸. Из документа ясно, что жена определенно названа «семьей». Далее покупатель пояснил: «А ныне де та Авдотья замужем за Шумилой Семеновым Огородниковым». Через несколько дней уже у самой «Шумилы семи Авдотьи Андреевы дочери» расспросили о продаваемом дворе, и оказалось, что он ранее принадлежал ее отцу, который «тот двор дал за мною приданым». Купчие, имевшиеся у отца Авдотьи на этот двор, «изгибли» в то время, «как де была литва и стояли на Прилуке». Два документа, правда, одного дела поименовали жену «семьей». Характерно, что так высказался покупатель, чужой Авдотье человек, сопрягая ее личность с личностью ее первого мужа. Именно как «семья» второго мужа Авдотья дала необходимые монастырским властям пояснения. Овдовела ли Авдотья, из дела не ясно, по всей вероятности — так; купчую, написанную от лица продавца Дружины, а ее мужа, и разбирательство разделяет 8 лет, причем ответ держит покупатель. Важно, что к замужней женщине применен нестандартный термин.

В 1681 г. властям того же монастыря подала челобитную «на неведомых воров» о краже из житницы разных вещей на значительную сумму в 10 руб. крестьянка «Наталья Фокина дочь Петрова семьишко Всяченина»⁶⁹. В данном случае сама женщина атрибутирует себя как «семья» в смысле жена. Совершенно обедневший крестьянин из вотчины Вологодского архиепископа Гавриила просил ссудить его каким-нибудь хлебом, ибо выданный ранее овес «на пропитание с семьишком и с ребятишки» кончился, и потому «я... и с ребятишки скитаюсь в мире...»⁷⁰. О судьбе своей жены он не упоминает. Последнее высказывание показательное, оно совершенно четко отделяет жену-«семьишко» от детей.

В Глубоковском ключе Спасо-Прилуцкого монастыря в августе 1692 г. была составлена, скорее всего, по распоряжению властей «ропись крестьяном, которые принялись в животы и в повытья и в которые деревни». Она небольшая и включает 8 случаев, а написал ее «по скаске мирских людей церковный дьячек Ивашко Емельянов». В пяти из восьми случаев указан год прихода крестьян в монастырскую волость, а в семи — крестьяне назвали конкретные уезды (Каргопольский, Важский и Чарондская округа), волости и деревни, откуда они прибыли, за исключением одного Ивана Семенова, который «родины

⁶⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 613. Л. 2.

⁶⁹ Там же. № 1016.

⁷⁰ Там же. Кол. 34. Карт. 8. № 99. Челобитная датируется 1684–1701 гг., временем архиепископства Гавриила.

себе не скажется». Вполне вероятно полагать, что нежелание назвать прежнее место жительства продиктовано его бегством. Наиболее интересна в плане рассматриваемого сюжета следующая запись. В д. Зеленой «в повытье Евсинском живет крестьянин» Козьма Ананьин сын из Каргопольского уезда Ваденской волости д. Бересников. «А семья у него взята деревни Зеленая, а детей с ней прижито сын. А живет в нашей власти два года, а отпускной у него нет»⁷¹.

Эта запись и сама роспись, в которой она находится, привлекательны несколькими позициями. Во-первых, монастырские власти приняли в свою вотчину нескольких крестьян и Козьму Ананьина в том числе, прибывшего из соседнего уезда без отпускной грамоты, и они информированы об этом. Во-вторых, он «живет» (т. е. не только обитает, но и хозяйствует), конечно же с разрешения властей, в деревне Зеленой в определенном «повытье», причем с антропонимическим названием, употребленным как прилагательное «Евсинское» (от имени Евсей, Евсевий). Такая формулировка говорит об отсутствии дворохозяина этого участка, по всей вероятности запустевшего. Поселившись на нем, Козьма Ананьин женился, взяв «семью» в той же деревне Зеленой. С «семьей» Козьма прожил 2 года, и «детей с ней прижито сын». Последняя фраза отделяет четко детей с конкретизацией в данном случае пола (сын) от «семьи»-жены, придавая термину избирательность. В-третьих, факты, засвидетельствованные в росписи, произошли на протяжении 1675/76–1691/92 гг., т. е. спустя более четверти века после принятия Соборного уложения 1649 г., которое провозгласило крестьянскую крепость землевладельцам на основании переписных книг 1646 г. Однако монастырские власти, заведомо зная, что у Козьмы Ананьина, как и еще у шести новоприходцев, нет отпускных, приняли их в свою вотчину. Характерно, что Спасо-Прилуцкий монастырь, не столь могущественный как Троице-Сергиев или Соловецкий, в своей экономической практике руководствуется хозяйственной рациональностью и пополняет состав работников крестьянами, прибывшими из черносошных уездов и волостей. Как раз в отношении таких, как Козьма, крестьян в деревнях их выхода владельческие, а скорее общинные власти говорили «сшел», «сшел безвестно», а быть может и «скитается в мире». Пространство такого «мира» могло включать свою или соседние волости, расширяться до пределов близлежащего или даже дальнего уезда.

Задержимся еще на данной росписи. Она красноречиво говорит о крестьянах, поселенных монастырскими властями в своих вла-

⁷¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 1241.

дениях. Однако записи об этом сформулированы по-разному. Три из них именуют мужчину, который «принят» зятем к конкретному крестьянину: в деревне Хватуново «у Василья Афонасьева принят зять Федор Кондратьев во 184 (1675/76)... А он Федор государственный крестьянин Каргопольского уезду Вохтомской волости»⁷². Констатации факта сопутствует указание на то, что зять от тестя особо «живет» и владеет частью земли (половиной, третью). Сохраняясь, в основном, по форме, такая запись имеет вариант, отличный по существу. В 1691 г. «у Ивана Стахиева принят в животы зять» из того же Каргопольского у., но Ваденской вол. «Еким Ефремов, государев человек». Следующее затем пояснение раскрывает смысл принятия в животы: «А живет он Яким с ним с Иваном вместе». В этом плане характерна также другая запись: в д. Зеленая «принялсе к Анне Федосиеве» того же Каргопольского у. и волости «деревни Павловской Максим Дорофиев в животы». Принятие в «животы» свидетельствует о вхождении мужчины в уже существующее хозяйство в качестве зятя к тестю или мужа к одинокой женщине, скорее всего вдове. Еще один тип записи говорит о вступлении в «повытье», как в случае уже упомянутого выше Козьмы Ананьина или других, когда «в повытье Якима Симонова к жене ево принялсе Данило Логинов из Важского уезда Тавреньского стану Верховажской четверти Хмельнитской волости деревни Большого двора» и «в повытье Якова Володимерова принялсе к жене его Иван Семенов сын»⁷³. Из вариантов приведенных записей вытекает бытование разных семейно-имущественных связей, которые обуславливали вхождение мужчин в домохозяйство: на правах а) зятя в отделенную ему тестем часть или при совместном с ним проживании по типу «живут в одном хлебе»; б) мужа к вдове, оставшейся во дворе прежнего супруга; в) самостоятельного хозяина в запустевший двор с последующей женитьбой.

Приведенные выше факты показали, что по отношению к замужней женщине наряду с термином «жена» употреблялся и другой — «семья», который применяли как мужья, называя им своих жен, так и сами жены, причем разного социального статуса. Термин «семья» был синонимичен «жене». Именно в таком качестве он про-

⁷² В д. Зеленой «у Демида Филипова принят у него зять во 195 (1686/87) году Михайло Иевлев сын родом Чаронской округи Ротковские волости Введенского приходу деревни Назаровския»; в той же деревне «у Елисея Ларионова принят зять во 196 (1687/88) Игнатей Карпов, а родиной он Игнатей Чаронской округи Введенского приходу деревни Ленина» (Там же).

⁷³ Там же.

явился в следующем выражении: «Я дожидаюсь твою семью, жену. Она еще в поварне...» (1696 г.)⁷⁴.

Рассмотренные документы по своей географической принадлежности относятся к северным районам, и сразу возникает мысль о региональной понятийно-лексической специфике. Для выяснения этого вопроса я обратилась к любезной помощи сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, хранящих и пополняющих картотеку Словаря русского языка XI–XVII вв. Данные словарной статьи «семья» охватывают как раз, в основном, XVI–XVII вв., а географически относятся к Северу, Центру, Поволжью (Нижний Новгород, Астрахань), Северо-Западу. Они взяты из разных документов и говорят об обозначении словом «семья» жены. Термин в таком понимании был распространен в разных слоях российского общества среди крестьян, посадских людей, феодалов. Он употреблялся и в начале XVIII в. В.В. Степанов в 1707 г. поздравлял с Новым годом П.П. Шафирова «купно с семьею вашею и з детьми»⁷⁵. Бытовал он в некоторых русских диалектах еще во второй половине XIX в.⁷⁶.

Разобранные случаи, несмотря на свою сравнительную малочисленность, показательны. Они говорят о коренном изменении жизненного статуса женщины, ставшей, по официальной актовой терминологии, «женкой» и переставшей значиться «девкой». Вступление в брак — событие, которое вело к образованию новой общественной ячейки, должной действовать в субстратной среде. В таких условиях понятие «семья» было не только собирательным, но и избирательным, конкретно направленным. Оно обозначало не супружескую пару как таковую и не супругов с детьми, как привычно для современного человека, а именно замужнюю женщину. Вступив в брак, женщина становилась женой семьи.

⁷⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — Сл РЯ XI–XVII вв.). Вып. 5. М., 1978. С. 87.

⁷⁵ Картотека Словаря РЯ XI–XVII вв. (ссылка на П и Б. без указания тома).

⁷⁶ Внимание О.Н. Трубочева привлекли имеющиеся в олонцком диалекте значения «семеюшка»: «ласкательное название для супругов; жена для мужа семья, и муж для жены то же; надежной семеюшкой чаще зовут мужа», при этом он ссылается на: Куликовский Г. Словарь областного олонцкого наречия. СПб., 1898. С. 106. См.: Трубочев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006. Изд. 2. С. 164.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ XVI—XVIII ВВ.: ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Крестьянские семьи, инкорпорированные в вотчины и поместья, испытывали воздействие внутреннего режима, который устанавливал владелец. В зависимости от характера такого режима (большей или меньшей свободы) семья существовала в определенных структурных параметрах и, как уже было показано в гл. 1, имела тот или иной родственный, поколенный и численный состав. Однако семьи подвергались и внешнему для них воздействию — со стороны государства, которое не исчерпывалось только налогово-фискальной сферой. Оно вторгалось в жизнь семей, особенно активно в первой четверти XVIII в. Имеются в виду государственные мобилизации в армию и на строительные работы, главным образом в Петербург.

В первой половине XVII в., как известно, происходило постепенное создание регулярного русского войска, начавшееся в связи с подготовкой к Смоленской войне (1632–1634). Организация двух полков «солдатского строя», которые комплектовались из «охочих» вольных людей, относится к апрелю 1630 г. С этого времени в практику вошел вольный наем за денежное обеспечение в «ратные люди пешего строя» — т. е. солдаты, которые с середины столетия составляли значительную категорию в войсках нового строя¹.

Как происходили подобные наборы на местах, в частности на Севере, видно из следующих документов, отложившихся в одной из волостей Тотемского у., Уфтюжской. В ноябре 1632 г. местный воевода Меньшой Владимирович Головачев на основании полученной из Иноземского приказа указной грамоты распорядился послать во все волости уезда рассыльщика Назара Прокопьева с наказной памятью для оповещения, «чтоб всякие люди ведали», о проводящемся государственном наборе в солдаты, в том числе из посадских людей и волостных крестьян. Главное условие для прибираемых — это свобода от тягла, чтобы «вольные всякие охочие люди, которые в тягле не написаны (т. е. не внесены в писцовые книги 1620-х гг. — *Е. III.*)

¹ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 36–38.

и в холопах ни у кого не бывали». Таковыми считались обитавшие вместе с дворохозяином-тяглецом дети, или братья, или племянники, которые «живут себе на воле в гулящих людех». Принцип добровольности вступления в ратные люди в разных вариациях проходит красной нитью через текст излагаемого указа: нанимающиеся «собою будут молоды и резвы и в государеву службу пригодятца и в салдатех быти похотят»; чтобы вольные люди ехали в город и «к ученью ратного дела в салдаты писалися охотно»; «а призвав всяких вольных людей к ратному ученью в салдаты», необходимо составить на них именные списки и взять поручные записи, которые вместе с людьми представить в Иноземском приказе. Рассыльщик получал от воеводы полномочия «в волостех крестьянем велеть тем государевым делом радеть и промышлять неоплошно с великим радением, чтобы вольных людей к ратному ученью в салдаты написать вскоре многих». «Похотевшие» в солдаты получают «государева жалованья в дорогу по полтине человеку». Годовое же жалованье им «указано» в размере, «как ныне дают салдатом». В феврале 1633 г. другой рассыльщик Лука Дементьев был отправлен из Тотмы в волости в связи с нераспорядочным выполнением указа о наборе солдат. Из данной ему наказной памяти отчетливо видны способы информирования населения, механика исполнения важного государственного мероприятия. Рассыльщик должен, «приехав, собрати в тех волостех старост и целовальников и всех крестьян на станы, и по прежним наказным памятем, каковы посыланы наперед сего для прибору салдат, кликать им по многие дни». Он в первую очередь оповещает представителей мирской власти и крестьян в волостных центрах, которые доводят информацию до крестьян в деревнях, и значение этой информационной трансляции выдвинуто на первый план. Повторяется, что набору подлежат вольные «охочие люди, которые в тягле не написаны, и живут себе на воле в гулящих людех», а также «от отцов дети и у братья братья и у дядь племянники, и подсоседники и захребетники». Согласившихся наняться в солдаты необходимо из одних («первых») волостей в сопровождении крестьян «выслать на Тотму наперед себя» (рассыльщика), из других «привести с собою вместе», и «велеть» им явиться в съезжей избе к воеводе М.В. Головачеву. Рассыльщику теперь вменялось брать в волостях «доездные памяти за их крестьянскими и отцов их духовных за руками, чтоб про то было ведомо», а надобность такого поручительства диктовалась тем, «что ис тех волостей по прежним наказным памятем и посямест салдаты не бывали, неведомо для чево». Отсюда следует, что набор в солдаты шел совсем не активно, и за 3 месяца, разделяющих рассылку

двух памятей, «охотников» пойти в солдаты не нашлось. В случаях обнаружения нерадивого отношения волостных крестьян к набору солдат рассыльщики обязаны усилить устную пропаганду: «тех волостей в церквах крестьянем заказать накрепко, чтоб с великим радением для салдат по прежним наказным памятем велеть кликать по вся дни, чтоб призвать салдатов многих вскоре». Уговоренных «охотников» нужно «присылать на Тотьму почасту с волосными крестьяны». Подтверждается, что каждый из прибранных в солдаты получит жалованье на дорогу до Москвы по полтине и подводы, а годовое жалованье «на хлеб и на платье» будет дано в Москве².

Наряду с набором крестьян и посадских в солдаты продолжался «прибор» и в стрельцы. Тотемский воевода М.В. Головачев 26 июля 1633 г. получил грамоту из Устюжской четверти «за приписью» дьяка Пантелея Чирикова, в которой обозначены требования, предъявляемые к набираемым в стрельцы. Полагаю, что они оставались реальными и при найме в солдаты. Воевода получил наказ «прибрать стрельцов» 20 человек из сельского населения уезда. Выбранные мужчины должны быть «добры и резвы и стрелять горазды, лет в дватцать и в тритцать и в сорок, а меньши дватцети лет или больши сорока лет имати в стрельцы не велено». Также нужно брать в стрельцы «от семьянистых людей от отцов детей и от братьи братью и от дядь племянников, крестьянских детей, которые были добры». Этот довод, как становится ясно, имел ведущее значение в «приборе» служилых людей. Вновь набранных стрельцов, причем с женами и детьми, и составленную на них именную роспись следовало незамедлительно прислать в столицу. На дорогу надлежало им дать «на корм до Москвы по рублю человеку из тотемских из неокладных доходов», и величина «подъемных» в 2 раза больше, чем обещалось солдатам. Подчеркну важный нюанс, это имеющееся указание на конкретный источник финансирования, а именно неокладные доходы, имевшиеся в уезде. По прибытии в Москву вновь прибранным стрельцам «государево денежное и хлебное жалованье учинят оклад против московских стрельцов».

На основании этого указа уже через 3 дня, 29 июля, воевода «велел ехать» в волости посадскому человеку Безсону Кускову и рассыльщику Борису Сидорову, чтобы «писать в волостях в стрельцы». В соответствии с выданной им из съезжей избы наказной памятью приисканных стрельцов и поименные списки на них нужно

² Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ф. 288. № 54, 85.

привезти в Тотьму и явиться к воеводе. Записавшимся «розбор им будет на Тотьме, которые згодятца на государеву службу» по физическим, возрастным и нравственным качествам, перечисленным в наказе, и из признанных годными отберут тех, которых затем отправят в Москву. Государственная установка «в стрельцы в волостях имати от семьянистых людей» получила в воеводской памяти разъяснение: «чтоб тех людей, у которых взяты будут в стрельцы, жеребьи их пашни в пусте не были бы»³. Цель его сформулирована предельно ясно и направлена на поддержание тягло-фискального дохода казны. Так, в Устюжском у. в первой половине 1680-х гг., когда в солдатскую службу было необходимо «выбирать салдат из уездных крестьян», то действовал принцип «мирского выбора», на основании которого подьячий съезжей избы «высылал», «имал» солдат, составив их списки⁴.

Массовые наборы даточных людей из посадских и крестьян в организованные в конце 1650–1670-х гг. выборные солдатские полки были одним из источников их комплектования, а северные уезды поставляли значительную часть солдат в них⁵.

Рассмотренные наказные памяти о наборе в стрельцы и солдаты показывают их содержательную взаимосвязь, и она проявляется в присутствии одинаковых, условно говоря, пунктов, хотя не выделенных как таковые, но повествовательно отчетливо выраженных. Наказы о наборе в стрельцы повлияли на преюбренность делопроизводственной разработки документов о найме в солдаты. Сам способ прибора служилых людей в стрельцы и солдаты за счет вольного найма при государственной ориентации на людей не тяглых оказывал воздействие на состав семей, однако оно было качественно иным, нежели при рекрутских наборах первой четверти XVIII в., когда потребность в солдатах выросла многократно.

П.Н. Милюков проследил увеличение военных расходов в первое десятилетие XVIII в. и численный рост действующей армии в их взаимной связи. Он привел данные о мобилизациях в разные войска. Из этих сведений ясно, что с 1705 г. наборы в солдаты стали проводиться ежегодно. Ученый подчеркнул, что «после третьего набора Петр считал уже ежегодные наборы явлением нормальным». В 1705–1710 гг. рекруты брались по пропорции с 20 дворов по 1 чел.

³ Там же. № 104.

⁴ РИБ. 1890. Т. 12. Стб. 682, 698.

⁵ Малов А.В. Указ. соч. С. 211–212.

Набор 1711 г. был более жестким: с 10 дворов по человеку⁶. По поводу рекрутских наборов на Северо-Западе страны в первой половине XVIII в. высказался Е.В. Анисимов. Он отметил, что наборы рекрутов проводились периодически и «по общему правилу» с каждых 20 дворов. «Рекрут получал значительную денежную подмогу и мундир за счет средств, собранных с мира. Крестьяне сдавали хлеб на прокормление рекрутов и должны были обеспечить доставку их к месту назначения. Рекруту полагалось по 5 алт. на 100 верст пути и в Петербурге по 10 денег в сутки»⁷.

Целесообразно поставить вопрос, каковы же были последствия наборов в солдаты и в работники для конкретных крестьянских семей северных уездов, по преимуществу Вологодского. Следует отметить, что регионы Севера были в сильной степени подвержены мобилизациям, особенно на всевозможные работы. Рассмотрение интересно провести в антропологическом плане, а не с точки зрения общих миграционных процессов. Последним в литературе было уделено достаточно внимания.

П.А. Колесников подробно изучил направления миграции крестьян Севера, причины их оттока и запустения дворов. Он установил, что в результате правительственных мобилизаций на Севере запустело чуть более 9% дворов. Мобилизованные из них мужчины умерли или не вернулись домой, а их семьи окончательно разорились. Ученый также определил количество людей — 14,9%, выбывших из уездов Севера по мобилизациям⁸. В Вологодском же уезде вследствие мобилизации запустело 28,9% дворов от числа дворов, разорившихся в центрально-поморских уездах (вдоль Сухоно-Двинского речного пути); при этом людей было изъято в армию и на работы 24,2%⁹. П.А. Колесников привел данные источников, включенных в составленную им публикацию «Северная Русь. XVIII в.». Они показывают, что в 1710 г. предписывалось из Архангелогородской губ. выслать в Петербург на вечное житье мастеровых людей, необходимых «у адмиралтейства и у городских дел», 555 чел. ремесленников, причем «з женами и з детьми»: из них 496 плотников,

⁶ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1906. С. 124–130, 131, 133.

⁷ История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. Гл. V. Крестьяне Северо-Запада в первой половине XVIII в. СПб., 1994. С.170.

⁸ Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 243, 248.

⁹ Подсчет мой по: Колесников П.А. Указ. соч. С. 241. Табл. 27; С. 245. Табл. 28.

и значительно меньше каменщиков — 19, кузнецов — 10, столяров и токарей, котельников, медников, слесарей и других специалистов. На Вологду по разрядке один человек со 160 дворов пришлось 167 человек, из которых 153 плотника, на Устюг — 49 работников, из них 35 плотников, на Сольвычегодск — 20 чел., из них 14 плотников, на Архангельск — 23, а на Вагу с Устьянскими волостями 63 человека¹⁰. В 1710 г. на вечное жительство в Петербург Петр I указал принудительно переселить 2500 мастеровых¹¹.

Практиковались так же, как и в XVII в., ежегодные «посошные» наборы мастеровых людей для отбывания трудовой повинности при возведении столицы, причем из всех категорий непривилегированного населения. В 1707 г., указывает П.А. Колесников, в Петербург было отправлено 5813 чел. из Вологды, Галича, Кинешмы против требуемых 6234 чел. В 1708 г. туда же предписывалось выслать от каждых 15 дворов работников с Двины, Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска, из Кеврольского и Мезенского уездов и собрать на их «прекормление» 7294 руб. Вологда должна была обеспечить численно наибольшую поставку (в сравнении с другими северными городами) работников — 5766 чел., а было отправлено лишь 4015 (меньше на 1751 чел.). За три года, с 1707 по 1709, по подсчету П.А. Колесникова, было взято на работы свыше 10 тыс. человек и собрано около 13 тыс. руб. В 1711 г. предписывалось выслать на работу из уездов: Вологодского 1502, Ваги и Устьянских вол. 477, Устюжского 371, Тотемского 93 человек¹².

Хорошо известно, что наборы на работы и жительство в Петербург и другие места проводились на протяжении всей первой четверти столетия. В 1720 г. в северную столицу было прислано 824 семьи плотников из северных уездов, в том числе из Вологды 184, Тотьмы 56, Устюга 37, Сольвычегодска 24, а также из других городов¹³. Приведенные данные явственно свидетельствуют, что на Севере Вологда с уездом была резервуаром, откуда правительство черпало трудовые ресурсы в необходимых целях.

На материалах переписи 1717 г. по Вологодскому у. в свое время я проследила причины убыли населения по его западной части, так называемой Кубенской трети. За период с 1710 по 1717 г., т. е. за

¹⁰ Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1978. С. 16–17; *Колесников П.А.* Указ. соч. С. 249.

¹¹ *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. С. 38–39.

¹² *Колесников П.А.* Указ. соч. С. 249–250.

¹³ Северная Русь. С. 11.

8 лет, мобилизации в солдаты и на работы поглотили более четверти (27,4%) мужчин работоспособного возраста, причем на строительство Петербурга было изъято 14%, т. е. (с учетом погрешности подсчета) почти столько же, сколько взято в солдаты¹⁴. Так что можно говорить о равнозначности для мужчин западной части Вологодского уезда военной и трудовой мобилизаций во второе десятилетие XVIII в.

Напомню форму записей в переписи 1717 г. Поименованы волость, имя и социальный статус владельца, названо поселение и его тип — село, сельцо, деревня или их доля. Также перечислены: обитатели двора вотчинника, жители каждого из крестьянских, бобыльских, нищенских дворов во всяком селении, указаны пустые дворы и дворовые места, даны итоги дворов по владению. Важная особенность переписи 1717 г. состоит в том, что она учла, причем с указанием возраста, не только мужское население, но и женское. Повышает ее ценность еще и то обстоятельство, что в ней почти по каждому двору приводятся сопоставления с предшествующей переписью 1710 г. о живших в нем на тот момент обитателях. Благодаря этому исследователь получает данные об изменениях среди жителей каждого из дворов, в пределах деревни, светского или церковно-монастырского владения, о естественном движении населения, а также об его оттоке и убыли. Приписки-сравнения с переписью 1710 г. отмечают людей, не внесенных в нее, и указывают причину отсутствия: «был в бегах», «скитался в мире». Именно материал таких подворных сопоставлений дал пищу для данных изысканий.

Заслуживают внимания формулировки переписных книг, относящиеся к военной и трудовой мобилизациям. Они характерны для всех типов землевладения — поместий и вотчин, как духовных, так и светских, что понятно, ибо их существо было задано порядком сбора информации по каждому из вопросов.

Записи о наборах в солдаты, в основном, сделаны по форме: имярек «взят в салдаты в такой-то набор» или в таком-то году. В вотчине епископа Ростовского и Ярославского, кстати самого крупного духовного землевладельца в Вологодском уезде в XVII в.¹⁵, в д. Попово значился двор Якова Кирьянова с женой, им по 60 лет, с женатым

¹⁴ *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 19.

¹⁵ За ним числилось в конце XVII в. в разных волостях уезда 1499 дворов, за архиепископом Вологодским и Белозерским — 1086 дворов, из монастырей Спасо-Прилуцкий имел 612, Корнильев-Комельский — 516, Спасо-Каменный — 478 дворов. См.: *Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 297.

30-летним сыном и внучкой, 20-летней дочерью и женатым племянником Федором 35 лет. Другой же племянник главы двора Константин Иванов, записанный в книгах 1710 г., к настоящему 1717 г. «взят в салдаты в седьмой набор», или в д. Лаврентьево в семье вдовца Козьмы Аксенова 67 лет с женатым сыном Федотом 34 лет и двумя малолетними внучками «в переписной книге 1710 году был написан сын Тимофей, и он взят в солдаты в седьмой набор в 1711 году»¹⁶.

В вотчине Спасо-Каменного монастыря при описании «безпачотных» дворов в с. Пучка в одном из них жил перевозчик Михайло Афонасьев 67 лет с женой Антонидой Козминой 50 и двумя внуками Иваном Дмитриевым 12 и Ефросиньей 13 лет. «А в книгах 1710 году у него Михайла написан сын Дмитрей, и он взят в драгуны в 1716 году, а жена его Лукерья Иванова бежала безвестно»; из другого двора монастырского шваля Ивана Федорова сына Худенева 72 лет с женой Евдокией Семеновой 53 лет и детьми Яковом 16 и Дарьей 11 лет сын Ивана Дмитрей «взят в драгуны в 1716 году». У хозяина был еще зять Исаак Харитонов 50 лет с женой Ириной Андреевой, младше его на 10 лет, сыном Федором 15 и дочерью Соломониной 12 лет¹⁷. Судя по отчеству Ирины, она не была ни дочерью, ни родной сестрой дворовладельца Ивана Федорова, но видимо находилась с ним в родстве или в свойстве. Примечательно, что переписчики назвали род войск — драгуны¹⁸, в который призваны не крестьяне, а монастырские работники, не имевшие земледельческой специализации.

Из многочисленного (18 человек) двора в д. Борилово поместья Григория Богдановича Засецкого у Григория Селуянова 60 лет с женой ровесницей, тремя неженатыми сыновьями (одному 30 лет) и дочерью, а также еще с двумя женатыми племянниками Степаном и Леонтием Анофреевыми с их малолетними детьми «Григорьев же сын Илья да Леонтьев брат (племянник Григория — *Е. III*) взятые в салдаты в 1716 году» т. е. хозяйство лишилось одновременно двух молодых мужчин, которые доводились друг другу двоюрод-

¹⁶ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 174, 195.

¹⁷ Там же. Л. 126–126об. Спасо-Каменный монастырь расположен на острове в Кубенском озере, и перевозчики были необходимы для связи с берегом. Остатки монастыря уцелели до настоящего времени. Шваль — шьющий одежду, портной, от глагола «шить».

¹⁸ Драгуны появились в русской армии в начале Смоленской войны в 1632 г., а представляли собой пехоту, посаженную для скорости передвижения на коней; в 1640-х гг. в драгуны стали прибирать даточных людей из крестьян (*Малов А.В.* Указ. соч. С. 38–39, 41).

ными братьями¹⁹. В помещицкой д. Олисавино Афанасия Корниловича Сурмина — двор Данилы Козмина 40 лет с женой Анной Антипиной 30 лет, а также с женатым двоюродным братом Иваном Пиминовым 40 лет и сыном 7 лет. В перепись 1710 г. были живы отец главы Козьма Данилов с женой Соломониной и 5-ю детьми (3 мальчика и 2 девочки), которые «умре в давних летех». Здесь же значились «племянники их Ермола Никонов, Федор Петров, и они Ермола взят в солдаты в первой набор, а Федор умре тому седьмой год»²⁰. За Иваном Андреевичем Дашковым находилась поместная д. Юрино, а в ней двор с двумя избями женатых братьев Ивановых — Ивана 60 и Ефима 50 лет с детьми, у старшего — сын 15, у другого мальчика 12 и 4 лет, девочка 6 лет. В 1710 г. во дворе был «написан Иван Елфимов» (по всей вероятности отец указанных братьев) с женой, которые умерли в 1715 г., а его племянник с женой «сошли в мир безвесто. Брат ево Фадей (вероятнее всего, другой племянник) взят в салдаты в пятой набор. А Иванов брат Иван Яковлев (дядя теперешнего главы — *Е. III.*) з женою Федорой и з детьми с Михайлом да с Петром скитаютца в мире безвестно»²¹. Двор, в котором к 1710 г. было шесть взрослых мужчин, за 7 лет между переписями потерял четверых из них. В д. Борачево поместья князя Богдана Ивановича Гагарина хозяйствовали родные братья Иван Васильев 57 лет с женой ровесницей и с женатым бездетным сыном 20 лет и Федор Васильев — 40 лет с 30-летней женой и годовалым сыном. В 1710 г. «у него Ивана написаны брат Фрол с женой Устиньей. И они Фрол взят в салдаты в 1711 году, а жена его скитаецца в мире, а сын его Агей умре тому пятой год»²². В поместной д. Романово вдовы Марфы Егорьевны Шепелевой значился двор бездетного Егора Васильева 28 лет с женой Степанидой 30 лет и с холостым братом Андреем 17 лет. Примечательно, что Егор в 1710 г. был написан в соседнем дворе родных братьев Артемьевых — Андрея 47 и Якова 35 лет, теперь же живет от них в отдельном дворе. И «в том дворе написан был Лаврентей Иванов, он взят в солдаты в 1715 г., жена ево и з детми умре в 1715 г. Леонтей Костянтинов взят в солдаты в том же году. А жена ево и з детьми умре в 1713 году, в 1714 годех»²³. Из этого двора были мобилизованы двое мужчин, причем в один год, а их жены и дети умерли. Все

¹⁹ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 234об.–235.

²⁰ Там же. Л. 343–343об.

²¹ Там же. Л. 358об.–359.

²² Там же. Л. 398–398об.

²³ Там же. Л. 412.

обитатели между 1710 и 1717 гг. выбыли из двора, он освобождился, и в него перебрался другой крестьянин.

Из вотчинной д. Дубровское, принадлежавшей Василию Семеновичу Змееву, из двора Дмитрия Кириллова 37 лет с женой Татьяной Степановой, их 10-летним сыном и с его младшим 27-летним родным женатым братом Андреем был «взят в салдаты в 1716 году» их брат, по всей вероятности двоюродный, Афанасий Осипов, «а жена ево скитаецца в мире» или в д. Остребалово той же вотчины находился двор 3 женатых братьев Андреевых: Ивана 57 лет с женой Марьей Осиповой 47 лет, Степана 32 лет с женой-ровесницей Анисьей Савельевой и 11-летней дочерью, Федора 20 лет и с женой Федосьей Семеновой 24 лет. У старшего брата Ивана в 1710 г. написан был сын Иван, который «взят в салдаты в 1715 году». В д. Бекренево вотчины князя Михаила Яковлевича Лобанова-Ростовского имелся двор, возглавляемый двумя братьями Терентьевыми: старший из них Дементий вдовец, ему 66 лет, у него женатый 22-летний сын Павел и 20-летняя невестка Евдокия Иванова с их двумя малолетними детьми, а младшему брату Марку 45 лет, его жене Апросинье Павловой 35 лет и у них тоже двое малолетних детей. С братьями Терентьевыми живет также их двоюродный брат Тимофей Иванов 45 лет, женатый на Ефросинье Ермолиной 35 лет, и у них трое детей: Наум 6 лет, Максим 20 недель и Домна 11 лет. Значившийся в 1710 г. другой двоюродный брат дворохозяев Василий Иванов был «взят в салдаты в 1711 году», а его жена с дочерью, «и они в мире»²⁴.

Вместе с тем, встречается иная формулировка, когда вместо «взят» употреблялось «отдан» в солдаты. Так, в вотчине Спасо-Каменного монастыря Сямской вол. в д. Красково в двух соседних дворах обитали: в одном — Гаврило Абросимов 57 с женой 59 лет с женатым 29-летним сыном, бездетным, и двумя племянницами, в другом — 45-летняя вдова Пелагея Иванова с 14-летней дочерью и своим женатым племянником 25 лет. В 1710 г. все они написаны в одном дворе, а у Гаврилы были «сын Борис да брат Тихон да племянник Григорий Исаков. И они Борис отдан в солдаты в 1711 году, а Тихон да Григорей умре в 1715 году». Теперь же, в 1717 г. Пелагея и ее свекор «по осмотру явился в особливом дворе», а из обеих семей выбыли трое мужчин. Во дворе Афанасия Дмитриева 28 лет с женой Афимьей Антоновой 38 лет и двумя малолетними детьми в д. Горка Никольская прежде «у него Афо-

²⁴ Там же. Л. 1027, 1029, 1052.

нася написан брат Яков, а он отдан в солдаты в 1711 году. А жена его Ирина умре тому третьей год»²⁵.

О степени распространения этой формулировки судить со всей определенностью затруднительно. Спасо-Каменный монастырь в упомянутой Сямской вол. имел по моим подсчетам 73 двора, из 9-ти солдаты были «взяты», а из 4-х — «отданы»²⁶. За епископом Ростовским и Ярославским в 1717 г. в трех волостях — Верхвологодской, Ракульской и Сямской — насчитывалось округленно 120, 40, 20 дворов соответственно (всего 180), и в солдаты были мужчины «взяты» из 24 дворов, а «отданы» лишь из 2-х дворов²⁷.

При описании помещичьих и вотчинных дворов формулировка «отдан» в солдаты также имела место. В Кубенской вол. располагалась компактная вотчина боярина Алексея Петровича Салтыкова — с. Ильинское с деревнями. В этом селе из домохозяйства 42-летнего Алексея Семенова с 37-летней женой Ефросиньей Тимофеевой с сыном Петром 17, двумя дочерьми 14 и 9 лет «брат ево Моисей отдан в салдаты в осмой набор»; у Степана Алексева 70 лет с женой Киликией Кондратьевой 57 лет «сын его Иван отдан в салдаты в седьмой набор», и Степан к своей 22-летней дочери Маремьяне принял в дом мужа (своего зятя) Михаила Васильева 27 лет, с ним живет еще его племянник Ефим 17 лет, а его отец, брат Степана, «Филат и з женой в сходе умре». В двух соседних дворах того же с. Ильинское жили: в одном — семья 60-летней вдовы Матрены Семеновичи дочери с женатым сыном 37 и снохой 27 лет, вторым сыном 14 лет, в другом родные братья Петровы — Тихон 47 с женой 42, сыном 11 лет и Павел 27 с женой 25 и 3-мя сыновьями 7, 4, 3 лет. Именно при описи второго двора поясняется, что «вдовин же сын Петр отдан в салдаты в седьмой набор», и они «Тихон и Павел з братьями в книге 1710 году да в поданной скаске написаны» были с вдовой Матреной в одном дворе. В д. Погорелое имелся населенный двор (13 чел.) 47-летнего Дементия Яковлева с женой Анной Никитиной 49 лет, с сыновьями Федором 16, Никитой 12, Уляном 10 и дочерью 13 лет и его родного брата Степана 20 лет с женой Домной Ивановой 22 и их младенцами Яковом 1 года и Алексеем

²⁵ Там же. Л. 118об., 119.

²⁶ Там же. Л. 106–126.

²⁷ Там же. Л. 66–72об., 174–179об., 184–212. В конце XVII в. в Верхвологодской вол. находились вотчины только духовных землевладельцев, и за ними числилось около 170 дворов. См.: *Водарский Я.Е.* Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 429.

полугода, а также с ними жили «племянники родные» Афонасий 17, Трофим 15 и Ксения 16 лет. «А отец их Прокопей умре. А Дементьев сын Гаврило отдан в салдаты в первой на десять набор, а брат ево Дементьев Иван отдан в салдаты в осмой набор». Жена Ивана 32 лет с 10-летней дочерью «бродят в мире»²⁸. Данное хозяйство поставило в армию двух родственников главы двора — его старшего сына и среднего по возрасту брата.

Всего из этой вотчины А.П. Салтыкова, насчитывавшей 95 жилых дворов, в солдаты мобилизовано 15 человек, причем их «отдано» из тринадцати дворов, а «взято» из двух²⁹.

В поместье Алексея Ивановича Дашкова в д. Кивернино Воздвиженской вол. жил Исаак Михайлов 57 лет с женой Варварой Дементьевой 54 лет и детьми Евдокимом 14 и Мариной 19 лет. «А в книге 1710 году в том дворе написан у него Исаака брат, и он с сыном Леонтьем умре. А брат ево Григорей отдан в салдаты в первой на десять набор». В той же деревне хозяйствовал 47-летний Дмитрий Перфильев с женой Ефимьей Осиповой 37 лет и двумя сыновьями Алексеем 17 и Андреем 10 лет, дочерью Анной полугода, а также с своим родным, холостым братом Дементием, которому 67 лет. В 1710 г. «в том дворе написан их племянник Яков Данилов, он отдан в салдаты в десятой набор, а сын ево Иван умре тому третий год. На том дворе две избы»³⁰.

В поместье Ивана Андреевича Дашкова, описание которого помещается в книге вслед за описанием поместья Алексея Ивановича Дашкова, что свидетельствует об их соседстве, существовала д. Голета. В ней в 1717 г. учтен двор вдовца Филиппа Михайлова 60 лет с сыном Ильей 40 и его женой Ксеньей Егоровой 30 лет, их женатым сыном (внуком Филиппа) Кириллом 16 лет. В книге 1710 г. «в том дворе написан Семен Естифеев», который умер «тому третьей год, а жена его Устинья скитаецца в мире. А дети Иван отдан в солдаты в пятой набор, племянник Никифор отдан в солдаты в шестой набор». Сын теперешнего главы двора Филиппа «Дмитрий с женой умре тому третий год»³¹. Двое крестьян из этого двора пополнили число мобилизованных в следующие друг за другом призывы. Трое крестьян — глава двора в 1710 г. Семен и сын действующего дворо-

²⁸ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 949, 939об., 944об., 954.

²⁹ Там же. Л. 936–961.

³⁰ Там же. Л. 457об., 458. Поместье А.И. Дашкова, состоявшее из д. Василево с 3 деревнями, в 1678 г. принадлежало думному дворянину Федору Ивановичу Леонтьеву. См. Л. 454об.

³¹ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 469.

хозяина Филиппа Дмитрий с женой умерли в один, 1715, год. Жители двора, состав которого за время между переписями сменился, вероятно, не чужие друг другу, а были связаны какой-то степенью родства.

За обоими представителями семьи Дашковых по переписи 1717 г. в Воздвиженской вол. вкуче насчитывалось 33 двора, из них в солдаты были отданы крестьяне из 6 дворов и из одного — взят.

В д. Фокино вотчины князя Михаила Яковлевича Лобанова-Ростовского в Кубенской вол. имелся двор Варлама Карпова 45 с женой Агриппиной Терентьевой 35 лет и пятью детьми — Иваном и Васильем 11 и 3 лет, тремя дочерьми 13, 6 лет и полугода. Написанный в книгах 1710 г. дядя главы Матвей Ларионов «ходит в мире», а сын Варлама «Фома здан в салдаты сего года (1717 — *Е. III.*) з десяти дворов». Вслед за названной описана вотчина Ильи Ивановича Мещерикова, расположенная, видимо, в близком соседстве. В д. Песей Погост из двора Симона Селуянова 57 лет с 30-летней женой Анной Степановой и двумя женатыми сыновьями Яковом 28 лет, у которого 20-летняя жена и 6-летний сын, и Антоном 17 лет с 16-летней женой, бездетными, и еще с 6-летним пасынком значившиеся в 1710 г. «дети» — Галахтион «здан в салдаты в десятый набор, Петр умре тому три годы». В другой деревне той же вотчины Обухово двор Емельяна Андреева 67 лет с 57-летней женой Апросиньей Тимофеевой, сыном 10 и дочерью 15 лет поставил в солдаты племянника, который «отдан в седьмой набор»³². В данных случаях не только вместо «взят», но и вместо «отдан» применено «сдан», и использование в записях, следующих непосредственно друг за другом, «сдан» и «отдан» следует воспринимать как синонимы.

Некоторые наблюдения, сделанные по поводу употребления обеих формулировок, показали, что при описании духовных вотчин преобладало выражение «взят» в солдаты, а светских — наоборот «отдан» в солдаты. Оба они, выражая одно действие, показывают, что не мобилизуемое лицо было его активным носителем, его позиция была страдательно-пассивной.оборот «взят в солдаты» можно считать общепринятым, стандартным, другой же — «отдан в солдаты» конверсивен ему. Известно, что в переписях участвовало несколько переписчиков, и разные из них могли описывать духовные и светские владения. Можно полагать, что переписчик первых был предрасположен к употреблению глагола «взят», а переписчик вторых — «отдан», и это при минимальном

³² Там же. Л. 1052, 1058, 1059.

числе выражений противоположного варианта. Вполне допустима мысль о том, что переписчики использовали оба выражения как взаимозаменяемые. Однако налицо — явное преобладание одного из них, причем при описании экономически разнохарактерных владений, какими были поместья и вотчины. Объяснить отмеченное обстоятельство только вербальной склонностью переписчиков к одному из разбираемых выражений вряд ли достаточно. Полагаю, что при применении конструкции с «отдан» проявляется некая общинная и/или внутривотчинная специфика, ориентированная на выбор кандидата в солдатскую службу. Подкрепляет мой довод до некоторой степени следующий факт. В вотчине Ивана Михеевича Квашнина-Самарина в д. Ерденево был двор 67-летнего Алексея Ларионова с 50-летней женой Прасковьей Андреевой, с их женатым сыном Федором, у которого свой годовалый сын, а также с двоюродным братом Алексея Иваном Дорофеевым 57, его женой Соломонией Никоновой 45 лет и их младенцем — дочерью 10 недель. В соседнем дворе «по осмотру» оказались 45-летний Тимофей Дорофеев с 35-летней женой и 7-летней дочерью. Как обычно, после перечисления жителей этих дворов ко второму из них помещено сопоставление с переписными книгами 1710 г., и в данном случае оно — развернутое и редкое по своей подробности. Приведу его целиком. «А в переписных книгах 1710 году написаны были в том дворе Иван и Тимофей Дорофеевы дети з женами и з детьми, а не писаны были каким случаем в тех книгах в особом дворе, про то он, староста и выборной не ведает. А при переписи, как писал в то число переписчик Петр Слепушкин, они писали их Ивана и Тимофея Дорофеевых во дворе с Алексеем Ларионовым, а не в особливом дворе, и подати они платят с одиннадцати, а не с двенадцати дворов»³³. Из текста вытекает прямое участие общинных представителей — старосты и выборного в подаче сведений («сказок») переписчикам и опосредованное в подборе кандидата для мобилизаций.

В записях о наборе в работники на строительство новой столицы выявляются несколько вариантов. Естественно, наиболее часто встречается следующий: «Взят в работники в 17... году». Так, в д. Городок Спасо-Каменного монастыря из двора вдовца Петра Андреева 57 лет с его родным женатым братом Иваном Андреевым 37 и 7-летним сыном записанный в 1710 г. племянник Никита Игнатъев «взят в работники в 1713 году, а жена его в 1713 году умре,

³³ Там же. Л. 1035.

а дети его Петр живет в Каменном монастыре, дочь Авдотья скитаецца в мире». В поместной д. Володино А.И. Дашкова из двора Василия Леонтьева 37 лет с 42-летней женой и 3 детьми сыном 11, дочерьми 9 и 4 лет, а также с 16-летним племянником Никитой Ивановым «Васильев брат Иван взят в работники в Санкт Питербурх в 1711 году». В вотчинной д. Вепрево Афонасия Тимофеевича Савелова был двор братьев Гавриловых — Дмитрия 35 лет с 25-летней женой и Ивана 34 лет, вдовца, у них же племянник Григорий Алексеев — 10 лет. В 1710 г. был написан Гаврило Семенов, их отец, «а он и з женою умре в 1716 году. Сын ево Алексей взят в работники в Санкт Питербурх в 1706 году»³⁴.

В этом варианте имеется конкретизирующая разновидность «взят в плотники». В вотчине Спасо-Каменного монастыря в д. Пригород, относящейся к с. Борису, из двора Кирилла Анфиногенова 59 лет с 56-летней женой Афонасей Аверкиевой и вдовой Анной Антоновой 44 лет с ее сыном 9 лет был «взят в плотники в Санкт Питербурх в 1714 году» сын Кирилла Иван. В монастырской же д. Горка Минина жили супруги 47-летний Дмитрий Тимофеев с 49-летней женой и с женатым сыном Федором 28 лет, его 23-летней женой и с младшими холостым сыном Андреем 26 лет, дочьрью Татьяной 20 лет. Из пояснительной записки следует, что в 1710 г. во дворе «написан Федор Семенов, а он пострижен в Каменном монастыре. А дети его Иван взят в плотники в Санкт Питербурх в 1716 году, сын же его Григорей да племянник Никита с братом Дмитрием Нефедовым и сыном Родионовым (так!) умре в 1714 году». К 1717 г. двор обезлюдел, и в нем теперь живет указанный Д. Тимофеев, но «он Дмитрий Тимофеев переведен из деревни Петрешина в 1712 г.»³⁵. Непонятно, был ли он подселен к еще живым до 1714 г. Григорию с племянниками и Ивану Федорову до его ухода в плотники в 1716 г. или после того, как он его покинул. В конечном счете, монастырские власти за счет оставшегося во дворе единственного мужчины, четверо родственников которого умерли в один год, планировали решить поставку по мобилизации. В опустевший же двор была переселена семья, перспективная для демографического роста и тяглоспособная. Примечателен следующий факт. В уже упоминаемом с. Ильинском А.П. Салтыкова хозяйствовали женатые Федор Михайлов 50 лет и «брат его родной» Борис Михайлов 32 лет, дети у обоих не показаны. «А племянник

³⁴ Там же. Л. 110, 457об., 979.

³⁵ Там же. Л. 119об., 117.

их родной Илья Иванов холост 20 лет послан в нынешнем 1717 году в плотники в Санкт Питербурх»³⁶.

За стольником Дмитрием Герасимовичем Скрипициным в д. Подольное находился двор 45-летнего Григорья Иванова с 35-летней женой Пелагеей Герасимовой с женатым сыном Иваном 25 лет с его 30-летней женой, и еще с младшими сыновьями Иваном же 17 и Петром году, также «у него ж брат родной» Семен 30 лет с женой 40 и сыном 17 лет. В книгах 1710 г. значился «у них же брат двоюродный Илья Киприянов» — 27 лет с женой Матреной Гавриловой 30 лет, «и они в соходе», и сразу следует продолжение: «Аника Киприянов взят в плотники в Санкт Питербурх в 1714 году и там умре, а жена ево Анна» — в мире, «сын Сидор взят в плотники в 1715 году. На том дворе две избы»³⁷. К 1710 г. этот двор определенно населяло четверо двоюродных братьев с женами и детьми: два сына Ивана — Григорий и Семен и также два сына Киприана — Илья и Аника, а их отцы, естественно, были родными братьями. Потомков Киприана к 1717 г. во дворе не осталось, семья его сына Аники использована для набора на строительство Петербурга, куда взят сам Аника, умерший на работах, и в следующий год его сын Сидор, жена же Аники и мать Сидора обречена на скитание. Возможно, забранные в плотники Аника и его сын Сидор, во-первых, были хорошими мастерами или, во-вторых, хозяйственно слабее, чем оставшиеся братья Григорий и Семен Ивановы, которые были старше, особенно глава двора Григорий, и могли оказать давление на Анику. Во всяком случае, налицо реальный пример решения поставки работников за счет боковых родственников в неразделенной семье.

Приведенные записи, казалось бы, схожие по форме и мало отличаются друг от друга. Однако, первая «взят в работники» говорит об общем наборе мастеровых людей, а вторая о целенаправленном наборе работников определенной профессии.

В варианте «взят» в Санкт-Петербург встречается еще одна, причем очень важная по последствиям для судеб семей, разновидность: «взят на вечное житье»³⁸. Она относится к наборам как на общие работы, так и по специальностям. В д. Долматово епископа Ростовского и Ярославского был двор 44-летнего Леонтия Митрофанова с женой Марьей Ивановой 40 лет и 20-летним сыном, женатым на одногодке Марье, и пока «детей у них нет» В 1710 г. здесь

³⁶ Там же. Л. 941об.

³⁷ Там же. Л. 1115.

³⁸ Там же. Л. 82об.

значились родные братья главы Леонтия, один из которых Никита «взят в плотники в Санкт Питербурх с женою и з детьми на вечное житье». Другой брат «с женой бродят в мире от хлебной скудости с 1712 году»³⁹. В вотчинном с. Ильинском А.П. Салтыкова был двор достаточно молодого, бездетного хозяина 27-летнего Ивана Исакова с 22-летней женой Матреной Ивановой, с ним же жили снохавдова Агриппина Иванова 42 лет и брат Григорий Гаврилов, видимо, двоюродный с женой 32 лет и их тремя сыновьями 10, 6 и 2 лет. В 1710 г. «в том дворе написан тесть его Иванов, Иван Иванов (что говорит о тогдашнем его руководстве хозяйством) и он в сходе умре. А брат ево Иван взят в плотники в Санкт Питербурх и з женою на вечное житье»; у Александра Семеновича Колтовского в вотчинной д. Ивановское во дворе Григория Юдина 43 с женой Антонидой 37 лет, женатым братом Федором 40 и его сыном 15 лет, и также с женатым Иваном 33 лет и 4-летней дочерью его «племянник Иван Трофимов с женою взят в плотники в Санкт Питербурх на вечное житье. На том дворе две избы»⁴⁰. В приведенных случаях, а таких не много, в Петербург переселены целиком крестьянские семьи, которые изъяты из вотчин — духовной и светских.

Примыкает к варианту «взят.. в работники» указание на выполнение специальной миссии. Так, в д. Писцово вотчины Ростовского епископа из двора Фаддея Иванова 55 лет с 45-летней женой и их женатым, пока бездетным, сыном 25 лет и младшим сыном 12 лет племянник главы Иван Борисов 40 лет с женой ровесницей и двумя дочерьми 18 и 7 лет не был записан в книгах 1710 г. «для того, что в то число был в провозатых за государевыми коньми в Санкт Питербурхе»; или крестьянин помещика Василия Афонасьевича Протопопова Осип Алексеев 45 лет с женой 35 лет не указан в книгах 1710 г. «И он в то время» был в Петербурге, «послан был за государевым хлебом. А жена ево в то время скиталась в мире». Теперь, в 1717 г. у них двухлетняя дочь⁴¹. Она, скорее всего, родилась после возвращения супругов, и предположительно оно могло произойти в 1713–1714 гг.

Встречается, но реже, формулировка: «Сшел в работники...». В д. Никитино Спасо-Прилуцкого монастыря показан двор, где главами являются два брата Логин и Фрол Овдокимовы. У 36-летнего Логина — жена Марья 43 лет и пятеро детей: сыновья 15 и

³⁹ Там же. Л. 199об.

⁴⁰ Там же. Л. 93б, 1133об.–1134.

⁴¹ Там же. Л. 177–177об.; 294об.–295.

12 лет и дочери 18, 14 и 8 лет. Его холостому брату Фролу 20 лет. «А отец их Евдоким Логинов постригся в Прилуцком монастыре в 1713 г., жена ево Каптелина Васильева дочь умре в 1711 году, а Иван сшел в работники в Санкт Питербурх в прошлом 1716 году, а Федор бежал безвестно в 1714 году, был холост»⁴². Родство двух последних не указано. Вчитаемся в пояснительную запись. Отметив судьбу родителей братьев-глав двора, в непосредственной логической связи с этим переписчик продолжает говорить об ушедшем в столицу Иване и бежавшем Федоре. Судя по контексту, они, скорее всего, доводились сыновьями выбывших из двора супругов и братьями дворохозяев. Косвенным подтверждением тому может стать возраст Логина и его брата Фрола, разница между которыми значительна и составляла 16 лет, промежуток более чем достаточный для рождения у родителей других детей — их братьев и сестер. Принявший постриг через 2 года после смерти жены, отец братьев ушел доживать свой век в монастырь.

Показательна судьба жителей двора Михайла Киприянова из д. Скорое того же Спасо-Прилуцкого монастыря. Самому Михайлу 33 года, его жене Анне Петровой 32 и сыновьям 12 и 8 лет. На момент переписи 1717 г. эта малая семья — остаток прежде многочисленной (11 чел.) семьи, состоявшей из отца Киприяна Естеева, умершего в 1714 г., и его сыновей, братьев теперешнего главы Михайла. Один из них Иван Киприянов, женатый, «сшел в Санкт Питербурх в работники в прошлом 1713 году», другой — Андрей, тоже женатый, «взят в солдаты в восьмой набор», а третий, холостой брат Иван 24 лет «сшел от солдатства безвестно». Жены братьев Ивана (старшего) Февронья с сыном Иваном же (видимо, малолетним) и жена-солдатка Андрея Прасковья Артемьева «сошли в мир безвестно в вышеписанных годах»⁴³. Можно думать, что этот двор, где у отца-главы было 4 сына работоспособного возраста и три из них — женатые, имел достаток и использован властями (общинными или/и вотчинными) для выполнения мобилизационной разнарядки. Примечательно, что, столкнувшись реально с практикой, когда одного брата «забрили» в солдаты, а второй сам подался в Петербург, возможно, предваряя официальный призыв на работы, младший из братьев, 24-летний Иван, от солдатства просто ушел. Употребленное при этом наречие «безвестно» относится, скорее всего, к дате ухода, либо местонахождению сшедшего, либо к тому и другому. Во

⁴² Там же. Л. 29–30об.

⁴³ Там же. Л. 40об.

всяком случае, мужчины этой семьи способны на решительные поступки и, по всей вероятности, рассчитывали со временем вернуться в родной дом.

Крестьянин Кириллова монастыря д. Останино Трофим Ефремов, 20-летний родной брат главы двора 30-летнего Ивана Еремеева, у которого жена-ровесница и годовалая дочь, был «холост, сшел в работники в Санкт-Питербурх тому другой год». В книге 1710 г. «ево Ивана с братом не написано для того, что в то время скитался в мире». Старшему из братьев в этот период было около 23 лет, младшему около 13, и можно полагать, что они в то время «кормились» какой-то наемной работой. Вернувшись в деревню, старший брат женился, а младший решил отправиться в Петербург⁴⁴.

Вариант «сшел в работники» также имеет разновидность, уточняющую местопребывание работника: «там ныне» или «там и живет». В д. Завраг Спасо-Прилуцкого монастыря существовал двор Якова Петрова 38 лет с женой Прасковьей Семеновой 26 лет и их трехгодовалой дочерью, с 17-летним братом, который «живет в монастыре в крыласких дьячках», а также с матерью-вдовой 70 лет. Отец дворовладельца Петр Данилов умер в 1711 г., а брат Иван «сшел в работники в Санкт-Питербурх в 1715 году, там и ныне», его 32-летняя жена с 8-летней дочерью «кормится в мире»; в д. Петраково из хозяйства супругов Петра Анисимова 38 лет с женой ровесницей и сыновьями 10 и 8, дочерью 13 лет «племянник же ево Петров Петр Тимофеев сшел в Санкт-Питербурх в работники в прошлом 716 году, там и живет», а его жена с двумя дочерьми «кормятся в мире с того же году»; из двора д. Ярыгино у супругов Григория Иванова 58 лет и Пелагеи Михайловой 60 лет, у которых 24-летний женатый сын Мартьян, второй сын Осип 14 лет, один племянник Матвей «сшел в Санкт-Питербурх в работники в 1716 году, там и живет», а другой племянник Алексей «взят в солдаты в шестой набор». Их отец Андрей Иванов, родной брат главы двора Григория, с женой «сошли в мир кормится в 1715 году»⁴⁵.

Так же, как при варианте «взят в работники», вариант «сшел в работники» конкретизируется за счет ремесленной специализации, причем с уточнением местонахождения, времени и семейного состояния: двоюродный брат умершего дворовладельца сшел «в плотники в 1715 году и там живет, был холост». Иногда уточнения весьма подробны и касаются даже состояния здоровья. В вотчине

⁴⁴ Там же. Л. 159об.–160.

⁴⁵ Там же. Л. 26об.–27; 32об.–33, 37–37об.

Спасо-Прилуцкого монастыря в д. Гришино жил Матвей Федоров 45 лет с женой 48 лет и своим двоюродным братом Романом Васильевым, 68-летним вдовцом, а также женатым племянником, пока бездетным. Зять Романа Иван Назарьев «сшел» в Петербург «в работники в прошлом 1714 году и там заскорбел», а его жена «кормится в мире Христовым именем»⁴⁶. Примечательно это редкое указание на болезнь ушедшего в работники. Вотчинник, отпустив крестьянина, безусловно, заинтересован в его возвращении, он и деревня осведомлены о его тяжелом заболевании. Другими словами, сведения об отпущенных и, вероятно, о мобилизованных в Петербург крестьянах доходили до владения, ими располагал и вотчинник. Формулировки переписи 1717 г. о сходе, скорее всего, на заработки говорят о Петербурге как новом для Севера направлении отхода. Все их разновидности интересны еще и тем, что в них «сшел» употребляется в отношении отсутствующего человека, указывая на предпринятое им активное действие.

Есть еще один вариант формулировки о работниках. В книгах 1710 г. имярек «не написан[ы], для того, что в то время был[и] в работниках в Санкт Питербурхе». Так, в сельце Михальцово Кирилло-Белозерского монастыря был двор, в котором жили 3 женатых родных брата: старший из них, глава двора, Прокофий Иванов 45 лет с женой 37 лет и детьми 5 и 10 лет, младшие — Павел 38 лет с женой 32 лет и 3-летним сыном и Осип 25 лет с женой 24 лет и двухгодовалым сыном. По отношению к двум последним братьям как раз и дано пояснение приведенного типа, о нахождении в момент переписи 1710 г. в работниках в Петербурге. Указания на возраст обоих братьев и их семейное положение помогают определить момент возвращения этих крестьян домой. У них малолетние дети 2 и 3 лет, можно допустить, что вернулись они за 3–4 года до 1717 г., и скорее всего, они были холосты, потому потребовалось еще некоторое время, чтобы подыскать невесту и заключить брак. Можно полагать, что из работников они вернулись в 1712–1713 гг.⁴⁷

В поместной д. Погостище Степана Устиновича Кафтырева имелся двор вдовца Ивана Иванова 50 лет с 20-летней дочерью Дарьей. «У него Ивана зять Елизар Никитин» 20 лет с женой Улитой Ивановой 25 лет, дочерью дворовладельца, и их годовалым сыном Иваном. В 1710 г. «Иванов зять Елизар не написан для того, что в то время был в работниках в Санкт Питербурхе», вернув-

⁴⁶ Там же. Л. 31, 43.

⁴⁷ Там же. Л. 61–61об.

шись откуда примерно за два года до 1717 г., он женился и вступил в хозяйство тестя. В переписи 1710 г. еще числились братья Ивана Иванова: Никита с женой, Яков с женой и с детьми Федором и Анной, которые «умре тому пятой год». Примечательно указание текущей переписи 1717 г. о том, что именно «у него ж Елизара живет», а не у его тестя, обозначенного главой двора, Борис Иванов 30 лет с женой Матреной Ивановой 32 лет⁴⁸. Оно подчеркивает положение зятя, обретшего самостоятельность в хозяйстве 50-летнего тестя. Обратим внимание на возраст обитателей двора: вдовцу И.Иванову — 50, его зятю Елизару — 20 лет. Получается, что Елизару в момент проведения переписи 1710 г., когда он был в Петербурге, было около 13 лет, и он не достиг 15-летия, возраста совершеннолетия. Разумеется, молодые люди начинали работать в хозяйстве рано и к повзрослению овладевали разными трудовыми навыками. А регламентировался ли возрастной критерий для использования молодых мужчин на тяжелых строительных работах, тем более в возводящейся столице, неясно. Доходившие до мест разрядки⁴⁹ говорят о числе и специальностях требовавшихся в Петербург работников. Понятно, что мобилизованные крестьяне, не имевшие необходимого ремесла, использовались на черных работах. Труд малолетних работников, размер оплаты которых был ниже (составлял примерно 80%), чем взрослых, применялся, например, при сооружении Александро-Невского монастыря⁵⁰. Обстоятельство, что по возвращении из столицы Елизар не вернулся в отчий дом, а «принялся» зятем, вероятнее всего оценить как вынужденное. Факт, что живущему у Елизара женатому Борису Иванову было 30 лет, а его вполне допустимое родство с И.Ивановым, тестем Елизара, не показано, косвенно говорит об обретенной за время пребывания в Петербурге житейской силе, позволившей ему преодолеть старшинство Бориса и совершать независимые действия.

В поместье Артемия Петровича Волынского в д. Подолец Сямской вол. был двор 57-летнего вдовца Ивана Федорова с сыном Тимофеем 30 лет и его женой-ровесницей, с их сыновьями 6 лет и 1 году, вторым женатым сыном 22 лет (жене 26), а также 13-летней дочерью. В книгах 1710 г. Тимофей не был записан «для того, что в то время был в работниках в Санкт Питербурхе». В том же поме-

⁴⁸ Там же. Л. 578об.

⁴⁹ См. их примеры в данной главе выше.

⁵⁰ Семенова Л.Н. Указ. соч. С. 57–58, 156.

стве в д. Горбово имелся населенный двор из 12 человек, который возглавлял вдовец Иван Григорьев 77 лет. У него — 2 женатых сына зрелого возраста, одному Сергею и его жене по 37 лет и их 4-м детям от 13 до 2 лет, второму Ермолу 30, а его жене Марфе 28 лет и их сыну 4 года и дочери 1 год, также с ними жила 27-летняя дочь дворохозяина. В переписи 1710 г. «помянутый Иванов сын Ермола не написан для того, что в то время был в плотниках в Санкт Питербурхе»⁵¹. Один из этих 30-летних крестьян со строительства северной столицы вернулся в свою деревню около семи лет назад, видимо, вскоре после переписи 1710 г., ибо у него 6-летний сын, а второй, плотничавший в ней, за 5 лет до переписи 1717 г.

В поместье Артамона Ивановича Патрикеева в д. Сидоровское существовало домохозяство Козьмы Харитонов 60 лет с 50-летней женой Анной Афонасьевой, 20-летним сыном Логином, а также женатым сыном Семеном — 30 лет с 25-летней женой и детьми Степаном 2 и Мариной 11 лет. В 1710 г. «помянутой Козмин сын Семен и з женой не написаны для того, что в то время был в работниках в Санкт Питербурхе», а записанный Козмин «племянник Михайло Федоров з женой Авдотьей, и они умре тому пятой год»⁵². Сыну Семена — 2 года, и время его возвращения из Петербурга домой следует определить, ориентируясь на сыновнее малолетство, и это произошло в 1713–1714 гг. Интересно, что Семен не был внесен в книги 1710 г. вместе с женой. Отсутствие же ссылки на ее скитальчество во время отлучки мужа и контекст приведенной выше записи косвенно говорят о возможности ее пребывания с мужем в Петербурге. В д. Бедрино поместья Федора Елисеевича Монастырева наличествовало хозяйство Дементия Артемьева 65 лет с женой Матреной Ермолаевой 30 лет с тремя взрослыми сыновьями: женатым 35-летним Ларионом с 30-летней женой, вторым женатым Семеном 25 лет и его 22-летней женой Анной и их годовалым сыном, а также третьим холостым Тимофеем 17 лет. В 1710 г. «у него Дементья помянутый сын Семен не написан для того, что в то время был в Санкт Питербурхе»⁵³. Из него Семен вернулся примерно в 1715 г., обзавелся женой и сыном. К 1717 г. двор представлял собой семью с четырьмя трудоспособными мужчинами-работниками, причем у его главы 30-летняя жена, которая, доводясь свекровью своему 35-летнему пасынку, была ровесницей его жены, а своей не-

⁵¹ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 506, 507–507об.

⁵² Там же. Л. 659.

⁵³ Там же. Л. 692об.

вестки. В поместье вдовы княгини Марии Ивановны Несвицкой в д. Подол имелся двор 30-летнего Ивана с 40-летней женой Прасковьей Федоровой и сыном 11, дочь 8 лет, который «в том году (1710 — *Е. III.*) был в работниках» в Петербурге, откуда и возвратился. В том же владении в д. Матвеевская интерес представляет двор, который возглавляла вдова Анна Лазарева дочь Артемьевская жена Киприянова 70 лет. У нее 3 женатых сына: один Илья Артемьев 40 лет с 35-летней женой и их сыном Васильем 2 лет, другой Прокофий Артемьев 28 лет с женой 25 лет и двухгодовалым же сыном, и третий Игнатий 25 лет с 20-летней женой и без детей. Старшие сыновья Илья и Прокофий, не внесенные в книги 1710 г., «были в Санкт-Петербурге в работниках»⁵⁴. Они вернулись, судя по их двухлетним сыновьям, за 3–4 года до текущей переписи, однако ни один из них, логичнее бы старший, не возглавил домохозяйство, которым в их отсутствие руководила их мать-вдова. На данном этапе, по всей вероятности, с точки зрения семейной стратегии рациональнее было сохранять существующее положение, когда главенство и ответственность за несение тягла лежали на матери-вдове, а ее взрослые сыновья имели некоторую возможность для хозяйственных манипуляций.

В вотчинной д. Волково Петра и Ивана Васильевичей Колтовских в Кубенской вол. Семен Савинов 40 с женой 30 лет и малолетними (3 и полгода) дочками и со своим родным братом Василием 25 и его 30-летней женой без детей, а в 1710 г. «он Семен и брат его Василий не написаны для того, что в то время были в работниках в Санкт-Петербурге». В том же владении в д. Обухово у Федора Васильева 50 лет с женой ровесницей и сыном 15, дочь 12 лет и его родного брата Петра 45 лет с 40-летней женой и детьми Семеном 12 лет и дочерьми 3 лет и 10 недель в 1710 г. был написан «сын Иван, и он взят в работники в Санкт-Петербург в 1715 году», а упомянутый брат Федора Петр не внесен потому, что «в то время был в работниках». Имевшиеся в 1710 г. племянники Федора «Иван да Михайло Емельяновы дети, и они умре з женами тому третий год»⁵⁵. Из этого двора с хронологическим разрывом в несколько лет отправлены на работы два человека. Опираясь на возраст малолетних девочек Петра, можно понять, что он возвратился из Петербурга приблизительно в 1713 г., и, словно вместо него, в 1715 г. из того же хозяйства взят другой молодой мужчина,

⁵⁴ Там же. Л. 741об., 742об.

⁵⁵ Там же. Л. 1129–1130.

уже сын дворохозяина. В вотчинной д. Лахмино Никиты Федоровича Юшкова был двор молодых крестьян Ивана Григорьева, ему 25 лет, его жене 20 лет, с ним же его брат Павел 13 лет. «А в переписной книге 1710 году они Иван и Павел в то число не написаны для того, что он Иван был в работниках в Санкт Питербурхе, а Павел был малолетен»⁵⁶. С кем оставался этот 3–4-летний ребенок в отсутствие старшего брата, сведений нет, как и об их родителях. Правда, в предыдущем, соседнем дворе находим Семена Григорьева 50 лет с 45-летней женой и 12-летним сыном. Записанный в 1710 г. его сын Федор был «отдан в салдаты в пятой набор». Главы этих двух дворов имеют одинаковое отчество Григорьев, возможно, они братья, но ссылки на их родство нет.

Рассмотренные варианты формулировок о мобилизациях в солдаты и в работники отличаются по характеру. В одном из них «взят» — «отдан» присутствует неотвратимое принуждение, причем в нем соединены необходимость отбывания государственной повинности и тот принцип отбора, которым руководствовалась местная община и/или вотчинник. В другом варианте «сшел», относящемся более к уходу в Петербург, но также и для «прекормления» в близкой или удаленной от деревни округе, просматривается добровольность. Община знает об уходе, и по всей вероятности, вотчинник информирован и разрешил его. Для государственных нужд крестьянин «взят» в солдаты или работники, из имения землевладельца он и взят и отдан, а для общины и тем более семьи он «отдан», из последней даже изъят как близкий (сын, брат) или боковой (племянник) родственник, как работник, соучаствующий в создании общесемейного благосостояния (в пределах допустимых возможностей) и в несении повинностно-налоговых обязательств в пользу своего землевладельца.

Как известно, мобилизация в армию во время Северной войны и на строительство Петербурга сопровождалось большими людскими потерями. В армии служили пожизненно. Солдаты навеки покидали родные деревни. Далеко не всегда удавалось вернуться вологжанам и из возводящейся столицы. Перепись использует формулу: имярек «взят в работники... и там умре». В вотчине Кириллова монастыря в с-це. Михальцово имелся многочисленный на 1717 г. двор в 12 человек Федора Никифорова 47 лет с женой Матреной 46 лет и малолетними сыном и дочерью, здесь же два его двоюродных брата Данило 40 лет и Иван 30 лет со своими же-

⁵⁶ Там же. Л. 1110об.

нами и малолетними детьми, по два ребенка у каждого из братьев. Отсюда племянник нынешнего главы Иван Игнатьев был взят в работники «в 1712 году и там умре», а «брат ево Максим взят в солдаты в том же году». При этом внесенные в перепись братья Данило и Иван в предыдущей переписи 1710 г. «не написаны для того, что в то время ходили на судах к городу Архангельскому». Двор был наполнен взрослыми мужчинами и был использован скорее общинными, нежели монастырскими властями для решения полученной мобилизационной разнарядки. В той же вотчине в д. Сараево в 1717 г. в двух соседних дворах значатся: 52-летний Ларион Архипов с женой 54 лет и 17-летней дочерью и его родной брат 37 лет Семен с женой 32 лет и 9-летним сыном в одном, а его 25-летний племянник Андрей Анциферов с женой 23 лет — во втором; причем в 1710 г. все они обитали в одном дворе, и у Андрея Анциферова был брат Иван, «и он взят в работники в 1712 году и там умре»⁵⁷. Из двора 45-летнего Леонтия Титова с женой и 10-летним сыном в д. Мынчаково епископа Ростовского и Ярославского был взят на работы в 1714 г. его старший сын Павел «и там умре, был холост». В поместной д. Хрипулево князя Богдана Ивановича Гагарина из двора двух братьев Григорьевых, одного — Леонтия 72 лет с женой 67 лет, 42-летним женатым сыном Иваном и его сыном 2 лет, и еще двумя детьми и второго — Петра 67 лет с женой ровесницей, сыном 17 и дочкой 11 лет, внук их третьего, покойного, брата Якова был «взят в работники в Санкт Питербурх в 1715 году, там умре»⁵⁸.

Даже приведенные свидетельства переписной книги показывают, что существовали домохозяйства, которые поставляли не одного кандидата для мобилизаций. Выше упоминались дворы, из которых были взяты в армию по двое мужчин: в поместной д. Борилово Г.Б. Засецкого из людного двора — сын и племянник главы одновременно в один набор; в поместной д. Романово М.Е. Шепелевой у Андрея Артемьева — также в один набор 1715 г., и оба новобранца были женаты, а их жены и дети позже умерли; из хозяйства в вотчинной д. Погорелое А.П. Салтыкова — старший сын и средний по возрасту брат дворохозяина; из д. Голеда имения А.И. Дашкова — сын и племянник главы двора⁵⁹. В поместной д. Починошное Григория Васи-

⁵⁷ Там же. Л. 63–63об., 109об.

⁵⁸ Там же. Л. 209об.–210, 398об.–399. О жилищных условиях работников, присланных в порядке отбывания государственной повинности, см.: *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С. 169–170.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 234об.–235, 412, 2954, 469.

льевича Рязанова имелся двор 30-летних супругов Никиты Федорова и Ирины Артемьевой с двумя малолетними дочерьми, и «с ними же живет» Федор Мелентьев 65 лет с женой Устиньей Федоровой 50 лет, родство которых по отношению к главе двора не указано. В книге 1710 г. «в том дворе написана вдова Акилина, и она умре в давних летех. А сын ее Василей взят в салдаты в пятой набор, племянник же ево Андрей отдан в салдаты в осмой набор, Яков умре тому пятой год». Обращает на себя внимание упоминание этих людей без имен их отцов, что говорит о притупившейся, стершейся памяти о них. Находился ли с ними в родственных отношениях живущий ныне, в 1717 г., с главой двора Федор Мелентьев, сказать невозможно. Вероятнее всего, двор между переписями обезлюдел, в том числе за счет наборов в солдаты, и в нем появилась новая семья. В д. Виртово вотчины епископа Ростовского и Ярославского был двор Семена Кондратьева 50 лет с женой-ровесницей, и его двое сыновей, значившиеся в переписи 1710 г., взяты в солдаты: Степан «в третьей на десять набор», был холост, и Петр в «десятой набор», а брат Семена Иван умер «тому шестой год». В д. Угрюмово поместья Никиты Михайловича Наумова у вдовы Дарьи Зиновьевой дочери Семеновы жены Маркова 30 лет с 10-летней дочерью в 1710 г. записаны ее муж Семен Марков с 2 сыновьями и матерью, которые умерли в 1713 г., а родные братья Семена «Федосей взят в салдаты в пятой набор в 1716 году, Михайло отдан в седьмой набор в том же году». От вполне полноценной семьи остался лишь осколок⁶⁰. По два члена семьи были призваны из хозяйств: в поместной д. Гольцово стольника Никифора Дмитриевича Бердяева у Андрея Корнилова «сын ево Петр да племянник Яков Семенов взяты в салдаты в разные наборы после переписи 1710 году», а другой племянник Иван Семенов «бежал в 1713 году»; из д. Липягино поместья Григория и Ивана Семеновичей Кудрявых у Козьмы Демидова двое его сыновей взяты в солдаты Андрей в 6-й, а Прокопий в 10-й наборы; в д. Зеленино вотчины Афонасия Тимофеевича Савелова у братьев Ивана и Григорья Федотовых сыновья «Григорьевы Леонтей да Демьян отданы в салдаты в давних годех, брат же их Иван умре тому третий год»; в вотчинной д. Болсуново стольника Никиты Федоровича Юшкова у Федора Тимофеева в перепись 1710 г. был родной брат Михаил с женой, «и они бежали тому другой год, а дети ево Григорий да Иван отданы в салдаты в пятой набор», племянник Михаил Елисеев бежал «тому четвертый год»; в д. Евлашево А.П. Салтыкова от 52-летнего Григо-

⁶⁰ Там же. Л. 208об., 427, 493.

рия Федорова с женой Авдотьей 47 лет с малолетним сыном, с женой 32-летним двоюродным братом и 17-летней дочерью в солдаты были отданы брат Григорий в 5-й набор, другой «Григорий же отдан в третий на десять набор»⁶¹.

Из отдельных хозяйств забирали мужчин как в солдаты, так и в работники, о чем говорят ранее приведенные свидетельства: в Спасо-прилуцкой д. Скорое один из братьев дворовладельца Михайла Киприанова сам ушел в Петербург в 1713 г., другой взят в солдаты 8-й набор, оба были женаты; в монастырской же д. Ярыгино племянники Григория Иванова один ушел в столицу в 1716 г., другой пополнил 6-й набор; в с-це. Михальцово Кириллова монастыря один из племянников Федора Никифорова был с 1712 г. в работниках и умер, другой находился в солдатах с того же 1712 г. Из двора «Дементия Сидорова с братом Федором» в д. Кривое вотчины епископа Ростовского и Ярославского, причем братьев женатых с женатым сыном у старшего из них и малолетней дочерью у младшего, прежде многочисленного, между переписями 1710 и 1717 гг. их пасынок, сын умершего в 1712 г. третьего брата, был взят в работники в Петербург «в 1712 году и там умре, был холост». Сын же теперешнего главы двора Дементия Сидорова Исак был «взят в салдаты во второй набор, холост». В д. Бобырево Сямского монастыря — двор 70-летнего вдовца Луки Гурьева с внуками Семеном Матвеевым 16, его братом Михаилом 5 лет и их матерью Епистимией Лукьяновой 30 лет, которую, судя по отчеству, можно считать дочерью главы. В 1710 г. в хозяйстве было 4–5 взрослых работников: женатый сын Луки Иван с двумя своими сыновьями Михаилом и Федором, и Иван «взят в работники в 1714 году, там умре, а жена ево скитается в мире, а дети Михайло взят в салдаты в 1715 году». Так как сын Ивана оказался годен для солдатства, то сам он был вполне взрослым. С Лукой еще жили зять Алексей Семенов с женой, а также двоюродный брат Тимофей Антонов с двумя сыновьями. И «зять Алексей Семенов взят в салдаты в 1715 году, Лукин брат Тимофей умре в 1711 году», а его сыновья умерли один в том же 1711 г., другой в 1714 г. Людские ресурсы двора государство использовало в полной мере в необходимых целях⁶². В поместной д. Шумихино Григория Алексеевича Урусова у супругов Ульяна Ларионова 55 лет с 45-летней женой и двоюродным братом Павлом Еремеевым 50 лет с женой-ровесни-

⁶¹ Там же. Л. 558об.–559, 785, 978об.–979, 1108, 1147об.

⁶² Там же. Л. 40об., 37–37 об., 109об., 203–203об., 152об.

цей и их сыном 10 лет, а также племянником Максимом Ивановым 9 лет, в 1710 г. был сын Ульяна Петр, «и он взят в работники» в 1715 г., «а племянник ево Гаврило Еремеев отдан в солдаты в пятой набор»⁶³.

Показательны судьбы крестьян в поместье Ивана Даниловича Беклемишева. В д. Верхний Косогор переписью 1717 г. учтен двор супругов Гаврила Иванова сына Балашова 67 с женой Ксенией Мокеевой 69 лет, с их женатым сыном Андреем 42 и Антониной Дмитриевой 37 лет, у которых: женатый сын, а внук Гаврила, Савелий — 14 лет с женой Елизаветой Кондратьевой 23 лет, и еще трое младших детей Иван 9, Василий 2 и Марфа 11 лет. В 1710 г. во дворе Гаврилы написан пасынок, т. е. сын его жены, Матвей Васильев, который «з женою Маремьяной умре в 1715 году», а их сын Степан «отдан в солдаты в шестой набор, а жена ево Ульяна Агапитова вышла замуж, а сын их Максим умре». Брат Матвея (т. е. пасынка) «Анисим Иванов Обухов умре в 1712 году, а сын ево Афонасей в Санкт Питербурхе в работниках в 1715 году умре», жена его Пелагея с дочерью Дарьей скитается в мире. Дочь Матвея Олена — 24 и дочь Анисима Василиса — 22 лет выданы «замуж назад тому третей год. На том дворе три избы». Состав жителей данного домохозяйства интересен своими родственно-боковыми и свойственными связями. Во-первых, обратим внимание на возраст Савелия (внука главы двора) и его жены, которая на 9 лет старше своего 14-летнего мужа. В хозяйство, где реальными, полновесными работниками, по всей видимости, был его отец Андрей Гаврилов с женой, потребовалась дополнительная труженица. Молодого, старшего из имевшихся у них четверых детей сына женили и приобрели 23-летнюю сноху, усилив таким способом трудовой потенциал семьи. Во-вторых, упомянутую, выданную замуж Олену Матвееву удалось обнаружить в д. Нижний Косогор, описание которой следует за предыдущим. Деревни Верхний и Нижний Косогоры, несомненно, соседствовали. Олена вступила в брак с 25-летним Федором Михайловым, который был племянником главы двора Степана Иванова сына Балашова 67 лет, имевшего жену-ровесницу. Оба хозяйства, откуда Олена вышла и в которое влилась в качестве жены и снохи, оказались связаны между собой. Прежде всего, явным родством, ибо возглавлявшие их крестьяне Гаврило Иванов сын Балашов и Степан Иванов сын Балашов имеют одинаковые отчества и прозвания (фамилии?), они братья, им по 67 лет,

⁶³ Там же. Л. 450об.

если возраст указан верно, а также свойством, ведь Олена — дочь пасынка Гаврила Балашова. Затем, главы обоих дворов, находясь в близком родстве и ставшие когда-то соседями, причем не в одной деревне, а в близ лежащих, не прервали своих связей, а подкрепили их брачными узами младших не прямых потомков. По переписи, конечно, невозможно судить, насколько добрососедскими оставались их отношения, вполне допустим вариант типа — сбыли девку с рук — ведь ей за двадцать.

В расположенной поблизости от этих деревень д. Матвеевской того же поместья И.Д. Беклемишева имелся двор 37-летнего Матвея Филиппова, он «глух, крив и хром», с женой Прасковьей Федотовой 25 и племянником Иваном Никифоровым 11 лет. Жившие здесь в 1710 г.: его отец Филипп Лазарев и мать Авдотья «померли в 1712 году», брат Никифор с женой и сыном тоже «померли назад тому лет с пять. Иван (вероятно брат?) в Санкт Питербурхе в работниках умре в 1712 году. Другой брат Иван же отдан в солдаты в десятой набор. Матвеев же брат Иван Иванов сын Семичев», его жена и 2 сына «померли тому третей год»⁶⁴. Данные дворы, некогда наполненные примерно шестью работниками, между переписями лишились около двух третей из них за счет естественной убыли и обеспечения мобилизаций.

Рассмотрим домохозяйства в поместной д. Тарасово Василия Ивановича Головина, где в 1717 г. значился двор вдовца Кирилла Парфеньева 50 лет с двумя женатыми сыновьями: Михайлом 35 с женой-одногодкой Анисьей и двумя детьми, Прокопьем 30 лет с женой того же возраста и также двумя малолетними детьми, и еще с племянником Дементием Васильевым 20 лет. В хозяйстве — 7 взрослых, из них четверо мужчин–работников. В 1710 г. у главы двора Кирилла был сын Савва с женой Пелагеей Яковлевой и дочерью Ириной, который когда-то был призван в армию. «И они Сава умре в салдатех, жена вышла замуж в иное поместье Протопопова Сямской волости в село Фрязиново, дочь Ирина умре». У Кирилла еще был родной женатый племянник Максим Герасимов и с двумя дочерьми Татьяной и Марьей. Он был «взят в работники в 1712 году и умре», а его жена Акилина Денисова в книгах 1717 г. «писана выше сего с Александром Тихоновым», т. е. в предыдущем дворе, а обе дочери умерли. Во дворе Александра Тихонова 42 лет с женой Агриппиной Парфеньевой 35 лет и сыновьями 15 и 12 лет, дочерью 8 лет и записана «у него ж вдова» 30-летняя Аки-

⁶⁴ Там же. Л. 415–416, 417–417об.

лина Денисова дочь Михайловская (нужно Максимовская — *Е.Ш.*) жена Герасимова». Вряд ли вдову, которая была женой племянника главы соседнего двора Кирилла, вселили в совершенно чужое хозяйство. Между этими дворами должна быть какая-то общность, и она обнаруживается. Кирилл и жена соседа Александра Тихонова Агриппина имеют одно отчество — Парфеньевы, они — несомненно брат и сестра, а Александр доводится Кириллу шурином⁶⁵. Так что жители записанных подряд хозяйств и обитавшие в непосредственном соседстве соединены родственно-свойственными отношениями. Вдову убедили перебраться в численно меньший двор, тем более что на нем «две избы», и вероятно, по хозяйственным соображениям, а не только чтобы сфальсифицировать подаваемые для переписи данные.

В д. Евлашево поместья А.П. Салтыкова имелось хозяйство Ивана Калинина 57 лет с женой Ириной Лазаревой 67 лет, их сыном Ильей 32 лет с женой 34 лет и 4-мя сыновьями от 9 лет до года, и также с родным вдовым братом Никифором 47 лет, у которого 4 сына. Один — Карп был женат, он умер, его жена 27 лет живет со свекром, а 9-летний сын скитается в мире, второй сын Никифора Тимофей отдан в солдаты в пятой набор, третий сын Марко 20 и четвертый Иван 16 лет «сошли в работники» в Петербург в год переписи — 1717-й⁶⁶. Семья из двух женатых братьев, имевшая примерно 7 работников, отдав одного в армию, отпустила двух братьев и одновременно племянников главы Никифора в строящуюся столицу, возможно предвосхитив грядущий набор в нее.

Реакция крестьян на государственные мобилизации была более чем определенной. Перепись 1717 г. неоднократно отмечает случаи уклонения от солдатства, произошедшие после 1710 г. От него крестьяне сходили или чаще сбегали, что следует из уже общенного материала. Сход, уход от набора в армию предполагает возможность возвращения. Бегство же, как более радикальный способ конфликта с существующим социальным порядком и мера выражения протеста, не означало вероятности возврата и несло в себе потенциал разрыва связей с тем социальным и житейским микромиром, в котором существовал крестьянин. Перепись 1717 г. показывает крестьян, как бежавших от солдатства, так и вернувшихся после побега в свои деревни и образовавших семьи. Так, в вотчине епископа Ростовского и Ярославского значатся в д. Долма-

⁶⁵ Там же. Л. 653–653об.

⁶⁶ Там же. Л. 1147об.–1148.

тово 20-летние бездетные супруги Петр Иванов и Марья Иванова, а ранее «он Петр не написан для того, что от солдатства был в бегах до переписи 1710 году», т. е. если возраст показан верно, то Петр бежал мальчиком и вернулся перед переписью 1717 г., успев жениться. В епископской же д. Романово показан двор Евдокима Михайлова 42 лет с женой ровесницей и их женатым сыном 23 лет и Опросиньей Васильевой 17 лет, которые пока бездетны, и у него «брат ево родной» Иван 39 с женой Февроньей Тимофеевой 30 лет и их 9-летним сыном. «А в переписной книге 1710 году Евдокимов сын Иван и брат ево Иван же были не написаны для того, что от салдатства были в бегах». Запись лаконична. Бегство молодого сына Евдокима, которому в 1710 г. было около 16 лет, понятно, однако на такой шаг решился и 32-летний брат Евдокима, который, судя по возрасту его ребенка, уже был женат. В д. Дулово того же владения находились соседствующие дворы Ивана Антропова 77 лет и Антона Антропова 57 лет, которые, явно, братья. У одного из них, старшего, Ивана, женатого на 72-летней Василисе Трофимовой, женатый сын Василий 25 лет с ровесницей женой и детьми Филиппом 3 и Авдотьей 6 лет. Он в 1710 г. «не написан, был от салдатства в бегах». Записанный же сын Ивана Иван взят в солдаты «в девятой набор в 1710 году», его жена умерла «тому пятой год», их сын живет у своего дяди. Василий, если учитывать возраст его дочери, «бегал» около двух лет, и после возвращения завел семью. У другого брата Антона Антропова с 56-летней женой значился женатый сын Василий 30 лет с 29-летней Прасковьей Марковой. «Антонов же сын Гаврило взят в салдаты в десятой набор, холост. А в переписной книге 1710 году были не написаны для того, что они Василей и Гаврило от салдатства были в бегах». Оба брата возвратились, однако Гаврила не избежал армии и попал в 10-й набор. Василий успел жениться, но дети у него не показаны, быть может, они умерли в самом раннем возрасте. Каждая из семей братьев Антроповых стала поставщиком солдат на шедшую Северную войну. В епископской же д. Кривое у Ивана Иванова 47 лет с 25-летней женой, старшим женатым сыном Федором 20 лет и двумя малолетними дочерьми, Федор в 1710 г. не попал в перепись, так как «от салдатства в малых летех был в бегах». Весьма красноречивое свидетельство! В том же епископском владении д. Мынчаково из двора Григория Стафиева 72 лет с 50-летней женой и женатым сыном Григорием же 24, его женой 20 лет, и еще с младшими детьми 9-летним сыном Семеном, Матреной 17 и Анной 14 лет Григорий Григорьев сын в 1710 г. «от салдатства был в бегах». Судьба этих крестьян интересна и в ином аспекте. В 1710 г. «был

написан у Григорья сын Иван, и он с женою Анной умре тому пятой год». Сбежавший от призыва Григорий тогда был «с нижеписанным братом своим Васильем в одном дворе. А ныне по осмотру Василей написан в особом дворе». В соседнем дворе находим Василия Стафиева 57 лет с 47-летней женой и 15-летним сыном Ерофеем. В период между переписями произошел как бы родственный обмен дворами. К 1710 г. в одном дворе жили Григорий Стафиев со старшим женатым сыном и младшими детьми, в другом дворе родной брат Григория с племянником, сыном своего старшего брата. Возможно, тогда этого требовала хозяйственная или иная необходимость. После смерти сына Григория Ивана и возвращения Григория из бегов последний поселился во дворе отца, тем более что он стар. В д. Рослятино той же вотчины у Федора Алексеева 35 лет с женой 30 лет и 11-летним сыном жили два его женатых брата, у каждого из которых имелось по 1 ребенку: 30-летний Леонтий с 4-летним сыном и 25-летний Семен с 3-летней дочерью. В 1710 г. эти братья главы двора Федора «были от солдатства в бегах, бежали в 1709 году»⁶⁷, т. е. до начала переписи.

Интересны данные по поместью княгини М.И. Несвицкой в Сямской вол., состоявшем в 1717 г. из 22 жилых дворов в д. Малгино с 5 деревнями. В д. Матвеевской было хозяйство трех женатых родных братьев: главы двора Филиппа Иванова 45 с женой Фетиньей Исаковой 40 лет и сыном Иваном 2 лет, Трофима 30 с женой Степанидой 28 лет и Козьмы 25 с женой Марьей 23 лет. В 1710 г. были не записаны «Филиповы братья Трофим да Козма для того, что они от солдатства в то время бежали». Однако их побег не избавил насельников двора от набора, в 1715 г. Филиппов «племянник Карп Тимофеев взят в солдаты в осмой набор». В д. Иванковской в 1710 г. не попал в книги сын 60-летнего дворохозяина Ивана Григорьева (жене 70), причем — второй, Семен, которому 25 лет и у него жена одногодка и сын 1 году, так как он «в то время бежал от солдатства», а возвратился он примерно в 1715 г. В той же д. Иванковской из хозяйства женатого 35-летнего Григория Иванова с 3 малолетними (5,3, 1) детьми не попали в перепись 1710 г. его 2 брата: Терентий 24 лет, жене 20, без детей и холостой Логин 20 лет, так как «они в то число бежали от солдатства», а отец трех братьев Иван Мартьянов «з братьями и з женами и з детьми умре в 1715 году». В соседнем с этим дворе Семена Петрова 45 с женой 30 лет и 15-летним сыном, с родным братом Перфилием 30 лет с его женой ровесницей

⁶⁷ Там же. Л. 199об., 205об., 201–202об., 212, 210об.–211.

и тремя малолетними (7, 3, 1 лет) детьми в 1710 г. не был написан как раз Перфилий, ибо «бежал он в то время от солдатства»⁶⁸. Из сказанного ясно, что из своих хозяйств крестьяне бежали не только по одному, но и по два человека, и в бега ударялись сын, сын и брат, племянник, 2 брата того или иного дворохозяина.

Мобилизация как государственное мероприятие и бегство как ответ на него сопутствовали друг другу. Так, в полусельце Чашниково Марии Гурьевны Огарковой в 1717 г. имелся двор 60-летнего Дмитрия Степанова с женой ровесницей и 20-летним женатым сыном Иваном, а также с двоюродным племянником Михаилом Андреевым 30, его женой 35 лет и 3 дочерьми 10, 8 и 7 лет. В 1710 г. Михаил с женой и детьми были в бегах и в перепись не попали. В нее были внесены жившие в этом дворе двоюродные братья главы: Василий, Дмитрий и Иван Васильевы. Василий с женой Варварой Стафеевой и с 2 детьми и Иван бежали в 1713 г., а Дмитрий Васильев взят в солдаты в 1714 г., после чего его жена Наталья Иванова бежала в том же 1714 г. В поместной д. Коренево стряпчего Михаила Юрьевича Рязанова из хозяйства вдовца Дмитрия Ефимова 70 лет с 30-летним женатым сыном, бездетным и другим сыном Ефимом 17 лет «Дмитриевы дети Григорей отдан в солдаты в шестой набор, Иван з женою и з детьми бежали безвестно в 1715 году», и в данном случае «безвестно» определенно относится не к дате, а к направлению побега и местонахождению беглецов. В д. Терентьево С.А. Колычева в Воздвиженской вол. был двор супругов Ивана Михайлова 55 и Домны Самсоновой 35 лет с пятью детьми от 14 лет до полугода, где в 1710 г. написан «брат ево Иванов родной Алексей с женой Парасковьей Федоровой с сыном Никитой», с женатыми «с племянники родные Иваном, Никифором Васильевыми» (у последнего сын). «И они Алексей умре в 1712 году, племянник ево Иван с женою и з детьми, Алексева жена Парасковья с сыном бежали в 1714 году. Никифор взят в солдаты в 1711 году, жена его вышла замуж в ыное поместье, с ней же сын ее Степан». В д. Негодаево Алексея Семеновича Маркова значился Данило Федотов 60 лет с двумя женатыми сыновьями Никитой 30 и Иваном 22 лет, женам обоих по 20 лет, и детьми (года и двух) у каждого из сыновей. В соседнем «особливом дворе» оказался родной брат Данила Харитон Федотов 40 лет с 30-летней женой, с 17-летним женатым сыном с женой ровесницей без детей, другим сыном 14 лет и дочерью 1 года. В 1710 г. у Данилы были

⁶⁸ Там же. Л. 743, 745, 746.

написаны: сын Степан с женой, которые скитаются «в мире безвестно с 1714 году», брат Никита Федотов с женой и сыном бежали в 1713 г., их племянник Матвей Васильев с женой «умре тому пятой год», а его сын Владимир «отдан» в солдаты в 6-й набор⁶⁹. Из только что сказанного видно, что крестьяне бежали, в том числе и от мобилизаций, не только поодиночке, с кем-либо из родственников, но и малыми семьями. Характерно, что, пробыв в бегах более или менее продолжительное время, крестьяне возвращались в свои деревни и, таким образом, к землевладельцам.

Естественно, перепись не говорит и не должна говорить о сыске беглых крестьян и о наказаниях, которым подвергались вернувшиеся из бегов. А.Г. Маньков в свое время подробно исследовал законодательство второй половины XVII в. о беглых и об организации их сыска. Он впервые проанализировал важный памятник — Наказ сыщикам от 2 марта 1683 г., регулирующий не только процедуры сыска беглых, но и сферы крепостного права в целом. Ученый выяснил источники и постатейный состав Наказа и убедился, что тот вообрал в себя важнейшие законодательные акты 1658–1683 гг. Он уделил внимание указу 1691 г. и особенно двум указам марта 1698 г., которые развивали и дополняли Наказ сыщикам 1683 г. в плане кары за прием беглых. Организацию сыска беглых А.Г. Маньков изучил в ракурсе постоянно действовавшей государственной системы с присущими ей организационными звеньями. Историк рассмотрел названные и другие законодательные акты также при характеристике крестьянского вопроса в Палате об Уложении 1700 г. в связи с переработкой в ней главы XI «Суд о крестьянех» Уложения 1649 г. Он установил, что в результате переосмысления и редактирования законодательства второй половины XVII в. была выработана юридическая база в сфере регулирования прав землевладельцев на крестьян и борьбы с побегами последних, отвечавшая условиям рубежа XVII и XVIII вв. Реально сложившаяся к этому времени система государственного сыска сводилась, в конечном счете, к посылке сыщиков и приставов в определенные районы для вылавливания беглых и водворения их к прежним владельцам, содействию этим акциям местных органов власти, инициативному участию самих помещиков и вотчинников в розыске при поддержке и военно-административной помощи местных властей⁷⁰. В годы Северной войны правитель-

⁶⁹ Там же. Л. 276–276об., 386об.–387, 482об.–483, 583–583об.

⁷⁰ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962. С. 60–79, 82–119, 345–360, 371–380, 401–403. См.:

ство, полагает Е.В. Анисимов, мирилось с бегством, нуждаясь в людях для армии и флота, в работниках на многочисленных стройках. Ужесточение борьбы с бегством началось в 1721–1722 гг., когда были изданы несколько законов, которые вводили полуторагодовой срок вывоза беглых с момента опубликования указа, расширили контингент причисляемых к беглым, значительно повысили штраф за ихдержание, ввели телесные наказания за их утайку и другие суровые меры. Сыск беглых, ведшийся в государственном масштабе, ученый оценил следующим образом. «Это была продуманная, выверенная акция, рассчитанная, наряду со многими, уже упомянутыми выше, на то, чтобы заложить основы того социального порядка, который соответствовал общей концепции полицейского государства. Законы о беглых, реализованные в ходе проверки наличного населения, положенного в подушный оклад, не были временными. Они создавали юридическое основание для борьбы со всеми видами несанкционированного передвижения по стране. Законы о преследовании беглых, иначе говоря о запрещении покидать место жительства, ставшее и местом платежа подушного налога, распространялись не только на помещичьих крестьян, но и на все население, включенное в подушный оклад»⁷¹.

Перепись 1717 г. фиксировала бежавшее население, итожила его число по каждому из описываемых владений, административной части уезда и уезду в целом. Она содержала поступательную, итоговую информацию, дающую представление правительству о масштабах бегства. В Кубенской трети Вологодского у. беглые составили около 16% убывшего населения⁷². Государственные мобилизации имели негативные последствия для землевладельцев, особенно средне- и мелкопоместных, тем более находящихся вдали от имений на военной службе. Потребность поместно-вотчинных хозяйств в работниках, обеспечивающих производство дохода, была немаловажным фактором, и потому они принимали назад бежавших от них крестьян, которые снова включались в жизнь семейную, деревенскую и поместно-вотчинных владений в целом. Приказчики последних, если таковые были, или мирские старосты с сотскими предоставляли, когда это требовалось, возвратившимся крестьянам место для поселения. Интересны сведения об имени

Он же. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 93–101.

⁷¹ *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 370–374.

⁷² *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. С. 19.

братьев Вараксиных. В д. Высокое из 4-х дворов, находившейся в совладении Никиты и Ивана Федоровичей (2 дв.), Никиты Федоровича (1 дв.) и Максима Ильича (1дв.), за Никитой и Иваном значился вновь поселенный двор Ивана Никитина 60 лет с женой Ульяной Михайловой 55 лет, с племянником «их родным» Прокопием Варфоломеевым 50 лет с женой Улитой 45 лет, у которых дети Иван 5 и Агриппина 4 лет. В 1710 г. «Иван Никитин и с племянником Прокопьем не написаны потому, что в то время были и з женами в сходе, и пришед, поселились тем двором в 1716 году». Тем же братьям Вараксиным принадлежала вновь поселенная д. Алексеяцево, ранее бывшая пустошью. В ней двор 55-летнего Логина Степанова с женой Акилиной Савельевой 35 лет и сыном Лукьяном 10 лет, и «у него ж племянники родные»: Артемон Епифанов 50 с женой Ириной 35 лет, Василий Прокопьев — 20 с женой Акилиной Митрофановой 20 же лет и холостым Василием Даниловым 16 лет. В книгах 1710 г. они «Логин Степанов и с племянники родными и з женами и з детьми не написаны потому, что в то время были в бегах, и пришед из бегов, поселились в помянутом дворе в 1712 году»⁷³. Приведенные данные интересны тем, что перечисленные крестьяне вернулись не в свои прежние дворы, а были поселены во вновь заведенных дворе и деревне. Возвращение крестьян из бегов было использовано даже для хозяйственного оживления запустевшей земли.

Из изложенного материала явствует, что в работники и в солдаты община и землевладельцы старались отпускать неженатых мужчин. В армию законодательно рекомендовалось брать холостых мужчин 20-летнего возраста. Однако этот принцип не всегда соблюдался. Порой и в армию, и на строительство Петербурга брались женатые мужчины. Уход мужа-кормильца ставил женщину с детьми в трудное положение, что уже видно из приведенных сведений. Перепись наполнена бесстрастными свидетельствами, что в отсутствие мужа жена, жена с малолетними детьми «сошла/и/ в мир», жены, дочери «кормятся» или «скитаются» в мире, «кормятся Христовым именем». Отнюдь не всегда такой сход «в мир» мог прокормить женщину-солдатку. Переписчики многократно фиксируют смерть женщин и детей в этих скитаниях. В д. Щекарево епископа Вологодского и Белозерского в семье двух женатых двоюродных братьев из 9 человек, сорокалетних Козьмы Андреева с малолетними детьми и Ивана Терентьева с женатым сыном 25 лет и внуком 4 лет в 1710 г. вме-

⁷³ РГАДА. Ф. 350. № 556. Л. 714.

сто скитавшегося в мире Ивана Терентьева значился двоюродный же брат Дементий Гаврилов, и «он взят в салдаты в 1712 году, жена ево и с дочерью умре того же году». В д. Горка Никольская Спасо-Каменного монастыря из хозяйства Афонасия Дмитриева 28 лет с 38-летней женой и с двумя малолетними детьми его брат был отдан в солдаты в 1711 г., а «жена его Ирина умре тому третьей год». В поместной д. Харাপово Петра Михайловича Лызлова имелся двор родных братьев Тимофея Иванова 55 лет с 37-летней женой, 2 сыновьями 17 и 13 лет и Ивана Иванова 25 лет с женой-ровесницей. В 1710 г. здесь «написан брат их Иван Мартьянов, и он отдан в рекруты» в 10-й набор, «а жена ево и з детьми сошли безвестно». Еще «брат же их двоюродный Семен Логинов в прошлом 1712 году умре». Семеновы же дети Никифор 15, Михайло 10, Андрей 4 лет и женатый «пасынок» Федор Григорьев 30 лет «в поданной скаске они написаны в бегах» с 1716 г., хотя «сверх поданной скаски в тех дворах по наезду явились». В д. Митинское поместья Василия Ивановича Волынского — двор вдовца Григория Иванова 44 лет с детьми Федором 16, Афанасьем 12 и Матреной 6 лет, а также с его двоюродным братом Василием Дементьевым 45 с женой ровесницей и детьми Иваном 12, Степаном 1 году и Екатериной 3 лет. В 1710 г. у них был «написан двоюродный брат Яков Миниев, и он отдан в солдаты в 1710 году, а жена ево Федора з дочерью Афимьей скитаецца в мире». В д. Деревцово А.П. Салтыкова у крестьянина Ивана Алексева 57 лет с женой Катериной 32 лет, с бездетным женатым сыном 18 лет (жене 20) и с тремя младшими детьми Ильей 15, Авдотьей 5 лет и Анной 1 году после переписи 1710 г. его сын, вероятно старший, Иван «отдан в солдаты в шестой набор, а жена ево Афимья Лукина дочь» 25 лет с дочерью Мариной «бродят в мире». В 1710 г. «в том дворе написан Фома Алексеев, и он з женою умре», и Фома, судя по отчету, доводился братом главе двора. В вотчинной д. Мидяево Никиты Андреевича Шаховского был двор Емельяна Иванова 46 с женой Пелагеей 36 лет и пятью малолетними детьми. В 1710 г. у Емельяна написан брат Иван Иванов, который взят в солдаты в 6-й набор, а «жена ево Соломонида з детьми с Иваном да с Михайлом... скитаютца в мире безвестно»⁷⁴.

Положение солдаток в семье свекров было, по всей вероятности, весьма уязвимо. Выходом было новое замужество, о чем встречаются свидетельства в переписи. Так, в уже упоминаемых выше поместных деревнях: Терентьево С.А. Колычева из двора Ивана

⁷⁴ Там же. Л. 85об.–86, 119, 566об.–567, 606об., 952об., 1018.

Михайлова жена его племянника Никифора, взятого в солдаты в 1711 г., вышла замуж «в иное поместье, с ней же сын ее Степан»; Тарасово В.И. Головина у сына главы двора Кирилла Парфеньева, Саввы, взятого в солдаты после 1710 г. и умершего «в салдатех», жена «вышла замуж в иное поместье Протопопова Сямской волости в село Фрязиново, дочь Ирина умре»⁷⁵.

В вотчине Спасо-Каменного монастыря в д. Нагорское имелся двор вдовца Степана Ильина 57 лет, с женатым сыном 37 лет и внуком, старший же сын Степана был взят в солдаты в 1711 г., «а жена его вышла замуж». В д. Кобелево поместья Ивана Семеновича Нелидова хозяйствовал вдовец Андрей Акинфиев 82 лет с 60-летним сыном Епифаном, его женой Марьей Андреевой 50 лет и 10-летним сыном. С ним же жил «Никифор Филипьев, племянник ево родной» 70 лет с 50-летней женой и сыном Федором 10 лет. В 1710 г. в том дворе значились: сын Епифана Алексей, умерший в 1716 г., брат Никифора Матвей с женой, «а Матвей отдан в солдаты в седьмой набор в 1711 году, а жена ево вышла замуж в вотчину, которая приписана к гошпитали»⁷⁶.

Жены, мужья которых были в работниках и вернулись к переписи 1717 г., в их отсутствие также были вынуждены «бродить в мире». В д. Виртово вотчины епископа Ростовского и Ярославского Досифея к 1717 г. появился двор Дмитрия Ананьина 35 лет с женой Анной 30 лет и 9-летней дочерью. «А в переписной книге 1710 году он Дмитрей з женою и з детьми был не написан для того, что был в работниках в Санкт-Питербурхе, а жена ево и з детьми бродили в мире». У жен, мужей которых взяли на принудительные работы, все же сохранялась надежда на их возвращение домой и на восстановление семьи. Мужчины, можно думать, возвращались в деревню, получив новый жизненный опыт в строящейся столице.

Неустойчивость положения женщины с детьми, которая была снохой в доме свекра, ясна и не требует дополнительного комментария. Женщины порой решались на радикальные поступки. Крестьянка с. Пучка Спасо-Каменного монастыря после того, как ее муж был взят в драгуны в 1716 г., «бежала безвестно» от свекра, который остался с двумя внучатами, детьми солдатки⁷⁷. Интересен следующий случай. В поместье И.Д. Кушелева в д. Зрелое в 1717 г. был двор вдовца Ивана Терентьева 50 лет, у которого сын 15 и дочь

⁷⁵ Там же. Л. 482об.–483, 653–653об.

⁷⁶ Там же. Л. 120об., 590.

⁷⁷ Там же. Л. 126.

10 лет, с ним же Мавра Афонасьева дочь Ильинская жена Ермолаева с сыном Максимом 10 лет. Она — вдова, ее муж Илья Ермолаев доводился главе двора Ивану двоюродным братом, который «взят в работники» в 1714 г. «и умре». Сын главы двора Ивана тоже «Иван бежал в 1717 году»⁷⁸. Другими словами, существовала семья двух женатых двоюродных братьев и по смерти в работниках одного из них его вдова осталась в семье своего деверя. Правда, и 50-летний деверь, и 30-летняя сноха его брата оба овдовели, однако по устраивавшей их причине продолжают жить в одном дворе. А бегство Ивана, по всей вероятности, продиктовано нежеланием попасть как в работники, так и в солдаты.

В итогах переписной книги 1717 г. по Кубенской трети Вологодского у. за духовными феодалами значилось 460 дворов. По моим подсчетам 70 дворов поставили мобилизованных в армию и на работы, из них в солдаты — из 49 (70%), в работники — из 21 (30%), или 15% дворов от общего их числа. Бежали от солдатства и вернулись жители еще из 18 дворов. Из светских владений, которых было около 1200, по моим подсчетам были мобилизованы мужчины из 170 дворов, в солдаты из 120 (70%) и в работники из 41 (30%), или 14%.

Семьи, из которых к 1717 гг. были принудительно вырваны крестьяне самого трудоспособного и репродуктивного возраста, состояли, как правило, из супругов с малолетними и неженатыми детьми (13 случаев), супругов с одним женатым сыном и младшими детьми (18), женатых братьев с детьми как холостыми, так и женатыми (16), женатых дядей с холостыми или женатыми племянниками (7). До такого изъятия семьи в принципе были такой же структуры и состава, однако выбывшего молодого мужчину, по преимуществу холостого и могущего образовать семью, как бы замещал следующий по возрасту и подросший сын или брат. Примечательно, что такое изъятие сопровождалось и разделом семей.

Приведенные многочисленные данные со всей очевидностью свидетельствуют о наборе кандидатов в работники и солдаты из «семьянистых» дворов с неразделенными семьями, в которых было несколько мужчин работоспособного возраста. Такие семьи, даже утратив некоторых из них, восстанавливали свой потенциал и сохраняли хозяйственную способность. В петровское время продолжает действовать принцип, проверенный в XVII в. и нацеленный на набор мужчин из многоячейных семей, чтобы сохранялась их платежеспособность.

⁷⁸ Там же. Л. 695об.

В плане же оценочного отношения вотчинников и общин к хозяйственному положению дворов для мобилизаций показательны следующие сведения. В уже упоминавшейся ранее д. Горка Минина Спасо-Каменного монастыря в двор, где в 1710 г. хозяйствовал Федор Семенов с сыновьями Иваном, Григорием и племянником Никитой, его братом Дмитрием Нефедовым с сыном, в 1712 г. был «переведен» Дмитрий Тимофеев из д. Петрешино. В этой деревне обнаружен двор женатого Василия Тимофеева 57 лет с женатым сыном Кириллом 19 лет и с младшей дочерью 12 лет. Запись о состоянии на 1710 г. говорит, что тогда в этом дворе жил «брат ево Дмитрей Тимофеев, и он переведен з женою и детьми в вышеписанную деревню Горку в 1712 году»⁷⁹. Объяснение, в какой именно двор, в тот ли, в котором его учла перепись 1717 г., отсутствует. Однако вряд ли сразу по переводе в 1712 г. Д. Тимофеев с семьей из 6 человек поселился в чужеродном дворе Ф. Семенова, даже если его бывший глава ушел в монастырь, скорее всего, овдовев. Ведь двор еще населяли два сына прежнего главы, два племянника и сын одного из них, и четверо из пяти этих мужчин умерли в 1714 г. Двор окончательно запустел еще через два года, в 1716 г., когда другого сына мобилизовали плотничать в новую столицу. Кстати, к этому двору нет пояснения об имевшихся на нем двух изб, какое имеется для двора в д. Петрешино, откуда Д. Тимофеев выселился. Возникает сомнение в правильности указанных дат, хотя о переселении Д. Тимофеева именно в 1712 г. говорится дважды при переписи соседних деревень, и эту дату следует принять. Две другие даты, 1714 и 1716 гг. допустимы, если полагать, что 4 года Д. Тимофеев жил в другом дворе д. Горка Минина.

Во всяком случае, переселение и тем более перевод (а употреблено именно слово «переведен») крестьянина в другую деревню не могли состояться без ведома монастырских властей, хотя бы в лице посельского, и представителей общины, так как в деревне появлялся новый тяглец. Двор, некогда полнокровный, имевший 3–4 мужчин, и возможно 2–3 из них были трудоспособными, потерял их естественным путем. В нем остался один мужчина, вероятнее всего молодой и холостой. И община, а ее решение принимает вотчинная власть в лице посельского, доводят двор до полного упадка, сдав его последнего представителя в работники. Вселение нового жителя во двор, который в принципе не выморочный, показательно. Сдачу в работники крестьяне-общинники

⁷⁹ Там же. Л. 117, 117об.

воспринимали как выбытие из деревни, и возможно навсегда. Во всяком случае, двор они сочли пустым и нашли в него нового тяглеца, чтобы не оплачивать «пусто». В этом действии общинных и владельческих властей отчетливо проявилась ориентация и стратегия монастыря.

В вотчине Вологодского и Белозерского епископа в д. Кишкино обозначен «дворишко нищенские девки Алены Алексеевы дочери, а ей 30 лет. У нея сестра Парасковья 7-ми лет. А в книгах 1710 году оной двор был пуст Харлама Козьмина, а он взят в Санкт-Петербург на вечное жительство в 1715 году. А отец его и мать умре в давних летех». В поместье Б.Н. Стрижевского жил во «дворишке» нищий Андрей Федоров с женой Марфой Ивановой, оба 50 лет. Записан у них сын Лаврентий 20 лет, он «взят в работники тому года з два в Санкт-Петербург». Указание возраста отсутствующего в момент переписи молодого человека может говорить о его возможном возвращении в поместье. В поместной же д. Юркино «в избенке» живет нищая 50-летняя вдова Гликерья Григорьева дочь Яковлевская жена Захарова. Она «солдатская мать», которая «прибегает на время, и ныне скитается в мире, детей нет». В вотчине Лариона и Григория Ивановичей Волконских в половине деревни Федяево был двор нищего Никифора Матвеева 40 лет с женой Лукерьей Яковлевой 35 лет и десятилетним сыном. «А он Никифор взят в плотники»⁸⁰, по всей вероятности в год переписи, ибо дата набора отсутствует.

С подобным падением на дно жизни сталкиваемся и в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря. В его подмонастырском с. Коровничье обозначен двор «рекрутного» солдата Павла Семенова, взятого в пятый набор в 1710 г., в котором «живет жена его Киликия Иванова 45 лет» с малолетними сыном Иваном и дочерью, а 11-летний ее сын Федор живет в монастыре «во дьячках» и еще один сын, может быть старший, Матвей умер в 1715 г. В том же селе во дворе другого солдата Дмитрия Ильина, взятого в третий набор, брат которого «Григорий взят в кузнецы и умре в Санкт-Петербурге», живет их 67-летняя мать, а ее младший 16-летний сын Василий «живет в Прилуцком монастыре в служебниках. А сын же ее Михайло сшел в Санкт-Петербург в работники в 1713 году и умре». Жена Григорья, умершего в Петербурге, «Наталья Павлова дочь вышла замуж, а дети Григорей и Ксения померли в 1711 году». Или в монастырской же д. Никитино живет «во дворишке нищая вдова солдатская мать Анна Яковлева дочь 58 лет». Ее

⁸⁰ Там же. Л. 82об., 727, 730, 1002.

муж Яков умер в 1711 г., а сыновья «Михайло взят в солдаты в 1711 году, Афанасий сшел в Санкт Питербурх в работники в 1715 году, там умре, Федор сшел безвестно в 1713 году». Еще один сын Осип «скорбен живет в Прилуцком монастыре в больнице»⁸¹.

Вполне отчетливо по материалам переписи 1717 г. виден способ, по которому общины и вотчинники доводили хозяйственно ослабевший двор, где не оставалось трудоспособных людей, до полного разорения. Такой двор передавался новому тяглецу. Подобная мера была использована в поместной д. Савинцово Большое Н.Д. Бердяева, где в 1717 г. значился двор Алексея Ермолина 50 лет с 55-летней женой Антонидой Якимовой и женатым сыном Иваном 33 и Ириной Ивановой 25 лет, у которых сын 5 лет. В книги 1710 г. Алексей с семьей не попал, так как «он был у помещика своего в водожской деревне (т. е. в Водожской вол — *Е. III.*) для работы з женою з детьми». Однако двор тогда был жилым. В нем были «написаны Иван да Тихон Козмины. И они Иван умре после переписи 1710 году, а брат ево Тихон з женою и снохою своею, а с Ивановою женою Кузмина, с Офимьей Михайловой дочерью и с сыном Васильем Ивановым да с племянником Яковом Алексеевым бежали в 1707 году. А племянник их Федор Тимофеев взят в солдаты в девятой набор, а племянник их Яков Иванов взят в работники в Санкт Питербурх и умре»⁸². Двор запустел между переписями, двое мужчин выбыли по мобилизациям, а значительная часть семьи бежала. В нем и была поселена новая семья. В данном случае налицо зависимость крестьян от власти помещика и государства, а также проявление радикальной реакции на нее.

П.А. Колесников сделал интересное наблюдение, пожалуй недооцененное в литературе. Волостные миры с последней четверти XVII в. «выбраковывали», по его выражению, малоимущих крестьян через мобилизации в рекруты и на принудительные работы, освобождаясь от экономически ослабленных сочленов. В соответствии с доминировавшей в 1960–1970-х гг. установкой о классовой дифференциации деревни, ориентированной на буржуазное расслоение, ученый расценил такие факты как создававшие для зажиточных крестьян благоприятные условия по приобретению участков неустойчивых хозяйств⁸³. Однако в подобных действиях полагаю, проявлялись со всей отчетливостью социально-стратегические устремления

⁸¹ Там же. Л. 23–23об., 30.

⁸² Там же. Л. 559об.–560.

⁸³ *Колесников П.А.* Северная деревня... С. 253.

землевладельцев и волостных миров, направленные на поддержание платежеспособности на нужном уровне.

В.А. Александров в монографии о сельской общине, рассматривая вопрос о рекрутчине, обстоятельно проследил и разобрал принципы отбора рекрутов в общинах из числа, во-первых, больше-семейных многотяглых крестьянских дворов и, во-вторых, из малотяглых, бесхозяйственных, непрочных дворов. Ученый также показал, что в XVIII в. феодалы и общины широко практиковали сдачу в рекруты «всех тех, кто был им не нужен». Общины выработали разные меры, позволявшие им экономическим путем «очищаться» от малосостоятельных крестьян. Существовала еще внеочередная сдача в рекруты «штрафных», в которые попадали лица, совершившие антиобщественные проступки, пьяницы, но чаще хозяйственно слабые. Этот способ позволял общине избавляться от наиболее бедной части деревни и имел сугубо «хозяйственно-социальный характер»⁸⁴.

Примечательно, что историки независимо друг от друга обнаружили одинаковые порядки в связи с рекрутчиной, которые действовали на протяжении XVII–XVIII вв. в черносошной и частновладельческой общинах. В жестком поведении типологически разных общин в отношении нетяглоспособных хозяйств улавливается некое нормативное единство.

Итак, рассмотренный материал свидетельствует, что общины, поддерживаемые землевладельцами, решая на практике вопрос государственной мобилизации, следовали вполне определенной стратегии. Во-первых, при наборах в солдаты и работники они черпали людские ресурсы из семей неразделенных, многочейных, с достаточным числом мужчин-работников. Такой принцип был болезненным, но позволял со временем семьям восстанавливать свой численный и хозяйственный потенциал, он также был приемлем для землевладельцев и государства, не получавших фискальных потерь. Во-вторых, те же актеры использовали силовой прием окончательного разорения экономически слабых дворов, избавляясь тем самым от хозяйственного балласта, и заводили вместо него или на его месте новое домохозяйство с потенцией развития.

Военная и трудовая мобилизации, как мог убедиться читатель, самым непосредственным образом влияли на структуру семей и судьбы ее членов, воздействуя на их демографию. Изменения про-

⁸⁴ Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 247, 273–277.

исходили не путем естественного, а инициированного извне (для семьи) упрощения состава за счет вырывания структурообразующих звеньев (мужчины) и последующей утраты и даже вымирания сопряженных с ними составляющих (женской и детской). Предложенный нарратив вхождения в отдельные крестьянские дворы и детального проникновения в сложившиеся в них между переписями 1710 и 1717 гг. ситуации, позволил наполнить сухой и однообразный материал живой жизнью. У незаинтересованного читателя может возникнуть упрек автору в перегруженности текста однообразным материалом и его монотонности, однако это обусловлено содержанием источника, и именно за счет такой формы удалось вникнуть в конкретные судьбы людей, выявить стратегии крестьянских семей и практиковавшиеся землевладельцами. Вместе с тем из изложенного наглядно предстает реальная стоимость начавшейся петровской модернизации, которая выражена в человеческих жизнях безмолвствующего, в основном, большинства, но реагировавшего радикально и традиционно — бегством. Отмечу и важную источниковедческую особенность переписи 1717 г. Она уникально зафиксировала момент пульсации состава семей, столь трудно уловимый по источникам.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Реконструкция отношений в семье — важный фактор установления существовавших связей в группах разного рода и масштаба. Для получения суждений по такому не простому вопросу более всего подходят источники, которые возникли в самих группах и фиксировали бы внутренние отношения, а они специально не документированы. Полагаю, что некоторую информацию можно извлечь из поземельных актов крестьян, которые оформляли имущественные сделки, причем договорного характера, на двory вместе с землей. Крестьяне воспринимали двор именно в совокупности — жилой комплекс с возделываемыми земельными угодьями. Понимание такого единства проявлялось в употреблении ими широко распространенных выражений ценностного характера: продал «свою деревню», хотя реализовалась ее часть — четвертая, восьмая, шестая или иная, деревня — «вотчина наша деда и отца моего» или «по купчим наша вотчина»¹. Акты могут, в какой-то степени, пролить свет на некоторые отношения между членами семьи, но они мало пригодны для раскрытия причин, обуславливавших те или иные поступки крестьян, а тем более эмоциональных состояний. Наиболее интересны среди таких документов те, в которых фигурировали родственные группы крестьян, участвовавшие в сделке либо как продавцы, либо как покупатели домохозяйств².

Значительная группа родственников, состоявшая из двух братских ветвей, предстает из вкладной грамоты сольвычегодских крестьян 1582/83 г. в Архангельский монастырь³. Одну из них составили 2 родных брата Борис и Василий «Якимовы дети Антонова», другую — 4 родных брата: Григорий Белко, Яков, Иван, Григорий меньший «Захарыны дети Антонова». Обе группы между собой —

¹ О видах межкрестьянских поземельных сделок и обычноправовых нормах, на которых они основывались, см.: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 98–128.

² Здесь и далее «домохозяйство» употребляется в значении комплекса жилого дома-двора и владеемой земли.

³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45–2. Л. 50.

двоюродные братья, сыновья Якима и Захара Антоновых. Движимые сыновним долгом и благочестием, они в память о родителях пожертвовали «свою» деревню (разработанную дедом и носившую антропонимическое название) в монастырь — «за свой вклад и по своих родителей». Четкое обособление детей Якима и Захара (в титуляции начального протокола акта) говорит в пользу их раздельного и самостоятельного жительство. При этом братья Антоновы и на ступени двоюродного родства сохраняли семейно-клановое единство, сознавали себя принадлежавшими к одному корню («племени»). Подтверждает эту мысль именование братьев одновременно по отцу и деду: Якимовы дети Антонова и Захарыны дети Антоновых, и вторая формулировка своей несогласованностью в числе подчеркнула как раз, что они все «Онтоновы», т. е. прозвище по деду, если не стало, то со временем могло стать фамилией.

В контакты с внешним миром вне крестьянской среды (монастырем, писцами) братья Антоновы вступали солидарной группой, они сообща «били челом», «отдали деревню», не отделяя одну родственную ветвь от другой и ни одного из них от всех. Они все обязались не пытаться возратить деревню: «и нам Борису да Василью да Григорью Белку да Якову да Ивану да Григорью меньшему... не бить челом...» и совместно участвовать в уплате денежного штрафа. Эти поступки были возможны в случае вероятного обсуждения братьями предприняемого шага и достижения взаимного согласия, ведь в каждой из групп был старший брат, с мнением которого было необходимо считаться другим членам семьи. Да и сами главы братских семей должны были договориться и убедить друг друга в правильности избранного решения.

Сделки заключали братья как между собой, так и с другими контрагентами. В марте 1593 г. в Учецкой вол. Сольвычегодского у. 5 братьев — Михаил, Тит, Семен, «Онтон» и Емельян «дети Васильева» участвовали в одной купле-продаже на половину прислона⁴, «отца своего благословение, чистую землю и с лесом и с подсеками», также с двором и дворищем и хоромами. Акт отчетливо показывает, что братья выступают как совокупное лицо и совладельцы при продаже наследственной деревни Короваевской (Окороваевской) «со всеми полосами, чем мы владели». В то же время один из братьев, имя которого названо первым, он, ско-

⁴ Прислон — косогор, уступ. Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 15. Или крутой гористый берег, уступ, увал поодаль от воды. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1980. С. 442.

рее всего, старший Михаил возглавляет родственную группу, что следует из выражений: «во дворе хоромов..., чем яз Михайло и з братьею своею владел»; «да продал есмя» землю с прикупленным участком на речке Езовице, с пожнями, путиками, с пашенной землей на речке Негле; государственные подати «сево 101-го (1593) году платить Михайлу з братьею». Примечательны выражения, присутствующие в статье о цене сделки: «а взял есмя мы Михайло з братьею на той земле на полуприслоне», где глагол в единственном числе использован с личным местоимением во множественном, и в завершающем купчую обороте: «продали есмя мы Михайло з братьею ту полдеревни отца своего по купчей грамоте» такое сочетание согласовано: «есмя мы Михайло з братьею»⁵. Подобное употребление подчеркивает ведущую роль Михаила среди братьев, который олицетворяет единство их деловых устремлений и крепость братских уз. Как во всякой сделке частного характера, в данной купле-продаже были свидетели. «А у купчие седали мужи, люди добрые Семен Иванов сын Пятово, Конан да Василей Васильев сын Долнин да Офонасей Тимофеев сын Тюшляев да Павел Иванов сын Кузнец», и среди них находятся, как видим, братья, сыновья Василия Долнина. Послушество всех подтвердил «позади купчие на ставе» послух Семейка⁶.

В той же Учечкой вол. в январе 1597 г. два брата Федор и «Федор же прозвище Сема Истомины дети Бобровского» совершили сделку со своим третьим братом Поспелом Истоминым сыном Бобровского на д. Дурасово с дворовым обзаведением, полями и другими угодьями. Купля-продажа состоялась между родными братьями, причем два Федора продали «деревню и пожни после делу, что от братьи ся досталось з делу». Сколько времени прошло от него до продажи, сведений нет. Интересно, что «купчую писал Федка Истомин сын Бобровского своею рукою», и на ее обороте («позади») имелась запись: «К сей купчей яз Федорко прозвище Сема деревню з братом Федором большим продал со всем без вывода и с пожнями и руку приложил яз Сема»⁷. Получается, что оба Федора были грамотными, один написал текст документа, а другой его удостоверил. Писцовая книга 1622–1625 гг. свидетельствует, что в д. Дурасово продолжали жить крестьяне Бобровские. В ней значится лишь один двор, Поспелка Петрова сына Бобровского «з

⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 97–98.

⁶ Там же. Л. 98.

⁷ Там же. Л. 121.

детьми с Офонкою да с Миткою», и они землей «владеют по купчей 105 (1597) году». Облагаемой пашни «средние земли» было около 10 четей, и она исчислена «в полчети выти», а лежащая в перелоге и поросшая лесом 21 четь посчитана «в пуге полвыти»⁸. Писцовая книга показывает, что крестьяне обрабатывали меньшую часть угодий, а большая из них находилась в запустении, причем пустые дворы в деревне не указаны. Рассмотренную куплю-продажу от 1597 г. и писцовую книгу разделяют почти 30 лет, и покупатель, фигурировавший в сделке, теперь уже с сыновьями, предъявил писцам именно купчую грамоту, служившую основанием своего земельного владения. Интересно, что покупатель деревни в 1597 г. и ее житель в 1626 г. носят одно имя Поспел, а имя отца не совпадает, в акте он сын Истомина, а в писцовой книге сын Петров. Однако речь идет об одном и том же персонаже, отец которого в первом случае назван неканоническим, во втором же крестильным именем. Доказательством правильности идентификации Поспела, а его имя в обоих документах также неканоническое, служат следующие записи. Одна из них: «Список с купчие писал Офонко Поспелов слово в слово», другая удостоверительная сделана на обороте скопированного списка: «К сему списку с купчие в отца своего место Поспелка Бобровского Фомка Поспелов руку приложил»⁹. Итак, приобретя д. Дурасово у братьев в самом конце XVI в., Поспел Бобровский, вероятно младший из них, прожил в ней 29 лет, у него двое взрослых сыновей, включенных в описание и хозяйствующих вместе с ним, наверное имеющих свои семьи. Характерно, что в двух поколениях Бобровских были хорошо грамотные мужчины, умевшие составить и написать деловой документ и снять с него копию, а также удостоверить их соответствующей записью.

В ноябре 1598 г. в той же Уцецкой вол. продали «полюбовно свою деревню, батюшка своего благословение Павла, Короваево» Василий, Иван и Андрей «Павловы дети Кузнецова». Из текста ниже выясняется — не всю деревню, а ее четверть двум покупателям Михайлу Андрееву сыну Посельского и «Лукояну Провову сыну Посельского же». Продавцы — сыновья Павла Иванова сына Кузнецца, который упомянут послухом в ранее приводимой купчей 1593 г. Пояснение о продаваемой части деревни как «батюшка ... благословенье» говорит о том, что Павел Кузнец умер между 1593

⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. № 446. Л. 531об.

⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 121.

и 1598 гг. Если его прозвище Кузнец прямо говорит о ремесленном занятии, то у его сыновей оно обретает уже форму притяжательного прилагательного и фамильного прозвища.

В составе проданного братьями Кузнецовыми имущества перечислены двор с хоромами, сенокосные пожни, а также рыболовные и охотничьи угодья. Земля как таковая не упомянута, но оговаривается, что в сделку не входит сев, «что на той деревне вперед сияна рожь, да опроче и ныняшнего хлеба яравово и ржаного». У братьев-продавцов еще «есть новинка посечена», на которой они весной посеют рожь, и им, «рожь сняв, до земли дела нет». Отсюда следует, что подсечный участок продается, но с некоторой отсрочкой во времени.

Совместное участие братьев в продаже деревни подчеркивается неоднократным совокупным повторением их имен: «в поскотине Василью да Ивану да Ондрею три жеребья», «чем яз Василей да Иван да Ондрей владели», «подати... платити Василью да Ивану да Ондрею до Ильина дни», если деревня окажется заложена, то «нам Василью да Ивану да Ондрею выкупать и очищать своими деньгами»¹⁰. Из документа абсолютно ясно, что продавцы — родные братья, ибо они Павловы дети Кузнецова. Родство же покупателей не вполне понятно. Братья Михаил и Лукоян имеют одно прозвание Посельский, производное от служебной должности, исполняемой в частновладельческой вотчине. В конце XVI в. такими в Сольвычегодском у. были монастырские владения. Учитывая, что прозвища за носителями закрепляются не в первом, а во втором-третьем поколении, все же было бы несколько рискованно прямо связывать происхождение братьев с исполнением кем-то из их предков службы посельского. Она, как известно, подразумевала административно-хозяйственное управление определенным сельским подразделением вотчины, группировавшимся вокруг селения как центра и места пребывания посельского старца. Все же такое предположение допустимо, так как происхождение прозвания весьма прозрачно. Затруднительно судить точно о степени родства Посельских, ибо они имеют разные отчества — Михайло сын Андрея, а Лукоян — Прова, и только их одинаковое прозвище говорит в пользу их родства и скорее двоюродного.

Три брата Гаврило, Василий и Сергей Лукины дети Конанова в марте 1599 г. заключили сделку с Собиной Терентьевым сыном Петровым в Уечцкой же вол. на «землю закаменную (за речкой

¹⁰ Там же. Л. 111. Жеребей — участок, доля в каких-либо угодьях.

Каменной — *Е.Ш.*) половину Кормановскую», полученную по наследству от отца. «Земля» включала двор и хоромы, поля и пожни, притереб¹¹, «путики», «летовищи и с перевесы, и с озеры» и озимый посев. Все эти угодья, «чем отец наш Лука владел по купчим грамотам, да чем и мы владели после отца своего». Братья как продавцы и активные носители действия выразили в грамоте свое восприятие «земли», которое проявилось с большой отчетливостью. В их понимании, равно как и других крестьян, поселенческие постройки, земледельческие и промысловые угодья — объемное, нерасторжимое целое. Пахотные поля обеспечивали семьи рожью, ячменем, овсом, пожни — сеном для домашнего скота, который пасся на покотинах, озера и речки — рыбой, охотничьи «путики», перевесы и «тропы» — птицей и зверем, годными в пищу, дополнявшими скудный зерновой рацион, а также шкурками пушных зверей. Столь наполненная разными угодьями «земля» равнозначна деревне, и братья Лукины Кононовы продали «ту половину деревни Кормановские отца своего благословение» насовсем, но кроме одной пожни, и взяли «на той земле на полукормановской...»¹². В этой купчей или «продавчей», как ее обозначил писавший дьячок, земля и деревня равноценные понятия.

Также в марте 1599 г. Григорий Ларионов сын Кокин купил у Леонтия «по прозвищу Сема» и «Дмитрия Федорова, Федоровых детей Засухина» треть их совместного держания — «деревни починка Олешевского». Братья назвали его сразу деревней и починком, что с точки зрения современного мышления кажется нелогичным. Однако их квалификация вполне оправдана, ибо отражает стадию земледельческого превращения починка в деревню. Показательно, что братья Засухины продали «чистую землю и с лесы и с пожнями и с путики и с покотиною», также с пустошью и «прикупной землей»¹³. Хотя они наряду с этими угодьями упоминают озимый посев, конопляник, капустник и хозяйственные постройки, но не называют полевые, пахотные участки. Их, видимо, пока недостаточно, чтобы починок стал считаться деревней.

В январе 1604 г. братья Михаил и Иван Артемьевы дети Обросьева купили у Андрея Логинова сына Хохлова деревню Балувскую. Из текста выясняется, что продавец поп Андрей владел

¹¹ Притереб — это росчисть под пашню или сенокос (Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 52).

¹² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 108.

¹³ Там же. Л. 43.

ею по купчей и реализовал со всем, что «в той ни есть». Купчую удостоверил продавец: «К сей купчей Андрей поп деревню продал и руку приложил»¹⁴.

В 1614 г. Яков и Поспел Андреевы дети Рыбина продали «деревню свою две трети Созутинские земли», разумеется, с двором и постройками. Братья реализовали владение «по своей купчей». Они очень подробно указали межи «той земле», сенокосным участкам, путикам, поименовав крестьян смежных границ. Покупатель Михаил Данилов сын Попов имел с братьями общую межу, которая «той земле з Даниловской землею по старым межам», и это предположение допустимо, так как именование Михаила по отцу совпадает с антропонимическим названием земли. Продажа пришлось на март месяц, поэтому братья Рыбины обстоятельно высказались в отношении засеянных озимью участков, которые разбросаны в поле, «и в заполье и з заречным новинным севом», и «в поскотине Семы Офонасьева», т. е. другого крестьянина. Продавцы включили в документ не часто встречающееся сообщение о передаче прежнего акта, по которому они приобрели участки в д. Созутинской. «Да и купчую старую купли Ивана Бегоулева мы, яз Яков да Поспел, отдали ему же Михайлу для межи владенья»¹⁵. Купчая братьев проявила их заботливое отношение к межам, а тем самым к самим земельным участкам, а также к документам, в которых они фиксировались. В ней они воспроизвели целостность деревни-земли и при этом отметили словно бы отдельность каждого из компонентов: в типичный для актов оборот «свою деревню» с названием и указанием на принадлежавшую часть, в данном случае две трети Созутинские, введено дополнение «земли», придающее обороту большую точность и вместе с тем подводящее в долговременной перспективе к обособлению деревни-поселения и земли. Приведенный оборот может прочитываться как деревня Созутинская и две трети земли в ней. Так, рассматриваемая купчая запечатлела еще совсем слабую подвижку в восприятии самого жизненно важного объекта крестьянского бытия.

Братья Петр и Семен Андреевы дети Дружинины купили в той же Уечецкой вол. в 1623 г. «шестину» д. Подлесной у однодеревенца Анисима Козмина сына Капина, которую он в свое время получил «по мирской данной». Продавец с большой обстоятельностью перечисляет жилые и хозяйственные постройки, указывает их располо-

¹⁴ Там же. Л. 67.

¹⁵ Там же. Л. 87–88.

жение во дворе и его границы с соседями, делая ударение на том, что «под двором и под всеми дворовыми хоромы и земля — им же Семену да Петру». Он также называет участки в полях и подсечные, засеянные рожью к будущему году — «и с тое земли и с пару Онисиму хлеб сняти, а сняв, вперед до земли Онисиму дела нет, никак некоторыми делы»¹⁶.

Рассмотрим несколько документов на одну деревню Долгий прислон. В 1578 г. Павлуша Семенов сын Лепунов получил льготу на 12 лет по 1590 г. на пустошь Долгий прислон на р. Учке. «А пашня на той пустоши великим лесом поросла», неясно, были ли на ней какие-нибудь постройки или только земля, годная к пахоте. Крестьянин должен был на пустоши «лес сетчи и двор поставить и пашня пахать и поля городить и пожни чистить», другими словами — поднимать хозяйство с «нуля», чем объясняется длительный срок полного освобождения от всяких платежей. После 1590 г., «как отойдут его урочные годы, и Павлуше с тое пустоши платити дань и опрок (оброк — *Е.Ш.*) и всякие государевы подати... и волостные розметы...»¹⁷. На 1606 г. пришлось продажа Константином Гавриловым сыном Чюраковым половины «земли своей прислона, свой жеребей» двум братьям Данилу и Родиону Семеновым детям Лепуновым. Братья приобрели именно «землю» и, судя по называемым межам, рядом с «гарьцой» — небольшим выжженным подсечным участком. «Земля» находилась на возвышенности, на ней нет никаких строений. Она представляет собой участок, потенциально годный для земледельческого освоения и не попавший в податное обложение. Отсутствие в акте обязательного при купле-продаже деревень пункта об уплате каких-либо платежей, оброчных или тяглых, как раз подтверждает такую фазу в окультуривании участка¹⁸. Примечательно, что в именовании Павла и приобретателей земли в 1606 г. Данила и Родиона совпадают имя отца и фамильное прозвище, они все Семеновы дети Лепуновы. Правда, льготную Павла и купчую Данила и Родиона разделяет значительное время в 28 лет. Все же крестьяне имеют одно и то же отчество и прозвище, и вряд ли это случайно. Допустимо считать их родными братьями, и Павел, старший из них, обосновался на застарелой пустоши. Сохранилась еще купчая на д. Долгий прислон от июля 1617 г., когда Данило Семенов сын Лепунов, один из участников сделки 1606 г., продал

¹⁶ Там же. Л. 93.

¹⁷ Там же. Л. 55.

¹⁸ Там же. Л. 59.

Федору Петрову сыну Бобровскому «свой жеребей тое деревни». Знаменательно, что продавец сообщил подробности, важные для нас: его часть, половина деревни, реализовалась с «прикупным прислоном своим жеребьем, что куплено у Кости Чюраковского по купчим своим». Продавец Данило кратко воспроизвел суть совместной с братом покупки земельного участка, сделанной в 1606 г., точно указав при этом продавца¹⁹.

Целесообразно совокупное рассмотрение трех названных актов, действующими лицами которых являются братья Семеновы дети Лепунова на протяжении почти 40 лет. В последней четверти XVI в., еще при Иване Грозном, старший из них Павел решил поселиться на столь давней пустоши, что длительный срок ее возрождения в 12 лет был признан должностным лицом местного самоуправления — «данных денег зборщиком и целовальником Соли Вычегоцкие», оформлявшим отдачу. Павел выполнил взятые на себя обязательства, возвел жилище и хозяйственные строения, разделал поля. Пустошь стала жилой деревней. Прикупленный его братьями в 1606 г. земельный участок находился как раз «против Долгого прислону». К 1617 г. усилиями братьев в д. Долгий прислон хозяйство было полностью обустроено, в нем имелись «все дворовые хоромы», а также житница, овин, огуменник, баня. Среди угодий: пахотные — поля, сенокосные — пожни, и находившиеся в освоении — притеребы и подсеки. На купленном прислоне разделаны поля под посевы озимой ржи и яровых культур — овса, ячменя. Благодаря активному труду за длительное время братья создали крепкое хозяйство. Из акта 1617 г. становится ясно, что продавец Данило владел половиной деревни не только по купчим грамотам, но и по «деловой росписи». Это означает, что к 1617 г. Данило и Родион отделились друг от друга, и можно думать — после смерти их старшего брата Павла. Документ говорит об исключении из сделки «половничь пахоты половников, их жеребьев по порядным записям»²⁰. Из этого следует, что Данило, возможно и с братом, какие-то из своих участков сдали другим крестьянам, заключив с ними договор и оформив его документально специальной «записью». В ней были прописаны условия съема земли и обязательства крестьянина, ее снимавшего²¹.

¹⁹ Там же. Л. 56.

²⁰ Там же. Л. 56.

²¹ Порядные и оброчные записи крестьян Антониево-Сийскому монастырю за XVI–XVII опубликовал Г.Н. Образцов // Исторический архив. Т. VIII. М., 1953. С. 80–197.

Писцовое описание Сольвычегодского у. 1622–1625 гг. фиксирует в д. Долгий прислон шесть дворов. Населяющие их крестьяне составляют как бы две группы владельцев. Одна представлена Баженом Федоровым сыном Бобровского, отец которого Федор Петров Бобровский купил часть деревни в 1617 г., и Бажену принадлежат два двора — жилой и пустой, и писцы именно купчую 1617 г. привели в качестве основания на владение участками; еще по двору значатся залевой Воробьевым и Агеем Сомовым. Иную группу составили два двора, в одном — Митка Родионов сын Лепунов, в другом его же дворе — половник «Ондрюшко Микитин», и «владеют по данной 98-го (1590) году»²². Дмитрий Родионов был сыном Родиона Семенова Лепунова, купившего в 1606 г. прислон земли вместе с братом Данилом Семеновым, которому Дмитрий доводился племянником, как и Павлу Семенову сыну Лепунову, взявшему на льготу пустошь Долгий прислон в 1578 г.; срок льготы истек как раз в 1590 г., когда и была оформлена данная грамота на деревню. Примечательно пояснение писцов: «К той же деревне за Баженком Бобровским прислон Чюраковской, пашет наездом»²³. Проданная в 1606 г. Константином Чюраковым земля, затем дважды поменявшая владельца, бытовавшая в 1626 г. уже под антропонимическим названием Чюраковская, продолжала оставаться «землей».

Следует сделать еще одно замечание. В формуляре купчих грамот обязательно присутствует оборот об угодьях, которые к продаваемой деревне «исстари потягли». Именно вместе рассматриваемые акты на д. Долгий прислон показывают, что он имел под собой реальные основания долговременного владения и пользования земельным держанием и не был лишь формализованным элементом купчих и других сделочных актов. В данном случае «исстари» охватывало 40-летний период.

Анализ сведений актов и писцовой книги на д. Долгий прислон дал возможность реконструировать полувековой период (с 1578 по 1626 гг.) ее существования и жизненные устремления трех поколений живших в ней крестьян Лепуновых. Братья создали на пустоши полновесное деревенское хозяйство, естественно имели семьи. Вместе и по отдельности они наращивали земельные владения за счет собственных трудовых вложений в освоение новых участков и приобретений по сделкам. Они до-

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 446. Л. 535.

²³ Там же. Л. 535 об.

стигли некоего материального достатка, позволявшего им привлечь в свое хозяйство половников. Разумеется, удача не всегда им сопутствовала. Один из братьев, Данило Семенов Лепунов, продал свою часть деревни, причем вынужденно, о чем говорит дата — июнь месяц 1617 г. Однако земля не ушла окончательно из семейного клана, сын Родиона и племянник Данилы Дмитрий продолжал владеть частью деревни и держать половника. Любопытно, что получивший по сделке владение в д. Долгий прислон Федор Петров Бобровский через шесть лет в 1623 г. прикупил по соседству «половину» пашенной и непашенной земли в полудеревне Косаково, расположенной за деревенскими полями; один из ее рубежей шел «от Федоровы ж межи от логу...»²⁴. Хозяйственная инициатива отца и сына Бобровских находилась в эти годы на подъеме. Приобретение земельных участков каким-либо из уже названных способов говорит о стратегии крестьян в области землевладения. Однако, как выяснилось, они следовали и определенным планам в землепользовании. Прислон, за которым у крестьян закрепилось название Чюраковский, десятилетиями не включался в постоянную, облагаемую тяглом пашню и обрабатывался наездом за оброчную плату.

Интересен эпизод с еще одним прислоном, также с антропонимическим названием. В 1587 г. крестьянин Григорий Юрьев сын Воробьев взял на льготу на 10 лет до 1597 г. «пустое деревнишко на реке на Валгине Яковлевской Мусунова прислон починок и со всеми угоды, что к той пустоши исстари потягло по старым межам». Поселение имеет сложносоставное обозначение, оно — деревнишко, и уменьшительный суффикс говорит о небольшом селении, скорее однодворном, вместе с тем — починок, расположено на возвышенности над рекой, и в довершение всего — пустое, хранящее имя и прозвание крестьянина, по всей вероятности, его основателя. В таком характеристичном обозначении смешались все этапы существования селения, а в данный период он значится пустошью. Григорий Юрьев сын Воробьев обязывался в льготные годы «на той пустоши двор поставити и пашня роспахати и покосы розчистити и изгороды круг поль огродити». Однако через два года в 1589 г. он «продал есми брату своему Данилу Юрьеву сыну Воробьеву в Учецкой волости на речке Валгине Яковлевский прислон Мусунова». К моменту продажи в селении была изба, а не двор и дворовые хоромы, посеяна озимь, но о полях речь не идет,

²⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 57.

хотя высечены подсеки. Скорее всего, у Григория Воробьева не хватило трудовых ресурсов продолжать хозяйство в починке, и он передал его родному брату, обменял по сделке на деньги. Имеется еще примечательная особенность этих документов. Льготная грамота составлена и оформлена в июне 1587 г. в Соли Вычегодской писцом Афанасием Ивановичем Вельяминовым, к ней приложена его печать. Значит, ее получатель Григорий Воробьев добрался до уездного центра сам или с его челобитной представитель волостного мира, и от кого-то из них была заимствована формулировка обозначения селения, а также подтверждено его запустение. На обороте грамоты — «а позади льготыны пишет» — короткий текст о совершенной братьями продаже земельного владения. Эту «продавчую на грамоте потписал дячек земской Учещкии волости Горышка Тереньев сын лета 7097(1589)-го марта в 25 день»²⁵. Последний факт свидетельствует, что брат, приобретший Яковлевский прислон Мусунова, вместе с ним получил и льготу на оставшиеся 8 лет до ее окончания. Братья, приняв важное решение, сохранили не только земельное владение, но и освобождение от тяглых и мирских платежей.

Заслуживает внимания купля-продажа трети д. Бабино в 1617 г., ее продавцом был Андрей Анфимов сын Челпанов, а покупателем его родной брат «Ларион Анфимов же сын Челпанов». Продаваемой деревней Андрей «владел по своей купчей»²⁶, которую он совершил раньше, и, по всей вероятности, он был в зрелом возрасте. В деревне имелись необходимые земельные и сенокосные угодья, полный набор жилых и хозяйственных строений. Сделку совершили между собой родные братья, что доказывает их хозяйственное обособление и произведенный некогда имущественный раздел. Примечательно, что они заключают ее как сторонние люди, абстрагировавшись от своего близкого родства.

В мае 1611 г. Андрей Михайлов сын Тютнева продал своему дяде Ефрему Иванову сыну Тютневу же землю и другие угодья, двор и все постройки, составлявшие «половину деревни своеи Скорняковские», и назвал документы, которые подтверждали его владение. Среди них грамоты: купчая, государева, деловая и духовная. Их перечисление сообщает о том, что какая-то часть из земельных участков была приобретена по сделке и оборот «по своей купчей» говорит о покупке либо самим продавцом, либо его

²⁵ Там же. Л. 32.

²⁶ Там же. Л. 71.

отцом; на какую-то — имелась «данная» грамота от имени государя, вероятнее всего, одновременно оформлявшая льготу на освоение лесного или запустевшего участка и освобождавшая на несколько лет от несения податей; деловая означает хозяйственный раздел между братьями — отцом и дядей продавца, а духовная — о его наследственных правах на отцовское домохозяйство. Сделка относится ко 2 мая, последнему месяцу весны, и в нее включен озимый посев, «что... сеяно ржи на той половине деревенской на Скорняковской к нынешнему ко 119-му году», но весенний сев не закончен, так как продающиеся «овсяные семена» у Ондreja еще «в большей сусеке». Их наличие указывает на вероятность проведения ярового посева, однако факт продажи Андреем хозяйства во время начавшихся земледельческих работ свидетельствует о его жизненных затруднениях. Ценно указание акта на то, что «земля Скорняковская с Ефремом не в разделе пополам»²⁷, т. е. находится в совладении племянника и дяди, а окончательно не разделена.

В июне 1622 г. в той же волости Онцифор Семенов сын Спиридонов совершил сделку купли-продажи со своим дядей Павлом Козминым сыном Спиридоновым на «свою деревню» половину «Трушниковского починка, а Березник тож». Продавец дает сведения об основаниях, по каким он владел деревней. Она перешла к нему, во-первых, по наследству от отца, который ее приобрел «по купчей по своей, по которой купливана у Истома Григорьева сына Бобровского», во-вторых, еще и по «деловой росписи, что досталось з делу батюшку моему от брата своего от Павла Козмина ж». В данном случае, в отличие от выше приведенного, из документов, упоминаемых Онцифором — купчей и деловой — совершенно ясно, что его отец Семен со своим братом Павлом совершили полный хозяйственный раздел, письменно оформленный соответствующей грамотой. «Дворовые хоромы, которые з делу достались и в деловой писаны» отцу продавца, как и поля, пожни, вновь расчищенные участки теперь по купчей переходили от Онцифора к его дяде. Сделка датируется летним, июнем месяцем, когда поля засеяны и зреет урожай. «А продал есми и с насыяным хлебом с рожью и с ярью, что у меня Онцыфора сияно ржи и яри на та полудеревне Трушниковской к нынешнему ко 130-му (1622) году в поле и в новинах...», еще «с выженной новиною, что сеять ко 131-му году», в ней продал седьмой

²⁷ Там же. Л. 20.

«жеребей»²⁸. Примечательно в этой сделке решение в отношении урожая, «хлеба снять» в год ее заключения и в следующий с «тех новин купцу Павлу», а далее «Павлу вперед до новин до земли дела нет некоторыми дель». Чаще же был распространен вариант, когда урожай снимал продавец, отказываясь впредь от земли. Онцифор продал свое держание с окультуренными землями, а недавно разработанные и только вводимые в земледелие участки он оставил за собой. Летняя продажа свидетельствует о нелегкой ситуации, возникшей в домохозяйстве Онцифора, который оказался вынужденным продать свою деревню. Допустим вариант давления на него со стороны дяди, не упустившего случая прирастить свои земельные владения за счет земель племянника, если Онцифор был молод и сравнительно недавно потерял отца. Деревенское владение при этом, поменяв хозяина, не ушло совсем вонне, а как бы вернулось в семейный «котел».

Крестьяне Окологородной вол. д. Козминской Василий Васильев сын Степунин «да с своим сыном Михайлом» в 1620 г. продали половину своей деревни Петру Семеновичу Строганову²⁹. В данной сделке отец и сын действуют вместе, хотя ранее каждый из них самостоятельно «купили» свои участки у разных крестьян. Василий Степунин — «свой жеребей тое земли у Ивана Петрова сына Цыбанова», а «Михаил Васильев сын» приобрел земли у «Ивана да у Степана да у Аникиты Ивановых детей Корякина и у их племянников у Михайла да у Ждана да у Дмитрея Гавриловых детей Корякина». Как видим, в свое время, до рассматриваемой сделки отец и сын Степунины покупали земли у разных крестьян, конечно, одновременно. Михаилу Васильеву Степунину участки продала большая родственная группа крестьян, состоявшая из трех родных братьев Корякиных и трех сыновей их четвертого брата Гаврилы, причем допустимо, что Михаил делал покупки у них по частям. Из перечисления родственников, особенно продавцов, понятен состав достаточно многочисленной неразделенной семьи Корякиных, и каждый из мужчин мог быть женат и иметь своих детей. Крестьяне, вступившие в сделку с обеих сторон, совместно участвовали в продаже и распорядились общесемейным имуществом. Из этого акта явно видно единство интересов и действий родственников в неразделенной семье, будь она отцовской или братской, основанное на цельности общесемейного достояния и совладения им. И отец,

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45–1. Л. 114.

и сын Степунины, так же как ранее братья Корякины, прежде чем совершить сделку, вероятно, не раз обсуждали ее необходимость, в итоге приняли значимое для себя решение о согласованном участии в ней. Продавцы знали, что от них требуется взаимная ответственность, и пошли на нее: «А впредь нам Василью з сыном своим с Михайлом и внучатом во всем дела нет...». При этом они в отношении проданного владения брали совместное обязательство не только сами, но и от лица своих потомков — детей, внуков и даже шире: «А назад мне Василью и детем моим и внучатом и роду и племени у Петра Строганова назад не выкупать и иски никакими не отыскивати»³⁰.

В Учецкой вол. в октябре 1622 г. Иван Родионов сын Перевесков «да сыном своим Ондреем» реализовали шестую часть д. Подлесной, когда-то купленную у Ивана Нечаева сына Иевлева, а теперь ее приобрел Борис Иванов сын Кашлев. Продавцы участвуют в сделке сообща, можно сказать на равных, что явствует из типичных словосочетаний: мы продавцы, нам продавцам, а также оборотов купчей грамоты: продано без ржаного посева, «что у нас Ивана да Ондreja сеяно ржи на той шестине Подлесной в поле и в запольях ко 131-му году»; «а взяли есмь мы Иван да с сыном своим Ондреем на той деревне»; «продавцы Иван да Ондрей» гарантируют чистоту купли от прежних продаж или закладов³¹. Отец и сын предприняли имущественную сделку вместе, а включение в нее сына говорит, во-первых, о его совершеннолети и, во-вторых, о совместном хозяйствовании с отцом.

Сыновья, подрастая и приобщаясь постепенно, сообразно возрасту к общей семейной деятельности, получали наряду с трудовыми навыками также представление о необходимости перенять от отцов данные ими обязательства и соблюдать их. Безусловно, сыновья, особенно достигшие тяглого возраста, знали о землях, когда-то приобретенных или проданных семьей, и возможно, отцы и/или деды внушали своим потомкам мысль постараться возвратить достояние семьи, утерянное в ходе жизненных перипетий, или даже его прирастить.

Представляет большой интерес состоявшаяся в 1586 г. сделка купли-продажи в Учецкой вол. между Лукояном Григорьевым сыном Заболотцкого и Анисимом Васильевым сыном Долниных на полдеревни «Кондратовские новаселья» со всеми дворовыми и

³⁰ Там же. Л. 115.

³¹ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 112.

хозяйственными принадлежностями. Лукоян (или Лука) Заболотцкий реализовал в полудеревне «сына своего Ивановской жеребей», причем «продал есми сына своего со всем без вывода, чем сын мой Иван владел»³². Причина, по которой Лука распорядился земельным участком сына Ивана и вместо него самого, не известна и в принципе не может содержаться в акте купли-продажи в силу его назначения. Данный документ привлекает к себе пристальное внимание потому, что вероятность подобного распоряжения потенциально заложена в фактах совместной покупки отцом и сыном земельных участков, примеры которых приведены. Если на их приобретение требовалось взаимное согласие, то таковое, бесспорно, было нужно при продаже. Для его достижения следовало приложить немалые усилия, высказать веские доводы за или выслушать возражения другой стороны. Однако вполне жизнен вариант авторитарного принятия решения отцом как главой домохозяйства, особенно при совместном обладании землей и ведении хозяйства вместе с сыном или в случае его длительной отлучки из деревни. В разбираемом эпизоде продавец обозначает участок как «жеребей» сына Ивана и добавляет, чем он «владел», что говорит о хозяйственной независимости, но с уверенностью нельзя сказать, был ли между отцом и сыном произведен окончательный имущественный раздел. Возникает вопрос о семье Ивана, и если она была, то какое влияние продажа «Ивановского жеребья» окажет на ее обеспечение, ведь у Ивана могли быть жена и дети; если же Иван умер, то вопрос обеспечения оставшейся семьи приобретал ту или иную степень остроты, а отношение свекра к невестке с детьми не обязательно было лояльным. Все-таки оборот «Ивановской жеребей» выражает самостоятельность владения им, а продажа отцом этого участка скорее говорит об отсутствии у сына семьи, или его уходе из жизни по естественной причине, или отъезде, например в Сибирь, или даже бегстве. Продавец Лукоян Заболотцкий принял в сложившихся обстоятельствах независимое решение продать сыновний участок. Во всяком случае, перед нами значимая ситуация, когда у отца было право распорядиться земельным участком, выделенным сыну.

Остановлюсь еще на фигуре покупателя Анисима Васильева сына Долнина. За пять лет до рассмотренной сделки в 1581 г. он получил по данной мирской грамоте землю «полдеревни Новоселья, чем Григорей Тюшляев владел» с полным хозяйственным обзаве-

³² Там же. Л. 75.

дением³³. По прошествии времени он приобрел другую часть той же деревни у Лукояна Григорьева Заболотцкого, с характерным, антропонимическим названием «Кондратовское новаселье». Анисим Долнин увеличил свое земельное обеспечение за короткий срок, хорошо спланировав свои стремления и просчитав действия. Пошаговое обретение двух долей деревни, причем по сущности разным основаниям (одна получена от волостного мира, другая — по сделке), дает пример выстраивания кратковременной и успешной стратегии.

Из рассмотренного актового материала с очевидностью вытекает распространенное бытование межродственных сделок. Продажа деревни родственнику, причем близкому, сохраняет чье-либо приобретение в «своем» круге, включает его в семейное имущество, придает ему статус общего достояния. За родственниками сохраняется право преимущественного приобретения земли. Осознание принадлежности каждого из мужчин к своей семейно-родственной группе с ее предками — дедами, дядями и потомками — внуками, племянниками питало генеалогическую укорененность, которая воплощалась в понятии своего «дома», своего «рода и племени», которые воспринимались как совокупность живых и умерших родственников³⁴. Это же представление давало крестьянам основание апеллировать к авторитету представителей власти. Именно потому, что запустевшая деревня принадлежала семье как совокупности предков и потомков — «та деревня треть Чигры — вотчина наша, деда и отца моего» — крестьянин просил ее на льготу у писцов в 1625 г. и, главное, получил³⁵.

Особый интерес вызывают сделки, в которых участвовали женщины. Естественно, их мало, ибо женщин, возглавлявших домохозяйство, было немного³⁶. Привлекает внимание следующая купля-продажа, своеобразие которой состоит в участниках сделки, предмете продажи и условиях пользования угодьем. В 1580 г. «Дарья Гаврилова дочь Цыбанова, а Ивановская жена Аврамова Ньюбского» в Окологородной вол. продала двум братьям Федору и Григорью Андреевым детям Кочнева из угодий полудеревни Глубокое лишь пожню. В акте именованная Дарья приведена в полной

³³ Там же.

³⁴ Подобное понимание «рода» не имеет отношения к сущностному наполнению термина, применявшемуся в историографии для обозначения коллектива в догосударственный период.

³⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 21.

³⁶ О вдовах как главах дворов см. Гл 1. С. 41–42.

форме, как ее, так и по мужу. Она — вдова, а пожню реализует из унаследованных «мужа своего статков Ивана Аврамова». Примечательно приводимое уточнение: «А та пожня вместе с Марфою Леонтиевою дочерью Фуфаевой не в розделе, косим с нею концы по годам». Сенокосное угодье находилось в совладении хозяйств, которыми руководили две женщины, неясно, правда, из именованной второй, была ли она тоже вдовой, как и то, находились ли обе в свойстве. При продаже пожни Дарья говорит о ее межах, согласующихся «по старым по трем купчим, чем муж мой Иван Аврамов владел»³⁷. Данный акт раскрывает порядок пользования пожней, ее косят по частям, ежегодно меняясь ими, что уравнивает шансы каждой из сторон. Способ пользования был обусловлен договором, скорее всего устным, и его соблюдение говорит о бытовании этических правил у крестьян при пользовании землей. Замечу, что сведения такого рода встречаются не часто.

В июне 1623 г. в Уечцкой вол. «Орина Андреева дочи Рыбина, а Даниловская жена Молокова» продала Ивану Герасимову сыну Молокову полдеревни Офонасово «по купчей мужа своего благословение». В развернутое именование женщины входят имена — собственное и ее мужа, которое состоит из имени и прозвища, но без указания на отчество. Покупатель поименован в трехчленной форме и у него одно и то же прозвище с мужем Орины — оба они Молоковы. Реально полагать их близкое, братское родство. Продаваемая Ориной деревня была куплена ее мужем и перешла к ней по его благословию. Называя хозяйственный комплекс из построек и угодий, она повторяет: «чем муж мой Данило владел», то есть совершенно отчетливо выражает приоритет владельческих прав мужчины. Сразу же после этой фразы следует: «и со ржаным и с яровым севом, что у меня Орины сеяно ржи и яри ко 131-му (1623) году»³⁸. Значит осенний озимый посев и весенний яровых культур вдова провела без мужа, а в июне продала деревенский жеребей. В купчей вдовы примечательно указание на угодья, которые исключены из продажи. Среди них — одно, «что отпродано в заднем озере Поспелу Истомину», заложенные пожни, «что подписал мужу моему Данилу поп Томило», «отпроданное заполье, что отпродано Моторному Лукоянову», а также «Иванова рожь Воркова, что выведено Ивану Воркову по купчей», что скорее означает участок с озимью, а не зерно. Перечисление этих угодий

³⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1526–1623. Л. 66.

³⁸ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 83.

показывает, во-первых, состояние хозяйства при жизни Данила Молокова, и оно не было стабильным, так как он продавал один за другим некоторые куски земельных угодий, а во-вторых, их относительно полный состав до распродаж. Орина теперь продает саму деревню, по всей вероятности, когда резерв отдельных угодий иссяк. Один из послухов в сделке между Ориной и ее деверем Иваном Молоковым — Моторной Лукоянов, который ранее купил участок в заполье, входивший в деревенское владение ее мужа. Добавим к сказанному еще факт. Выше разбиралась купчая сделка в д. Созутинской, которую продали «Яков и Пospel Одреевы дети Рыбина». Их отчество и фамильное прозвище сходятся с таковыми же у Орины до замужества. Совпадение двух из трех членов в девическом именовании женщины говорит о ее родстве с Яковом и Пospelом, которые были ее братьями, а «Орина Андреева дочи Рыбина» вышла замуж в другую деревню³⁹.

В декабре 1618 г. «Андрей Анфимов сын Челпанов» продал «Марье Федорове дочери Захарови Яднове четверть Кибардинского починка деревни земли пашенной свой жеребей». В данной сделке именно женщина обзаводится земельным владением. Продавец его квалифицирует одновременно починком-деревней-землей, почти так же, как при реализации братьями «деревни починка Олешевского»⁴⁰. Эти выражения показывают ранжированную оценку крестьянами степени земледельческого освоения земель в селении, и думаю, наряду с ним в эту оценку входило имевшееся число хозяев и трудоспособных работников в каждом из них, т. е. учитывался демографический фактор. Становление из «земли» деревни, таким образом, было сложным поступательным процессом, который крестьяне безотчетно воспроизводили при сделках и составлении грамот на них.

Мария Яднова в 1618 г. покупает жеребей со всеми относящимися угодьями, «что исстари притягло к той.. проданой четверте земле», какими «продавец владел»⁴¹. В именовании женщины Марьи Федоровы дочери во второй его части «Захарови Яднове» отсутствует логическое указание «жена». Тот факт, что оно опущено, как раз — показатель само собой разумеющейся обыденности, запечатленной в сознании, проявление ментальности, ведь

³⁹ См.: С. 103. Кстати, в писцовой книге Сольвычегодского у. 1626 г. среди деревень Ущецкой вол. д. Офонасово не найдена.

⁴⁰ См. С. 102.

⁴¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 62.

самостоятельностью не обладали замужние женщины или овдовевшие и жившие с взрослыми сыновьями или братьями мужа. Ею располагали вдовы, вставшие во главе хозяйства и взявшие на себя обязательства в несении тягла. Продавец Андрей Анфимов сын Челпанов знаком нам, он за год до данной сделки в 1617 г. расстался со своим владением в д. Бабино, продал его брату⁴². В его сделку с Марией Ядновой не включены ржаной сев, а он «сеян на проданной земле у меня Андрея на четверте ко 127-му (1618) году», «подсека новинка» и «яровые». Дальнейший текст об участках, «опричь» проданных, словно запротоколировал речь крестьянина. Прочитав его: «И леску под новинку усечено, и яровая земля вешняя на проданной земле на четверте мне продавцу Андрею на весну во 127-м году сияти на себя, и все, что сиял, подсечку новинку, лес жежши и спрятати и посеяти рожью, и с поль рожной (так!) сев свой и яровой и с новинки рожь Андрею безпенно сняти, а вперед до земли дела нет»⁴³. Словесно-тематические повторы, уменьшительные суффиксы придают тексту оттенок разговорной речи. Так и видится фигура крестьянина, стоящего перед земским дьячком и говорящего, как кажется сейчас, путано о своих «новинках», высеченных в «леску», о предпринятых трудовых действиях по их изготовлению до того момента, когда можно на них посеять рожь. Андрей Челпанов еще раз, будто вспоминая, сообщает об «опричных» участках: «А продал есми оприче другие новинки посаиные, и з другие с новинки рожь сняти безпенно же, а вперед до земли дела же нет»⁴⁴.

Письменный акт, регистрирующий куплю-продажу, был ее конечным результатом. Несомненно, ему предшествовал этап переговоров, более или менее длительный, в течение которого стороны обсуждали детали сделки, рязались о цене. В рассматриваемой — продавец Андрей Челпанов выговорил у Марьи Захаровой Ядновой для себя некоторые послабления. Осимая рожь обычно сеялась в августе, незадолго до нового года, и земельные владения продавались, как следует из приведенных документов, с посевом ржи. Урожай собирал продавец, а после его уборки участок, бывший под культурой, переходил к покупателю, и он весной сеял яровые хлеба

⁴² См.: С. 108.

⁴³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 62. Прятати — очищать подсеку после сжигания срубленных деревьев. Безпенно от пеня — упрек обвинение; здесь — беспрепятственно (Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 194; Вып. 21. М., 1995. С. 33).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 62.

на купленной земле. Однако Андрей договорился, что весной 1618 г. он сеет «на себя» яровые на полях и новинах на «проданной земле на четверте» и собирает с них урожай, после чего все земельные участки переходят во владение покупательницы Марьи Ядновой. Так, Андрей Челпанов выторговал на один земледельческий сезон пользование своими, но уже проданными участками, причем «безпенно». Резонно поставить вопрос о компенсации за такое пользование, была ли она и в чем выражалась. Само условие, на котором сошлись интересы продавца и покупательницы, очень важно в любой имущественной сделке, оно связано с платежами государственных налогов и сборов на мирские нужды⁴⁵. Подати в казну и «мирские розводы всякие» Андрей обязывался платить в течение следующего за продажей 128-го (1619/20) г. до «новые дани», т. е. до новой мирской раскладки платежей. С этого момента продавцу «до всяких податей дела нет», их «вперед потянути и платити» Марье-покупательнице, которая обещала «к Ондрею в податех ни в каких после новые дани убытков не приводить». Не вполне стандартный уговор, сопровождавший данную куплю-продажу Андрея и Марьи, тот факт, что продавец за свою четверть Кибардинского починка-деревни «деньги взял все, у купчие сидя», и учитывая более раннюю сделку 1617 г. на д. Бабино, все вместе — безусловное доказательство обеднения Андрея Анфимова сына Челпанова и его решительного стремления остаться на плаву.

В январе 1617 г. иную сделку совершила «Марья Гаврилова дочь Ногина, а Афонасьевская жена Красноусова, и вместо детей своих Петра да Григорья да Ивана Офонасьевых детей...», и фраза подчеркивает их несовершеннолетие, с ней же вместе — «да яз Иван Иванов сын Красноусов да Володимер Иванов сын Красноусов»; они все заняли «у Дементья Екимова сына портново мастера» 3 руб. В обеспечение займа пошла их пожня. В акте не только определено ее местоположение и подробные межи, но и содержится важное указание на то, что пожня уже ранее была предметом залога. «Тое пожню преже сего закладывал муж мой бывшей Офонасей, а наш Иванов и Володимеров брат родной» причем тому же Дементию, а до этого «тое пожню преже закладывал Вешняк Пырской». Подчеркну, что срок, на который предоставлен займ, не указан, а Дементий в качестве заемного процента пожню косит «докуда за нами деньги побудут». Все это время, пока заемщики не возвратят долг, они обязываются «оброк с тое пожни платити мне Марье да нам

⁴⁵ См.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне... С. 98–128.

Ивану и Володимеру по вся годы»⁴⁶. В случае невозвращения долга («а не выкупим мы тое пожни») владельцем угодья станет заимодавец Дементий⁴⁷. Свидетелем при сделке был крестьянин Окологородной вол., а сделка заключена и письменно оформлена в Соли Вычегодской. Из акта неясна принадлежность братьев Красноусовых, были ли они крестьянами подгородной волости, как их свидетель, или посадскими людьми, как заимодавец.

Характерно, что в заемно-закладной сделке вдова Марья Гаврилова Красноусова находится во главе группы, представляя своих трех сыновей и одновременно соучаствуя с братьями мужа как равный партнер. Не менее существенно, что как раз к вдове, а не к одному из ее деверей, перешло лежавшее на муже главенство над домохозяйством, а он был, скорее всего, старшим среди братьев. В напряженный момент она использовала способ, ранее уже апробированный, а именно денежный займ у знакомого кредитора, посадского ремесленника, с которым имел дело ее муж, а в обеспечение долга пошло общесемейное угодье, которое раньше уже играло такую роль. Эти факты свидетельствуют о силе ее характера и о хозяйственной прагматичности. Приняв руководство хозяйством всего семейного клана, а в нем два ее деверя, и возможно с семьями, хотя вероятно и допущение об их молодости, вдова Марья обеспечивала своим авторитетом ведение дома и сохранила хозяйственные связи, налаженные ее мужем. Главная забота женщины — обеспечение, в первую очередь, детей средствами существования. Именно этот мотив руководил поступками Марии, а согласие и взаимная поддержка деверей на данном временном этапе крепили семейные узы, не ослабевшие после смерти старшего из братьев.

Хозяйственная инициатива вдов в немалой степени стимулировалась необходимостью обеспечения детей, что, конечно, было для матерей большой заботой. Особенно трудным было их положение в малой семье. Потеря мужа вела не только к уменьшению достатка, но и к разорению и обнищанию, особенно в случаях малолетства детей. Крестьянка Сольвычегодского у. Ратмировской вол. Окулина Ширяева дочь, «а Меншиковская жена», овдовела, а «робята, детишка наши остались малы», и оскудела настолько, что «стало наше ныне неизможенье велико». Она вынуждена была в 1625 г. просить у пис-

⁴⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп.1. 1626. № 45–1. Л. 126.

⁴⁷ О закладе земли как виде имущественного распоряжения см.: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне... С. 121–128.

цов льготу на свой участок и получила ее на два года⁴⁸. Не сумев поднять запустевшую землю, вдова через полгода после получения льготы в следующем 1626 г. ее продала. За хозяйственными действиями женщины важно рассмотреть те хлопоты, к которым она прибегала, чтобы обеспечить «детишек» пропитанием. Какое-то время после смерти мужа она вела хозяйство, имея, по-видимому, некоторый достаток, ведь она платила подати и все мирские платежи даже «ныне с пуста». Подоспело писцовое описание, и вдова, возможно по совету родственников или кого-то из соседей, решила оформить на землю льготную грамоту, давшую освобождение от налогов. Ей удалось продержаться в течение года, и только тогда она продала землю, причем ближайшему соседу, который мог оказать на нее некоторый нажим, пользуясь сложившейся ситуацией. Окулина, действуя самостоятельно, представляла одновременно и своего сына. В документе приведена шероховатая формула и потому она показательна: «Сез Окулина Ширияева дочи, а Меншиковская жена, да сез Игнатей Меншиков сын продали...» — в этой части фраза типична, а в следующей — «...есмя с сыном своим с Ыгнашею...»⁴⁹ происходит сбой и как бы подмена действующих лиц, при которой вдова выходит на первый план. Из этой купчей, написанной не гладко и сохранившей включения устной речи «мужа своего, а Игнаша отца своего благословень... жеребей», улавливается доброта и любовь матери к своему осиротевшему «Игнаше». На его долю выпали испытания, и сыну придется быстро взрослеть и поддерживать своих сестер и, может быть, младших братьев. Ведь в челобитной 1625 г. вдова упомянула своих «ребят, детишек», и опять ласково.

Другая вдова Орина Михайлова дочь, а «Мартемьяновская жена Тюрикова» в сделке 1584 г. представляет интерес своего сына Ивана — она «с своим сыном Иваном, Мартемьяновым сыном» и участвует вместе с Никифором Мартемьяновым⁵⁰. Он — старший сын Мартемьяна, ибо первым обозначен в документе, а Орина — равноправная участница в распоряжении семейным достоянием, что подчеркнуто соединительным союзом «да»: «Никифор Мартемьянов сын... да Орина Михайлова». Так как старший сын действует вместе, по всей вероятности, с матерью и младшим братом, то это означает, что все они живут одной семьей, и отец при жизни не выделил Никифора, может быть он еще не был женат. Младший

⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 81.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. 1626. №. 45–2. Л. 16.

сын Орины — несовершеннолетний, его место в семейной группе определяется его упоминанием в документе вслед за матерью и вместе с нею. Подтверждает это и предыдущий документ, в котором находится подобная же формулировка и точно известно, что сын — малолетний. Характерно в этом случае, что мать стремится к поддержке младшего сына, его нужно поставить на ноги, обеспечить долей в имуществе.

М.А. Островская заметила, что вдова при сделках была представительницей своих малолетних детей, она ставится рядом с детьми или в их «место», а ее имущественное положение зависело от распоряжений мужа, указанных в его духовной⁵¹. Со времен Русской Правды именно к младшим сыновьям переходил отцовский дом и они обеспечивали престарелых родителей. И Орина следует общепринятым порядкам.

Сложным было положение вдов, да еще с малыми детьми, в неразделенных семьях, оно могло варьировать от относительно благоприятного до незавидного. В 1623 г. в Окологородной вол. в д. Усть-Нимянда в сделке на жеребей с антропонимическим названием Филипповский участвовала семейная группа, включавшая Владимира Якимова сына Субботиных, его сноху «Марию Григорьеву дочи Машановых, а Ильинскую жену Якимова сына Субботиных» с сыном Григорием⁵². Перечисление родственников в начале купчей грамоты показывает, что Мария была женой Ильи Якимова сына Субботина, родного брата возглавлявшего сделку Владимира Якимова. Сын Марии Григорий упомянут при матери, как бы слитно с ней, и он, по-видимому, еще малолетний. Участие снохи в совместной сделке с деверем, причем на равных с ним, говорит о том, что она — вдова и, главное, защищает интересы сына. Характерность момента как раз подчеркивает фраза о реализации участка, принадлежавшего продавцу со снохой «по благословиению отца своего Якима», а также ее продолжение, поясняющее произошедшие изменения в семье и хозяйстве: что «нам досталось от брата нашего Никиты з делу и по купчей, что нам Еким купил у Григорья Ефимова сына Роздобурдина». Данное выражение купчей помогает понять состав этой когда-то многоячейной семьи. Ее возглавлял Яким Субботин — отец продавца и свекор вдовы Марии, и с ним жили три сына и два из них определенно были

⁵¹ Островская М.А. Земельный быт сельского населения русского Севера. СПб., 1913. С. 62.

⁵² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 20. Л. 1.

женаты. Один из них, Никита, видимо старший, когда-то выделен из отцовского хозяйства, вероятно, при его жизни, получив свою долю из общесемейного имущества. Деверь и вдова с племянником, совершив куплю-продажу доставшегося им по разделу жеребья, взяли на себя общую ответственность по выполнению условий заключенной сделки. Возможно, ее инициатором был брат покойного мужа Марии, и ей пришлось согласиться с его решением, но она постаралась соблюсти права своего сына. Вдова Мария фигурирует в документе вместе с деверем и сыном, а не самостоятельно, что может означать доброжелательные отношения в этой семье, небезразличное участие дяди в судьбе племянника и его матери.

Жизненные ситуации, в которых овдовевшие женщины играли активную роль, безусловно, представляют существенный интерес. Полагаю, что престиж и общественный статус женщин, стоявших во главе домохозяйства, был намного выше, чем женщин, включенных в семью. Исключения из правил свидетельствуют об умении женщин, оставшихся без мужей, организовать жизнь семьи и ведение хозяйства так, что оно оставалось деятельным. Их авторитет в семье был настолько высок, что с ним считались девери и взрослые сыновья, как видно из представленных уже случаев, а сила характера преодолевала возможное недовольство невесток. Главенство таких женщин в доме признавала не только семья, но и община, одной из обязанностей которой было наблюдение за исправностью дворов, как в морально-этическом, так и хозяйственном плане, и в случаях необходимости община могла вмешаться во внутрисемейные дела.

Конечно, чаще всего именно обстоятельства вынуждали женщин брать на себя ответственность, ведь лишившись содержания мужа, необходимо было поднимать детей. Лидерство в доме было сопряжено с принятием жизненно важных решений, от которых зависело каждодневное существование. И женщине приходилось проявлять активность и организаторскую сметку при ведении хозяйства, естественно не только у домашнего очага, но и умело манипулировать семейным достоянием. Такова «Олена Денисьева дочи Дурьева, а Димитриевская жена Важенинова». Она в 1577 г. продала своему соседу Данилу Иванову Шардину «орамую землю пашенную и непашенную» в Сольвычегодском у.⁵³ Из документа выяснилось, что в свое время у того же Данилы она купила полде-

⁵³ Там же. 1626. № 45–1. Л. 63.

ревни. Она настолько умело вела дела семьи, что построила новый дом на высоком подклете, сохранив при этом старый. Сам этот факт можно толковать и как надобность обновления обветшавшего дома, и как заботу о, вероятно, имевшихся сыновьях и предстоявшей в перспективе необходимости отделить кого-то из них для самостоятельной жизни. Покупка Оленой деревни, строительство большого дома показывают, что она обладала деловой смекалкой, сообразительностью и явно сумела приумножить благосостояние семьи, а продажу участка можно считать как вынужденной, так и очередным деловым маневром.

Не только вдовы, но и солдатки поступали решительно. Жена крестьянина Стефана Яковлева из вотчины Вологодского архиепископа, взятого в рекруты в 1708 г., Матрена Гаврилова дочь с сыном Иваном остались в доме свекра Якова, у которого был еще сын Афанасий, приходящийся Матрене деверем. Она прожила в семье родственников без мужа примерно год и в 1709 г. подала челобитную архиепископским властям, о чем известно из документа следующего года. По-видимому, отношения солдатки со свекром и деверем осложнились. Родственники мужа, может быть, были не удовлетворены работой невестки по дому или по хозяйству, а может быть, ее поведением или еще чем-либо. Высказаться определеннее невозможно за полным отсутствием даже намека на причину недовольства солдатки. Во всяком случае, она захотела от свекра отделиться. Комиссия общинных должностных лиц в присутствии вотчинного представителя — архиепископского приказчика «отделили» ей с сыном «от свекра моего скота и крестьянской рухляди треть, а сухово хлеба малое число. А земли и хором по тому указу мне не отделили»⁵⁴. Судя по этим словам, Матрена получила долю в общесемейном добре. По всей вероятности, на тот момент (1709 г.) солдатка удовлетворилась таким частичным обособлением в семье свекра. Однако ее отношения с родственниками мужа были далеки от доброжелательности, не наладились, по всей видимости, еще ухудшились. В 1710 г. она снова подала челобитную архиепископским властям с изложением предшествующих обстоятельств и жалобой на свекра и деверя, потому что они в доме ее «не держат», «земли и хором не дают». Матрена, конфликтуя с родственниками мужа, настаивала на разделе со свекром, так как «с сыном своим скитаюсь меж двор», и просила сделать это «по правилам»⁵⁵. Важ-

⁵⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. № 323. Л. 27об.

⁵⁵ Там же. Л. 28.

но отметить данный факт, потому что он указывает на стремление Матрены поступать в рамках общепринятого поведения и действующего обычая при проведении хозяйственного раздела с родственниками. Он должен был состояться, необходимая подготовка для него была проведена, но появились непредвиденные осложнения, о чем будет сказано далее.

Противоречиво складывавшиеся внутри семьи отношения порой достигали большой остроты. Страсти особенно накалялись, когда конфликт фокусировался на фундаментальных компонентах, обеспечивающих само существование семьи, а именно на наследуемой земле и недвижимом имуществе. Родственники не справлялись с узлом противоречий, и тогда они должны были обращаться к властям — вотчинным, мирским или государственным. Страдательной стороной в конфликтных ситуациях в крестьянской семье, и чаще неразделенной, была женщина, тем более оставшаяся без мужа. О сложностях, подстерегавших ее, говорят приведенные выше документы.

Иногда обстановка в семье складывалась для женщины и ее детей, грозя потерей минимального обеспечения и даже крова. В 1696 г. к Вологодскому архиепископу обратилась крестьянка Спасо-Нуромского монастыря Агриппина Петрова дочь, жена Осипа Павлова⁵⁶. Муж бросил ее, «сшел... неведомо куды, а меня с парнишком моим оставил в доме отца своего Павла». Судя по форме «сшел», можно думать, что Осип отправился на приработки и, вероятно, сгинул «неведомо» где, ибо прошло уже более двух лет. Невестку с внуком свекор «из двора от себя... сослал», приданое, как полагалось, ей не возвратил. Она с ребенком «скитается по миру между дворами», можно думать, прирабатывая поденной работой или/и кормясь подаяннем. Став отрезанным ломтем в доме свекра, не желавшего иметь два лишних рта, Агриппина могла бы возвратиться в дом отца. Но и последнему его дочь в положении «соломенной вдовы» оказалась не нужна. Характерно, что Агриппина считала своего мужа погибшим и потому добивалась возвращения приданого, а также того, чтобы свекор выделял ежегодно ей и «парнишку моему» хлеб, т. е. зерно для прокорма. Из черновика, оставшегося в архиепископской канцелярии, следует, что в какой-то момент разбора дела было велено Агриппину «держаться в доме у себя отцу ея Петрушке Осипову, а свекру ее Пашке на препитание велеть давать ей на год по четверти ржи да по другой овса», а

⁵⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 226. № 26. Л. 23.

также вернуть приданое⁵⁷. Столкнувшись с неприязненным отношением семьи свекра к себе и, главное, к внуку, пока он не подрос, тобы посильной работой оправдывать свой прокорм, она могла, распорядившись приданым, обеспечить их существование. Подав жалобу архиепископу, женщина пошла на полный разрыв с семьей свекра. И она сама, и архиепископская канцелярия приравняли ее положение к вдовству. Приданое же, принесенное женщиной в дом мужа и находившееся в распоряжении семьи, по стойкому обычаю, известному со времен Русской Правды, возвращалось жене по смерти мужа. В силу этого обычноеправового представления Агриппина настаивала на таком решении, и архиепископская власть последовала ему.

В 1682 г. Ананьица Осипова жаловалась Вологодскому архиепископу на своего свекра Ефима Никифорова, который сослал ее «с двора» с тремя сыновьями 9, 5, 1 года. Она пояснила, «а муж мой Иван покойный жил вместе в одном хлебе», т. е. семья была неразделенной.оборот «в одном хлебе» встречается в крестьянских актах не однажды, он был употреблен в приводимом выше постановлении 1608/09 г. о торговых пошлинах со стрельцов⁵⁸. Выражение было распространено в обществе XVII в., означало типичную ситуацию внутренней жизни семьи, хозяйственно-имущественное единство составляющих ее ячеек. Его бытование в разных социальных группах убеждает в стойкости этого понятия. Оно аккумуляировало совместное проживание и ведение хозяйства, общность семейного «бюджета», говоря современным языком. Вдова Анания, по-видимому женщина твердого характера, оставшись с малолетними детьми, не намеревалась «скитаться меж двор», как вышеупомянутая Агриппина. Неясно, чем была вызвана враждебность свекра к невестке, но она распространилась и на ее малых детей, а его внуков. То, что отношения свекра к Анании были больше чем недобрыми, показывает момент, выбранный им для изгнания невестки. Он проделал это после уборки хорошего урожая, именно 19 сентября⁵⁹.

Вдова не потерпела насильственного действия со стороны главы дома и сумела обставить свою «ссылку» с двора свидетелями. «А сошла при батьке при Семене да при старосте при церковном при Фефиле Емельянове, при крестьянине Илье Нестерове». Можно

⁵⁷ Там же. Л. 25. Четверть ржи равнялась 6 или 8 пудам.

⁵⁸ См.: Гл. 1. С. 27.

⁵⁹ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 34. Карт. 8. № 2. Л. 3.

представить женщину, отчаянно решительную в экстремальной для нее ситуации, прибежавшую в дом отца с такой вестью, затем помчавшуюся к уважаемому одноподдервенцами крестьянину, выбранному ими в церковные старосты, призвавшую одного из соседей или представителя общинных властей и заручившуюся их поддержкой. Защищая детей и себя, осознанно идя на разрыв с семьей свекра, женщина обращается, как это было заведено, к соседям и представителям крестьянского мира. Вспоминается пословица: «На миру и смерть красна!»

Видимо, между свекром и невесткой произошел бурный, нелицеприятный разговор, в челобитную врывается почти прямая речь, передающая посулы свекра: «А в то время сулил мне корову да овцу, а корова да овца — приданая со мной. Да дам тебе хлеба, колько надобетца с робятишками». Свекор, быть может движимый жадностью, а скорее нежеланием делиться со снохой, из 270 пудов (при 8-пудной четверти) или 210 пудов (при 6-пудной) умолоченных хлебов (ржи, овса, ячменя, гороха и даже пшеницы) невестке «всего дал... четвертку ржи (4 или 3 пуд.) да осьмину овса» (1 или 3/4 пуд.). Хорошо зная, что на этом с тремя детьми не проживешь, вдова жалуется на главу семьи архиепископу и желает получить от свекра достаточно хлеба на пропитание, причем его же внуков, и возратить свое приданое. Резолюция на челобитной адресуется к попу прихода и церковному старосте. Она рекомендует свекру: «той снохе... з детьми с тремя сыны отделить хлеба и скота и всякого живота четвертую долю и отдать ей... с росписью, а приданое ее опрочь тое четверти живота отдать особо». Если же свекор «снохе своей приданова не отдаст» и, главное, «живота своего делить с нею не станет», то тогда его следовало «за поруками послать на Вологду». Возврат приданого, а им были в данном случае домашние животные, наряду, конечно, с какой-то одеждой, был само собой разумеющимся. Оно, как видно из резолюции, не могло быть поглощено общесемейным имуществом и раствориться в нем, приданое женщины — «особо» и не входит в выделяемую вдове часть имущества на прожиток. Скорее всего, за этими событиями последует семейный раздел, правда, женщине с тремя детьми жить и хозяйствовать весьма трудно.

Однако выход может быть и таким, как в следующем эпизоде. Сговорная запись крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря Марка Иванова Скоровского 1611/12 г. дает условия брачного контракта и состав приданого женщины. Он «сговорил» крестьянку подмонастырского села Выпрягова Епистимию Окинфиеву дочь

«прозвищем» Милова «взяти за собя». «С нею» Марк получал полпуга земли с двором и с засеянной рожью, 40 четвертей сухого хлеба, платье «да двои серьги». Далее обращает на себя внимание формальная сторона продолжения записи, указывающая: «да у четырех дочерей по двоим серьгам, да с нею же сын Василей, да две кобылы», жеребчик, овцы, свиньи, корова, 11 руб. денег, купленная пожня. Епистимия осталась с детьми, а значит, овдовела, и у нее значительный земельный надел. В этом перечислении земля и имущество находятся на первом плане и, следует подчеркнуть, доминируют над людьми: серьги, скорее всего серебряные, перво-степеннее указания на дочерей, а упоминание о сыне вставлено в показания об имуществе: «...по двоим серьгам, да...сын Василей, да две кобылы» и т.д. Из этого же выражения ясно, что у Епистимии Акинфиевой пятеро детей. Примечателен акцент фразы, сделанный на словах «с нею же сын», чем подчеркивается неотделимость его от матери в отличие от дочерей, указание на число которых сопровождает фиксирование имевшихся серег. Такая связь сына с матерью говорит о его малолетстве. Сам Марк Иванов Скоровской вступает в брак не с пустыми руками. У него «живота пришло в дом к ней», Епистимии, 2 мерина, кобыла, 2 овцы, баран, 30 четвертей хлеба, 11 руб. денег, однорядка, серьги, то есть имущество, состоящее из рабочего и мясного скота, зерна, денег и вещей. Выражение «в дом к ней» можно понять как свидетельство инкорпорации Марка в двор и хозяйство женщины; он, по стилистике других документов, «принялся» к Епистимии. Важным условием сговорной свадебной записи было имущественное обеспечение детей. В первую очередь речь идет о дочерях Епистимии, их «выдавати замуж из вопча по изможному», другими словами, они обеспечиваются приданым из общего добра по материальной на тот момент состоятельности семьи, которое сложится из привнесенного супругами и будет дополнено совместно нажитым. Сын Епистимии Василий, когда вырастет, если «захочет прочь», т. е. отделиться, то ему выделяется «земли четверть пуга... да четверть изо всего живота», другими словами, он получает половину надела своего отца, умершего до составления сговорной записи. И если самому Марку «случитца смерть, ино его дитем трема сыновьям половина живота». Только отсюда становится известно, что Марк, вступая в брак, тоже имел сыновей и, значит, так же как и Епистимия, овдовел. Его трое сыновей могли рассчитывать на половину имущества. Свадьба Епистимии и Марка должна была состояться «после Велика дни нынешняго 120-го году в первое воскресенье», т. е.

традиционно на Красную горку, открывавшую весенний свадебный цикл после Великого поста и праздника Светлого Христова воскресения. Если же «Марк не возьмет за себя Епистимию», то в соответствии с этой сговорной записью «взять Епистимии на нем» 10 руб. «неустойки». Документ был составлен в присутствии Никольского священника Василия Якимова сына и трех свидетелей и написан «по противням»⁶⁰. Последний факт подчеркивает договорную сущность брачного соглашения, которое составлялось, как было общепринято при оформлении подобных отношений, в двух экземплярах, предназначенных для каждой из сторон. Прозрачно и название документа — «сговорная» запись.

Многообразие семейных отношений, осложненных противоречиями, выступает из челобитной крестьянки Спасо-Прилуцкого монастыря д. Чюлак Марии Сидоровой дочери. Эта женщина жаловалась на своего бывшего деверя Ерофея Емельянова и сообщала, что осталась «после мужа своего упокойного Филипа Емельянова с ним деверем в одном хлебе». Ясно, что братья, один из которых был женат, жили одной семьей, имели общее семейное достояние, которое складывалось при посильном участии всех трудоспособных в семье. Вдова Мария Сидорова осталась по смерти мужа с сыном Фролом и двумя дочерьми, которые были «в малых летех». Деверь отказался от совместного ведения хозяйства с невесткой, она сообщила об этом следующим образом: «в то время он Ярофей детей моих к себе не взял на кормление»⁶¹. Из этих слов можно понять, что работа вдовы, и не только непосредственно по дому, но и в полевую страду, не обеспечивала содержания женщины и трех ее детей. Во всяком случае, деверь считал для себя необязательным поддерживать семью брата. Вдова продолжала, воспроизводя слова деверя: «Яз де твоих детей не стану поить и кормить, прими к себе приемника». Брат мужа прямо рекомендовал овдовевшей женщине привести в дом нового мужа. Обычай приема в дом мужа-примака к дочери, племяннице или вдовой снохе во избежание упадка семьи был распространенным в крестьянской среде⁶².

Отказ деверя содержать племянников, думаю, был вызван в большей мере материальными соображениями, нежели черствостью. Его предложение снохе выйти замуж, приняв «мужа» на

⁶⁰ АЮБ. Т. 3. СПб., 1884. Стб. 305–307.

⁶¹ ГИМ ОПИ. Ф. 61. № 145. Л. 29.

⁶² См.: роспись крестьянам Спасо-Прилуцкого монастыря, принятым в хозяйство в 1692 г. — Гл. 1. С. 49; *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 198–206.

основе договора, продиктовано суровым житейским прагматизмом. В сложные жизненные моменты забота о воспитании детей, их прокормлении руководили поступками вдов. Деверь же Ерофей Емельянов притеснял вдову Марью Федорову, «в работе и во всем учал изганивати», правда, неясно, какими способами. Интересно, что предметом конфликта стала как раз ее работа в домохозяйстве, которой деверь препятствовал и даже отвергал ее. Он действовал при этом намеренно и недоброжелательно, чтобы не только вдове, но и представителям общины заявить, что она и ее дети даром едят его хлеб, и в любой момент лишит крова и сослать ее со двора.

В столь сложной для себя ситуации вдова Мария приняла в мае 1689 г. «к себе приемника»-мужа, от которого у нее родилось еще двое детей. Конфликт с деверем оказался глубоким и затяжным. По прошествии нескольких лет ее сын от первого брака подрос и начал «приставать к работе», и теперь-то он «запонадобился» деверю. Последний, видимо, был не молод и нуждался в помощнике. Дядя, по всей вероятности, обещал племяннику передать хозяйство, он «перезвал сына ее Фролка к себе в дом сего лета от страдныя поры». Мария считала, и видимо, не без основания, что деверь хочет ее с мужем «из деревни вон выжить и животишками нашими завладеть и хоромишками и земляным участком». Опасения женщины имели под собой почву, ведь деверь нашел доводы, чтобы переманить ее сына в самый разгар уборки урожая, когда на счету были каждые рабочие руки. Она уточнила, что «хоромишка наши все строение приемника моего Матвея», а в старых хорамах живет он, ее бывший деверь.

Судя по тому, что Мария с мужем-примаком Матвеем имели свой двор и землю, на которые зарился бывший деверь, она с ним совершила хозяйственный раздел. Вдова должна была получить долю, причитавшуюся ее первому мужу и затем переходившую к сыну. Полагаю, что хозяйственный раздел и прием Марией мужа происходили, если не одновременно, то не были удалены во времени. За протекшие 3–4 года Матвей отстроил двор, хозяйство стало на ноги, родились дети, появилось и «животишко», которое возбуждало зависть и алчность деверя.

По-видимому, и взаимоотношения Марии и Матвея переросли рамки сугубо материального договорного соглашения, возможно, и это обстоятельство как-то задевало деверя. Примечателен следующий довод, который приводила Мария. «По другой год хлеб вызяб, и в прошлом году он Матвей прокормил нас своим старым особным

хлебом, привез к нам десять четвертей ржи добрые, сухие, что ему Матвею досталось с делу от братьей». Характерно, что женщина сочла необходимым сказать об этом в челобитной, причем сообщила такие подробности, как количество зерна, а его не так мало — 60–80 пудов (в зависимости от веса четверти в 6 или 8 пудов), что оно из старых запасов (они имелись!) и хорошего качества. Немаловажная деталь, что зерно — «особное», доставшееся Матвею по разделу с братьями, из чего следует, что этот раздел состоялся до того, как Матвей «принялся» к Марии. Главное же заключение вдовы: «и нас сирот в мир не спустил»⁶³. Матвей оказался добропорядочным, трудолюбивым, хозяйственным человеком, заботливым отцом и отчимом. В неурожайный год он не допустил, чтобы жена и дети сошли в «мир» собирать подаяние. Хотя заключительные слова Марии наполнены рациональным хозяйственным смыслом, однако сквозь него просматриваются добрые отношения с Матвеем, построенные на взаимном уважении и чувстве, проникнутые теплотой, ведь она помнит и называет в челобитной время (с точностью до месяца) его прихода в дом.

Эта челобитная интересна фигурами мужчин, которых невольно характеризует Мария. Деверь, дядя ее детей, не проявил к ним сострадания, не захотел поддержать малолетних, готов был лишить их крова и еды. Он понудил сноху заключить хозяйственно-семейный союз, а когда обнаружил, что у Марии и Матвея жизнь сладилась, не успокоился. Мария не известила, был ли женат ее бывший деверь. Проявленная им заинтересованность в подростке сыне снохи говорит, что ему был необходим работник. Матвей, получив по разделу с братьями свою долю в отцовском имуществе, кроме ржи, о которой упомянула Мария, конечно, имел и часть наделной земли. Возможно, именно поэтому бывший деверь Марии вознамерился отобрать у снохи участок и двор своего покойного брата. Матвей предстает не только рачительным хозяином, но и решительным человеком с чувством долга и ответственности за судьбы женщины и ее детей. Он сделал выбор в пользу женщины-вдовы, войдя в дом ее деверя, согласился на определенные условия и принял обязательство соблюдать их.

Характерен и сын Марии, юный Фрол, поддавшийся на уговоры дяди, который мог пообещать ему, как наследнику отцовской доли, и свою часть. Юноша проявил явную неприязнь к матери и, надо думать, более всего к отчиму, покинув их дом в разгар страды. Одним

⁶³ ГИМ ОПИ. Ф. 61. № 145. Л. 29.

из веских аргументов для подобного выбора мог быть довод, что со временем Фрол соединит в своих руках дедовский надел, и он прельстился посулами дяди. Во всяком случае, его уход может быть истолкован как акт явно несложившихся отношений с отчимом.

Положение вдов с детьми по большей части было очень уязвимо, они подвергались притеснению и гонениям родственников, не желавших кормить их. Вдовы в малой семье, оставшись без мужа, не справлялись с налоговыми и хозяйственными тяготами и потому были обречены на полугодное существование. Овдовевшая крестьянка Кирилло-Белозерского монастыря Устинья, жена Ивана Завьялова, с тремя детьми в 1677 г. лишилась надельной земли, правда, из ее челобитной неясно — всей или части. Не имея работника-тяглеца, она по общераспространенному правилу должна была сдать землю. Поэтому надел «мужа моиво и с насияною рожью, полвыти, взят в монастырь». Примечательно, что она говорит о земле, как «мужа моиво», и эти слова полновесно выражают материальную зависимость женщины от мужа. Вдова сообщала, что ее муж и она сама «до полугода всякие подати платили, изделье делали». Она просила из урожая, собранного с их участка, дать ей с детьми на пропитание хлеба, на том основании, что засеивал участок муж «своими семянами»⁶⁴.

Тяготы жизни, в первую очередь, били по женщинам с детьми. В 1639/40 г. в Вожбальской вол. Тотемского у. было обнаружено запустение многих дворов, произошедшее от налогово-повинностных тягот, умерло 215 дворохозяев. В обстановке разорения «многие горькие бедные вдовки и з детишками своими бродят меж дворы, помирая з голоду»⁶⁵. Примечательно, что в документ сугубо официального характера, отписку в Устюжскую четверть, врывается живой человеческий голос, наполненный сочувствием и состраданием к судьбам обездоленных женщин и детей.

Не справляясь с тяготами жизни, женщины бросали дом и бежали куда глаза глядят, надеясь на лучшую долю. В 1680 г. крестьянка Спасо-Прилуцкого монастыря «сбежала» от своего мужа «безвестно», воспользовавшись тем, что он сидел за пьянство в «смирении». Жена забрала свое приданое, имевшиеся деньги, которые непутевый муж считал своими, его рубашки, «сухие и мокрые, которые мыла того дни»⁶⁶. Можно представить, до какого отчаяния дошла

⁶⁴ Крестьянские челобитные XVII в. М., 1994. № 199.

⁶⁵ АПД. М., 1917. № 116.

⁶⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 997.

женщина, что в сердцах схватила даже стиранные и еще не высохшие вещи. Однако, муж-пьяница счел себя обобраным и подал челобитную монастырским властям о бегстве жены.

В 1682 г. крестьянин вотчины Вологодского архиепископа заявил, что год назад от него сбежала жена, а подговорила ее к побегу ее же мать с братьями. Жалуясь на снос «всякой домашней рухляди», этот крестьянин замечает, что теща держит его жену у себя⁶⁷. Каково же было житье этой женщины, вероятно избиваемой мужем, что мать увезла дочь от него.

Помещичий крестьянин Вологодского у. обратился к Вологодскому архиепископу за разрешением венчаться вторым браком, так как примерно 13 лет назад, в голодный год его жена «сошла» от «хлебной скудости» и он не знает о ее судьбе⁶⁸. Крестьянин Спасо-Прилуцкого монастыря в 1682 г. бил челом на свою сноху, которая пошла в город и не вернулась, причем «сбежала от меня сноха моя» в декабре месяце, не страшась суровой северной зимы. Факты можно умножить, но и приведенных достаточно, чтобы понять, что в бегстве проявлялся бунт женщин против изнурительной семейной жизни, столь нередких побоев и пьянства мужей. Однако такой радикальный способ свидетельствовал о полном отчаянии женщины, а с другой стороны, требовал от нее большой решимости.

Порой женщины пытались отстаивать свои права внутри деревни. Выше упоминалась солдатка из вотчины Вологодского архиепископа Матрена Гаврилова дочь Стефановская жена, которая в 1710 г. потребовала раздела со своим свекром. Раздел стали проводить по-сельский старец, специально приехавший для этого в деревню, поп приходской церкви и крестьяне-свидетели. Представители вотчинной власти присутствовали обычно при разделах, так как в их результате появлялись новые хозяйства, и на них налагалось соответствующее тягло, которое учитывалось вотчинной администрацией. Способность и согласие главы вновь организованного двора нести тягло были необходимым условием совершения раздела. Солдатка Матрена предъявила свои требования понятым людям. Она заявила, что «с пахотной де тяглою земли, которую ей от свекра ее отделят, податей платить и сельского изделия она делать не станет». Она отрез отказалась нести тяглые обязательства с отделенной ей земли. Вероятно, со стороны мирских людей последовали увещевания.

⁶⁷ Там же. Кол. 34. Карт. 8. № 2. Л. 7.

⁶⁸ Там же. № 23. Л. 1.

Но Матрена продолжала: «И если де мирские люди тое отделенной тяглою земли не обелят и подати править и сельское изделие делать заставляивать станут, и ей де Матрене в тягло та земля и хоромы не надобны»⁶⁹.

Высказанные солдаткой доводы, стремление освободить себя со своим, скорее всего, малолетним сыном от тягла, «сбросив» его тем самым в «мир», решительное поведение на процедуре раздела были вызовом не только семье свекра, но и всей общине. Женщина добивалась льготы, что было вполне допустимо общинными порядками, настаивала на своем. Однако понятые без санкции вотчинной администрации не могли решить дела о снятии тягла, и потому «тое земли и хором понятые люди делить не смели». Поведение Матрены было напористым: не добившись нужного для себя решения в рамках установленных порядков, она решила на противостояние общепринятым нормам.

Приведенный актовъый и делопроизводственный материал воплощает конкретные ситуации в жизни разнообразных по типам крестьянских семей. Актам купли-продажи были присущи общее формулярное единство и формализация отдельных статей, однако каждый из крестьян-продавцов приносил в документ что-то свое, делал упор на том или ином содержательном элементе. Одни продавцы выделяли набор построек во дворе, другие только обозначали их наличие, третьи подробно говорили о межах, четвертые о подсечных участках. Текст любого акта индивидуализирован, несет отпечаток личности крестьянина, что проявляется во фразах, на которых он акцентирует внимание, которые для него наиболее важны. Встречающиеся штрихи и нюансы, сгущаясь, высвечивают те или иные конкретные ситуации, при повторе которых, но, разумеется, не идентичности, воспроизводятся бытийные убеждения крестьян со свойственным им практицизмом и целесообразностью. Именно из запечатленных в актах различий предстает спектр ценностей, которые лежали в основе медленно меняющихся устоев, сформировавших стиль повседневной жизни крестьян.

Из рассмотренного материала предстает галерея судеб крестьян с их каждодневными заботами, трудной борьбой за скудное существование. Сухая рациональность хозяйственных, по преимуществу, документов, хотя и скупо, все же позволила отобразить сложность внутрисемейных отношений. Главенство мужчин, конечно, превалировало в них. На глав дворов ложилась хозяйственная

⁶⁹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. № 323. Л. 26.

и тяглая ответственность перед домочадцами и поступательно — общиной, землевладельцем. Семьи, будучи родственными группами, когда совершали сделки с землей, вступали вне домохозяйств в отношения, договорные по своей сути. Контрагентами в сделках, как мы видели, были близкие родственники между собой, группа родственников с отдельными индивидами из соседей однодеревенцев или удаленных селений. Через поземельные акты приоткрылись родственно-соседские и договорные связи в их сочетании. Отделить строго внутрисемейные отношения от соседских довольно трудно, так как и те и другие перетекают друг в друга, находятся в диффузии. Практикуемые крестьянами контакты способствовали выстраиванию семейных стратегий в главной сфере жизнеобеспечения — сохранении и приобретении земельных участков. Вместе с тем тяготы жизни, столкновение внутренних материальных, психологических интересов, особенно в неразделенных семьях, нередко провоцировали конфликты, как имущественные, так и житейские. Женщины играли в семье значительную роль, естественно, в первую очередь, заботясь о детях и, если было необходимо, отстаивая их права. Удалось высветить существовавшие внутри семьи отношения, покоящиеся на согласии, ответственности, помощи. Вместе с тем женщины и малолетние дети более всего страдали от семейных неурядиц, неприязни и равнодушия родственников к их судьбе, в особенности при потере мужа и отца, катастрофичности материального положения, ставящего их на грань выживания.

* * *

Со второй половины XVII в. улавливается воздействие вотчинного управления на семейную жизнь крестьян. Стольник А.И. Безобразов, принадлежавший к старинному роду, известному с XV в. и имевший вотчины и поместья в разных уездах, в том числе Костромском и Вологодском, вмешивался в заключение браков своих крестьян. Феодал тем самым подчинял личную жизнь человека вотчинному управлению⁷⁰. Сохранилось свидетельство приказчика Белевской вотчины от 1680 г., в котором он ссылается на устное барское приказание «про свадьбы про крестьянские: который крестьянин твой бедный станет у своей братьи свататься, и будет добром не даст, женить его и неволею». В 1674 г. крестьянин той же Белевской вотчины женился «воровски без указа» господина, и за это самовольство приказчик «молодицу посадил на чепь». В другом

⁷⁰ Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929. С. 76.

случае приказчик сообщал, что жены беглых крестьян, которые в течение 5–6 лет жили «вдовами», просились замуж. Обосновывая перед господином необходимость разрешить им новые браки и выступая блюстителем нравственности, приказчик добавлял, что жена одного из беглых крестьян «прижила» ребенка с земским дьячком «волею и неволею», как выразилась сама женщина, и родила на господском дворе. Именно последний факт заставил приказчика оправдываться перед господином, во-первых, своим неведением о беременности женщины, во-вторых, сообщением об исполненном наказании, ибо, узнав о случившемся, «их бил батоги» на «совете», т. е. публично на мирском сходе⁷¹. Так самая сокровенная сфера человеческих отношений (с современной точки зрения) выносилась на людской суд, и крестьяне подвергались жестокому физическому наказанию и моральному унижению.

Приказчик составлял росписи женихов и невест, усердствуя в этой обязанности, так как получал со свадеб доход — «приносы». Безобразов затруднял выход невест за пределы своей вотчины, установив довольно высокий платеж выводных денег за невест, стремясь к тому, чтобы крестьяне женились в своих деревнях. Насилие над личностью крестьянина проявлялось не только в прямых действиях, но и в оговоре «дурной славой». В 1670 г. один из крестьян суздальской вотчины Безобразова жаловался на старосту, который распускал о нем слухи, будто отец челобитчика и мачеха убили его жену, а сам он «ходит заходом и живет с чужими женами и девотчинами». Разбор дела подтвердил, что челобитчик свою жену, а отец — сноху «бивали», впредь же с этих крестьян были взяты «поручные записи», по которым они обязывались «снохи впредь не бить и мужу жены своей не убить, жить с женою как другие люди»⁷². Отсюда совершенно ясно, что битье жен бытовало, но избиение до смерти было для крестьян неприемлемым.

Иное отношение к женам видно из отписки от 1674 г. приказчика другого вотчинного комплекса Безобразова. Господин вменял в обязанность приказчикам вникать во все отрасли хозяйства. Приказчик у одной из птичниц поинтересовался яйценоскостью гусынь, вероятно, в такой форме, что работница отвечала ему дерзко и грубо, бросив вдобавок корм наземь, за что он ударил ее посохом. Господину же приказчик жаловался на трудность «наряжать» работниц (работой), так как они его «беспрестанно бранят матерью

⁷¹ Там же.

⁷² Там же С. 77.

и хотят мужа их ребра ломать за жен»⁷³. Столь красноречивое высказывание не нуждается в пояснении!

Всегда ли крестьяне безропотно переносили подневольные браки? В упоминаемом выше случае от 1680 г., когда крестьянин Клим Акулов сватался к дочери крестьянина Архипа Обросимова, приказчик посылал сватами священника и выборных крестьян и сам убеждал отца девушки. Однако Архип счел предлагаемого жениха недостойным своей дочери, скорее, по имущественному или иному положению и от приказчика «бегает», «учинился силен, дочь свою ухоронил»⁷⁴. Отец желал лучшей брачной партии для дочери, возможно, был и жених на примете. Он пошел на риск, спрятал дочь, вступив в острый конфликт с приказчиком, хорошо понимая, что ему грозит суровое наказание за самовольство. Вполне вероятно допущение, что Архипом в выборе брачной партии для дочери двигал не только меркантильный интерес, но и отеческие чувства, желание обеспечить ей жизнь в замужестве, не худшую, чем в родном доме.

Приведенные факты дошли в составе лучше сохранившейся переписки Безобразова с приказчиками центральнорусских вотчин, и можно не сомневаться, что в вологодских и костромских владениях стольника порядки управления, а главное, взаимоотношения приказчиков с крестьянами были схожими. Хозяйственный и материальный расчет как самого феодала, так и крестьян, нуждавшихся в рабочих руках, вели к принудительному регулированию браков в вотчине, что засвидетельствовал исследователь хозяйства Безобразова А.А. Новосельский. Он заключил, что «вотчинное управление уже в XVII в. практикует довольно энергичное вмешательство в заключение браков между крепостными, развившееся позднее, в XVIII в., в одно из самых тяжелых и отрицательных явлений крепостного режима»⁷⁵.

Феодалы в XVIII столетии вникали в частную жизнь крестьян с большой настойчивостью. Так, князь М.М. Щербатов в своих ярославских владениях обязал девушек выходить замуж до 17 лет, а парней жениться до 20, мотивируя эту меру тем, что крестьяне не женились до престарелых лет, а девушки старели (1758 г.). Сам помещик констатировал сложившееся в его имении неестественное положение — отказ крестьян от брачной жизни.

⁷³ Там же. С. 69.

⁷⁴ Там же. С. 76.

⁷⁵ Там же. С.78.

В.Г. Орлов также рекомендовал своему бурмистру Костромской вотчины понуждать к браку девушек, которые не выходили замуж. Он разработал вотчинное уложение (1796 г.), которое вводило единый принцип для вступления в брак. Все здоровые женятся — девушки не позже 20, а юноши 25 лет. В противном случае брак заключался насильно, а не вступившие в него штрафовались. Учет 13–19-летних девушек вели общинные власти в чухломском имении А.Б. Куракина (1790-е гг.), где не вышедших замуж 16-летних и некоторых 14–15-летних девушек штрафовали в размере 5 руб. Штрафные санкции применяли в своих смоленских владениях Юсуповы в начале XIX в. к незамужним девушкам с 15 лет, а к вдовам до 40 лет, причем они платили ежегодный налог в 5–10 руб. в зависимости от возраста (девушки) и имущественного состояния (вдовы). В имениях И.И. Шувалова, Н.И. Панина, Строгановых в конце XVIII — первой четверти XIX в. крестьяне должны были выдавать дочерей замуж до двадцати лет, иначе следовал принудительный брак.

Приказом, «по-генеральски» решались крестьянские браки в 1760–1790 гг. в ветлужской и владимирской вотчинах отца В.И. и сына А.В. Суворовых. Они по своему усмотрению объединяли в брачные пары крестьян для семейной жизни или препоручали общинным властям составлять такие перечни. В вотчинах: нерехотских А.Б. Голицына (1770-е гг.) и Д.М. Щербатова, ростовской С.Н. Куракина, Ф.В. Самарина, имениях Орловых (все — начало XIX в.) в обязанность мирских властей входил учет крестьянских сыновей и дочерей; составление брачных пар с занесением их в реестры, «разобрание» их на сходах, затем женитьба «в мясоед», подбор жен вдовцам, решение судебных одиноких женщин, живших «блудно»⁷⁶.

В вотчине Межаковых, одном из крупных имений Вологодского у., в начале XIX в. практиковалось ежегодное составление на мирских сходах списков невест и женихов. Девушки с 16 и мужчины с 17 лет должны были образовать новое тягло. «Регистры девкам» охватывали не всех девушек поголовно, некоторые по соображениям мира в силу разных причин (сиротство, скудость родителей) в них не вносились. За девушек, не вышедших замуж по достижении брачного возраста, отцы платили «окупные» деньги, которые фиксировались в реестре. За получение от барина разрешения на

⁷⁶ Александров В.А. Сельская община в России. XVII — начало XIX в. М., 1976. С. 303–309.

брак крестьяне платили деньги в размере 5 руб. Выдача замуж за пределы вотчины сопровождалась внесением выводных денег от 100 до 300 руб.⁷⁷

В.А. Александров подчеркнул, что вторжение помещиков в частную жизнь крестьян диктовалось хозяйственными соображениями, образование молодых семейных пар было средством для усиления тяглого обложения и повышения владельческих доходов. Однако хозяйственный расчет был и у крестьян, проявлявшийся в стремлении дольше сохранить рабочие руки в семье или приобрести их, рожаясь через браки с семьями одинакового достатка. Материальное равенство семей учитывали и феодалы при насильственных браках, программируя брачные партии своих крестьян⁷⁸.

Ученый обратил внимание на характерное обстоятельство: превалирование при заключении браков власти феодалов над церковной. Даже в имениях, где браки не навязывались господами, их контролировала вотчинная или общинная власть. Только после того, как та или иная инстанция подтверждала отсутствие препятствий к брачному союзу, о нем извещался священник. Ему оставалось убедиться в «добровольности» и возможности брака с канонической стороны и совершить венчание. В.Н. Татищев в 1740-х гг., учитывая правило, по которому кумовья не могли брачиться, ввел прямой запрет: «в своей деревне между собой кумовства не иметь, за тем, чтоб было можно женитца». Согласие на брак нередко достигалось насильно, а учитывая зависимость приходских священников от помещиков и, в известной степени, от общинных властей, «можно не сомневаться в том, что они закрывали глаза перед этим насилием»⁷⁹.

Столь глубокое проникновение власти феодалов в частную жизнь крестьян, как это происходило в XVIII в., не оставляло им возможности или она была минимальна для личного выбора. В XVII–XVIII вв. поместные имения Вологодского края были, как правило, мелкими и раздробленными⁸⁰. В мелких владениях XVI в., как в свое время писал С.Б. Веселовский, эксплуатация

⁷⁷ *Андреевский Л.И.* Очерк крупного крестьянского хозяйства на Севере 19 века. Вологда, 1922. С. 33, 59.

⁷⁸ *Александров В.А.* Сельская община в России. С. 305, 307.

⁷⁹ Там же. С. 307, 309.

⁸⁰ См.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 15, 17. Сказать, как функционировали подобные помещичьи хозяйства, нет возможности.

крестьян отличалась «большой назойливостью, фактичностью и отклонением от общих норм»⁸¹. Однако данное наблюдение «работает», если землевладелец живет в имении более или менее продолжительное время в году и/или имеет управленческий аппарат. Принимая во внимание, что землевладельцы в XVII в. исполняли возложенные на них военные и светские службы, а мизерность, особенно, поместий не способствовала хорошей организации хозяйства, полагать, что личная жизнь крестьян в них подвергалась назойливой опеке, вряд ли правомерно. Все же в монастырских владениях Севера вотчинный режим был мягче, чем в помещичьих. Хотя в монастырских селах, вокруг которых группировались деревни, жили посельские старцы-приказчики, частная жизнь крестьян мелочно не регламентировалась. Подтверждает это более благоприятная демографическая ситуация у монастырских крестьян, нежели у помещичьих, о чем упоминалось выше. Черносозные, лично свободные, крестьяне обладали максимальной хозяйственной инициативой и наибольшими возможностями для маневрирования в частной жизни, в том числе и в выборе брачной партии.

⁸¹ *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 39.

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО КРЕСТЬЯН СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

Годовой цикл крестьянской жизни совершался в деревне и ее окрестностях. В каких природных условиях она существовала и что представляла собой как поселение? Рассмотрим эти вопросы нужно, чтобы понять повседневные обстоятельства, в которых жили и хозяйствовали северные крестьяне. Прежде всего, рассматриваемые северные уезды — это страна девственного леса и обильной воды, и дерево в ней господствовало. Крестьян, да и горожан, дерево сопровождало на протяжении всей жизни от рождения, которое происходило в бане, до смертной домовины. При обилии дерева и пород, годных для строительства, из него возводили избы и хозяйственные постройки, мельницы, церкви. На деревянных досках писали иконы. Из него изготовляли посуду и хозяйственную утварь. Конечно же, дерево грело и светило.

Уже Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии» (XVI в.) весьма достоверно описал северные края — Белозерский, Вологодский, Важский, Устюжский и Подвинье. Он выделил их главную природную специфику: лесистость, болотистость и обилие полноводных рек. Он подметил также, что чем дальше от центра той или иной северной области, о которой он повествовал, тем «больше попадаетея непроходимых болот, рек и лесов». По этой причине — местности вокруг «дикие» и не имеют городов. Дороги из-за часто встречающихся рек, заболоченности почв не позволяют рассчитать длительность пути. Характерно, что немецкий посланник употребил слово *incultus*, которое говорит о неосвоенности местных ландшафтов. Приводя сведения о Подвинье, он сослался на услышанные, как бы сейчас сказали, от информаторов о множестве деревень, которые «вследствие бесплодия почвы расположены на весьма большом расстоянии друг от друга»¹. С. Герберштейн проявил большую осведомленность в географической характеристике поморских областей, которая хорошо согласуется с материалами писцовых описаний.

Действительно, чрезвычайно разветвленная гидрографическая сеть бассейнов Двины и Сухоны с их многочисленными притоками, впадающими в них реками и речками, таежный лес и лесотундра

¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 153–155.

самым непосредственным образом влияли на природопользование и освоение Поморского региона. Географическая среда и суровый климат не способствуют сельскохозяйственному развитию, особенно хлебопашеству. Редкость его в Устюжском крае и дороговизну зерна в Вологодском (почти в 2,5 раза выше, чем в то же время в Москве) отметил и С. Герберштейн.

В поморском ландшафте господствовал лес, «дикий» по терминологии писцовых книг и актов. Им покрыты полого-холмистые, волнистые, плоские моренные и озерно-ледниковые равнины, а преобладали в нем урочища с еловыми и мелколиственными породами. Кроме того, что лес коренной и бескрайний, он еще и «черный», и в этом определении сконцентрирована ландшафтная характеристика и ее флористическая доминанта. Сквозь леса текут многочисленные реки, среди которых Двина и Сухона — гидрографические нервы Поморья.

Реки, и не только на Севере, были основными трассами коммуникации. К их поймам примыкают урочища, которые пригодны для поселения, с сосновыми лесами, разбавляющими еловые. Именно речные долины стали очагами аграрной культуры. Н.А. Макаров отметил, что северные первопоселенцы X–XIII вв. с большим тщанием приискивали места для жительства. Удобными им казались урочища, отвечающие ряду признаков. Среди них были обязательны: близость к реке, которая обеспечивала подвижность и связь с внешним миром, а также рыбой; наличие открытых пойменных участков с плодородными легкими почвами и лугами, которые расположены на горизонтальных площадках с песчаным основанием и быстро просыхают после весенних паводков².

Колонисты, как времен первичного освоения региона, так и позднее, выбирали участки с хорошо дренированными песчаными почвами, а они вдоль береговой полосы располагались узкой лентой. В литературе уже было отмечено несовпадение исторической оценки природопочвенных условий и современной. Так, В.С. Жекулин обратил внимание на то обстоятельство, что в Новгородском крае наиболее плодородными землями считались песчаные и иловатые, они же — легкие для обработки, а потенциально богатые дерново-карбонатные почвы из-за своих неблагоприятных физических свойств к «добрым» не причислялись. Как раз участки с «легкими», «теплыми» разновидностями осваивались в первую очередь, и находились они, как ясно из сказанного, по берегам рек и озер. Во вторую очередь обживались урочища, хорошо дренированные, со слабоподзолистыми почвами, а также слабо

² Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 52.

дренированные, пригодные для сельского хозяйства³. Крестьяне подчинялись естественно-географическим условиям и оседали в долинах крупных и мелких рек. В Подвинье XV в., например, сложилось два крупных ареала расселения: один по верхнему и среднему течению реки Ваги с ее притоками, а другой по ее нижнему течению и среднему течению Северной Двины, также с их притоками. К середине XVI в. под сельское хозяйство в Двинском и Важском уездах были освоены почти все пригодные для него земли⁴.

На Севере крестьяне в XVI–XVII вв. были сильнее привязаны к речным системам, чем в Центре страны, из-за трудной проходимости и заболоченности обширных водораздельных пространств. Заселение местности определялось особенностями ландшафтов, в том числе и микроландшафтов, а господствовал прибрежно-речной и прибрежно-озерный тип расселения. При нем деревня вытягивалась в ряд вдоль берега реки. Природные и хозяйственные условия диктовали очаговое или оазисное расселение с деревнями малых размеров.

В XVII в., как и ранее в XVI в., деревни оставались мелкими и малонаселенными. Они, по преимуществу, состояли из 3–7 дворов, реже достигали 10 дворов. На деревню приходилось с постепенным увеличением в течение XVII столетия дворов: в Подвинье от 3 до 6, в Устьянских волостях от 6 до 7, Чарондской округе и Тотемском у. от 4 до 6, Устюжском у. 3–4, Сольвычегодском у. 2–3. Конечно, существовали и более крупные деревни, например, в восточном Подвинье на Мезени в 12 дворов и более, а некоторые единичные даже от 40 до 60. В Вологодском у. деревня в первой четверти XVII в. состояла из 4–5 дворов⁵.

Поселенческий минимализм компенсировался характерной системой расселения. Небольшие деревни стояли группами в 1,5–3 км друг от друга, образуя гнезда поселений, которые порой были удалены на многие десятки верст. Такое гнездо явно проступает в писцовой книге 1622–1625 гг. Сольвычегодского у. В Баскачем стане соседствовали деревни Адовская, Федоровская и Сулинская. Первые две по приправочным книгам были означены как одна деревня. Теперь же писцы удостоверились, что «Федоровская деревня особная подле той деревни Адовской, только улица в промежке. А поля у них порознь за межами»⁶. Жители деревень такого гнезда

³ Жекулин В.С. Историческая география: Предмет и метод. Л., 1982. С. 39

⁴ Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 144.

⁵ См.: Там же. С. 118–119; *Он же*. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 68; Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 78–79, 110.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 952–953об.

знали друг друга, были хозяйственно связаны. За расположенными узкой лентой землями, годными для земледелия (иногда через 100—200 метров от реки), находился водораздел с таежным лесом и болотами. В Устюжском крае и в начале XVIII в. преобладал прибрежно-речной тип расселения, освоены были все крупные реки, а их притоки — в среднем и нижнем течении. Освоение водоразделов в массе своей только начиналось⁷.

В суровые северные зимы реки глубоко промерзали, весной мощные ледоходы и разливы рек намывали отмели, смывали берега, прибывали песок к материку, но главное, наносили ущерб сельскохозяйственным угодьям и даже сносили их. Намытые участки — «присады» постепенно зарастали травой, ивовым кустарником, соединялись с материковой землей. Экстремальный паводок отметила летопись в 1516 г., когда вода в Сухоне шла «велми грозно» и посад Устюга подмыло по всему берегу; а деревень по ней и по реке Юг «поносило бесчисленно много»⁸. В Быкокурском стане Устюжского у. в 1663 г. «была вода большая и сенники, и заплоты, и житницу, и овин, и баню льдом сломало, разнесло водой... поля местами льдом измыло и песком засадило»⁹.

Писцовые книги Сольвычегодского у. 1622–1625 гг. зафиксировали снесенные реками береговые участки, угодья и деревни, а также возникшие на новом месте после паводка. В д. Ильинское (3 двора) Окологородной вол. «водою сметало рекою Вычегдою» земли на «три чети выги». Судя по тому, что скот жителей деревни «ходит и по дрова ездят на Терюшино болото», деревня осталась без покотины и близлежащего мелколесья. В Алексинском стане деревню с характерным антропонимическим названием Гришинская полянка на р. Двине «сметало всю рекою», также и починок Гончарка «сметало водою». В том же стане у д. Ломовая веретей на р. Реваж стояла «мельница колотовка на ручью», которую «розмыло», и потому оброк с нее «в пусте». В вол. Лузская Пермца в волостке на Озерках рядом с деревней Калинино и двумя выставками из нее была деревня, которую «сметало водой». В Вилегодской вол. в д. Слободка, «а Талыгинская тож» на р. Виляди «сметало водой» оба ее двора. Река пощадилась их пахотные и сенокосные угодья, которые «падут наездом» половники Ивана и Максима Строгановых из соседней д. Деминской. В шестидворной деревне «Семеновское над озером» у крестьян двух дворов «пашню вода сметала река Вилядь», а

⁷ Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976. С. 25.

⁸ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 107–108.

⁹ Цит. по: Огризко З.А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. М., 1968. С. 73.

она составляла треть деревенских пахотных угодий. У крестьян других четырех дворов «пашни вода не метала»¹⁰.

После писцового описания Устюжского у. 1623–1626 гг. р. Уфтюга в Уфтюжской вол. подступила под самую д. Завасевскую и ее «свалило и снесло пашенные наземные одворные земли... и подворную землю смыло же, а дворишко на ином месте, и тое землю валило и снесло на низ в тое речную подошву да в Притеребском лугу... пожню свалило ж и снесло все в тое ж речную подошву». Паводок столь разрушительной силы повторялся не раз: «вново прошла Уфтюга река по мосей же земле деревни Завасевские... и пашенную землю з деревнею розмыло на двое, и тое землю по обе стороны мыет и валит рекою и по се число»¹¹. В уже упоминаемой Вилегодской вол. сольвычегодские писцы указали д. Путятино (из трех дворов, из них 2 жилых) на р. Вилядь, с которой соседствует «тое ж деревни выставок на реке Виляди» (3 жилых двора, 2 пустых и их подворьями и угодьями пользуется один из жилых дворов). У деревни и выставка общие угодья: пахотная земля «и с тем, что около озера на березнике», перелог и сенокос. Объяснена причина появления выставка: «А рознеслись те жильцы от воды, что у них деревню сметало рекою Вилядью», и произошло это до описания. Существовала еще деревня, называвшаяся Выставок Путятинская на той же р. Виляди и находящаяся «против Путятинской деревни», из одного двора, а в «тое ж деревни в выставке» стояли два двора. Такое выдвигание из деревни на новое место по соседству с ней было проявлением предосторожности из-за речных разливов. Жителям же д. «Еремено Евсевьевская, а Большой Двор тож» на р. Вычегде в Окологородной вол. писцы дали участок «бора» из перелога «для того, что им деревня своя *переносить* (курсив мой — *Е.Ш.*) от реки Вычегды на тот бор, что их деревня мечет рекою Вычегдою»¹².

Уместно привести интересное сообщение Н.А. Макарова об устюжских деревнях, которые по устным преданиям местных жителей были когда-то передвинуты, чтобы не быть смытыми во время паводья. Разведочный шурф археолога, заложенный в месте, указанном старожилками, обнаруживал селища даже XII–XIII вв.¹³. Данный факт чрезвычайно важен и показателен. По прошествии нескольких

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 108, 222, 237, 239, 605об., 710об., 897. Выть — участок возделываемой земли отдельного хзяйства; часть, доля; единица измерения налогового обложения. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 269.

¹¹ АПД. М., 1990. С. 237.

¹² РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 712–712об., 707–707 об., 102 об.

¹³ Макаров Н.А. Указ. соч. С. 57.

веков, экономических и технических изменений в сельском хозяйстве, катаклизмов советского времени, не обошедших северную деревню, крестьянская память и на исходе XX столетия хранила сведения о перемещении деревень. Вспоминаются крестьяне «знахори» из актов XV–XVI вв., помнившие пионеров-основателей и возделывателей деревень, доказывавших на судах их принадлежность тому или иному крестьянину. Передача из поколения в поколение подобной информации, которую не истребил даже радикализм коллективизации, говорит о константной ментально-ценностной установке, неискоренимой из картины мира сельского труженика на поморском Севере.

Реки не только смывали берега, вырывали озера, но намывали отмели и целые острова. Намытые песчаные участки разных конфигураций и размеров, называемые «присыпами», «присадками», со временем зарастали травой и ивняком, различались по давности намыва. Они представляли собой потенциальные сенокосные угодья, которые различались размером, качеством зараставшей травы. Крестьяне, естественно, использовали их в хозяйстве. В вол. Антропьева Слобода стояла трехдворная деревня, «что была пустошь починок Лукинской, Оксеновской тож» на р. Кендусе. «Под тою деревнею новопрысыпной песок», на котором ставилось 100 копен сена. В Вилегодской вол. д. Зыкова (3 двора) на р. Виляди, «за деревнею присада с молодым ивняком по смете» 4 дес., она «на оброке за крестьянами деревни Зыкова». Рядом расположена д. Дурманова (3 двора) «да против деревни голого песку у реки Виляди» 10 дес. В той же волости под д. Бурцово (3 двора, 1 пуст и его землю пашут жители одного из жилых дворов) «присадка» с молодым ивняком на 3 дес.; под двухдворной д. Скобелевской на р. Вилядь и под пожнею Сидорка Плотникова 2 дес. голого песка взял на оброк один из крестьян деревни, а «другую половину того ж песку» в 2 дес. писцы отдали на оброк упомянутому Сидорку Плотникову к «ево ж пожне», а он «живет в деревне Павловской», и крестьянину из соседней д. Лихохвостовской. Взяв «пески» за оброчную плату, крестьяне рассчитывали на скорое пользование ими. Преобразование с течением времени «голового песка» в угодье, годное для хозяйственного использования, видно из следующего. Против деревень Адовской, Федоровской, Сулинской на р. Сухоне, принадлежавших Андрею и Петру Строгановым, был намыт большой остров. «А по смете того острова десятин с тридцать, а мерить нельзя за водою». Он был «отдан к тем же деревням... под скотинный выпуск», причем крестьяне должны скот «пускать с однова вместе», другими словами, поскотиной пользовались сообща все три деревни. Когда же песок зарастет такой травой, что «на том острове будут сенные покосы, и им сено косить по

годом, разделяя пополам»¹⁴. Ясно, что на подобных «присыпах» трава укоренялась не сразу и только со временем вырастала до степени, годной к кошению, до тех пор же на намывах пасли скот.

Писцы перечисляют также уголья на речных новообразованиях, не отданные на оброк в разных волостях. В Окологородной вол. таковые имелись: «Против пожни Елкина и Заворотной голово песку» 4 дес.; «Против острова Петряева голово песку» 10 дес.; «Против Соли Вычегодской на реке на Вычегде голово песку, а инде ивняг молодой. А по смете тово песку вдоль на версту, а поперег сажень с тридцати и сороки, а за водою смирить нельзя»; «Против деревни Искрецова на реке Вычегде голова песку и с ывнягом молодым вдоль на версту, а поперег сажень семьдесят, а инде восемьдесят»; «Против деревни Иванцова голово песку вдоль на версту, а поперег десятин с шесть»; «На усть-речки Нимянды голова песку на реке на Вычегде 15 десятин». В Вилегодской вол. у д. Заборье на р. Виляди «голово песку ниже деревни Дьяконицына, что за Максимовыми детьми Строганова, на оброк никто не взял. А Строгановым до того песку дела нет»¹⁵. Как видно, присаженные пески были самых разных размеров, порой весьма значительных — в 10–15 и более десятин.

Реки, разливаясь в половодье, прорывали новые русла. У д. «Ивашкова, а Деминская тож» на р. Виляди (принадлежала Ивану и Максиму Строгановым) в Вилегодской вол. было «голово песку на новой речке Виледи три десятины позади поля Строгановых, да на другой стороне новой реки Виледи повыше того — голово песку четыре десятины. Да на старой реке Виледи около Ивашковских поль, а Деминская тож песку с ывнягом пять десятин». Меняющиеся русла и берега по причине смылов и намывов песков провоцировали конфликты из-за угодий. Такие спорные места, «где шла старая река Вилядь, а ныне занесло песком», возникли у ряда деревень Вилегодской вол.¹⁶ В необходимых случаях требовалось произвести досмотр утраченных из-за природных явлений угодий. Их проводили комиссии из общинных должностных лиц и крестьян-старожилов, которые определяли размеры снесенной пашни или сенокоса и вновь намытого уголья, проводили при надобности измерение нового участка¹⁷.

Конечно, лучшим было состояние деревень, отодвинутых от реки. В неоднократно упоминаемой Вилегодской вол. писцы от-

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 424об., 644–644об., 652об., 744–744об., 745об., 953.

¹⁵ Там же. Л. 152об.–154, 698об.–699. См. также: Л. 704.

¹⁶ Там же. Л. 896об., 897об.

¹⁷ АПД, М., 1990. С. 238–239.

метили двухдворную д. Дяткинскую — «на кряжу» и рядом с ней пустошь, «что была деревня Кривой мыс на Пыелском кряжу», которую пахали наездом крестьяне с характерными именами «Приездко и Нечайко Чишковы». Однако расположение на каменистом возвышении не означало, что земля была лучшего качества, в названной деревне она худая и на 2 двора приходилось немногим больше 4 четвертей пашни в поле. Показательны в вол. Антропьева Слобода названия деревень, отражающие их положение: Шишкино на Турине горе, Мыс Гledenской на р. Лале, Спирина гора, «Пердунова гора на реке Лале, Остафьева гора тож» с относящимся к ней «выставком Пожарище», возникшим несомненно на выжженном из-под леса участке¹⁸.

Писцовые книги регистрировали состояние деревенского землепользования на момент описания и, вместе с тем, его изменения. Они фиксировали как естественно-природное воздействие на ландшафт, о чем говорилось выше, так и антропогенное. Последнее отражено в многочисленных антропонимических названиях починок и деревень, которыми пестрит писцовая книга 1622–1625 гг., например: Гавриловский прислон, Бессоновский или Фроловский, Лукинская, Матвеевская, деревня Семейки Белова в вол. Антропьева Слобода. В Ратмировской вол. существовала деревня с названием Дрищов прислон, расположенная на р. Дрищовке¹⁹. Она получила название от речки. Видимо, она текла в заболоченной местности, и ее течение было слабым, а вода чаще мутной, а не прозрачной. Тем не менее, и по этой речке нашлась относительная возвышенность, отодвинутая от кромки воды, тот прислон, на котором и была поставлена деревня. Однако пространство, годное для хозяйствования, было ограниченным, о чем говорит входящее составной частью в название деревни и сохраняющееся в нем слово «починок», отраженное в одном из актов 1641 г. Пожалуй, писцовые книги — один из немногих источников, если не единственный, который дает сведения о преобразовании природных условий в ходе трудовой деятельности человека, причем позволяющий проследить процесс в динамике, опираясь на сравнение описаний разных лет.

Российские крестьяне, а северные особенно, хозяйствовали в зоне рискованного земледелия и были вынуждены постоянно преодолевать трудности, возникавшие из-за природно-климатических катаклизмов. В мирской челобитной от 1648 г. крестьяне Сольвычегодского у. дали оценку качеству своих земель, они «плохие и места тесные, меж боло-

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 752–752об.; 398–398об., 421об., 399об.

¹⁹ Там же. Л. 416, 419об., 420–421об., 424об., 330об.

ты, и реками мечет и песками засыпает, и пашень прибавить негде, и хлеб позябает»²⁰. Крестьяне в буквальном смысле отвоевывали у леса участки под пашни и сенокосы, которые находились в самых неудобных местах. Даже сносимые реками дворы и деревни не заставляли крестьян совсем уходить из обжитых мест, а отодвигаться, насколько это возможно, от самого берега. Угодья нуждались в постоянной подчистке от наступающей лесной поросли. Запустевшие угодья вскоре зарастали кустарником, мелколесьем, лес поглощал результаты крестьянского труда. Ландшафт изменялся, на месте первичных «диких», хвойных зеленомошных лесов появлялись вторичные березовые, осиновые и сероольховые лесные породы. Восстанавливая земледелие, крестьянин снова расчищал старинные угодья.

Сразу за дворами деревни находились поля. Поземельные акты говорят об их наличии почти всегда и вслед за дворовыми постройками: «с полями и пожнями», «в полях и в пожнях... четверть». И «в запольи» кругом, куда ни кинешь взгляд, бескрайние «черные» леса, подступавшие порой прямо к берегу реки. Топография сельскохозяйственных угодий, пахотных и сенокосных, зависела в большой мере от микроландшафтов. Урочища и участки в них, пригодные для земледелия, располагались не обширными массивами, а сравнительно небольшими участками. Крестьяне максимально использовали все клочки, учитывая свойства их почв. Пашни и сенокосы были разбросаны во многих местах, они имели неправильную конфигурацию и были мелкими по площади. Приращение их шло малыми «лоскутами», полянками, лужками. Уменьшительный суффикс отражал действительное положение вещей, а не был приемом риторики актов. Время почти не меняло земледельческий процесс, на протяжении XVI–XVII вв. крестьяне отвоевывали у леса и торфяников участки, выискивали наиболее выгодные для земледелия, превращали их в «польца».

В хозяйстве каждого крестьянина мелкие участки размещались мозаично и чересполосно с участками соседей. В Вилегодской вол. писцы показали д. Чешкову Гору, в которой «дворы и люди и пашня писано под деревнею другая Чешковы Горы, потому что пашня у них во всех полях через полосу». Описали же они «дворы и людей» в д. другая Чешкова Гора «и с тем, что припущена первая Чешкова Гора». В них 3 двора и «на той же земле в выставке» 1 двор, и еще 1 двор «на той же земле в отнесе»²¹. В проданной в 1592 г. половине д. Микулино в Лальской вол. покупателю отходили из пахотных земель «Кузминской жеребей зем-

²⁰ АПД, М., 1977. С. 53.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 700.

ли и с овином по межам, и в задворной полянке половина и в Пархачеве половина по межам... от двора Артемью да Юмшану от лугов». Назвав внутридеревенские границы, продавец добавил: «А в сей деревне Микulinской межи с Левковской землею от реки от Лалы... до пути Бурсукова, а з Григорьевским дворищем межа со Агрофининскою землею по старым межам, а вниз по Шилиюгу тому дворищу межа с Оликсиевыми детьми Гороховикина по старым межам», и этим перечисление земель не ограничилось. Названные Артемий и Юмшан — соседи-однодеревенцы продавца, и часть сенокосных и охотничьих угодий у всех не «розделе». Из текста явствует закрепление за участками-«землями» антропонимических названий, по всей вероятности их первых разработчиков, и среди них отмечу Аграфенинскую землю. При продаже в Учещкой вол. в 1593 г. части прислона в упоминаемой д. Короваевской²² с разработанными подсеками и участками в лесу, а также «со всеми полосами», «с логи и с чернядами», чем владели продавцы, перечисляются с подробным указанием межей участки и их местоположение — сенокосные, рыболовные и охотничьи: пожни в прилуке, в осоках и в приволоке в заднем и переднем озерах, с прикупным жеребьем на речке Езовице, «в путиках пониже по обе стороны от Короваевские деревни», и «в летовище» с той же деревней «ввопче ж не в розделе». Продавцы, подтверждая необратимость сделки (продали без выкупа), указывают еще раз реализуемые объекты: «та земля половина прислона и с полями и с путики и с плохами и со всеми угоды и с пашенною землею на речке на Негле и с лесом и с подсеками... и с озимью, что на той земле сияна, а до пожни до Нивы и до Узема» покупателю «дела нет». Этот акт интересен тем, что реализуется жеребей из нескольких разновеликих участков, находившийся в пору введения в сельское хозяйство. Вместе с тем в его составе было несколько «полос» с посеянной «озимью». При продаже «половины деревни» Старчевской в Антропьевой Слободе в 1619 г. предстает конкретная картина расположения пахотной земли: «А в яровом поле в верхнем и в огуменном поле (прилежащем к гумну — *Е. III*) полосы с Ываном Горяиновым за межами пополам, а в третьем поле одворной от Оксеновские поле с Ываном Горяиновым не в розделе», из чего явствует наличие трех полей и разное пользование ими в плане размежевания²³.

Конфигурация полей была неправильной как по абрису, так и по плоскостному положению. Даже угоды одноворной деревни не лежа-

²² См. Гл. 3. С. 100.

²³ Там же. Ф.141. Оп. 1. 1626. № 45–2. Л. 62, 27, см. также Л. 65–67; 1592–1622. № 3. Л. 97–98.

ли в одном массиве, а состояли из отдельных участков, которые могли иметь смежные межи с землями соседних деревень. Выразительно показывают, по мнению А.И. Копанева, ландшафтно-топографическую разбросанность деревенских угодий в Подвинье веревные книги. Именно в них отразились скрупулезно вымеренные (веревкой определенной длины — *Е.Ш.*) земельные «лоскуты» каждого двора в деревне, каждой деревни в волости²⁴. Однако и акты говорят о том же. В 1552 г. состоялась купля трети деревни-земли Пашковской, и контрагентами в сделке были братья «Борисьевы» сыновья Федор Голова и Петр Плетень. Наряду с двором и дворищем имелось «в гумне и в овине и в огородцах и в капустнике и в конопленике треть, гуменника верхней конец — треть, а огородцы разделена от ручья треть обеих огородцов, а поскотина вместе и заполя». Среди 9 пожен с характерными у некоторых названиями — Березовец, Подполевая, «Меньшая площадь и с лоскутом», Подсосецкая — на четырех были пахотные куски — ролюи, «да за Бороздою лоскут ролюи»²⁵.

Любой из крестьян-дворохозяев имел земли разной степени освоения, которые постепенно вводились в агрикультуру как ими самими, так и предками — отцами и дедами. Крестьяне опытным путем выработали в сельскохозяйственной практике свою ценностную квалификацию земель, на которых применялись и сочетались и разные системы земледелия. Самыми предпочтительными были «присельные», не только ровные, но несколько возвышенные «верхние», «горние» участки, они, как правило, были старопахотными. На них крестьяне вели паро-зерновое земледелие с трехпольным севооборотом и регулярным удобрением почвы. На низких и островных, сырых местах существовало двуполье. В каких-то случаях применять севооборот не было возможности. В Окологородной вол. Сольвычегодского у. во владениях Строгановых была д. Зарубенка на р. Вычегде и точнее «на Жилине курье», т. е. на речной заводи. У деревни было «в лугу пашни две десятины, пашут Максимовы (Строганова — *Е.Ш.*) половники под ярь, а ржи не сеют, потому что вода топит». Еще «у тое ж деревни пашни за болотом четыре десятины», рожь на ней также «не сеют», так как посевы «вода топит»²⁶.

Кроме старопахотных земель, крестьянское хозяйство располагало участками, сравнительно недавно введенными и вводимыми в земледельческую обработку. В хозяйстве вдовы Марьи Никифоровой дочери

²⁴ Копанев А.И. Крестьянство... XVI в. С. 128–129.

²⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45-2. Л. 55.

²⁶ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 881об.

Подпругина из д. Туралыкова Сольвычегодского у. Ратмировской вол. в 1628 г. наряду с тяглою имелась «новая припашная раменная земля» за речкой «против двора», «десять овинов ржи» с которой «свезли»²⁷. Такие участки находились близ деревни и на некотором удалении от нее, а могли быть «отхожими» и «наезжими». Эти многочисленные «заполки», «нивки», «гоны», «поженки», «полянки» не удобрялись, и на них применялись многолетние пары. Расчищенные земли назывались по-разному: «новины», «закраины», «причисти», «приделы», и в них отражена трудовая функциональность. В Алексинском стане имелась «деревня, что был починок Федотовский на речке Федотовской на реке Реваже» с пятью дворами, у которых «причисть на реке Рувоже на суземном месте»²⁸. Такие участки крестьяне либо косили, а судя по тому, что на них ставилось 20, 30 копен сена, они были невелики, либо их пахали с применением подсечной системы до истощения почвы. Земля на Севере теряла плодородие гораздо раньше, нежели в центральной России, — через 2–3 года, а не через 3–5 лет. Указаниями на подсеки наполнены поземельные акты, в них воспроизведены этапы приготовления лесного участка под пашню: от срубленных деревьев до готовой «новины». При купле-продаже в 1567 г. в Уцецкой вол. «двух жеребьев деревни Топорова» показана «паренина орана и новина спрятана (т. е. очищена после сжигания леса — *Е. III*) ино та паренина и новина впроки посеяти и рожь сняти» продавцу. К поч. Старчевский над р. Лузою при его купле-продаже в 1607 г. наряду с полями относились притеребы, «новины сеченые, что мы (продавец — *Е. III*) секли на том починке, а в большей новине, что сечена у нас большая новина с покровляны с товарищи» покупателю причиталась половина, а другая покровленем половина Осеею Никифорову с товарищи»; подсека, как известно, требовала вложения усилий, в данном случае была плодом коллективного труда жителей починка и соседей²⁹. В Сольвычегодском у. крестьяне на новых подсечных участках получали один урожай в течение трех лет, а на четвертый год забрасывали их, так как земля не плодоносила. В Тотемском у. крестьяне снимали с лесных росчистей только «один хлеб» и готовили новый участок, ибо на прежнем «другой хлеб не родитца и не сеют»³⁰.

В XVI–XVII вв. подсеки на Севере сопутствовали становлению деревень, постепенно превращались в постоянную пашню; они суще-

²⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628. № 72.

²⁸ Там же. Л. 221, 593. Суземье — водораздельное пространство между реками, покрытое таежным лесом.

²⁹ Там же. 1626. № 45-2. Л. 23, 74.

³⁰ АПД. М., 1913. С. 405; М., 1917. С. 274; М., 1977. С. 62.

ствовали наряду с последней, дополняя ее. Рассматривая подсеку через призму рационального использования крестьянами микроландшафтов, следует говорить о совмещении ее с паро-зерновой системой. Подсека на Севере не имела самодовлеющего значения. Ее распространение не свидетельствует об упадке или низком уровне развития земледелия, а говорит о ее необходимости как элемента агрокультуры. Как раз совмещение разных земледельческих систем показывает комплексность приемов ведения хозяйства в регионе, использование их разнообразия для расширения пахотных площадей.

С сырых и затопляемых участков крестьяне отводили воду, делая специальные каналы. Половники Троице-Гледенского монастыря проводили «из поль водяные борозды, а глубина и широта каковы по надобятца», по прокопанным каналам нужно «вода пустить, куда пригодитца, чтобы поля не топило, а борозды копать по ровным местам в колено»³¹. Такие приспособления были значительными по глубине и, видимо, достаточной ширины, а сами мелиоративные работы — обычным агротехническим приемом северного земледелия. Весной крестьянам приходилось обновлять, «починивать» и делать заново водоотводы. Необходимо было также вырубать и сжигать молодую лесную поросль, ежегодно поднимающуюся по краям полей за «огородом»; этот «леторосник» засорял и затенял хлеба, а в его тени они росли реже и чахлее.

Крестьяне за длительный период ведения сельского хозяйства приспособились подразделять угодья по их местоположению. Пашни, покотины находились на возвышенных и низинных местах. Сенокосы располагались «меж поль», на пожнях, которые тоже градуировались в зависимости от своего природного положения. Территориальная удаленность от деревни также имела значение: существовали «одворинные», то есть лежавшие в непосредственной близости от дворовых построек, присельные — рядом или очень близко от деревни, а также отхожие и наезжие. Последние заводились на достаточном расстоянии от деревни, иногда «версты за две и за три, и за десять и больше»³².

Те же самые угодья крестьяне ранжировали по системам земледелия в сочетании с давностью освоения. Наиболее ценны старопашотные участки с применением трехпольного или двухпольного севооборотов. Земли повторного освоения — переложные находились на когда-то окультуренных участках и могли располагаться как

³¹ Огризко З.А. Указ. соч. С. 72.

³² АПД. М., 1977. С. 62.

в деревнях, так и в удалении от них. Вновь вводимые в земледелие подсечные участки за счет лесной целины, названия которых, приведенные выше, отразили этапность их расчистки. Крестьяне подчеркивали, что с «новинных» земель они собирали не более одного урожая из-за малого плодородия земли. Урожайность также может стать характеристикой угодий, производной от природных факторов. Естественно, что каждое крестьянское хозяйство сочетало такие соподчиненные угодья, отвечавшие многофункциональным связям с внешней средой. Причем один и тот же сельскохозяйственный объект мог оцениваться в каждый конкретный момент с разных сторон, в зависимости от важности доминирующего признака. На Севере существовала явная и непосредственная связь между природными ландшафтами и сельскохозяйственными угодьями в их взаимной обусловленности. Она выражалась в существовавшем разнообразии угодий, находившихся в крестьянской практике. Их градация, восходящая к природным факторам, характеризует крестьянское хозяйство не только с экономической стороны, но и социальной. Разный набор угодий в хозяйстве, достаточный для полноценного его ведения, позволяет судить о положении его владельца и вхождении в определенную группу деревенских дворохозяев.

Противостояние суровой природе, борьба со своенравием рек, уничтожавших с трудом отвоеванные у леса окультуренные участки, хозяйствование в зоне крайне рискованного земледелия с очень коротким временным циклом требовали от северного крестьянина постоянного напряжения физических и психических сил, максимально в «аграрное» время года. При этом — скудное питание, в основном зерновое, в котором преобладали ячмень и рожь, дополненное рыбой и дарами леса. Все это делало жизнь крайне уязвимой, сказывалось на психологическом складе, формировало ментальные представления, подпитываемые опасением потерять землю, которую смоеет рекой, или скотину, которую может задрать лесной зверь, или остаться без урожая (каждый второй год здесь был неурожайным) или с таким его минимумом, что семье недотянуть до нового, оскудеть настолько, что придется идти «кормиться Христовым именем». Земля и деревня обрели для крестьянина сращенность, единство, означали понятийную взаимозаменяемость («тое деревню орал под ярь...» — XV в., «те мои деревни-земли» — XVII в.). Вместе с тем земля и деревня — всепоглощающие константы жизни, влияющие на соседские и внутрисемейные отношения.

ДВОР — МЕСТО ОБИТАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ

Пространство жизнедеятельности северного крестьянина было достаточно ограниченным. Средоточием жизни крестьян в деревне был двор. Каждый из дворов вписывался в пространство деревни, как поселенческой ячейки, и располагался таким образом, который предопределялся типом поселения. Северные селения, как уже говорилось, размещались по берегам рек и озер, а группы мелких, близлежащих деревень образовывали гнезда селений. Дворы в деревнях располагались соответственно береговой ориентации. Местоположение дворов могло не иметь четко организованного, тем более линейного порядка. Двор в деревне, независимо от того, принадлежал ли он крестьянину или посадскому человеку, представлял собой комплекс, обеспечивающий повседневную жизнь и труд обитающей в нем семьи того или иного состава. В небольших деревнях, столь характерных для Севера, семьи, да и соседи, были на виду друг у друга.

Сведения источников о крестьянских дворах немногочисленны, отрывочны и лаконичны, а наблюдения о дворовых постройках, имеющиеся в литературе, также не обильны. Отдельные данные о них встречаются в работах П.И. Иванова, М.М. Богословского, М.А. Островской, а также Е.Э. Бломквист, Г.Г. Громова, А.И. Копанева и других авторов¹. В них называются имевшиеся во дворах

¹ *Иванов П.И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. 2. Вып. 2; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1; *Островская М.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII в. СПб., 1913; *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1956. Т. XXXI; *Громов Г.Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Двор крестьянина в Подвинье в XVII в. // Культура русского Севера. Л., 1988. С. 174–182; *Мильчик М.И.* О составе крестьянского двора и его постройках на русском Севере в XVI–XIX вв. // Александр Ильич Копанев. Сб. ст. и воспом. СПб., 1992. С. 150–161;

строения, говорится об их назначении, упоминаются некоторые строительные и конструктивные особенности. Уделено внимание также развитию жилой избы из однокамерного помещения в многокамерное, эволюции дворового комплекса из разрозненных строений к объединению их под одной кровлей. В свое время я привела данные о жилых и хозяйственных постройках с редко встречаемыми сведениями о размерах дворов в Вологодском и некоторых других северных уездах². Специально хочу выделить работу С.К. Богоявленского «Дворовые деревянные постройки XVII в.»³, представляющую собой доклад, сделанный ученым в 1924 г. на заседании историков-краеведов⁴. Она была опубликована лишь в 1980 г. и, по-видимому, поэтому оказалась мало известной ученым, а в ней достаточно подробно рассмотрены городские жилые и другие постройки.

Определенные известия о дворе и окружающей его деревенской инфраструктуре можно почерпнуть из актового материала северных уездов конца XVI — XVII в. Из купчих, меновных, закладных грамот крестьян XVII вв. следует, что дворовый комплекс имел определенный состав. Его основу, естественно, составляли жилые и хозяйственные постройки в их органичном сочетании, необходимым для более или менее сносного существования. Разумеется, строения были деревянными и срубной конструкции. Земля, на которой они располагались, представляла самостоятельный элемент, причем нередко отдельно выделяемый при заключении имущественной сделки или в каких-либо других случаях. При сделках крестьяне отчуждали находившийся в их владении земельно-дворовый комплекс: имярек продал «половину деревни земли Чюпанова и з двором...»; «треть деревни своей Бабина»⁵. В актах содержится соответствующая формула о реализации такого комплекса: «с двором и с подворною землей», «з двором и с подворным местом» («...и с дворовым местом») или «и з двором и з дворищем и с подворною землею»⁶.

Тимошенкова З.А. Монастырские фонды как источник по истории двора и хозяйства новгородского крестьянина XVII в. // Там же. С. 162–167.

² *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 133–135. См также: приложение на с. 195–197.

³ *Богоявленский С.К.* О Москве XVII в. // Научное наследие. М., 1980. С. 194–195. Там же. С. 6.

⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 50; 1592–1622. № 3. Л. 71.

⁶ Там же. 1626. № 45-1. Л. 95; № 45-2. Л. 74; 1646. № 113. Л. 30, 37, 44, 5, 39, 1. Факты могут быть многократно увеличены.

Подобным образом обозначались главные жилищно-хозяйственные компоненты, служившие обеспечению каждодневной жизни. Стандартная констатация дополнительно расширяется: с двором, подворною землей и «со всеми дворовыми хоромы» и последующим ее развертыванием за счет детализирующих компонентов, вводя их словами: «А во дворе хоромов...», «со всеми хоромы...» («со всеми дворовыми хоромами...») и далее конкретно перечислялись строения. Варианты элементов данной формулы присутствовали в каждом из актов обязательно. Однако любой крестьянин или посадский человек, совершавший имущественную сделку на деревенское владение, указывал свой набор построек. Их перечисление было не только разной степени подробности, но имело большую или меньшую значимость для продавца. Разнообразие жилых и хозяйственных сооружений, фигурирующих в актах, при повторяемости отдельных из них, следует расценивать как проявление индивидуальных черт и посылов, исходящих от крестьян и выделяющих при сделках те или иные значимые для них строения. Итак, во дворах наличествовали: «изба против избы наземная клеть на погребе да сенник на подклете»; «изба да против избы два сенника с подклеты, под одним подклетом погреб да и с овином и з гуменником» (1584 г.); «изба малая да сенник с подклетом и со всеми хоромы» (1629 г.); «изба старая да против избы сенник с подклетом и с хлевами и заплот и половина бани и половина огуменника и овина» (1632 г.)⁷.

В первую очередь крестьяне, конечно же, указывают постройки, предназначенные для жилья. Вообще сведения о дворовых строениях нередко изобилуют ценными подробностями, в том числе и об их месте на пространстве двора. Так, «во дворе хоромов: изба старая с кондатою (комнатой — *Е. III.*) да другая изба новая с кондатою да житница стоят во дворе да клеть, что стоит подле старую избу» (1615 г.); на четверти д. Марьино в Ратмировской вол. в 1643 г. стояло «во дворе хором: изба да возле избу сенница да два сенника на подклетах и с огуменником и с овином, и с мякинницею, и з банею»; или в четверти д. Макаровской-Слободой в 1641г. находились: «А во дворе изба наземная да против избы сенник на подклете да возле избу сенница на хлеве да два сарая да баня да вон двора и четверть овина и огуменника четверть»⁸. В Колнобойской вол. Чарондской округи в 1617 г. два брата Данило и Леонтий Кириловы дети из д. Онофриевы Горы совершили обменную сделку с двумя

⁷ Там же. 1646. № 113. Л. 46, 52, 7; 1627. № 81. Л. 6.

⁸ Там же. 1626. № 45–2. Л. 7; 1646. № 113. Л. 3, 39.

же братьями Мартьяном и Пятым Ивановыми детьми из д. Сиговской. Примечательна стоявшая во дворе братьев Кириловых наряду с избой «истопка», а против нее «сарай да два синника на подклетах да на сточной стороне ворота да у ворот погреб да половина сарая». Они выменяли у братьев Ивановых дворовые строения в составе избы и четырех сенников на подклетах «да сарай да синица да двои ворота»⁹. Привлекает внимание упоминание об истопке, сравнительно нечастое. Об истопке или истобке Е.Э. Бломквист писала, что так называлось рядовое, небольшое жилое помещение, причем отапливаемое; в Новгородском и Вологодском краях — это маленькая избенка без сеней, но с печью¹⁰.

Порой двор мог быть весьма обширным. В 1637 г. посадский человек Устюга «заложил и подписал» в Ратмировской вол. четверть д. Марьицыно. В ней находились «в обеих дворах и обеих хоромех и в подворных землях треть, в пашенной земле и в непашенной и в сенных покосах тое деревни четверть, а в житнице треть»¹¹. Подкупают обильными компонентами в составе дворовых комплексов приобретения крестьян на д. Онкудиновскую в той же волости, два из которых сделаны в марте 1637 г. и третье в июне 1638 г. Ценность этих сделочных актов состоит в том, что при реализации разных по размеру частей одной деревни скрупулезно показаны принадлежности дворов. По первой купчей на полторы четверти деревни приходилось «во дворе хоромов: изба новая да подле избу сарай да против подклет... А в овине и в огуменнике четверть, а житница новая на погребе». Перечисление строений разрывается указанием межи двора, которая шла «с нижнего конца (т. е. от реки) от Иванова сенника от угла верхнево на избной угол на задней, а с другую сторону от новые избы вниз до старые избы до угла ж». Продавец Илья Лукин сын Якимова подтверждал владение жеребьем «отца своего благословение по купчей и по духовной» и повторил — «отца моего Луки по духовной»¹². Для прояснения ситуации обратимся к писцовой книге 1622–1625 гг. Она указывает на расположение двухдворной деревни на р. Фроловке. В первом дворе отмечен Лука Иванов сын Якимов с двумя взрослыми сыновьями Григорием и Ильей, в другом — его половник.¹³

⁹ Там же. 1627. № 71. Л. 20. Истопка — небольшая изба, избушка. См: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 324.

¹⁰ Бломквист Е.Э. Указ. соч. С. 20.

¹¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 2.

¹² Там же. 1627. № 81. Л. 11–12.

¹³ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 341об.

Лука владел деревней целиком, а приобрел ее по купчей 1605 г. К сделке 1637 г., которую совершил его сын, его не было в живых. Предметом второй сделки от того же года стала четверть этой же деревни, в которой имелся «двор старой от речки, а во дворе изба старая да против избы сарай да подле избу врага от синница и у ворот против тое ж синицы — синница, да во вне двора баня новая да житница новая ж и з замком да четверть овина и гумна и огуменника и со всеми хоромы да бревна сеннишные на перелог у двора»¹⁴. В ней подчеркнуты старость двора и избы, и они стояли «у речки», а сенницы (сенники — *Е.Ш.*) — у подлежавшего к двору оврага, но за двором построены новые баня и житница; у двора же находится участок перелога, где лежат заготовленные «сеннишные» бревна. Оба приобретения одно за другим 1 и 2 марта 1637 г. сделал Игнатий Фотиев сын Мелентьев, соединив в своих руках половину деревни. Территории обоих дворов, полученных Игнатием, были смежными, граница между ними шла от новой избы двора из первой купчей вниз (к реке?) до старой избы из второй грамоты. По третьей сделке от 14 июня 1638 г. Роман Игнатьев сын Мелентьев купил у Ивана и Прокопья Григорьевых детей Лукоянова полторы четверти деревни д. Онкудиновской по «купчим грамотам и по духовной» их отца Григорья. Они были внуками владельца деревни по писцовой книге Луки Якимова и племянниками Ильи Лукина Якимова из первой грамоты. Братья Григорьевы Лукины четко сказали о нахождении деревни «над речкою над Фроловской», то есть на возвышенном берегу, и назвали дворовые хоромы: «сенник на подклете и з погребом да синница подле сенник и с сараем и с избными бревнами, что на бору у корени, и з житницею и з банею и с половиною овином и с огуменником»¹⁵, отметив специально уже заготовленные «избные бревна», находившиеся для просушки «на бору», который по всей вероятности подступал к деревне. По трем сделкам отец и сын Мелентьевы скупили почти всю деревню Онкудиновскую, кроме половничья жербья. Из этих купчих видно местоположение построек в деревне вплоть до заготовленного строительного материала. Первая из них в описании межи называет угол «Иванова сенника», он принадлежал Ивану Григорьеву из третьей купчей. Этот «сенник Ивана Григорьева

¹⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 81. Л. 9–10. Сенник, синница — отдельная постройка или пристройка к дому хозяйственного назначения. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 24. М., 2000. С. 66–67.

¹⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 81. Л. 13–14.

вдался во двор», приобретенный Игнатием Мелентьевым по второй мартовской купчей, «стоит подле синицу и того сенника не трести с места, и место и сенник Иванов».

Июньская сделка 1638 г. примечательна еще тем, что продавцы исключили из реализуемого имущества посевы «ржи, овса и конопля и льну и всякого овощу, что на той полуторе четверте насыано ко 146-му году, и сухово хлеба и поряденные рухляди», продав «голую землю» из-под посевов. Созревший урожай им «хлеб рожь з земли и овес и всякой овощ свой... снять, измолотить на овине, а до земли дела нет». Вместе с тем Иван и Прокопий Григорьевы Лукины продали также «на поварне тьчан старой, заторник болшей». Они включили в купчую важное условие: «А жить Ивану да Прокопию в ызбе и в клете до дороги до Николина дни осеново 146-го году»¹⁶. Ни избу с клетью, ни поварню они не назвали в составе «хором», первые подразумевались «по умолчанию», вторая всплыла в связи с продажей вместительного сосуда-чана, в котором приготавлился для пива или кваса раствор — затор и бродил. Топография построек в данной деревне говорит о ее зажатости естественными преградами — рекой, оврагом, бором, подступившим к деревне. Перечисление дворовых принадлежностей можно уподобить моментальной фотографии, столь оно явственно.

Из всех приведенных выше свидетельств, а их число можно увеличить, хорошо видны разнообразные дворовые строения — избы, клетки, сенники, погреба, хлевы, сараи, житницы, овины и другие, и среди них следует выделить жилые — избы, клетки.

Другие постройки были связаны с ведением хозяйства и с повседневным жизнеобеспечением семьи — содержанием скота, хранением сельскохозяйственного инвентаря, зерновых и других запасов, домашнего имущества. В хлевах, сараях, сенниках, мшаниках держали мясомолочный и рабочий скот, запасы (сено, мякину, солому) для него, хранили разные хозяйственные орудия. Крестьяне, нечасто, но в каких-то необходимых им случаях, приводят данные о скоте. Так, при закладе полудеревни Тимошинской в 1625 г. три брата Зеленина наряду с «дворовыми хоромами, что во дворе хоромов», упомянули имевшихся у них «корову да телицу», причем даже указав их масть: «корова — пестрины красные да белые, а телица — ревра (?) да четыре овцы»¹⁷. Крестьяне, например, называют жернова, причем находящиеся в избах, для помола зерна по мере надобности, а

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1625. № 24. Л. 8.

в сенниках — сохи, серпы, косы, «молотила» (бьющая часть цепа), топоры, а также соль, солод, одежду¹⁸.

Первичной единицей любого жилища была клеть. О ней упоминает уже Русская Правда. Суммируя имеющиеся в литературе высказывания, скажем: клеть представляла собой простую срубную конструкцию, квадратную в плане, и была фундаментальным элементом исторически развивавшегося жилища. В XVI–XVII вв. клеть, как правило, холодное, неотапливаемое помещение, в котором хранили хозяйственную утварь, разные запасы и вещи, летом могли спать. «Изба да клеть» — своеобразная формула крестьянского двора русского средневековья», — выразился Г.Г. Громов, автор главы о жилище в издании «Очерки русской культуры XVII века», в отношении главных компонентов деревенского комплекса¹⁹. Целесообразно привести мнение С.К. Богоявленского из упомянутой выше работы о деревянных постройках XVII в., увидевшей свет уже после выхода «Очерков...». Историк писал: «Клетью назывался холодный покой, приспособленный для летнего жилья и для хранения вещей», о чем имеется достаточно указаний. «В документах, — продолжал ученый, — иногда упоминается о полатах, которые устраивались в клетях для сна. На клеть, как на складочное место, указывает “Домострой” наравне с подклетью и амбаром...»²⁰.

Предназначение клетки, связанное с разными бытовыми надобностями, видно из следующего. В распоряжении упоминаемых Ивана и Прокопия Григорьев Лукиных из д. Онкудиновской на проданном дворе, как говорилось выше, оставались изба и клеть до установления крепкой дороги. Крестьянин Учецкой вол. д. Офонасовской в апреле 1588 г., продав свое хозяйство, также по условиям сделки своего двора не покидает. С момента ее совершения и до точно оговоренного срока он остается «жить... в деревне до Оспожина дни (Успения Пресвятой Богородицы 15 августа — *Е.Ш.*)», причем указывается, в каком именно из дворовых помещений: «жить Митрофану в клите в подклите пот сенником»²¹. В данном случае клеть — не при избе, а под хозяйственным сенником и играет роль временного жилища. Крестьяне д. Карповской Пежемского стана Устьянских волостей, братья Агей и Влас Самсоновы дети

¹⁸ Там же. Ф. 1209. № 14856. Л. 378об.–379.

¹⁹ Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVII века. С. 190.

²⁰ Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 203.

²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 89.

Кубенины заявили, что в их дворе «в клетке были две кабалы» их отца, которые украли²².

Издревле насильственное вторжение в хозяйственные сооружения ограждалось правовыми санкциями. Ст. 41 Пространной Правды определяет наказание за кражу скота из хлева или чего-либо из клетки: «Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то...» Ст. 43 карает за кражу зерна из гумна или ямного хранилища: «Аже крадеть гумно или жито в яме, то...»²³. Во внимание кодекса попали важные для любого хозяйства строения, находившиеся при жилье, — хлев, клеть, а также гумно, ямное зернохранилище. Злоумышленники, будь то одно лицо или группа, вторгаются в закрытые и уже в силу этого охраняемые сооружения (яму, в которой хранилось зерно, нужно было разрыть).

Однако не только из Русской Правды, а и из других правовых памятников можно почерпнуть некоторые данные о дворе как месте обитания. Полагаю, что обращение к ним придаст рассматриваемому вопросу дополнительный, правовой аспект.

Судебник 1550 г. в ст. 88 обязывает крестьянина, уходящего в Юрьев день от своего землевладельца, выплатить пожилое и выделяет двор (или его часть) в качестве хозяйственной единицы²⁴. Фраза «А пожилое имати с ворот» подразумевает его целостность как усадебного комплекса со всеми жилыми и хозяйственными постройками в одной ограде с одними воротами.

Интерес представляет ряд положений Судебника 1589 г., которые относятся к сервитутам северной деревни (ст. 159–177). Из них следует неприкосновенность деревенского пространства, в границах которого крестьянин занимался земледелием и животноводством. Ст. 168 Пространной редакции настоятельно рекомендует: «А промеж селы и деревни городити межной огород, где межа придет...» во избежание нанесения ущерба²⁵. Лоскутообразная конфигурация северных полей вела к тому, что поле какого-либо крестьянина могло соседствовать не с одним, а несколькими участками других хозяев, как однодеревенцев, так и инодеревенцев. Все они соучаствовали в огораживании полевых участков по их межам, укрепляли ограду по мере необходимости и несли ответственность в случае потравы посевов. Судебник 1589 г., сложился как кодекс,

²² Там же. 1631. № 36. Ч. 2. Л.424.

²³ Правда Русская. М.;Л., 1947. Т. II. С. 390–393.

²⁴ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 172–173.

²⁵ Там же. С. 403.

приспособленный для нужд Севера, и он регламентирует даже высоту оград, причем учитывая их целевое назначение. Ст. 169 гласит: «А огород ставити около поля 7 жердей добрая, а около гумна 9 жердей добрая, а осек ставить 7 хлубин нарочитая. А чия животи на через таков огород пакость сотворит, и, сыскав, на том протрава взяти; а сыскивать сотцкому, да волосному старосте и ближними суседи»²⁶. Декларируемая высота, скорее всего, выработалась в практике хозяйствования крестьян и была наиболее рациональна для защиты от вторжения на поля как домашней «животины», так и лесного зверя. Изгороди полей и гумна, построенные из жердей, были разной высоты. У гумна — выше, нежели у полей, ибо на нем находились скирды немолоченого хлеба, кормовые запасы для животных. Осек, отделявший сельские угодья от некультуренного, лесного пространства, делался из срубленных и поваленных вместе с сучьями деревьев, наваленного хвороста. Он представлял собой более мощное ограждение для всех сельскохозяйственных угодий деревни, включая выгоны. И ограды, и осеки имели отворяющиеся звенья, которые обеспечивали проход и проезд через них.

Злоумышленник (по ст. 170 Пространной и 24 Краткой редакций Судебника 1589 г.), открывший какую-либо из таких изгородей с умыслом: «кто назло огород отворит в поле и в гумно и напустит скота, или осек отворит и выпустит за осек» — подвергался суровому наказанию — битью кнутом за то, «что лихо творит», и возмещению ущерба за потраву полей и гибель домашнего скота, вышедшего в лес²⁷.

Примечателен указ Бориса Годунова от ноября 1601 г. в Сольвычегодск и уезд об установлении твердой цены на хлеб и борьбе со спекулятивной скупкой и продажей зерна. Он констатирует, что посадские и волостные люди «держат у себя во дворех», причем подробно перечисляя, в каких именно местах: «и по житницам, и по анбарам, и по лавкам, и по ямам многий хлеб, а у иных стоит немолочен в кладех и в скирдах, и в одоньях много лет...»²⁸. Указ

²⁶ Там же. С. 404.

²⁷ Там же. С. 357–358, 404.

²⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 49. С. 67. Кладь — большой, длинный скирд зерновых хлебов. Одонье — круглая с заостренной вершиной кладь из снопов немолоченного хлеба. Скирд, скирда — большой продолговатый стог сена, немолоченных снопов хлеба для хранения под открытым небом. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 150; 1987. Вып. 12. С. 294; Вып. 24. С. 198.

называет разнообразные зернохранилища, имевшиеся как в городе, так и в деревне. В нем как должное упомянуты также способы многолетнего хранения немолоченого зерна. Последние приспособления отличались друг от друга своими размерами и количеством слагаемых в них снопов.

Несколько статей Уставной книги Разбойного приказа 1616/17 г., говоря о дворах подследственных лихих людей, татей, разбойников, называют и имеющиеся в этих дворах «животы» и «хлеб молочной», который следует «запечатать», а «стоячей хлеб и земляной переписать». Все имущество должны были беречь «тутошные сторонние люди с поруками, докуды дело вершитца» (ст.1); преступники, признавшие в разбое с убийством и «пожогом дворовом или хлебном», наказывались смертной казнью (ст. 10); при установлении компенсации за ущерб, нанесенный преступниками «в дворном, или гуменном, или в хлебном, или в сенном пожоге», следовало исходить из свидетельств и оценки окольных людей, «сколко дворов и во дворех хором и хлеба стоячего и сена пожгли» (ст. 50–51)²⁹.

Соборное уложение 1649 г., аккумулировавшее предыдущие законодательные установления, охраняет посевы на полях и собранный урожай (гл. XXI, ст.89). Оно квалифицирует как татинное дело кражу с поля сжатого или еще не сжатого хлеба, неубранного сена. Виноватый «за ту татьбу» должен быть бит кнутом, а «краденое велеть, на нем доправя, отдать истцу»³⁰.

Приведу соответствующий случай. В 1628 г. крестьянка вдова Марьица Никифорова дочь Подпругина из д. Туралькова Ратмировской вол. Сольвычегодского у. обвинила крестьянина той же деревни Федота Федорова сына Старостина, его детей и складников, что они «перед Семеновым днем Летопроводца свезли... с новые припашные с раменные земли из-за речки против двора нашего... десять овинов ржи сильно. А с овина... они тое ржи умолотили по четыре четверти со всякого овина, и тое... умолотили сорок четвертей. А рожь тогда купили по четыре гривны четь». Убыток от этого своза составил 16 руб. и сверх него дополнительно еще более 32 руб.³¹.

Рассмотренные правовые нормативы, как оказалось, содержат опосредованные по отношению к главным казусам сообщения о хозяйственных сооружениях дворов. Эти приспособления и строения

²⁹ Законодательные акты Русского государства... № 80. С. 86, 87, 91.

³⁰ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С 127.

³¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. № 72.

обеспечивали производство сельскохозяйственных продуктов, и в первую очередь зерновых, их хранение и первичную обработку. В них также названы виды и способы хранения зерна. Обобщенно они названы в указе 1646 г. о составлении переписных книг, в пункте, по которому вотчинники и помещики обязаны возвращать принятых ими беглых крестьян прежним владельцам по переписным книгам «со всеми их животы», и главное, «и с хлебом стоячим, и с молоченым, и з земляным»³². Так правовые кодексы и установления отразили имущественно-хозяйственную основу деревни и даже ее инфраструктурные компоненты.

Однако вернемся к рассмотрению актового материала. Ряд построек находился вне жилой территории, на некотором удалении от нее. Это — овины, гумна, сараи для сена, житницы. Прослеживаются разные варианты и порядок элементов при фиксировании реализуемых с землей жилых и хозяйственных строений. Они могли лишь обозначаться: «... со всеми дворовыми хоромы и с житницею и з гумном и с овином...» или «...и з гумном, и с овином, и с огуменником, и з двумя житницами, и з банею...»³³. В 1644 г. в д. Стрелка Ратмировской вол. был продан шестой жеребей «з двором и со всеми хоромы и с гумном и с огуменником, и с овином и з житницей...». Ранее в 1635 г. продавался другой участок той же деревни «ис четверти треть... с двором и с подворною землею. А во дворе и во всех хоромах треть и в подворной земле треть, и в огуменнике и в житнице треть...»³⁴.

Купля-продажа или заклад земельных участков совершались на какую-либо часть деревни: половину, треть, шестую, двенадцатую, восемнадцатую и при этом отчуждалась также часть строений, которые указывались с той или иной степенью подробности. Так, в 1592 г. с половиной д. Микулино в Лальской вол. были проданы двор с постройками в нем, «и з банею половину» и также «полпашенные земли и половина пожен и половина речки Езовицы и половина прислонов, что к Шилюгу прилегли... и половину поскотины, во всей деревне половину», включая охотничьи путики и перевесья, которыми владел отец продавца, он сам «после отца своего владел, что мне з делу от брата от Меншика досталось», и после этого добавлено «и з житницею»; в мае 1600 г. продавец «трети штины» д. Мериново-Юрьевская в Ратмировской вол. указал на «треть во

³² Законодательные акты Русского государства... № 311. С. 215.

³³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 32, 37

³⁴ Там же. Л. 57, 55.

дворе и в дворовом месте и в избе треть и во всех хоромах»³⁵. Ратмировский же крестьянин в 1622 г. при своей четверти д. Погорелый Липовец реализовал «в избе четверть и во дворе четверть, в сеннике и в подклете и в бане половина, в хлевах и в овинех и в огуменнике четверть»³⁶. Акты свидетельствуют о совпадении частей реализуемых земли и построек. В вол. Антропьева Слобода в 1621 г. крестьянин продал половину д. Шиловской и в ней «во дворех в обеих избах и во всех хоромах, что в том дворах стоит хоромов, и в житнице, и в овине, и в огуменнике... во всем продал половину»³⁷. В Учещкой вол. в 1622 г. реализовалась половина д. Чюхла со «всеми дворовыми хоромами и с вонными и с житницею и с банею и с полуогуменником и с полуовином и с польми и с пожнями и с полупоскотиною тое деревни, опрочи нагорного поля тое полудеревни Чюхлы»³⁸. Хорошо передает соответствие частей земли и строений купчая 1641 г. на упомянутую д. Мериново. С ее «третью штины» с третью двора и третью избы были отчуждены «треть подворной земли, и треть житницы, и треть всех хоромов, чем яз сам владел, и в овине и в огуменнике, и в гумне свой жеребей треть же, треть же с тово жеребья земли»³⁹.

Однако доля в постройках не всегда совпадала с частью отчуждаемой деревни, что уже видно из вышесказанного. Приведу дополнительные тому свидетельства. В Ратмировской вол. крестьянин в 1622 г. с четвертью д. Погорелый Липовец реализовал «в избе четверть и во дворе четверть, в сеннике и в подклете и в бане половина, в хлевах и в овинех и в огуменнике четверть». Хозяину продаваемой четверти д. Большой Липовец в 1631 г. принадлежало «в овине три жеребья». В заложенной в 1637 г. части д. Макаровской стояло «хоромов на той четверте изба да против избы сенник с подклетом да два сарая и со хлевы и со стаи, да четверть овина да четверть огуменника и со всеми хоромами, чем мы владели (сын с матерью вдовой — *Е. III.*), и старая клетка, погреб и з банею, все пополам». В данном случае большего внимания удостоились хозяйственные постройки, названы редко упоминаемые хлева и стаи в них, что может означать достаточное число голов скота, погреб, а также старая клеть, вероятно, используемая как складское помещение для хозяйственной утвари. В 1639 г. в поч. Терехинском были совершены две

³⁵ Там же. 1626. № 45–2. Л. 61; 1627. № 81. Л. 17, 15.

³⁶ Там же. 1646. № 113. Л. 18.

³⁷ Там же. 1626. № 45–2. Л. 22

³⁸ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 51.

³⁹ Там же. 1627. № 81. Л. 16.

сделки купли-продажи. Дмитрий Григорьев сын Попов продал жеребей с двором, дворовым местом, с избой и всеми дворовыми хоромами, «и з житницею, что в логу, и з банею, а огуменника и овина половина...»; Афи́мья Иванова дочь Андрея Сучкина жена продала четверть без девятого жеребья «с половиною избой и с половиною двором да с сенничком с малым на узгу? с сараем с половиною, с подворным местом и с половиною банею. А в овине и в огуменнике четверть...». В той же волости крестьянин Нифант Прокопьев сын Ведров занял 2 руб. и заложил кредитору шестой жеребей в д. Вопчие, причем «во дворе и в сенниках и в избе и в бани треть, а в овине и в огуменнике штина». С восемнадцатой долей д. Мериново в 1641 г. была продана треть двора с хоромами: изба на змостье «да два сенника с подклеты, и вон двора житница и з банею. И тех всех хором треть, а бани штина и овина штина». В 1646 г. в д. Мартыщеве покупатель получил шестой жеребей «и с половиною старые большие избы и всех хоромов половина, что на том дворе есть, и в овине, и в огуменнике и в житнице половина и подворной земли, что под хоромы половина...»⁴⁰. Продавая в 1698 г. шестую часть д. Чигры, Матрена Леонтьева Ширинкина вдова Нестора Аврамова Уварова перечислила дворовые хоромы: «изба новая да клеть и с подклетом да половина сараю и з заплотом»⁴¹. В Вилегодской вол. в 1592 г. Яков Наумов сын Дедов продал участок, видимо сравнительно недавно окультуренный. Это — «наволок орамая земля и з гумном, и с овином и з пожнями», а также жеребей «вверх по Вохте Бродовсково наволоку половина за рекою яз продал еси те поля и с озимью и з двором и огородец подле двор»⁴². Характерно, что при существующей пашне уже имеется гумно и овин, необходимые для хранения и обработки урожая, однако какое-либо жилое помещение не называется. Можно думать, что продаваемый наволок — отхожее угодье, который, возможно, со временем станет починком. Так, на основе подобных не прямых фактов можно получить суждение о расширении крестьянского земледельческого хозяйства. Продемонстрированное несоответствие долей деревни с хозяйственными постройками сенниками, овинами, огуменниками объясняется тем, что последние находились в совладении однодеревенцев и ими соседи пользовались совместно.

⁴⁰ Там же. 1646. № 113. Л. 18, 15, 41, 24, 26, 8, 29. См. также: Л. 30–32, 34; 1627. № 81. Л. 16.

⁴¹ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 27.

⁴² Там же. Ф. 141. 1626. № 45–2. Л. 6а.

По отношению к ряду хозяйственных построек документы говорят об их нахождении «вон двора». В составе пятого жеребья д. Прислон в Ратмировской вол. хозяин в 1627 г. реализовал вместе с наземной избой и двумя сенниками на подклетах также стоящие «вон двора житницу новую и з банею». В купленном в 1627 г. дворе д. Взвоз (Звоз / Чюпаново тож) находились: «изба ветшана (уточнение, могшее повлиять на стоимость сделки) от Софонова и со всеми дворовыми хоромами. А вон двора в двух овинах и в огуменнике по четверте, и четверть мельницы, и в поварне четверть, и с подворною землею...». В упомянутой четверти д. Стрелка той же волости в 1628 г. был продан участок с полями, поскотинной и «с проходы и с проезды», доставшийся по разделу с братом. Имелось «во дворе хоромов: изба наземная да против избы сенник на подклете и сарай да подле сенник пристен. Да житница новая вон двора и со всеми хоромы и в овине, и в огуменнике половина. Да треть в бане и половина в колодце»⁴³.

Заслуживают внимания следующие интересные по своей наполненности варианты. В Ратмировской вол. при продаже в 1698 г. упомянутой выше штины д. Чигры в числе строений «вон двора» находились «четверть часовни да житница и з замком нутренным да половина бани да четверть овина и гумна и огуменника». На восьмой жеребей д. Аникиевской в том же 1698 г. приходилось «во дворе хоромов: изба новая да сенник и со всеми дворовыми хоромы и с подворною землею, а вонных хоромов — житница и с замком нутряным и с ключем, да погреб, на погребе клетка, а в онбаре у реки Лузы осмой жеребей в старом, а в овине и в огуменнике половина и мекинница»⁴⁴. На участке д. Онофриевы горы в Колнобойской вол. Чарондской округи стояло «вонных хором житница новая да овин меньшей да мекильница с сенми от овина да полбани», к ним же крестьяне отнесли «половину хмельников да полколодезя», а в д. Сиговской «вонных» построек было житница, овин, «две мекильницы» и тоже хмельник⁴⁵.

Стоит задержать внимание на данных свидетельствах, так как они выделяются среди других перечислением своих компонентов. В одном случае продавец отметил ветхое состояние избы, давно построенной или доставшейся в таком виде от некоего Со-

⁴³ Там же. 1627. № 81 Л. 1; 1626. № 45-2. Л. 9; 1646. № 113. Л. 46, 52. Ф. 1161. Оп. 1. № 28.

⁴⁴ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 28, 27.

⁴⁵ Там же. Ф. 141. 1627. № 71. Л. 20.

фона. Ничего не сказав о других надворных сооружениях, может быть тоже давних, продавец сосредоточился на строениях задворных. Среди них — 2 овина, и что примечательно, по доле в поварне и в мельнице, наличие которых могло, по его мнению, компенсировать недостатки дворовых «хором». Другой акт называет среди хозяйственных построек наряду с сенником еще сарай и пристен, который пристроен к стене сенника. В третьем случае крестьянин, расставаясь со своим земельно-дворовым владением, указал на расположение погреба под клетью, амбара у реки, а после констатации своей доли в овине и огуменнике, как бы вспомнив, добавил «и мекинница». Продавцы считали нужным обратить внимание на наличие у житниц внутреннего (врезного?) замка и даже ключа к нему, то есть металлических узлов, имевших соответственную стоимость. Следует отметить специальные, и достаточно редкие указания, во-первых, на четверть часовни, что говорит о совладении землей под ней и о коллективном возведении ее соседями, а также на колодцы, которыми совместно пользовались соседи.

Хозяйственные строения, не входившие в состав дворовых, обозначались и по-другому. «А в наулишных хоромех в бане и в овине и в огуменнике четверть, и в гумне четверть»⁴⁶. Продажа в 1622 г. четверти д. Пестово в вол. Антропьева Слобода состоялась, как водится, «с двором и с дворовыми хоромы и наулишными, и з гумном и с огуменником, и с овином, и з банею, в полях и в пожнях и во всех угодьях четверть», вместе с которыми покупателю также отходили «в подгорном огороде четверть» и еще «другой огородец под задним окном с сиченово угла и с огуменником». В упомянутой д. Взвоз в 1637 г. на четверти земельного владения стояло «хоромов: изба малая да сенник у Ивана Афонасьева (участник сделки 1627 г., видимо старший брат теперешнего покупателя Никиты) на дворе, и тот сенник вынести Никите от Ивана, да житница старая большая, и в бане половина. А в овине на дворовой стороне от речки четверть, и в мельнице и в жерновах и в насеках четверть, да овин за рекой новой и с огуменником и с мекинницей на старом гуменнике...»⁴⁷. В данных случаях конкретно показано расположение хозяйственных объектов вне двора, в том числе и привязанное к речкам, а также условие убрать сенник с проданной территории.

⁴⁶ Там же. 1626. № 45-2. Л. 26.

⁴⁷ Там же. Л. 25; 1646. № 113. Л. 48. (Здесь же посев на 8 мер).

Крестьяне, следовательно, отделяли постройки на дворовой земле от внедворовых. Они это делали, нередко с указанием на их топографическую привязку к находившимся ручьям и речкам, оврагам или каким-то возвышенностям. Такие подробности позволяют исследователю раздвинуть само пространство дворового комплекса и даже прорисовывать его.

Особый интерес вызывают свидетельства, показывающие границы дворов, соседствующих с друг с другом. В упомянутой половине д. Микулино «двору межа с Ортемьевым да с Юмшановым двором, с Ортемьевы избы да на Юмшанову сенницу, от огоротцу коноплянику конец от поля»; при купле-продаже трети земельного владения в д. Дрищевский починок Ратмировской вол. в 1641 г. в нем стояли «изба старая да против избы два сенника на потклетех и з сараем да хлевец подле дорога, а межа двору с сильнишно до угла на Загоскин двор прямо, да с половиною банею да вон двора житница малая да с половиною огуменником и с половиною овином, что с Петром Загоскою вместе». При обмене земельных участков в уже упоминаемых чарондских деревнях фиксирование дворовых сооружений отделено от вонных следующими указаниями: в д. Онофриева гора «а межа промежу дворы с Григорьевского синика с застреху на сток половина двора, а двор Григорьевской»⁴⁸. Продавцы своих жеребьев в д. Онкудиновской сообщили не только о давности отдельных строений (изба старая или новая) и их местоположении (сенница у оврага, другая сенница у ворот), но и сочли необходимым привести их подробные межи. Дворовый участок Ильи Лукина сына Якимова соседствовал «с нижево конца от Иванова сенника от угла верхнево на избной угол на задней, а с другую сторону от новое избы вниз до старые избы до угла ж»⁴⁹. Владельцы всех этих участков поименно называли непосредственных соседей своих дворов и направление межей, идущих от построек в том или ином направлении. Крестьяне тем самым маркировали земли как свои и принадлежавшие именно данному домовому комплексу, подчеркивали его целостность. Примечательно обозначение хлева существительным в уменьшительной форме «хлевец», а в сочетании с указанием на «житницу малую» эти факты можно расценить как свидетельства размеров этих строений, действительно меньших по сравнению с общепринятыми.

⁴⁸ Там же. 1626. № 45-2. Л. 61; 1646. № 113. Л. 61; 1627. № 71. Л. 20.

⁴⁹ Там же. 1627, № 81. Л. 11.

Выше уже говорилось, что обрабатываемая земля лежала сразу за дворами. По всей вероятности к ней можно отнести выражение, встретившееся при купле-продаже в сентябре 1639 г. жеребья «Терехинского починка и Мелез/в/инские пустую землю над речкою над Талицею». Участок был с двором и дворовым местом и «всеми» дворовыми хоромами, «что от Коробова двор[а], и з житницею, что в логу, и з банею, а огуменника и овина половина... и со всеми угоды кругом по старым межам...», однако «опричь пустава жеребья заулишные земли трети, что выходит треть Бутаковы да опричь же пустава жеребья, что выходит из двух третей из Мелез/в/ински[е] земли штина Бутаковым же». Свидетельство к тому же содержит два ориентира с антропонимическим компонентом. Из него ясно, что запустевший участок с сохранившейся на нем дворовой инфраструктурой находился в смежных границах с неким Коробовым двором, а лоскуты земли с Бутаковым. Само слово «заулишная» весьма показательно, оно ясно говорит о нахождении возделываемой земли непосредственно за деревенской улицей, которая необязательно соответствовала нашим представлениям о прямолинейности. Неплохо было бы узнать что-нибудь о носителях упомянутых антропонимов, и это оказалось возможным! Еще одну сделку купли-продажи несколько ранее, в июне того же 1639 г., совершил как раз Роман Григорьев сын Бутаков. Он продал «Мелевинские земли починок, отца своего благословение, треть земли, треть земли Бутаковых жеребья да в Мелевинской земле штина, пусту землю». Покупателями стали два крестьянина, приобретшие «ту землю, что в сей купчей писана, пополам»⁵⁰.

Крестьяне, как можно было уже убедиться, не только называют продаваемые постройки, но и сообщают об их числе и состоянии, так, во дворе: в обеих избах, две избы, изба новая, изба старая, половина старой большой избы, изба малая, изба «ветшана», два сенника, житница старая большая, «з двумя житницами». Чрезвычайно ценны встречающиеся сообщения о конструктивных особенностях построек: изба поземная, сенник на подклете, на погребке клетка, «синница на хлеве», «изба на амбаре». В Ратмировской вол. при трети д. Холм были «сенник с перерубом» и кроме него «другой сенник», под одним из них — погреб, а также имелись житница, гумно, баня. Крестьянин д. Фатьяновской (Потаповской тож) заложил в 1644 г. ее четверть не только со «всеми хоромы», но и «с новыми струбами и з подворною землею и з житницею, что

⁵⁰ Там же. 1646. № 113. Л. 24, 25.

с перерубом» и уточнил, что «другой переруб братеньи», а также с полуовином и с полуогуменником. На доле («треть половины») д. Козминской в 1642 г. у продавца стояли «изба на змостье да во дворе сенник на подклете и сарай против избы». В половине починка над рекой Палуи у Федора Пятого сына Козмина в составе хозяйственных построек был «заплот», указанный после сенника и хлевов⁵¹. На восемнадцатой доле д. Мериново имелось в 1641 г. среди «хоромов изба на змостье да два сенника с подклеты... И тех всех хором треть, а бани штина, и овина штина и с мельницею». «Подмостье» упомянуто также в купчей 1600 г. на девятый жеребей той же деревни⁵².

Привлекает упоминание важных конструктивных деталей, а именно переруба у сенника и житницы, деревянного взмостья у избы. Первое говорит об усложнении первичных конструкций, об устройстве добавочных помещений за счет капитального перегородивания имеющихся. Даже из такого лапидарного известия акта можно понять, что братья произвели хозяйственный раздел. Второе сообщает о наличии подмостья (взмостья, отмостья), т. е. о приподнятости избы над землей, но, вероятно, не до такой высоты как подклет. Учитывая встречавшиеся факты о поземных избах, перед нами явное доказательство усложнения в конструкциях помещений разного назначения и развития строительного дела.

Довольно полное перечисление рядовых и неординарных жилых и хозяйственных сооружений с расположением их относительно друг друга находим также в следующих актах. Устюжанин посадский человек продал в Ратмировской вол. половину д. Харамзино и «хоромов на дворе: две избы да подле избу синница с перерубом да два сарая да два сенника с подклеты да баня да овин с огуменником...». В той же волости в разные годы реализовали свои земельные владения: братья Григорий и Третьяк Матвее-

⁵¹ Там же. Л. 15, 23, 37, 38, 35, 67. 1627. № 81. Л. 6. Характеристику конструктивных особенностей жилища и хозяйственных построек см: *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов; *Мильчик М.И.* О составе крестьянского двора и его постройках... С. 150–161. См. там же. С. 162–167. Заплот — сплошная деревянная конструкция между двумя столбами, забор. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 269. Переруб — внутренняя стена в деревянном строении, разделяющая его на двое; бревенчатая перегородка. Там же. Вып. 14. М., 1988. С. 285.

⁵² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 81. Л. 16, 18. Взмостье (змостье), подмостье, производные от мост — пол, помост, настил или перекрытие в постройке. Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 273.

вы в 1599 г. половину д. Чюпаново и в ней «на той земле изба да сенник против избы да сенница, да житница, да овин з гумном, да мельница и жерновы и со всем без вывода, и с бревнами избными, што на улице выложены»; крестьяне д. Макарово, на которую сохранилось несколько сделок, одна из них от 1637 г., когда был заложён участок и на нем «изба да против избы сенник с подклетом да два сарая и со хлевы и стаи да четверть овина да четверть огуменника и со всеми хоромы, чем... владели, и старая клетка, погреб и з банею все пополам и погреб»; другая от 1641 г. Созона Карпова сына, во дворе которого имелись «изба поземная да против избы сенник на подклете, да возле избу синница на хлеве, да два сарая, да баня да вон двор, и четверть овина и огуменника четверть, и чистую землю, и с лесы и с санные покосы, и с поскотиною»; привлекает внимание еще одна сделка на восьмой жеребей той же деревни от 1642 г. Семена Карпова сына Мариева, где стояли «подклет да синница в столбах да осмой жеребей в овине и в гуменнике и в гумне и з дворовым местом»⁵³. Все эти крестьяне привели расширенный набор дворовых строений, отмечая устройство в хлевах стай, расположение сенницы над хлевом, обладание мельницей и жерновами, выделяя их значимость и для себя и для приобретателя. Последний приведенный документ говорит о том, что участок невелик (1/8) и продан без дворовых строений, а только с задворными, причем продавец специально отметил особенность, присущую состоянию, в котором находилась сенница. Она, как водится, поднята над землей, подклет наличествует, а самой постройки еще нет, она «в столбах» — поставлены только несущие конструкции. Документ, казалось бы, с жестким формуляром донес до нас голос продавца. Можно допустить реальность диалога Семена и писавшего купчую по его «Семенову велению Ильинского церковного дьячка». На возможный вопрос последнего: «а сенница, есть ли?» — продавец дал точный ответ о ее положении, и таким образом был зафиксирован момент деятельности.

Примечательно, что для разграничения дворов, стоявших смежно, а также ориентированного обозначения полей используются отдельные элементы, которые можно отнести к инфраструктурным. Реализуя в 1600 г. девятый жеребей д. Мериново в Ратмировской вол., продавец среди хором перечислил половину избы и «против избы сенник на потклете и сарай против избы и половина двора да заулок промеж сенников, а подмостье Аксену ж (покупателю —

⁵³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 38, 50, 41, 39, 43.

Е.Ш.), а с уличную сторону межа по старому дворищу по столбам, и половина бани и четверть овина, и половина огуменника, и половина дворища старово промеж Филиным двором и Леонтьевским». В сделке от 1641 г. на треть «из двух третей» той же деревни среди задворных построек находились «бана на улице да половина овина и огуменника и з дворищем старым, что промеж Филиным двором и Леонтьевским» с характерным пояснением: «чтобы, как мочно, на том старом дворище вново двор поставити»⁵⁴. Сделки на д. Мериново, отстоящие друг от друга на 40 лет, дают не только исчерпывающий комплекс построек, включая бани, но и расположение на пространстве двора и вне его с отображением заулка между сенниками, разграничивающего соседние дворы. В 1619 г. Иван Поздеев сын Домнин купил в вол. Антропьева Слобода половину д. Старчевской «с обоима дворами... и з двема избами и з двема сенниками на подклетах, а двору межа с Ъваном Горяевым с конец сарая да на синичной угол (сенника) на верхней, а в бане и в овине и в огуменнике продал половину». В 1621 г. тот же Иван Домнин продал, причем ссылаясь на свою же купчую 1619 г. и на деловую с братом, четверть той же деревни, «с одним двором с избою новой и с сараем против новые избы — та вся сторона и с хлевыма и с сенники с подклетом против тое ж избы, а до старые избы и до сенника и сараем и заплотом до той стороны Петру (покупателю) дела нет», так как эта часть принадлежала брату продавца. С ним же «под двором» земля была «вместе не в розделе»⁵⁵.

Многие из приведенных выше документов говорили о важной хозяйственной принадлежности двора, а именно житницах. Они как место хранения хлебных запасов упоминаются уже в берестяных грамотах от XIV, XV вв.⁵⁶ В сентябре 1607 г. Дементий Сергиев сын Яковлев продал «деревню свою землю» в поч. Старчевском со строениями во дворе — двумя избами, новой и ветхой, сенником, овином, банею и другими, но кроме «житницы, что зачата рубити и опроче бревен житничных...». Отмечу, что он договорился «жить в деревне до сроку до Велика дни Христова 116-го (1607) году»⁵⁷. При закладе в январе 1625 г. половины д. Тимошинской в той же волости говорится о запасах зерна, их было «в житнице пятнатцеть мер

⁵⁴ Там же. 1627. № 81. Л. 18, 8.

⁵⁵ Там же. 1626. № 45-2. Л. 26, 27.

⁵⁶ *Рыбина Е.А.* Берестяные грамоты о хозяйстве в средневековом Новгороде // От Древней Руси к России нового времени. Сб. статей. К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 199.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45-2. Л. 23–24.

овса да две меры ячмени да полмеры семени конопляново»⁵⁸. Отсюда ясно видна и обыденность житниц в хозяйстве, и их ценность как зернохранилищ, а также продажа не всего дворово-хозяйственного комплекса.

Акты, как можно было убедиться, сообщают, и порой обстоятельно, о сооружении отдельных построек, как жилых, так и хозяйственных. Заготовленные для строительства «бревна избные», которые «на улице выложены», были реализованы в 1599 г. с д. Чюпаново. К шестому жеребью д. Чигры, проданному в 1642 г. «опрично двора», приходилась наряду с постройками «половина овиновых новых стругов и в бревнах, которые у стругов, половина». При четверти д. Фатьяновской в заклад пошли хоромы вместе «с новыми стругами».

Представляет несомненный интерес состоявшаяся в январе 1644 г. купля запустевшей девятой части д. Мартыщево в Ратмировской вол. В ней было «в хоромах в старых треть, и с новою избою, что ныне подынена, со всем хоромным лесом нутряным и з досками колотыми и з бревнами»⁵⁹. Документ запечатлел этап постройки новой избы, которая возводилась летом. Однако отделка ее «нутра» не была закончена, хотя необходимый материал для плотницких работ заготовлен. В данном случае совершена сделка на возрождающееся хозяйство с построенной избой, но, судя по заготовленным материалам — бревнам, колотым доскам (для кровли), до конца еще не завершённой. Приведенные факты показывают стремления и конкретные заботы крестьян о совершенствовании своих жилых и хозяйственных условий, разные этапы обновления тех или иных дворовых построек или строительство новых.

Итак, выяснилось, что часть сооружений крестьянского двора была теснее соединена с жильем, приближена к нему, чем другая, находившаяся за двором. Именно такие хозяйственные постройки, стоявшие, по терминологии актов, «вон двора», «вонные», «наулишные», т. е. располагавшиеся на его периферии, связаны с важнейшими сельскохозяйственными работами по сушке и обмолоту зерновых хлебов, переработке их в крупы, и главное — хранением урожая. К ним относились удаленные в противопожарных целях от жилья амбары, житницы, где хранили разный молоченый хлеб, овины, гумна, стоявшие на огороженных участках-огуменниках, где держали и сушили сжатый хлеб. К задворным постройкам, как явствует из сказанного, относились часто упоминаемые бани, а также мельницы.

⁵⁸ Там же. 1625. № 24. Л. 8.

⁵⁹ Там же. 1646. № 113. Л. 6, 50, 33.

Г.Г. Громов заметил, что в составе крестьянских дворов почти не упоминаются амбары, хотя этнографические данные XIX в. называют в большинстве случаев именно их как помещения для хранения зерна. Он характеризует амбар как складское помещение больших размеров⁶⁰. М.И. Мильчик же говорит о вообще редком упоминании хозяйственных построек — житниц, овинов, гумен, амбаров. Он поясняет, что ограничивает задачу своей статьи «суммированием общих сведений о структуре крестьянского двора и его эволюции в Поморье» и основывается «лишь на выборочном использовании источников», правда поневоле⁶¹. Конечно, недостаточное привлечение источников дает неполную картину хозяйственных принадлежностей двора. Данные, которыми я располагаю, свидетельствуют не только о широком распространении житниц, овинов, гумен, бань, но и обязательности их в деревенской инфраструктуре. Действительно, об амбарах в актах купли-продажи данные встречаются нечасто. Однако о них все-таки сведения попадают. Из челобитной крестьянина Уфтюжской вол. Устюжского у. из вотчины митрополита Ростовского Луки Терентьева на своих соволощан братьев Антипа и Федора Васильевых детей Милюкова и Михаила Иванова Носкова узнаем, что в 1619 г. его отец заложил «тому Антипе с товарищи» свою деревню за долг в 12 руб. и умер, а Лучка был в ту пору в Сибири «для промыслу». Заимодавцы, «умысля меж собя, что отец мой умер, а меня... дома нет, свезли из нашия деревни с улицы анбар на свою землю и з хлебом и со всяким животом и с платьем своим насильством». В амбаре находилось «хлеба и платья и сосудов медных и оловянных и деревянных и всякие житейские рухляди всего на 95 рублей. И тем нашим животом завладели сильно»⁶². Из перечисления имущества, хранившегося в увезенном амбаре, видно его комплексное назначение как хранилища для самых разных хозяйственных вещей от запасов зерна до домашнего скарба. Даже этот отдельный пример убеждает в справедливости мнения Г.Г. Громова о назначении амбара, которое верно и для XVII в.

К постройкам, стоящим вне дворов, как явствует из уже приведенных упоминаний актов, относились, конечно, мельницы с эпизодическими указаниями на имеющиеся в них жернова. Сведения о мельницах можно почерпнуть в писцовой книге Сольвычегодско-

⁶⁰ Громов Г.Г. Указ. соч. С. 191.

⁶¹ Мильчик М.И. Указ. соч. С. 156, 152.

⁶² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30-2. Л. 420.

го у. 1622–1625 гг. В ней речь идет зачастую о мельницах-колотовках, а они могли работать на малой воде — на небольших речках, ручьях⁶³. Они представляли собой крытый сруб без окон, вода шла по специальному желобу, выведенному из речки выше мельницы, и падала на ковшеобразные лопасти горизонтально лежащего колеса. Встречались мельницы и других конструкций. В Алексинском стане работали на р. Удиме: у д. Алексеевская «мельница колесная мелет одними жерновами, поставлена внове» крестьянином одного из двух дворов; а в д. Кляпуновская у одного из жителей «на речке на Удиме мельница походная на судне, колотовка»⁶⁴. Следует отдать должное инициативе и предприимчивости ее владельца крестьянина Якушки Старицына, который в какой-то ближайшей микроокруге явно промышлял мукомольным делом. Колесные мельницы были устроены сложнее, нежели колотовки, колесо в них расположено вертикально и для них необходимы были запруды или плотины. Мельницы с указанием на одни или «двои жорновы», скорее всего, были колесными⁶⁵.

Изложенный материал убеждает в полифункциональности отдельных строений, разным их использовании в хозяйственных нуждах. Таковы, в первую очередь, клетки, в которых хранили продукты и вещи, а также спали летом и даже жили до наступления холодов. Строения, отнесенные от жилья, предназначенные для сушки, обмолота и хранения снопового хлеба и зерна, сена, мякены, были как бы не каждодневного, а сезонного назначения. Например, в житницах держали не только хлеб, на лето туда выносили теплые и заготовленные впрок вещи. У крестьянки Спасо-Прилуцкого монастыря в житнице хранились: «кафтан шубной да шушун теплой да сарафан на куделе да восемь рубах мужских да шесть концев новин да три изподни женские да сорока золотная да десять сорок, две шапки мужские да женская шапка, двенадцать пасм прядена шерстяного, полпуда шерсти, штаны да онучи суконные да робячих десять рубах». Эти вещи были украдены июльской ночью 1681 г.⁶⁶. При единстве дворового комплекса в нем вполне различимы части, одна из которых была круглый год непосредственным средоточием жизни крестьянской семьи и служила ее обеспечению, а другая — имела подсобное значение.

⁶³ РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 220, 222об., 233, 326об. и др.

⁶⁴ Там же. Л. 217, 223об.

⁶⁵ Там же. Л. 150об.; Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 50.

⁶⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 1016.

Повседневная жизнь крестьян кипела во дворе при избе, а «вонная» территория двора в меньшей степени, особенно не в сезон, была захвачена ею, туда шли по мере надобности. Это несколько удаленное от избы жизненное пространство, даже при малодворности деревень, реже попадало в поле зрения как членов семьи, так и однодеревенцев. На периферии дворов, за гумнами молодежь могла собираться для игр и развлечений. По крестьянским поземельным актам выявляется представление крестьян о единстве домово-земельного комплекса, центром сосредоточения которого был двор, а его ядром — изба с примыкающими к ней хозяйственными постройками. Именно здесь концентрировалась жизнь крестьянской семьи.

В МИКРОМИРЕ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

Ц елесообразно поставить вопрос о воссоздании межкрестьянских отношений внутри северной деревни в XVII в. Его рассмотрение послужит познанию глубинных межличностных и групповых связей. Естественно, что крестьяне различались по своему материальному обеспечению, имущественному состоянию и достатку, что вкуче градуировало их положение в микромирах на уровнях гнезд соседних деревень и волостей. Однако деревенские отношения, обусловленные имущественным неравенством, рассмотрению которых отдавалось предпочтение в отечественной историографии почти до конца XX в.¹, не исчерпывали существовавшего взаимного соседского общения.

Раскрытие социальных связей, бытовавших в деревне XVII в., в их многообразии — задача не простая и в таком ракурсе отечественными историками не предпринималась. Решение данного вопроса на одном из этапов лежит в плоскости проникновения внутрь локальных крестьянских дворохозяйств. Установление связей на антропологическом уровне, в свою очередь, поможет выявить, например, родственные ассоциации в деревенском микромире, их стратегии и действия, понять, только ли родство крепило их. Раскрытие темы затрудняется определенной источниковой сложностью. Один из путей для получения ответа я вижу в компаративном анализе столь разнородных, и, казалось бы, не очень-то приспособленных для избранной цели источников, как писцовые книги и межкрестьянские поземельные акты Севера России первой половины XVII в.

В историографии уже установлено, что основная информация писцовых книг концентрируется вокруг фиксации и измерения земель, критериев и единиц налогообложения. Цель, время составления, описываемый регион с преобладающей в нем структурой землевладения — поместно-вотчинный Центр, чернососный Север, осваиваемый Юг — в писцовых (как и в переписных) источниках обуславливали объем их достаточно разнообразной информации.

¹ См., например: *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 146–157; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 163–191.

Книги писцов по уездам в рамках одного описания отличались подробностью сведений, хотя писцы разных областей должны были следовать единому наказу. Установлено, что писцовые описания рубежа XV–XVI вв. и 20-х гг. XVII в. разнятся массивом своих данных².

Отошлю читателя к коллективной монографии об аграрном развитии России в первой половине XVII в. Она содержит подробную историографию писцовых книг, которая складывалась на протяжении полутора веков. Авторский коллектив также решает источниковедческие задачи, прежде всего, достоверности писцовых книг XVII в., их классификации и сравнительной оценки основных сведений по трем типологически выделенным группам книг³. Кадастровые задачи, зафиксированные в наказах, выдававшихся писцам, диктовали набор содержательных сведений и форму их подачи. В каждом из описаний, это следует подчеркнуть, четко выделяются конструктивные элементы текста, что свидетельствует о его формализации, достаточно высокой для того времени. Эта очевидная особенность позволила Л.В. Милову рассмотреть текст описания поместно-вотчинного владения как своего рода формуляр описательной статьи⁴.

Отличительное качество писцовых книг — полифункциональность, она обусловила разнообразие их сведений. Фактические данные книг исследователи группируют в разных сочетаниях и манипулируют ими для суждений по широкому кругу аграрных, фискальных, демографических и других вопросов. Прежде всего, изучаются конкретные темы социально-экономической проблематики — землевладение и хозяйство: обеспеченность земель феодальных владений — вотчин и поместий, крестьянских дворов в разных типах владельческой принадлежности, величина и тяжесть обложения, поземельные платежи. При этом применяется статистическая обработка полученных данных с использованием корреляционного анализа, географо-информационной системы и других методов, ведутся разнообразные источниковедческие штудии⁵. Однако писцовые кни-

² См.: Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. Состав: Е.И.Колычева, Н.П.Воскобойникова. М., 1997; Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1–5. М.; СПб., 1999–2004; *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. Гл. II и особенно § 4.

³ *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Указ. соч. Гл. 1–3.

⁴ Там же. С. 87–89.

⁵ См.: *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Указ. соч.; *Павлов-Сильванский В.Б.* Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкция текстов. М., 1991; *Пиотух Н.В.* О возможностях ком-

ги при общей, заданной однозначности основных сведений содержат и такие, которые выходят за рамки генеральной структуры, и за их счет расширяется информационное поле. К ним можно отнести данные, пригодные, например, для генеалогических изысканий, а также для использования книг в ономастических целях — антропонимических, топонимических, гидронимических⁶.

Наряду с поземельными показателями все описания указывают «людей» во дворе. Их фиксация — постоянный компонент писцовых книг и главный в пришедших им на смену переписных книгах. Вопрос о «людях» писцовых книг решался в литературе неоднозначно. В историографии второй половины XX в. стала доминировать точка зрения, представленная в труде «Аграрная история Северо-Запада России». Коллектив ленинградских ученых под руководством А.Л. Шапиро, работавший с материалом новгородских писцовых книг, предложил считать «людьми» во дворах глав домохозяйств — женатых мужчин. Такой аргументированный взгляд с опорой на предшествующую историографию и показания источников был воспринят учеными. Его обоснованность разделяет автор одного из последних исследований, выполненных на материале новгородских писцовых книг, Л.Г. Степанова. При этом она обращает внимание на тот факт, что «при описании на-

пьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996; *Она же*. Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII — вторая половина XVIII веков // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000; *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004; *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008; и др.

⁶ См.: *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962; *Она же*. Северорусская топонимия XV–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 44; *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974; *Масленичкова Н.Н.* Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимии // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в 10–14 вв. М., 1984; *Кобрин В.Б.* Генеалогия и антропонимика (По русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977; *Она же*. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

селения крестьянского двора писцы фиксировали не только женатых мужчин, но и вдов, снох, приятелей, соседей, захребетников, бобылей, половников»⁷. Другими словами, из писцовых книг, в частности новгородских, крестьянский двор предстает не всегда просто устроенным организмом, а осложненным дополнительными членами.

Итак, в обязанность писцов не входила фиксация всех обитателей во дворе, а показанными «людьми» не исчерпывалось число жителей в нем. Однако указание глав домохозяйств само по себе уже представляет несомненный интерес для непосредственного сочетания данных писцовых книг со сведениями других источников.

Предлагаемое сопоставление сведений писцовых книг и актов поземельных сделок, я полагаю, открывает новые возможности для суждений по предлагаемому вопросу. Для поставленной в главе задачи были использованы писцовая книга Сольвычегодского уезда за 1622–1625 гг. и крестьянские акты разных лет на доли деревень, в основном, первой половины XVII в. того же уезда. Естественно, что в писцовой книге обозначены деревни и главы дворов в них, а в актах поименованы продавцы и покупатели земли и названы деревни, бывшие объектами сделок. Отправной точкой для сопоставлений стали сведения сделочных актов, которые сравнивались с данными писцовой книги. Названные источники классификационно принадлежат к разным видам, и, как отмечалось выше, их сведения не просты для сравнения. Однако, как известно, в обязанности писцов входило решение вопросов землеустройства в ходе проводимого описания: оформление участков на льготное держание по челобитьям крестьян, фиксация угодий, запустевших или оброчных, которые уже находились в пользовании крестьян. По материалам источников было проведено сравнение крестьян по именам и деревень по названиям в одной из крупных волостей уезда, именно Ратмировской⁸. При необходимости использовались также другие документы: данные грамоты писцов, оформлявших льготу на участки, поручные грамоты по крестьянам-льготчикам, челобитные крестьян об участках, которые они брали на льготу. Проведенное сравнение с использованием антропонимических наблюдений показало, что информация двух источников, зависящая от их целевой направленности, не только дополняет друг друга, но и выявляет сходства и отличия в ряде идентичных сведений.

⁷ *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004. С. 84.

⁸ Имена крестьян и названия деревень даются в написании документов — актов и писцовой книги.

В результате можно получить достаточно красноречивые суждения, во-первых, о жизни сельвычегодских крестьян, а во-вторых, добавочные наблюдения к источниковедению писцовых книг.

Перейдем к рассмотрению конкретного материала. В 1599 г., задолго до писцового описания 1622–1625 гг., Первой Никитин сын Нечаева купил в д. Чюпаново у Григория и Третьяка Матвеевых детей Шехарева полдеревни-земли Чюпанова⁹. В писцовой книге 1625 г. д. Чюпаново указана со вторым наименованием — Возвозная и расположением на р. Чюпановке, и в ней стояло три двора¹⁰. В первом из них значится как раз Первушка Нечаев, владевший жеребьем именно по купчей 1599 г., у него — половник Левка Карпов. В третьем дворе жила вдова Марьица Яковлева жена Нечаева, а двор и участок она держала по одной купчей «со свекром». В данном случае мы имеем редкое совпадение указания писцовой книги на приобретение части деревни и самого сохранившегося акта земельной сделки. Оно наглядно показывает непрерывное, в течение четверти века, владение участком. Вместе с тем, представляется возможным уловить жизненные изменения, произошедшие за этот период внутри крестьянской семьи.

Первой Никитин сын Нечаев, когда приобретал в 1599 г. деревню-землю в достаточно крупном размере — половину от целого, по всей вероятности, был зрелым человеком и имел сына, трудоспособного или близкого к тяглому возрасту. Наступило время, и сын женился. Его имя, Яков, вычленяется из именованя снохи: Марьица Яковлева жена Нечаева. В какой-то момент Первой Нечаев поделил семью сына в особый двор, оставив землю за собой. К писцовому описанию Марья овдовела и пользовалась землей по одной купчей со свекром. Если с насельниками этих упомянутых дворов картина ясна, то во дворе, записанном в писцовой книге вторым по порядку, значатся: вдова Маремьяна с сыном Омелькой, владевшая по данной 1624 г., и половник Онисим Драчов. Год получения данной грамоты приходится на писцовое описание, однако не ясно, выдали ли ее именно писцы и кому. Имя мужа Маремьяны они не привели. Предположить, что вдова находилась в каком-то родстве или свойстве с Нечаевыми, видимых оснований нет. Правда, во дворе Первого Нечаева и во втором дворе вдовы Маремьяны жили половники, что можно истолковать как факт косвенной связи между упомянутыми дворами. Первой Нечаев, по всей вероятности, был преклонного возраста, а Маремьяна овдовела, и в их хозяйствах жили работники-половники.

⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 50.

¹⁰ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 326 об. См.: Гл. 1. С. 33(47).

От 1628 г. дошла еще одна сделка на часть той же д. Звоз (Взвоз) или Чюпаново. Еремей Гаврилов сын Козмин продал Ивану Офонасьеву сыну Кодкову четверть деревни¹¹. В этой купчей деревня называется так же, как в писцовой книге, только гораздо короче — Взвоз (Звоз). Из названия в такой форме можно понять ее возвышенное расположение, на крутом берегу реки, требующее, видимо, значительного подъема. Продавца этой сделки не находим в писцовой книге. Спустя три года после описания в деревне произошли изменения. Продавец Еремей Козмин реализовал земельный участок, «что у Федора Степанова купил» ранее. Перед нами — поступательно совершенные сделки купли-продажи. Примечательно имя предыдущего продавца — Федор Степанов, составные части которого совпадают с именованим крестьянина, упомянутого в другой деревне, а именно Макарово, и имеющего фамильное прозвание Овчинников¹². Скорее всего, это тот же самый человек. Крестьянин приобрел участок, расположенный в ближней, соседней деревне, что не было исключительным случаем.

В 1629 г. в д. Чигры Дмитрий Васильев сын Вострикова продал Богдану да Олексию Ивановым детям Есипова свою треть деревни, которой он владел по «отца благословению». Сделка была совершена через 5–6 лет после писцового описания 1622–1625 гг. Еще одна купля-продажа состоялась в 1642 г., когда крестьянин с тем же фамильным прозвищем Федор Козмин сын Востриковых продал 1/6 часть деревни¹³, что произошло через 13 лет после первой и через 17 лет после писцового описания.

По данным писцовой книги деревня именуется Чигра и находится на одноименной р. Чигре, в ней значатся 3 двора¹⁴. В одном из них записан как раз Федор Кузьмин, которого правомерно считать Федором Козминым акта 1642 г., имевшего в нем прозвание Востриков. Писцы показали, что он стал владельцем двора и земли по «подпускной памяти» 1618/19 г. Из акта купли-продажи 1642 г. ясно, что шестым жеребьем, который продал Федор Козмин Ивану Мартынову сыну Бобылевых, он владел как «отца и деда благословение, по своей купчей и духовной деда». Значит, писцы включили в книгу ссылку на один из предъявленных документов, наиболее близкий по времени к

¹¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 46.

¹² Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 325об.

¹³ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 6, 7.

¹⁴ Там же. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 315об.–316. Приводимое числительное при дворе (первый, второй, третий) соответствует порядку записи дворов деревни в писцовой книге.

моменту описания. Такую практику в деятельности писцов установила Н.П. Воскобойникова. Она изучила фрагменты сохранившегося в РГАДА чернового описания И.С. Благово и В.Архипова 1625 г. и обнаружила в них сведения, которые писцы не включали в текст белой писцовой книги. Среди них как раз ссылки на несколько актов, которые предъявляли крестьяне в обоснование права на владение участками, однако писцы учитывали не все из них. Исследовательница постепенно публикует отдельные куски из черновой тетради писцов И. Благово и В. Архипова¹⁵. Заметим, что при продаже участка, которым Федор Козмин сын потомственно владел в третьем поколении, свое прозвание он обозначил как «Востриковых», употребив форму родительного падежа, отвечающего на вопрос «чей, чьих». Тем самым он осознанно или спонтанно подчеркнул свою принадлежность к определенной родственной группе крестьян с фамильным прозвищем Востриковы. Отмечу, что послухом, одним из двух, был Алексей Иванов сын Есипов, покупатель участка в 1629 г.

Второй двор д. Чигры Дмитрейка Осипова при описании в 1625 г. был пуст, и «тот Дмитрейков (Дмитриевской?) жеребей» писцы отдали на льготу «Олешке Иванову сыну Есипова» с 1625 по 1627 г. Третий двор — Микитки Вострикова тоже пуст, а «Микиткин жеребей» также отдан на льготу на 3 года, с 1625 по 1628 г., Симанку Юрьеву Булгакову.

Удалось найти челобитные этих крестьян от последних чисел июля 1625 г., желавших получить льготу на участки в д. Чигры. Олешка Иванов сын Есипов сообщал, что ее треть «лежит пуста, не пахана и не кошена, запереложела». Он претендует на нее, так как «та, государь, деревня треть Чигры вотчина наша, деда и отца моего». Второй соискатель пустого жеребья в д. Чигры Симанко (или Симка) Юрьев сын Булгаков выразился вполне конкретно о его состоянии: «пустошь треть Лупахинския, а Цигра тож на речке на Цигре, а была

¹⁵ *Воскобойникова Н.П.* К истории создания писцовой книги Сольвычегодского (Усольского) уезда 1623–1626 гг. // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003. С. 76; *Она же.* К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623–1626 гг. // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв., посвященные 70-летию Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 18; *Она же.* К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623–1626 гг. // Материалы XV научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008. С. 95–96.

изстари Никитки Вострикова»¹⁶. Он был очень хорошо осведомлен о старинной принадлежности трети земельного владения своему однодеревенцу и соволощанину, поименовав ее чуть по-иному. В поручных по обоим крестьянам искомые ими льготные участки обозначены как «треть деревни Чигры над речкою над Чигрою» и «пустошь треть деревни Цигры над речкою над Цигрою»¹⁷. Документы воспроизвели варианты произношения названия деревни с чередованием двух согласных “ч” и “ц”. Заметим, что владелец третьего двора в писцовой книге Микитка указан с прозвищем Востриков, и под тем же прозвищем идентифицирует себя Федор Кузмин (из первого двора писцовой книги), продавец участка в 1642 г.

Прояснить отношения между владельцами д. Чигры помогает данная грамота о льготе писцов И.С. Благово и В. Архипова, которую получил Симанко Юрьев сын Булгаков в 1625 г.¹⁸. Она содержит подробности, которые не вошли в текст писцовой книги. Итак, Симанко Булгаков получил 3 года льготы на «пустой жеребей Микитки Вострикова». Однако «Микитко Востриков тот свой жеребей продал в нынешнем во 133-м году ему Симанку без пожен». Причем «та купчая взята была на государя и отдана из казны ему Симанку. А деньги взяты по той кабале в государеву казну...»¹⁹. Ключевыми в этой части текста данной являются слова «купчая» и «кабала», за которыми стоят соответствующие действия. Пожалуй, определяет весь смысл взаимных отношений между крестьянами понятие «кабала». Микита Востриков занял когда-то у Симана Булгакова какую-то сумму денег и в обеспечение займа подписал закладную кабалу на свой участок. Не вернув долг в оговоренный срок, он вынужден был продать землю. Неисполнение заемного обязательства переводило сделку заклада в куплю-продажу по формуле: «ся каба-ла — купчая и отводная»²⁰.

В данной грамоте писцы приводят ссылку на приправочные книги дозора 1619/20 г. Василия Самарина и подьячего Семена Осокина, по которым в д. Чигры «во дворе Микитко Васильев сын Осипов з братом Миткою да сын ево Ивашко Микитин; во дворе Федко Козмин

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1623. № 13. Л. 27, 30.

¹⁷ Там же. Л. 28, 33.

¹⁸ Там же. Л. 31–32. Данная Олешке Иванову сыну Есипову отсутствует.

¹⁹ Там же. Л. 31. Следующий текст написан неразборчиво над строкой: в государеву казну... Симанке полтрети... за по... мимо государева указа продал ту деревню бес пожен.

²⁰ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 124–125.

сын Востриков»²¹. Отсюда ясно, что в 1619/20 г. в деревне было два жилых двора, а к 1625 г. их стало три. В одном дворе жили братья Осиповы, и имя главы приведено в трехчленной форме — Микита (Никита) Васильев сын Осипов. В другом жил Федко Козмин с прозвищем Востриков, которое в книгах И.С. Благово опущено. Братья Никита и Дмитрий Васильевы дети к 1625 г. хозяйственно обособились в отдельные дворы. Вслед за ссылкой на приправочную книгу в данной грамоте приводятся далее сведения описания 1622–1625 гг. с деталями, опущенными в писцовой книге. В ней двор «Дмитрейка Осипова» значится пустым, «а Дмитрей сшол безвесно во 133-м году»²². Трудно установить причину, по которой он покинул деревню и свое хозяйство. Сохранился еще один документ, который рекомендовал мирским властям убрать и обмолотить хлеб с покинутых крестьянами участков. Из него следует: «И в нынешнем во 133-м году, как писали писцы Ратмеровскую волость, и наехали в деревне Чигре — збежал безвесно Митко Востриков. А после иво осталось хлеба ржи [по смете] пол трети десятины»²³. Писцы трижды в составляемых ими документах по-разному указали, почему Митка Востриков покинул деревню: он «сшол безвесно», «збежал безвесно» и даже «збежал на Ветлугу», якобы удавил мачеху (неясно, насколько верна эта помета о совершенном им преступлении). Возникает вопрос, что писцы принципиально не различили уход крестьянина от бегства или, если действительно было совершено уголовное преступление, они не стали превышать главные возложенные на них полномочия? Олеша — Иванов сын и внук Никиты Васильева Осипова получил на льготу именно участок Митки Осипова, мотивируя свое притязание на него, как говорилось выше, вотчинной принадлежностью его деду и отцу. Интересно, что за него поручились Никита Васильев сын Востриков, его дед, и Федор Козмин сын Востриков, его сосед и однодеревенец²⁴.

Относительно другого пустого двора в данной грамоте писцов Симонку Юрьеву сыну Булгакову написано следующее: «Двор пуст Дмитрейка Вострикова, а Микитко Востриков вышел в Олексинскую деревню» и под строкой приписано: «на Федкин жеребей Кузмина». Ниже Симанку вмняется «на том пустом жеребье Митки Вострикова двор покреплять и пашня роспахать и поля огородить». Так какое же имя носил владелец второго пустого двора Дмитрий или Мики-

²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 31.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Там же. Л. 28 (поручная). Ф. 1209. № 446. Л. 315об. — «Микитка Васильев сын Востриков... да Фетка Кузмин сын Востриково».

та (Никита) Востриков, участок которого получил Симон Булгаков? Приведем именованья по всем источникам. Писцовая книга — Микитка Востриков; челобитная С.Ю. Булгакова от 17 июля 1625 г. — Никитка Востриков; данная писцов от 28 июля 1625 г. — Микитко Востриков (2 раза), Микитко Васильев Осипов (в ссылке на приправочную книгу 1619/20 г.), Дмитрейко/Микитко Востриков (в ссылке на текущее описание 1625 г.)²⁵. Итак, имя крестьянина, несомненно, Микита (Никита), имя его отца Василий, дедичество Осипов (Есипов), а прозвание Востриков.

Интересны факты, которые сопровождают запустение двора Микиты Осипова. Во-первых, он его продал Симонку Булгакову в 1625 г., т. е. в год текущего писцового описания; во-вторых, сам Микитко Востриков вышел в иную деревню — Олексеевскую, причем на участок своего однодеревенца по д. Чигры Федки Кузмина. Вероятно, крестьяне по каким-то соображениям совершили хозяйственную сделку, может быть обменную, ведь Ф. Кузмин обладал в д. Чигры участком по «подпускной» памяти 1618/19 г. В писцовой книге 1622–1625 гг. д. Олексеевскую находим среди деревень, которые перешли из разряда пустых в живущие, и их перечень помещен после описания основного массива черных деревень. «Деревня, что была пустошь Олексеевская» на реке Чигре, и в ее единственном дворе написан «Митка» Васильев сын Востриков с сыном Насоном и с половником Миткой Кириловым²⁶. Снова имеет место смешение имени Митка — Микитко?! Он обладал землей по данной 1585/86 г. писца Афонасия Вельяминова. Примечательно, что пятый жеребей от всего участка находился за уже упоминаемым Олешкой Ивановым, внуком Микиты, причем по «подписной памяти» 1619/20 г. В писцовой книге И.С. Благово фигурирует Микитка (именно так!) Востриков еще раз. Он хозяйствует на бывшей пустоши, что «была деревня Есиповская, а Воблас тож». Ее пашет наездом «Микитка Востриков из деревни Олексеевской» по данной воеводы Мирона Хлопова от 1617/18 г.²⁷. Обращает на себя внимание одно из двух названий деревни — Есиповская, оно соименно дедичеству братьев Никиты и Дмитрия, ведь они в документах неоднократно фигурируют как Есиповы-Осиповы.

Земельный участок Дмитрия Осипова (Есипова), который получил от писцов на льготу по 1627 г. «Олешка Иванов сын Есипов»

²⁵ Там же. Л. 315об.; 1623. № 13. Л. 30, 31–32.

²⁶ Там же. Л. 358.

²⁷ Там же. Л. 352.

как запустевший, еще через 2 года, в 1629 г., купили как раз братья «Богдан да Олексий Ивановы дети Есипова». Вполне вероятно, что в льготные годы они также могли действовать совместно. Продавцом в этой сделке был их дядя, антропоним которого приведен в полной трехчленной форме: Дмитрий Васильев сын Вострикова, возможно, вернувшийся из схода/бегства.

Из всего сказанного можно понять, что в д. Чигры к моменту писцового описания 1625 г. жили крестьяне с общим фамильным прозвищем Востриковы. В писцовой книге 1622–1625 гг. с таким прозвищем записан, как мы помним, лишь житель одного пустого двора Микитка Востриков. Сопоставление комплекса разных документов — сведений из приправочной 1619/20 г. и писцовой 1622–1625 гг. книг, челобитных названных крестьян о пустых земельных участках, полученных на них от писцов данных грамот, а также купчих и закладной грамот разных лет позволило реконструировать четыре поколения крестьян, действовавших на протяжении почти 60 лет и связанных с одной деревней. Они, имея разные дедичества, называли себя одним фамильным прозвищем и ощущали себя принадлежавшими к одному семейному клану. Их хозяйствование, сопровождавшееся выходом родственников за пределы «своего» двора и превращением в соседей, не ограничивалось пространством одной деревни, в которой писцовое описание застало часть их семейной группы. Оно засвидетельствовало горизонтальную мобильность родственников внутри своей волости, передвижение в ближайшей микроокруге, отразило приобретение земли на одном из жизненных этапов и ее продажу на другом. Свое родство они использовали для сохранения земельно-хозяйственного комплекса, удерживая его в рамках группы, превышающей каждую отдельную семью.

От 1659 г. дошла закладная на ту же деревню Чигры, когда братья Дмитрий и Яков Федоровы дети Востриковых заняли у своего однодеревенца Ивана Мартынова сына Бобылева 24 руб. Займ был краткосрочный с 1 марта «до сроку до Благовещениева дни пречистыя Богородицы нынешняго 167-го (1659) году», т. е. до 25 марта. Роль гаранта в займе играл их шестой жеребей деревни «отца благословение». Действующие лица заемно-закладной операции уже нам знакомы. Заимодавец в 1642 г. был покупателем другого шестого жеребья той же деревни, а его продавцом отец братьев-закладчиков Федор Козмин сын Востриков, теперь уже умерший. У братьев — совместное домохозяйство, в котором: земля пашенная и непашенная, подворная и «огородишная», сенные покосы. Также названы стародавние пожни, приходящиеся на шестой жеребей, а

«в подписе те поженки у Семена Александрова Булдаковых», также «в подписи у Якова Гаврилова сына Булдаковых» сенные покосы в полях — ложки, и можно «заподозрить» этих крестьян в какой-то степени родства с появившимся в деревне в 1625 г. Симанком (Симкой) Юрьевым Булгаковым. Контрагенты договорились, что угоды, заложенные ранее данной сделки, будет выкупать заимодавец Иван Мартынов Бобылев «своими деньгами». Лишь к концу текста грамоты заемщики сообщили о запустении заложенного ими жеребья²⁸. Из документа выясняется, что братья Востриковы держали необрабатываемое земельное владение, от которого они отрезали отдельные куски сенокосных угодий и закладывали их по мере необходимости или нужды. Неясно, правда, где жили они сами, но, видимо, имели место обитания.

Имеются еще два акта купли-продажи участков в д. Чигры, датирующиеся рубежом XVII–XVIII в. В марте 1698 г. вдова Матрена Леонтьева дочь Ширинкина, «а покойного Нестера Аврамова Уваровых жена» своим соволощанам братьям Дмитрию и Афонасию «детем Поповым» продала «штину деревни Чигры, а Лупахинская тож» с четвертью пустоши Воблас «голую землю». Однако, было поле с озимым посевом, «что сеяна рожь упокойного мужа моего Нестора к 206-му (1698) году». Вдова подтверждала владение участком мужа письменными крепостями и «деловой, что досталось покойному мужу моему Нестору от брата Потапа и от племянников, и по купчей, что от Михайла и от Ивана Есеплевых»²⁹. Отмечу, что послухом в сделке был как раз деверь вдовы, с которым ее муж разделил домохозяйство, Потап Аврамов Уваровых. Естественно, что к концу XVII в. демографический состав деревни изменился, в ней появлялись новые владельцы за счет совершаемых земельных приобретений. Однако в упомянутой вдовой Матреной купчей мужа продавцами были потомки старинных жителей деревни Чигры Осиповых-Есиповых, упоминаемых с 1620 г., а один из них обрабатывал пустошь Воблас, фигурировавшую как деревня Есиповская. Муж Матрены стал обладателем давно окультуренного участка, к которому «прилегли», по выражению актов, дополнительные куски, лоскуты, в том числе и на пустоши. Названная пустошь, как явствует, сохранилась именно как пустошь³⁰.

²⁸ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. № 9.

²⁹ Там же. № 27.

³⁰ Экономическая роль пустошей как необходимого элемента аграрного хозяйства по-новому оценена в книге: *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. Вологда, 2008. С. 101–111.

Через 3 года в 1701 г. один из братьев, купивших жеребей вдовы, Дмитрий Михайлов сын Попов, видимо старший, ибо ранее был назван первым из покупателей, реализовал приобретение 1698 г., сославшись на свою купчую, «что от Матроны Нестеровские жены Уваровых». Продажную операцию Дмитрий вел от своего имени, его брат Афонасий Михайлов Попов, судя по тексту акта, в ней не участвовал, но его имя указано первым как свидетеля купли-продажи: «На то свидетели Афонасей Михайлов Попов, Авраам Афонасьев Игумновых». Покупателя же звали Григорий Федоров Бобылев³¹. Его фамильное прозвище уже упоминалось в сделках на деревню. Предок Григория Иван Мартынов сын Бобылев был покупателем жеребья деревни в 1642 г. и ссужал деньгами в 1659 г. двух братьев Дмитрия и Якова Федоровых детей из рода Востриковых, один из которых указан в писцовой книге 1622–1625 гг. К концу XVII в. Бобылевы были уже более полувека связаны с д. Чигры. Интересно следующее наблюдение. Так как обе продажи разделяют всего 3 года, то купчая 1701 г. почти дословно повторяет содержание соответствующих статей предыдущего акта 1698 г., относящихся к объекту продажи, дворовым постройкам, перечислению угодий, уплате податей, к пустоши Воблас, оставшейся таковой. Продавец Дмитрий Михайлов Попов терял, как ранее вдова Матрена Нестерова, «голую землю», но имел засеянный озимью участок, а также у него была «в новине сеяна рожь», ее, как говорила Матрена при продаже, «насеивать им Дмитрею и Афонасью на себя», что они и делали. За время владения братья соучаствовали в разделке другого подсечного участка: «А что сечена новина складники и до той новины мне Дмитрею дела нет», она вошла составной частью в продаваемое владение. Примечательно, оценено оно в обеих сделках в одну и ту же сумму 36 руб., которые покупатели «взяли» каждый у своей купчей «все сполна».

Все приведенные 5 сделок на д. Чигры показали долговременную, на протяжении десятилетий связь и отдельных крестьян (в основном глав домохозяйств) и родственных групп с деревней, воспринимаемой крестьянами пространственно, с включенными в него угодьями одновременной обработки и только вводимыми в земледелие, а также промыслового направления. Отдельные из них в течение почти столетия сохраняли свое пользовательское назначение, исполняя роль земельного резерва. Конечно, произошла смена жителей в деревне за счет естественно-демографических факторов, инкорпорации в нее новых членов из соседей-волощан. При этом создавались

³¹ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. № 33.

другие родственные группы, замещавшие прежние и опять в течение нескольких десятилетий прочно соединенные с деревней. При, казалось бы, полной смене деревенских жителей удалось обнаружить связующие нити между людьми, отстоящими во времени друг от друга на полвека и больше.

В 1631 г. состоялась продажа четверти д. Большой Липовец Алексеем Артемьевым сыном Вахтинским³². В писцовом описании имеется трехдворная д. Липовицы на р. Лузе. В первом из дворов находился Мишка Иванов, половник Олешки Вохнинского, а сам он приобрел жеребей по купчей 1621 г. В двух других дворах жили половники Бажена Нечаева³³. Написание прозвища несколько отличается в обоих источниках: Вахтинский (акт) и Вохнинский (книга), что при совпадении имени не препятствует тому, чтобы считать носителя одним и тем же лицом. Названия деревни в писцовой книге и акте имеют некоторое различие. В купчей оно конкретизировано за счет прилагательного.

По соседству с д. Липовицы или Большой Липовец находилась еще деревня со сходным названием. В д. Погорелой Липовец Иван Исаков сын Филимонов в 1622 г. продал своему брату Ивану же Исакову сыну Филимонову, по прозвищу Карп, свою четверть деревни³⁴. В писцовой книге записана деревня с названием Погорелое на р. Лузе³⁵. В первом из двух дворов хозяйствовала вдова Параша Исакова с братом Незговоркой, которые владели участком по купчей 1584 г. Писцы, чтобы впоследствии не возникло путаницы в однозвучных топонимах двух соседних и, скорее всего, близлежащих деревень, обозначили одну как Липовицы, а другую как Погорелое. Они опустили в одном случае определение «большой», в другом перенесли нагрузку на субстантивированное прилагательное, определяющее смысл. Два родных брата Исакова с одним именем Иван, совершившие между собой сделку купли-продажи за 3 года до писцового описания, приходились сыновьями вдове Пораше, т. е. Прасковье Исаковой. О втором дворе деревни Погорелое писцовая книга сообщает, что его четверть — за «Кормашкой Угрюмовым с Никольского погоста». Ни один из братьев Исаковых в книге не фигурирует.

С еще одним крестьянином, носящим фамильное прозвище Вахтинский, встречаемся в деревне, несколько отстоящей (судя по пис-

³² Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 15.

³³ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 317.

³⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 18.

³⁵ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 317.

цовому описанию) от обеих липовицких деревень. Иван, по прозвищу Пучка, Ортемьев сын Вахтинских в 1628 г. продал Петру Иванову Калмыкову д. «Мякинницу» по своей купчей³⁶. В писцовой книге обозначена однодворная д. Мякинница на речке Яковке. В ней жил Иван Ортемьев и его сыновья Петр, Тимошка, Пантелей, владевшие деревней по купчей 1615 г.³⁷. Акт представляет крестьянина с его крестильным именем Иван, своеобразным личным прозвищем Пучка и семейным прозвищем Вахтинских. Такое обстоятельное именование сильно отличается от двухчастного именованья, имеющегося в писцовой книге. Собственное имя продавца деревни и имя отца Артемий совпадают в обоих источниках. Писцовая книга дает дату, когда деревню приобрел Иван Ортемьев — 1615 г. Ее он опустил, оформляя продажу через 13 лет, отметив принадлежность себе деревни «по своей купчей». Алексей Артемьев сын Вахтинский из д. Большой Липовец и Иван Артемьев сын Вахтинский из д. Мякинница несомненно сыновья одного отца и родные братья. Ивана Вахтинского можно считать старшим братом, ибо он самостоятельно приобрел д. Мякинница в 1615 г., к описанию 1625 г. он имел трех взрослых сыновей, внесенных в книгу. Алексей Артемьев Вахтинский приобрел жеребей позже, в 1621 г., и посадил на него половника. Местом его жительства, как удалось установить по писцовой книге, была д. Вахтино, стоявшая на одноименной реке. Первый двор принадлежал как раз «Олешке Ортемьеву сыну Вахтинскому», у которого учтены сын «Ортюшка» (поименован так же как и дед) и племянник «Митка». В д. Вахтино на момент описания существовало 4 двора. Во втором из них обитал Фетка Максимов, в третьем — Иван Максимов, а в четвертом — половник Алексея Артемьева Куземка с самобытным прозвищем «Чортов»³⁸. Примечательно, что Алексей Вахтинский обладал в деревне двумя дворами и соответственными им участками. Все дворы деревни владели землей по одной купчей 1621 г. Стоит обратить внимание на эту дату: в этом году Алексей Вахтинский купил участок в д. Большой Липовец и тогда же была приобретена д. Вахтино. По указанию писцовой книги на владение деревней по одной купчей нельзя понять, была ли она целиком приобретена только Алексеем Артемьевым Вахтинским или совместно с обозначенными во 2 и 3-м дворах Феткой и Иваном Максимовыми, которые, скорее всего, были родными братьями. Возможно, они находились в родстве и с Алексеем Артемьевым, причем

³⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 60.

³⁷ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 329об.

³⁸ Там же. Л. 329.

допустимы 2 варианта. Братья Максимовы доводились ему либо двоюродными братьями, если допустить наличие у отца Алексея, Артемия, брата Максима, либо племянниками, сыновьями Максима, брата Алексея, один ведь племянник Митка записан у него во дворе. Прозвище братьев Алексея и Ивана Артемьевых определенно произведено от топонимического названия д. Вахтино в форме притяжательно-го прилагательного — Вахтинский.

Безсон Иванов сын Фадеева заложил в 1630 г. устюжанину Девятому Федорову сыну Воронину деревню «свою Павлицево у Ильинского погоста, отца своего благословение, по своей купчей»³⁹. Писцы указали расположение этой деревни на р. Лузе и в ней 2 двора⁴⁰. В первом из них показан Андрей Иванов и его сыновья Панка и Митка. Их владение «по мирской данной 80 (1572) года» можно считать старинным, ему более полувека. Второй двор «вдовы Татьяны Григорьевские жены» был пуст, и его земельный участок «пашет Ондрей Иванов». Атрибутировать Безсона Иванова из закладной и Андрея Иванова писцовой книги можно при допущении, что Безсон его второе имя-прозвище. В закладной есть ясные указания, что земля в обладании Безсона находилась, во-первых, по отцовскому благословению и, во-вторых, по его («своей») купчей. При длительности обладания землей к времени писцового описания в 53 года и заклада в 58 лет переход ее по наследству обычен. Безсон-Андрей также реализовал «деревню свою», скорее всего целиком, а не часть ее. Вероятно, имея двух сыновей, он прикупил участок вдовы, который уже пахал, что и отметили писцы. Все это позволяет считать Безсона и Андрея одним человеком, который фигурирует в закладной с некалендарным именем, а в писцовой книге с полученным при крещении.

В 1637 г. посадский Устюга Микита Федоров сын Басманов заложил четверть д. Марьицыно; в 1643 г. крестьянин Наум Фомин сын Гробов реализовал четверть той же д. Марьино; в 1646 г. Гаврило и Никита Никитины дети Басманова, устюжане посадские люди, продали половину д. Марьино⁴¹.

В писцовой книге д. Марьино расположена на р. Луза. В ней в первом зафиксированном писцами дворе находим Микиту Федорова сына Басманова, который владел земельным участком по деловой 1593 г.⁴² Данные книги и акта приводят названия деревни в разной

³⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 27.

⁴⁰ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 321об.

⁴¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 1–3.

⁴² Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 315.

форме — Марьино и Марьицыно. Первую из них можно считать основной, так как оно занесено в писцовую книгу и фигурирует в двух актах из трех. Второе же название (из акта 1637 г.) — производное от него, причем от уменьшительной формы Марьица с притяжательным суффиксом, давшим форму Марьицыно. Владелец двора по писцовой книге и его закладчик в 1637 г. одно и то же лицо, поименованное одинаково. Правда, писец книги не отметил, что владелец двора — посадский человек с Устюга. Для него было важно указать основание на владение землей — предъявленную деловую грамоту от 1593 г. Продавцами в 1646 г. стали братья Гаврило и Никита Никитины дети Басманова, также устюжане. Они реализовали уже полдеревни, которая перешла к ним наследственно по благословию их отца — Микиты (Никиты) Федорова.

Из документов предстает длительная, полувековая связь с земельным участком двух поколений владельцев. Она определенно фиксируется описанием с 1593 г., но по всей вероятности существовала с более раннего времени. К указанному году относится деловая, оформившая семейно-хозяйственный раздел, можно полагать, между братьями. Перед нами пример инкорпорирования посадских людей в деревню и продолжительного обладания участком в ней, что подчеркивает единую сущность земельной собственности на черносошном Севере.

Интересны по составу действующих лиц акты на д. Стрелка, которых — четыре. Одну из сделок заключил уже упомянутый в предыдущем случае Иван Афанасьев сын Кодков. Он в 1628 г. продал Ивану Михайлову Уварову четверть д. Стрелка, «отца благословение по купчей и деда своего Угрюма, и по деловой, что от брата с делу досталось»⁴³. В писцовой книге деревня обозначена как Стрелково, и в ней было 4 двора⁴⁴. В первом назван Алешка Афанасьев, во втором — «брат ево Ивашка». Он и есть Иван Афанасьев сын по прозвищу Ковков (Кодков), продавец жеребья в 1628 г. Как следует из сделочного акта, он и его брат Алексей унаследовали землю от отца, а приобрел ее их дед Угрюм. К моменту описания братья совершили земельно-хозяйственный раздел, что отразила книга, зафиксировав их в разных дворах, друг за другом. Примечательно, что Иван Афанасьев в одном году продал участок (1/4) из семейного наследия и приобрел такой же (1/4) в другой близлежащей деревне Взвоз.

⁴³ Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 52.

⁴⁴ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 328об.

Обратимся к остальным трем продажам земли в д. Стрелка. Все сделки характерны тем, что в них участвует один приобретатель, уже упомянутый Иван Михайлов сын Уваров, который на протяжении лет скупал деревню по частям. Он в июне 1644 г. купил у Данила Алексеева сына Кодкова четверть д. Стрелка, унаследованную им от отца⁴⁵. Им определенно был Алешка Афонасьев, житель первого двора писцовой книги и названный в ней первым как старший брат. К четвертям, приобретенным в 1628 и 1644 гг., он в следующем 1645 г. купил еще две части той же деревни. Одну — в январе у Александра и Дружины Васильевых детей Попова двенадцатый жеребей — «ис четверти треть» их отца благословение и «что от дядей з делу досталось»⁴⁶. Справка в писцовой книге показывает в третьем дворе д. Стрелка Тимошку Петрова, а в четвертом — половника Тимошки Васку Иванова, т. е. владельцем обоих дворов и земли был Тимофей Петров. Братьев Васильевых детей по прозвищу Поповы из акта с оговоркой можно принять за сыновей половника Васки Иванова писцовой книги, которому удалось поправить свое материальное положение. Во всяком случае, братья продали часть своей земли, которую получил их отец по разделу со своими братьями, а их дядями. В марте 1645 г. Малей (ниже в акте Малец) Иванов сын Попов сбыл шестой жеребей д. Стрелки — «отца своего благословение» — тому же И.М. Уварову. Судя по прозвищу, Малей мог быть в каком-то родстве с братьями Александром и Дружиной Васильевыми детьми Попова. Кстати, он был одним из двух послухов при продаже ими своей части деревни. Суммируя все приобретения И.М. Уварова, получим вкуче 3/4 деревни, сосредоточенной в его руках. Его приобретения датируются 1628, 1644 и 1645 гг., и если между первым и вторым значительный временной интервал, то третья и четвертая покупки сделаны в один год. Если И.М. Уваров появился в д. Стрелка, приобретя участок в 1628 г., то он полтора десятилетия работал не щадя сил, постепенно копя средства, выстраивал жизненные планы, может быть выжидая, когда хозяйства однодеревенцев ослабнут, и наконец стал владельцем почти целой деревни. Он, несомненно, обладал предприимчивостью и расчетливостью, а появлявшиеся деньги, к сожалению нельзя сказать, откуда он их черпал, вкладывал в приобретение земельных участков своих однодеревенцев, округляя свои владения.

Следует сделать важное замечание. Все 4 двора д. Стрелка по свидетельству писцовой книги владели дворами и землей по одной

⁴⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 54, 57.

⁴⁶ Там же. Л. 55.

купчей 1598 г. Тогда деревню приобрел Угрюм, упомянутый в купчей 1628 г., дед продавца Ивана Афанасьева Ковкова. На время писцового описания крестьяне д. Стрелка были родственниками, включая, возможно, и половника Василия Иванова, родство которого сложно установить. Можно полагать, что он был зятем, принятым в дом, и потому и половником. Его сыновья Александр и Дружина продали жеребей, принадлежавший их покойному отцу и полученный по разделу с братьями, их дядями (от «дядей с делу досталось»). Вероятно, этими их дядями были Алексей и Иван Афанасьевы. К 1645 г. Алексей Афанасьев уже умер, а его сын Данила, сохранив прозвище Ковков, совершил земельную сделку. Совокупное рассмотрение 4 актов купли-продажи и записи писцовой книги показало нам 4 поколения жителей д. Стрелка, хозяйствовавших в ней на протяжении почти полувека, с конца XVI до середины XVII в. Однако течение времени вносило в их жизни свои коррективы.

Любопытна продажа, которую произвел в феврале 1641 г. Никон Тимофеев сын Дудина: он реализовал «треть деревни Дрищенского починка же»⁴⁷. В писцовой книге деревня значится под названием Дрищов прислон на р. Дрищовке⁴⁸. Никон Тимофеев в ней записан, причем у него два двора, один из которых пуст, и его владение покоится на купчей от 1539 г., т. е. он и его предки жили в деревне около 100 лет. В третьем дворе обитал Петрушка Васильев, купивший двор и участок по сделке 1618 г. Стоит углубиться в содержание акта купли-продажи. Никон Тимофеев перечисляет дворовые строения: изба, причем старая, два сенника на подклетах, сарай, скорее всего также давнишние, «хлевец» у дороги, а также малая житница и половина огуменника и половина овина в совладении с Петром Загоскою. Продавец, как водится, перечислил конкретные угодья продаваемой «трети» деревни, среди которых были участки «с насыяной рожью, что сияно в год ко 149-му году на моих Никоновых дву третях». Отсюда следует, что продавец реализует лишь одну из двух третей, причем ту, которая, вероятнее всего, приходилась на двор со старыми постройками, показанный писцами пустым. Петрушка Васильев из описания и Петр Загоска из акта, возможно, один и тот же крестьянин. От 1696 г. дошла еще сделка, когда Иван Иванов сын Поповых сбыл Петру Аггеву сыну Свиныну свою треть д. «Дрищева прислону, а Дудиха тож», причем купленную ранее у Ивана Дмитриева сына Попова же. На

⁴⁷ Там же. Л. 61.

⁴⁸ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 330об.

протяжении акта название деревни в двух формах употреблено четырежды⁴⁹. Конечно, в конце XVII в. обнаружить потомков крестьян, записанных в писцовой книге или акте 1641 г. крайне трудно. Однако связь с жителями деревни шестидесятилетней давности не утратилась. Она реализована во втором названии деревни, воспроизведенном в купчей, «Дудиха тож», которое антропонимического происхождения. Прозвище Дудин, как следует из сделки 1641 г., рассмотренной чуть выше, имел продавец деревни Никон Тимофеев сын, который был внесен и в писцовую книгу первой четверти XVII в., а его земельное держание восходило к купчей 1539 г. По всей вероятности, кто-то из его предков уже имел прозвище Дудин, проявившееся у Никона Тимофеева как фамильное и когда-то утвердившееся за деревней. Налицо один из реальных примеров закрепления за деревней антропонимического именованья. Вообще же в широком распространении таких названий применительно к селениям или отдельным возделываемым угодьям воплощался способ крестьянского мышления и поведения, мотивированный окультуриванием прилегающего пространства и слагающий восприятие и отношение к окружающему миру.

Определенный интерес представляют купчие крестьян деревни «Олтушевская, а Большой двор», как ее обозначает писцовая книга и показывает в ней 11 дворов⁵⁰. На фоне двух-четырёхдворных селений — деревня действительно большая. Она стояла на реках Полуе и Лузе, по-видимому при впадении первой во вторую. В 1626 г. Девятой Григорьев сын Колошин продал «строителю Усть-Недумские Пречистые Богородицы Леваниду старцу еже о Христе с братьею свой жеребей за рекою, осмой, Ольтушевские деревни», «свой жеребей за рекою за Лузою» — уточнил крестьянин местоположение угодий⁵¹. Участок достался ему по наследству от отца. В книге писцы Сольвычегодского у. показали двор Девятки Григорьева без указания на прозвище, владевшего своей землей по старине. Он заключил сделку уже после описания, что подтверждается и фразой в купчей: «а оброки государевы, чем писцы государевы обложили и описали...». Акт интересен тем, что демонстрирует путь появления социально другого, иного по отношению к крестьянам, владельца в деревне. Впоследствии, скорее всего на приобретенном к пустыньке участке появится половник.

⁴⁹ Там же. Ф. 1161. № 24.

⁵⁰ Там же. Л. 331об.

⁵¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 6. Л. 1.

В 1630 г. Бажен Гаврилов сын Нечаева совершил продажу в д. Олтушевской «полторы осьмины» Ивану Кузьмину сыну Юрьева, причем в данном случае особо важно сделанное Баженом пояснение: «по своей купчей, што купил у Игнатя Жирякова»⁵². Во втором дворе писцовой книги видим Игнашку Жирякова с сыном Онтонком, владевшего участком по старине. Следующий двор, пустой, принадлежал брату Игнаши Тихонку Жерякову, который «съехал в сибирские города в 129-м (1620/1621) году», а его землей владел Игнат. Из акта непонятно, когда Бажен приобрел участок у Игната и какой, непосредственно его или брата, но владел Бажен им недолго. Между закончившимся к 1626 г. описанием и сделкой прошло 5 лет. Бажен продал хозяйственные строения и угодья вместе «с севом ржяным, што сияно ко 138-му году на той полторе осмине опроче половничья жеребья, што пахал Игнаша Жиряков». Следующая за приведенной фраза поясняет, что было «сияно одиннатцать мер в старой полумерник Игнатъев. Семяна Ивану (покупателю) вынять, а за симяна приполон делить Ивану с Ыгнатъем с половником по половинам, Ивану мера, Игнатю другая мера». Итак, в состав продаваемого Баженом в 1630 г. участка входил жеребей, который возделывал как половник Игнатий Жеряков. Остается неясным, обрабатывал ли он его дополнительно к основному своему земельному владению или он снизил свой статус, став половником.

В 1639 г. другой крестьянин той же деревни Олтушевской Степан Юрьев сын Уварова продал тому же Ивану Кузьмину сыну Юрьева «свою деревню шеснатцатой жеребей»⁵³. В писцовой книге имеется двор (7-й) Степки Юрьева с сыном Ивашком, но Усова, а не Уварова, который владел участком по старине. Продавец пояснил, во-первых, свое родство с покупателем, Иван Кузьмин сын Юрьев доводился ему племянником, а во-вторых, он реализовал жеребей, который — «отца своего благословение по купчим и по деловым розписям», показав тем самым предысторию своего земельного владения. Оно, унаследованное от отца, было разделено между братьями Степаном и Кузьмой Юрьевыми. Писцы внесли в книгу только Степку Юрьева как главу двора, без брата Кузьмы, видимо младшего. Правда, в писцовой книге есть двор (9-й) «Кузьмы Усова», т. е. с таким же прозвищем, как и у Степана Юрьева, и без указания на имя отца. Кузьма «съехал в сибирские города в 129-м году», т. е. в том же году, что и его однодеревенец Тихон Жеряков. Участком Кузьмы в момент описания владел

⁵² Там же. 1646. № 113. Л. 62.

⁵³ Там же. Л. 64.

«Ондрюшка Труфанов» по закладной 1617 г., житель двора, указанного первым. Возможно, что Кузьма Усов писцовой книги был Юрьев сын, т.е., так же как и Степан, оба они владели участками по старине. Во всяком случае, в 1630-е гг. повзрослевший сын Кузьмы Иван приобретал участки у своих однодеревенцев, включая и дядю. Характерно, что писцы для 9 дворов из 11 в качестве основания владения указали старину (6-й двор — по купчей 1616 г. и уже выше упомянутый двор по закладной 1617 г.). Второе название деревни — Большой двор и преобладание в основании владения старины могут коррелировать между собой, свидетельствуя о длительной связи с деревней ее жителей, которые находились между собой в разной степени родства и выделились в разное время из одного двора крестьянина-пионера.

В 1630 г. Поздей Степанов сын Жерновников купил в д. Холмец у Федора Григорьева сына Галюкова наследственный шестой жеребей, «отца его благословение»; в 1638 г. Александр Прокопьев сын Бобылев продал свою треть д. Холмец Родиону Васильеву сыну Плескунину⁵⁴. В писцовой книге записана д. Холмицы вместе с третьей, приписанной из пуста, и в ней — 4 двора⁵⁵. Во втором дворе означен Поздейко Степанов с сыном Труфанком, обладавшие двором по «данной писцов Афанасья Вельяминова 94 (1586) года». К 1625 г. этому владению шел 40-й год. Имя и отчество дворовладельца совпадает в обоих источниках, хотя в купчей оно конкретизировано полной трехчленной формой. Через 5 лет после описания 1622–1625 гг. Поздей увеличил свое держание, прикупив немного земли, ведь его сын Труфанко (Трифон) внесен в писцовую книгу как тяглоспособный крестьянский сын. Возможно, покупку стимулировало обособление сына, пока еще в рамках увеличенного отцовского жеребья. Скорее всего, сам Поздей — человек уже зрелого возраста. В первом из дворов писцовой книги находим Олешку Прокофьева с сыном Окинфием, которые владели домохозяйством по купчей 1593 г., то есть более 30 лет. Полагаю, что правомерно отождествить участника второй сделки из акта 1638 г. Александра Прокопьева сына Бобылева и Олешку Прокофьева писцовой книги как одно и то же лицо, хотя по современным правилам уменьшительная форма Олешка чаще соотносится с именем Алексей, а не Александр. Совершившие в 1630-х гг. поземельные сделки крестьяне были потомственными жителями д. Холмец, долговременно хозяйствовавшими на наследственных участках, у каждого из них ко

⁵⁴ Там же. Л. 22, 23.

⁵⁵ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 319.

времени писцового описания было по взрослому тяглосьпособному сыну. Затем один из крестьян Поздей сумел прирастить свое земельное владение за счет приобретения, другой же Александр оказался менее удачливым, чем его сосед.

Нифонт Прокопьев сын Ведров в 1644/45 г. занял и заложил в обеспечение займа шестой жеребей «деревни Вопчие» Якову Иванову сыну Бахтеева⁵⁶. Сделка отстоит от писцового описания на значительный срок почти в 20 лет. Естественно, что за это время произошли изменения как среди насельников деревни, так и в их материальном положении. Двухдворная деревня со столь характерным названием «Вопчея», как следует из описания 1622–1625 гг., стояла на р. Ефимовке. В одном из дворов — Пронка Игнатьев с сыном Олешкой и в другом Игнат Игнатьев, «брат Пронка». Оба двора владели землей «по старине»⁵⁷. Другими словами, деревня не приобретена по сделкам, она была наследственным семейным (в широком понимании) владением, общность которого и отразилась в названии деревни. Оба дворохозяина — родные братья, они с одним отчеством. Нифонта Прокопьева сына Ведрова, закладчика шестой части деревни из акта 1644/45 г., вполне допустимо считать еще одним сыном фигурирующего в писцовой книге Пронки Игнатьева. Уменьшительная форма имени восходит к полной в вариантах написания Прокопий, Прокофий. Интересно свидетельство еще одного документа, а именно переписи 1645/46 г. хлеба, убранного с запустевших деревенских жеребьев и отписанного на государя в волостях Сольвычегодского у. В Ратмировской вол. наряду с другими деревнями эта акция была проведена «деревни Вопчево у Ведровых на Поздейкове жеребью, что пахал Якушко Бахметев»⁵⁸. Последний и заимодавец закладной Яков Иванов сын Бахтеев определенно одно лицо. Он во время действия заклада обрабатывал заложенный участок, однако на следующий год он все-таки запустел. Заемщик Нифонт Ведров по всей видимости не сумел заплатить свой долг, но и заимодавцу Якову по неизвестной причине не удалось хозяйствовать на полученной по закладной земле.

В 1640-х гг. крестьяне д. Мартыщево совершили несколько земельных сделок. Расположим их по хронологии 1) в декабре 1643 г. Яков Осипов сын Пановых занял деньги у Гаврила Филиппова сына Пановых на семимесячный срок «до Николина дня осеннего» 1644 г.

⁵⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 8.

⁵⁷ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 316.

⁵⁸ АПД, М., 1977. С. 9.

и заложил ему шестую часть д. Мартыщево «отца благословение Осипа по своей деловой, что от братьей с делу досталось»; 2) в сентябре 1644 г. Захар Оксенов сын Нагибин, а он был холмогорским стрельцом «Семеновы сотни Шубина», продал девятый жеребей «крестьянину брату своему Гаврилу Филиппову сыну Нагибину»; 3) 10 января 1644 г. Якимко Оксенов сын Нагибиных продал крестьянину Гаврилу Филиппову сыну Пановых девятый же жеребей д. Мартыщево, «а Быково тож»; 4) 28 января 1644 г. Иван Осипов сын Нагибиных продал в той же деревне девятый жеребей, отца благословение «брату своему сроднишному Гаврилу Филиппову сыну Нагибиных», а именно жеребей пустоши; 5) в марте 1646 г. Василей Осипов сын Пановых продал шестой жеребей устюжанину Илье Давыдову сыну Вострохвостову⁵⁹. В писцовой книге 1622–1625 гг. обозначена д. Мартыщево из двух дворов⁶⁰. В первом из них записан Осип Иванов сын Нагибин и у него сыновья Якунко и Иван. Во втором — Гаврило Филиппов, владевший по купчей 1507 г. В писцовой книге и сделочных актах деревня именуется Мартыщево, лишь в купчей 1644 г. указано ее другое название Быково.

В 1644 гг. действуют сыновья главы двора Осипа Нагибина из писцовой книги, которые унаследовали его домохозяйство. Они до заключения своих сделок (закладной и продажной) поделили отцовское хозяйство, что следует из слов закладной 1643 г. Якова Осипова: «по своей деловой, что от братьей с делу досталось». Иван Осипов продал жеребей несколько позже своего брата Якова. Оба брата заключили сделки с Гаврилом Филипповым, жителем второго двора писцовой книги. Имена самих братьев Осиповых и имя их отца совпадают, однако их прозвища различаются. В писцовой книге Осип Иванов носит прозвище Нагибин. Его сыновья, фигурирующие в актах, имели разные прозвания: Яков Осипов сын — Панов, а его брат Иван Осипов сын — Нагибин как и отец. Через 2 года Василий Осипов с прозвищем Панов также продал кусок земли. Считаю его третьим сыном Осипа, который не был внесен в писцовую книгу по причине малолетства или рождения после описания, но был участником «дела» с братьями, упомянутого в закладной Якова. Еще две купли-продажи земельных участков в 1644 г. совершили Захар и Яким оба Аксеновы дети и каждый с прозвищем Нагибин. Их отца Аксена (от Авксентий, Аксентий) нет в писцовой книге. Захар и Яким, так же как глава двора Осип, из описания имеют общее прозвище Нагиби-

⁵⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 113. Л. 34, 32, 30–31, 33, 29.

⁶⁰ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 322.

ны. Скорее всего, их отец Аксен Нагибин был братом Осипа Нагибина. Четыре сделки 1644 г. крестьяне Нагибины-Пановы совершили с Гаврилом Филипповым, в двух сделках он фигурирует с прозвищем Панов и в двух Нагибин, и лишь в одной из них Иван Осипов сын Нагибиных от 28 января назвал его «сроднишным» братом. Любопытно, что закладчик Яков Осипов сын и заимодавец Гаврило «Филипповых сын» — оба с прозвищем Пановы; тоже с одним прозвищем, но уже Нагибины, были продавцы Иван Осипов сын, Захар Аксенов сын и покупатель тот же Гаврило Филиппов; в паре продавец Яким Аксенов сын — покупатель Гаврило Филиппов первый был Нагибин и второй Панов. Следует учитывать, что лица, составлявшие документы по земельным сделкам, писали их со слов крестьян-продавцов, инициаторов сделок. В данных случаях последние аттестовали приобретателя то с одним, то с другим прозвищем. Такое смешанное употребление обоих прозвищ говорит о его равноценности для применяющих их. Прозвища существовали внутри одной большой родственной группы, маркируя потомков своих отцов по закрепившемуся за ними (отцами) варианту.

Продажу держаний в д. Мартыщево начал исконный крестьянин деревни, поступивший в стрельцы и служивший в Холмогорах⁶¹. Захар Нагибин специально приехал из Холмогор для продажи своего участка, он характеризовал продаваемое владение: «отца своего благословение Оксена, чем я Захар сам владел по своей деловой». Отсюда совершенно ясно, что Оксена не было в живых, а с братом Якимом они разделились. Причина продажи участка Захаром понятна, он был на той стадии стрелецкой службы, когда пришлось окончательно сменить свой социальный статус. Обязательство об уплате налогов принимает на себя покупатель участка именно «с сякова дни, как купчая залегла». Продавец Захар тем самым подчеркивает, что день заключения сделки решительно прерывает его владельческие притязания на отчужденный жеребей. Куплю-продажу он оформил в Устюге, и устюжане ее один свидетельствовал, другой писал текст⁶².

Брат Захара Яким Аксенов сын «Нагибиных» продал также свой девятый жеребей, «чем отец мой Аксен владел и меня Екима благословил, и после отца, чем я Яким того девятого жеребья владел», не упоминая о разделе с Захаром. Так же как и последний, Яким прерывал свои налогово-податные платежи «с сякова

⁶¹ Один из указов о «приборе» крестьянских детей в стрельцы от 1633 г. см.: Гл. 2. С. 55.

⁶² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 32.

числа, как купчая залегла». Братья получили за свои участки почти одинаковые денежные суммы: Захар — 7 руб., а Яким «шесть рублей с полтиною», дополнительно пояснив, что «деньги взял у сей купчие все наперед сполна», продолжив далее: «и больше того не спрашивать»⁶³. Яким оформлял продажу в Сольвычегодске, послухом в ней был подьячий Иван Иванов Мутнаго, писал документ площадной подьячий Микифорко Фомин Плотников. Интересна удостоверительная запись, редкая по подробности, помещенная на обороте купчей грамоты. Вместо продавца Якима Аксенова сына Нагибина «Ратмировские волости крестьянина по его велению, что он Гаврилу Филиппову Пановых девятой жеребей деревни Мартыщева со всем без вывода продал и деньги взял, Соливычегодской площадной подьячей Захарко Кодаев сын Толмянинов и руку приложил»⁶⁴.

Братья Захар и Яким Аксеновы-Нагибины для своих продажных акций поехали в города, один в Устюг, другой в Сольвычегодск, а, опираясь на факт получения ими денег при сделке, следует констатировать, что их общий покупатель Гаврило Филиппов также присутствовал при оформлении каждой. У каждой из этих сделок, безусловно, был предварительный этап, когда контрагенты договаривались о цене владения. Подтверждает это следующий факт. Архиепископский крестьянин Рабангской вол. Вологодского у. купил у своего соседа его надел, заплатив за него натурой — «две четверти ржи». Между ними «торг был», причем устный, ибо «в том у нас записей нет», что стало причиной конфликта⁶⁵. Вернемся к сделкам д. Мартыщево. Предшествовавшая оформлению стадия переговоров требовала от участников купли-продажи согласования условий, дней и времени для неблизкой поездки, ее материального обеспечения, определенных расходов. Братья осознанно пошли на издержки, руководствуясь необходимостью скорейшего для них заключения сделок, причем в более значимых, по их мнению, уездных центрах, чем волостной. Напрашивается мысль, не решил ли Яким Аксенов последовать примеру брата и, если не порвать, то прервать

⁶³ Замечу, что в купчей Захара мне словно не хватало фразы о расчете за продажу участка прямо при совершении сделки, которая логически могла бы присутствовать.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 30–31. О вариантах сроков перехода податных платежей к приобретателю земли, включая выражение «как ся купчая писана», см.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне... С. 109.

⁶⁵ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 34. Карт. 8. № 105 (отрывок).

свое крестьянствование.

Иван Осипов Нагибин, продавец следующего участка Гаврилу Филиппову Нагибину, в грамоте подробнейшим образом изобразил постройки двора, включая заготовленный строительный материал, сообщил, как делалось обычно, о посеве озимой ржи к наступившему 1644 г., об обязанности платить государственные подати до Ильина дня, как наиболее распространенного срока перевода платежей, а после него покупателю Гаврилу, о погашении могущих появиться прежних долгов⁶⁶. Хотя эта сделка также была оформлена в Сольвычегодске, но она не выделяется из ряда себе подобных в сравнении с актами Захара и Якима Аксеновых. Ее обыденность показывает, что Иван Осипов не намеревался порывать с деревней. Можно предположить, что он подвергся давлению со стороны Гаврилы Филиппова, одержимого страстью приобретения, и поддался ему, продав свою землю.

Купля-продажа от марта 1646 г. была заключена между Василием Осиповым сыном Пановых и посадским человеком из Устюга Ильей Давыдовым сыном Вострохвостовым. Продавец сослался на держание своего шестого жеребья по отцовскому благословию и последовавшей «деловой, что от брата з делу досталось», затем уточнил: «А тот шестой жеребей деревни Мартыщева пашенная земля з братом Яковом не в розделе» и дополнительно пояснил, что «против той штины у Якова, брата моего, штина ж не в розделе». Яков, напомню, закладывал свою «штину» в обеспечение денежного займа Гаврилу Филиппову на короткий срок, он сумел погасить свой долг заимодавцу и вернуть свою «штину», что становится ясно из рассматриваемой грамоты 1646 г. его младшего брата Василия. Она же подтверждает высказанное выше суждение об отсутствии у него намерения покинуть деревню, так как «Иван Осипов сын Панов» был послухом на сделке брата Василия, купчая которой оформлена в волостном центре Ратмирове⁶⁷.

Крестьяне, действующие в рассматриваемых документах д. Мартыщево, составляли как минимум две родственные ветви, одна из которых представлена двумя братьями Аксеновыми сыновьями, а другая тремя — Осиповыми сыновьями; все они между собой были братьями, думаю, двоюродными. Что касается Гаврилы Филиппова, то его родство уловить сложно, правда в сделке с ним Иван Осипов

⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 33.

⁶⁷ Там же. Л. 29.

Нагибин назвал его, как помним, «сроднишным»⁶⁸ братом. Однако с обеими группами братьев он был скорее в троюродном родстве, ведь он фигурирует самостоятельным хозяином в писцовой книге, будучи уже взрослым, наравне с Осипом — отцом братьев Якова, Ивана, Василия.

Характерно, что 4 сделки на разновеликие участки д. Мартыщево были произведены на коротком временном промежутке с сентября по январь 1644 г. Их приобретателем, подчеркну еще раз, во всех случаях был Гаврило Филиппов сын Нагибин–Панов. Примечательно, что писцовая книга для его двора показала владение по купчей 1507 г., опустив подобное указание для другого двора Осипа Иванова сына Нагибина. Принимая во внимание способ писцов регистрировать в книге документы об основании владения, о котором упоминалось выше, можно полагать, что для обоих дворов они выбрали наиболее значимый по их разумению акт — старинную купчую 1507 г., отложив другие документы. Факт же ее предъявления Гаврилом Филипповым говорит о том, что документ хранился у представителей его семейной линии. Это обстоятельство можно считать дополнительным аргументом в пользу родства Гаврила с его контрагентами по сделкам в 1644 г., более далекого, чем двоюродное. Об имевшемся документе в семье другой ветви Нагибиных–Пановых узнаем из грамоты о продаже своего участка Иваном Осиповым сыном Нагибиным. В самом ее конце он сообщил: «А старая купчая на ту деревню Мартыщева девятово жеребья осталася у меня Ивана...»⁶⁹. Продавцы нередко передавали документы приобретателю. Насколько стара купчая и от какого она года, сказать невозможно. Во всяком случае, само наличие «старого» акта наряду с упоминанием при текущей продаже трафаретного по отношению к продаваемому участку выражения «отца своего благословение», в котором словно концентрируются все предыдущие распорядительные решения, говорит о земельном приобретении, сделанном когда-то отцом теперешнего продавца Ивана Осипова.

Соседствующие жители д. Мартыщево, представшие из разобранных поземельных актов, как прослежено, находятся в взаимодействующих родственных отношениях, восходящих к самому началу XVI в., они связывали себя с предками, за которыми некогда установились прозвища Нагибин и Панов и закрепились за их по-

⁶⁸ Сроднишний — родственник; сродный брат — двоюродный брат. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 153.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 33.

томками. Даже на двадцатилетнем временном отрезке между писцовым описанием 1622–1625 гг. и серединой 1640-х гг. обнаруживается, насколько активно действовали братские группы в пересекавшихся и преломлявшихся событиях повседневной жизни, как они действовали с земельными участками, которые вращались внутри соседско-родственной среды, прибегали к займу денег и возвращали долг, и вполне вероятно, краткосрочный займ был одним из средств предпринятой этапной стратегии, а не показатель обеднения. Отдельные из них проявили решимость и действовали вразрез с устоявшимся обыденным течением жизни, меняя свои социальные занятия и статус. Основным актер среди действующих лиц д. Мартыщево Гаврило Филиппов не только концентрировал в своих руках земли своих однодеревенцев, но и ссужал деньгами соседей, был, конечно, состоятельнее, чем другие. Продажа земельного участка не однодеревенцу и даже не волостному крестьянину, а посадскому человеку внесла диссонанс в прежнее социально единое деревенское владение.

Несколько операций со своими земельными держаниями провели крестьяне д. Макаровской или Слободной. В июне 1637 г. Алексей Федоров сын Овчинников со «своею матерью Агафьей Перфирьевой дочерью» в обеспечение денежного займа заложили Федору Михееву сыну Гороховских четверть «деревни Макаровские в Ратмеровской волости в Ильинском приходе, а Слободная тож»; в 1637/38 г. была заключена закладная сделка между жителем той же деревни Семеном Карповым сыном по прозвищу Вострый Подосенова и Марьей Кирилловой дочерью Митрофановой женой Микитина, и заимщик подписал ей свой восьмой жеребей⁷⁰. В писцовой книге означена двухдворная д. Макарово на р. Лузе без второго названия «Слободная», присутствующего в актах⁷¹. Первый двор в деревне принадлежал Сергею Степанову сыну Овчинникову с «братом Федкой», которые владели им и участком по купчей 1589 г., т. е. более 35 лет. Во втором дворе жил Митрофан Микитин сын Овчинников, владевший землей по мирской данной 1622 г. Все обитатели двухдворной деревни имели одно прозвище Овчинниковы. Рассматриваемые земельные сделки удалены от писцового описания больше чем на десятилетие. Алексей Овчинников, выросший сын «Федки» Степанова, брата главы двора писцовой книги, совершил краткосрочную (на 18 дней) закладную сделку, причем вместе с матерью. Их совместное участие в ответственном имущественном деле свидетельствует о

⁷⁰ Там же. Л. 41, 44.

⁷¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. № 446. Л. 325об.

том, что сын, вероятно, еще не достиг полного совершеннолетия, и мать выступает гарантом при сделке. Возможно, что глава семьи Федор Степанов сын Овчинников умер сравнительно недавно, и вдова вынуждена прибегнуть к займу. Из документа следует, что «Алексей заложил отца своево благословенье Федора, а Агафья мужа своево», и сын с матерью соучаствуют в сделке как партнеры. Владение было значительным и представляло собой четверть деревни, наряду с пахотными и санными угодьями имелась «наволочная пашня» — «пашня, что в наволоке»⁷². Заемная операция пришлась на июнь месяц — время созревания урожая, и потому заклад состоялся «с насыяным хлебом с рожью и с ярью, с овсом и с ячменем и со пшеницею и с коноплем». Среди зерновых культур наряду с традиционными озимой и яровой рожью, ячменем, овсом присутствует и пшеница. В северных уездах ее высевали мало, и включение ее в посев говорит о расширенном наборе культур, что могли позволить себе относительно состоятельные крестьяне. Из акта выясняется также, что хозяйство умершего Федора Степанова Овчинникова держало половника, обрабатывавшего предоставленный ему жеребей. Следует отметить, что Федор Степанов сын Овчинников в свое время продал жеребей в д. Чюпаново-Взвоз Еремею Козмину, который в 1628 г. его тоже продал⁷³. По всей вероятности, этот участок остался в обладании его сына Алексея Федорова сына Овчинникова.

Участник другой закладной сделки от сентября 1637 г. — Семен Карпов сын с примечательным прозвищем Вострый Подосенова. Его носителя нет в писцовой книге, в ней записан «Митка Карпов». Допустимо его и Семена Карповых считать братьями. Семен заложил в качестве гарантии займа восьмую часть деревни, полученную от «отца своего Карпа благословение». В отличие от предыдущей закладной о постройках двора говорится лаконично: «изба поземная да против избы сеник на подклете да осмой жеребей в овине и в гуменнике и в поскотине»⁷⁴. Интересно, что заимодавцем в этой сделке выступала Марья Кириллова дочь Митрофанова жена Микитина. Ее муж в писцовой книге — владелец второго двора деревни, означенный как Митрофан Микитин сын Овчинников, и именно с «ним же во дворе Митка Карпов», брат заимщика в сделке 1637 г. Митка Карпов держал свой участок по одной купчей, повторю еще раз, от

⁷² Наволок — прибрежный участок земли, затопляемый во время разлива, с наносами ила. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 39.

⁷³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 46.

⁷⁴ Там же. Л. 44.

1689 г., вместе с Сергеем Степановым Овчинниковым из первого двора. Итак, на момент писцового описания Дмитрий Карпов сын жил во дворе вместе с Митрофаном Никитиным сыном Овчинниковым, а землей пользовался по купчей Сергея Степанова Овчинникова. Такое положение могло быть при его явном родстве с названными крестьянами и всех действующих лиц между собой. Карп, скорее всего, был третьим братом Степана и Никиты Овчинниковых, отцов внесенных в писцовую книгу Сергея Степанова сына с братом Федором и Митрофана Микитина сына. Участвовавшие в двух заемных сделках 1637 г. крестьяне Алексей Федоров Овчинников и Семен Карпов были, как минимум, двоюродными братьями. Семен, когда ему понадобились деньги, обратился за займом к родственнице, жене (вдове?) другого двоюродного брата. Сделка была заключена в Устюге и оформлена в нем «площадным писщиком». Этот факт, как и очень короткий срок займа (с 3 сентября до «Рождества Пречистой Богородицы нынешнего 146 году») говорят о большой нужде Семена Карпова в деньгах, и ему пришлось прибегнуть к сильным доводам, чтобы убедить сноху в необходимости поддержать себя. Обе закладные грамоты от 1637 г. на д. Макаровскую высветили не вполне ординарное сочетание соседских связей, восходящих к родственным, практиковавшуюся взаимную поддержку родственников при соблюдении обеими сторонами сложившихся норм в материальной сфере деревенских отношений.

В 1626 г. крестьянка Окулина Ширяева дочь Меншиковская жена продала участок земли в д. Карповской, причем полученный на льготу в июле 1625 г. в ходе проведения писцового описания. Спустя полгода, в январе, его купил Бажен Афонасьев сын Бутаков⁷⁵. Его имя дано в полной трехчленной форме. Д. Карповская по описанию состояла из 4 дворов, в одном из них — «вдова Окулинка Меншиковская жена с сыном Ёгнашком», владеющая жеребьем по купчей 1617/18 г. В соседнем дворе как раз жил «Баженко Офонасьев», именуемый без фамильного прозвания, и он свой участок купил по сделке 1619/20 г. и теперь приобрел участок Окулины. Третий двор принадлежал Мишке Батакову — владельцу по купчей 1603/04 г. По всей вероятности, он родственник Бажена, ибо оба крестьянина имеют одно прозвание Батаковы/Бутаковы. Четвертый «двор пуст Михалка Блинова, пашню пашет наездом Мишко Блинов из деревни Кузнецово»⁷⁶. В своей челобитной писцам Оку-

⁷⁵ Там же. 1627. № 81. Л. 7. О вдове Окулине упоминалось в Гл. 3. С. 118.

⁷⁶ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 338об.–339.

лина именуется себя как Ширяеву дочь, «а Меншиковскую жену» и сообщает, что «муж мой померл», а «деревнишка наша осмой жеребей запустел и дворишко огнило». Возможно, она овдовела сравнительно незадолго до описания, так как у нее были средства платить «подать твою государеву и ныне с пуста»⁷⁷. В полученной ею данной грамоте и поручной по ней приводится одно и то же именование вдовы, а в писцовой книге оно усечено за счет пропуска имени ее отца Ширяя. Примечательно употребление в ее именовании двух неканонических имен, которыми наделены отец — Ширяй и муж — Меншик. В книгу писцы внесли сына Окулины Игнашка, что в сочетании с указанием имени ее мужа может служить в дальнейшем ключом для идентификации Игнатия как Меншикова. Именно в такой форме — «Игнатей Меншиков сын» он фигурирует вместе со своей матерью в акте купли-продажи 1626 г. Любопытно, что именно владелец пустого двора Михайло Иванов сын Блинов, так он назван в документе, поручился писцам по вдове. Его мы находим в однодворной д. Другое Кузнецово на р. Лузе, где «Михалко Блинов» хозяйствует с братом Ваской по мирской данной 1585/86 г.⁷⁸. В двух местах книги писцы к одной и той же деревне применили разную фиксацию: с прилагательным «Другое» Кузнецово и без него, просто Кузнецово. Однако, если есть деревня с определением «другая»⁷⁹, а в нем заключена вторичность основного признака, то должна быть деревня с названием первичного порядка. Д. Кузнецово в писцовой книге нашлась, она однодворная и ею владел Данило Михайлов сын Гоголев по купчей 1556/57 г., причем запись о ней значительно удалена от записи д. Другое Кузнецово⁸⁰.

Итак, носители одного фамильного прозвания Бажен и Михайло Бутаковы прикупили значительную часть деревни в дополнение к тем участкам, которые уже имели. При этом они «ту треть купили Карповские деревни Михайло половину, а Бажен — другую, пополам»⁸¹. Оба эти обстоятельства можно истолковать в плане несомненного родства, скорее бокового, между названными крестьянами, которые приобрели часть деревни в совладение. Их купчая содержит деталь, которая говорит о близости расположения деревень Карповской и Кузнецовской, в которой во время писцового описания жил поручившийся по вдове Окулине Михаил Иванов Блинов. Продавец

⁷⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 81.

⁷⁸ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 320об.

⁷⁹ Там же. Л. 327об. — Например, д. Другая Лубена.

⁸⁰ Там же. Л. 350.

⁸¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 81. Л. 5.

Фрол Косачев сообщает: «а что заложены у меня Фрола пожни от Кузнецовские межи треть лугу за речкою...»⁸². Не совсем ясно, какая из речек имеется в виду, д. Другое Кузнецово стояла на Лузе; о привязке д. Карповской к реке в писцовой книге указания нет, в купчей же Фрол дополняет рассматриваемый пассаж о сенокосных пожнях и «лоскутах» тем, что ему косить треть «логу под колодцем до дороги». Наличие колодца говорит скорее о сухоходльном расположении д. Карповской. Списки с обеих купчих на эту деревню снимал и рукоприкладствовал их «Митка Баженов сын Бутаковых».

Обращают на себя внимание сделки на д. Мериново или Юрьевская, всего их — семь. Две — относятся к 1600 г. В марте Василий Леонтьев сын Игумнов продал девятый жеребей Аксену Иванову сыну Овдиных в д. «Меринова, Юрьевская тож». Причем продаваемый участок составлял «половину Баженовсково жеребью» и был приобретен «по своей купчей»⁸³. В мае того же 1600 г. Федор Насонов сын Игумнов продал в «Рождественском приходе» Науму Агапиту (Агапову — *Е.Ш.*) сыну Кузмина маленький участок — «треть штины деревни Юрьевские», полученный как «отца своего благословение» и по «своим писмянным крепостям»⁸⁴. Одна купчая дает два названия деревни, явно антропонимические. Она же говорит, что в ней действовал на рубеже XVI–XVII в. некий Бажен.

По сведениям писцовой книги 1622–1625 гг. д. Мериново стояла на р. Шалимовице. Первый двор принадлежал вдове Агафье Родионовской жене Юрьева с 3 сыновьями Ваской, Мишкой, Ортемкой. Во втором — жил Васка Насонов с братьями Савкой и Федкой. Далее записаны: в третьем дворе Филька Степанов с сыном Осипом⁸⁵. Таков состав насельников деревни к 1625 г. Участников операций купли-продажи в 1600 г. на первый взгляд среди них нет. Правда, продавец майской сделки 1600 г. Федор Насонов и житель второго двора Васка Насонов имеют одно и то же отчество — Насоновы, а Федор в сделочном акте еще фамильное прозвище Игумнов. С Ваской Насоновым писцы показали двух братьев, один из них Федка, он-то и есть Федор Насонов — продавец участка в 1600 г. Он тогда действовал самостоятельно, продал унаследованную треть от «штины», причем «голую землю». Отметим, что послухом при этом был Филипп Степанов сын Игумнов, житель третьего двора по писцовой книге,

⁸² Там же. Л. 4.

⁸³ Там же. Л. 18.

⁸⁴ Там же. Л. 17.

⁸⁵ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 340.

назвавший себя с фамильным прозвищем Игумнов, тем же самым, что продавец. Два жителя деревни аттестовали себя в сделке этим фамильным прозвищем, опущенным в писцовой книге.

Другие имеющиеся в распоряжении купчие на ту же деревню отстоят от упомянутых более чем на сорок лет: четыре относятся к первому полугодию 1641 г. и одна к декабрю 1643 г. В январе 1641 г. Бажен Родионов сын Игумновых продал кусок «из двух третей треть деревни Меринова»⁸⁶. Через 40 лет обнаружился крестьянин по имени Бажен, и хотелось бы думать, что именно его участок упоминался в купчей 1600 г., если допустить, что он был тогда примерно двадцатилетний, а в этом нет ничего невозможного. Ведь покупателем участка Бажена в 1641 г. был Василий Леонтьев сын Игумнов, упоминаемый также в сделке 1600 г. и продававший тогда землю. Именован Бажена по отцу, а вдовы Агафьи в писцовой книге по мужу Родионовыми свидетельствует о том, что вдова была его матерью. Возникает вопрос, был ли носитель неканонического имени Бажен указан в писцовой книге среди сыновей Агафьи или он не попал в книгу?

В марте же 1641 г. Ефрем Павлов сын Игумновых по прозвищу Голда сбыл жеребей «деревни Меринова Юрьевская тож» размером в «четверть пятины», доставшийся по отцову благословиению и «по деловой, что от брата мне досталось». И продал он этот маленький участок своему племяннику «Василью Михайлову сыну Павлова Игумновых»⁸⁷. В четвертом дворе писцовой книги записан Пашко Федоров с сыном Миткой (Мишкой), а продавец Ефрем отсутствует или по малолетству, или не родился. Фамильное прозвание Ефрема также Игумнов, и оно говорит о родственной связи его отца Павла с уже упомянутыми крестьянами «однофамильцами». Участок Ефрем получил по благословиению отца Павла и по разделу с братом, с которым поделил хозяйство после смерти отца, и сбыл своему племяннику, о чем прямо заявил в документе.

В апреле того же года состоялась сделка между Василием Насоновым сыном Игумновым и Наумом Агапитовым сыном Нечаевых — покупателем унаследованной «осмнатцатой доли деревни Меринова, а Юрьевское тож», причем продал свою долю «без насыяные ржи» к текущему 1641 г.⁸⁸. Этот факт, как и получение денег «у купчие», показывает, что его хозяйство, а возможно и сам он

⁸⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 81. Л. 8.

⁸⁷ Там же. Л. 15.

⁸⁸ Там же. Л. 16.

оскудели. Продавец Василий Насонов обитал во время описания 1622–1625 гг., как говорилось во втором дворе. Его брат Федор, живший с ним, в 1600 г. продал свой необрабатываемый участок тому же Науму Агапитову сыну Кузьмину, имя которого дано без второго прозвищного имени отца — Нечаевых, отвечающего на вопрос «чей, чьих?». Наум Агапитов сын, как видим, с большим разрывом во времени приобрел у двух братьев Насоновых сыновей Игумновых небольшие куски — треть от «штины» и «осмнатцатую» часть земель в д. Мериново, понемногу наращивая свое владение.

И в июне 1641 г. Савва Насонов сын Игумнов, третий из братьев Насоновых сыновей Игумновых, продал «треть штины» той же д. «Юрьевские, Мериново тож», чем он «сам владел», Перфирию Наумову сыну Нечаева, включая треть избы и всех строений — житницы, овина, а также гумна и огуменника, «треть же с тово жеребья земли пашенные и непашенные». Из такого перечисления принадлежностей жеребья, составлявших жилье и угодья, следует, что продаваемое составляло только незначительную часть обладаемого им участка. Покупатель отмечен в акте как Перфирей Наумов сын Нечаев, а Наум Агапитов Нечаев из предыдущей сделки явно приходился ему отцом. Продажа пришлась на лето, однако Савва Насонов сбыл «землю без насыяные ржи, что сияно ко 149-му году». По какой-то причине он осенью не посеял озимь, неизвестно, хотя «продал с вешным, что сияно овса, симяна вынять Саве восемь мер да ячмени пол меры, а за симяны Саве с Перфирьем делить пополам, сняв овес». Последнее замечание и обычное в купчих обещание продавца не претендовать на проданную землю — «до земли Савве дела нет и во ржаном поле, а в яровом — то Саве» отличает нюанс: в яровом клине продавец и покупатель получают по половине⁸⁹. К деревне Мериново-Юрьевская относилась пожня Антониха, долями которой крестьяне пользовались в соответствии со своими жеребьями, и при купле-продаже участка они оговаривали, кто из контрагентов выкупал ее части, если они находились в закладе. В данном случае приобретатель Перфирей заранее «выкупил его жеребей пожни Антонихи и те ж деньги на Саве Перфирию не спрашивать». Эта же сделка содержит очень важное условие, довольно редко присутствующее в актах купли-продажи. «А буде Перфирию не до земли, не известя Саввы, на сторону того жеребья не продать, отдать на те же деньги. А за дворовую приставку Савве деньги дать по оценке»⁹⁰. Его

⁸⁹ Там же. Л. 16–17.

⁹⁰ Там же. Л. 17.

нужно квалифицировать, как бытовавшее право прежнего владельца на преимущественную покупку проданного когда-то участка, отлившееся в норму. Именно в соответствии с ней действовали участники сделок 1698 г. и 1701 г. в д. Чигры, о которых речь шла выше⁹¹. Итак, Перфирей Наумов сын Нечаев продолжал хозяйственную линию своего отца Наума Агапитова по приобретению небольших земельных участков в д. Мериново-Юрьевская. Родственная группа братьев Насоновых-Игумновых постепенно, реализуя части своих участков, хозяйственно ослабевала и беднела.

На поставленный выше вопрос, мог ли Бажен, косвенно упоминаемый в первой рассмотренной сделке 1600 г. и участник в январской сделке 1641 г., быть одним и тем же лицом, нужно ответить утвердительно. Скорее всего, среди сыновей Агафьи Родионовской жены им был старший Василий, названный писцами первым, ведь Василий Леонтьев Игумнов продал в 1600 г. свой участок, составлявший половину от «Баженовсково жеребью», который ранее приобрел «по своей купчей» у того же Бажена. Вероятно, для различения соседей Василиев — Родионова, Леонтьева и Насонова — первого часто называли Баженом и с этим привычным именем он вошел в акты, а в писцовой книге был зарегистрирован с именем, полученным при крещении.

В декабре 1643 г. состоялась еще одна сделка на кусок в «треть пятины» д. Мериново-Юрьево. Ее участники Артемей Леонтьев сын Игумновых — продавец, а его племянник Матфей Васильев сын Игумновых — покупатель, и первый был братом, а второй сыном Василия Леонтьева Игумнова из сделки 1600 г. Артемий привел в купчей имя своего отца Леонтия в составе фразы: «отца своего благословение Леонтья»⁹². Семь поземельных сделок на д. Мериново-Юрьевскую выявили значительный клан крестьян Игумновых, живших в деревне в конце XVI — первой половине XVII в. и владевших землей по купчей 1572 г. Они осознавали свою общность и представляли себя родственной группой, и каждый из них, связывая себя с ней, обозначал свою принадлежность именно к Игумновым. Из актов явственно видно членение общего владения между родственниками за счет семейных выделов и разделов, а также продаж родственникам и сторонним крестьянам, последние вливались в деревню и закреплялись в ней, понемногу наращивая свое присутствие.

⁹¹ См.: С. 188–189.

⁹² Там же. Л. 21.

В 1642 г. крестьянин Никифор Дементьев сын Ананьин продал «треть половины» деревни «Козминсково» Терентью Григорьеву сыну Рожкову, причем «по старым путям и по купчей, что яз Никифор купил у Ивана Стефанова сына Заостровного»⁹³. В писцовой книге деревня называется Кузминская и расположена «над рекою Кузою»⁹⁴. Писцы довольно точно обозначили ее возвышенное относительно поймы расположение. В третьем из семи дворов — Микитка Дементьев с сыном Петром. Он владел двором и участком на основе купчей 1599 г. Имя крестьянина в акте приведено в полной форме, в писцовой книге — в уменьшительной, происходящей от имени Никита (Микита). Однако в обоих документах имена сочетаются с одним и тем же именем отца Дементий, что позволяет считать их носителя одним лицом. Указанная в писцовой книге дата купчей — 1599 г., скорее всего, стояла на упомянутом Никифором акте, оформившем куплю-продажу земли его с Иваном Стефановым Заостровным. Отмечу, что согласно писцовой книге шесть крестьян из семи держали свои участки на основании купчих грамот 1586 (двое), 1599, 1614, 1620 (двое) гг. и лишь один по старине. Владельцы по купчей 1586 г. были родными братьями, разделившимися в два двора.

Обратимся к селению Беляшкино. В конце XVI в. — это жилая деревня, о чем свидетельствует несколько купчих грамот. Писцовое описание 1622–1625 гг. фиксирует ее как пустошь, что «была деревня Беляшкино», и на ней — один пустой двор, который принадлежал Первушке Нечаеву⁹⁵. Однако в июле 1625 г. писцам подала челобитную вдова «Оринка Васильева дочь Щеглева, а Василья Родионова жена». Она желала получить эту пустошь на льготу, так как «деревня Беляшкино — вотчина отца моего благословенье, пуста и не пахана». Ее просьба была удовлетворена с предоставлением срока льготы на 4 года, что было закреплено резолюцией писцов на челобитной вдовы, а также документами — записью в книге и данной грамотой писцов вдове Орине⁹⁶.

Судьбу деревни раскрывают документы, которые обычно сопровождают оформление льготы⁹⁷. Поручная грамота по вдове Орине Васильеве точнее, чем писцовая книга, фиксирует деревню-пустошь. Она находилась «над рекою над Лузою в Ильинском приходе» и вдобавок «на Миткине Горе». Эти слова показывают ее

⁹³ Там же. 1646. № 113. Л. 67.

⁹⁴ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 332об.

⁹⁵ Там же. Л. 355.

⁹⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 38–40; Ф. 1209. № 446. Л. 355.

⁹⁷ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне... С. 141–143, 149.

расположение — приречное и на возвышенности с антропонимическим названием, а также тяготение к церковному приходу. Показательно, что одним из двух поручителей по вдове был как раз Первой Никитин сын Нечаев, указанный владельцем двора, пустого на момент описания. Он именуется в поручной, в отличие от писцовой книги, в полной трехчленной форме, хотя и с неканоническим именем. Именование вдовы приводится также развернуто, крестьянин ручается по «Орине Васильеве дочери Щеглева, по Васильеве жене» с уточняющим указанием «сына моего Василья». Правда, не вполне ясно, невесткой какому из поручителей доводилась вдова Орина, логика подсказывает, что, скорее всего, именно Первому Никитину Нечаеву⁹⁸. Такое же именование вдовы употреблено писцами в книге и данной грамоте: Оринка Васильева дочь Щоглева (Щеглева), а Васкина жена Родионова, т.е. как в ее челобитной. Из приведенных фактов следует, что ее муж Василий был сыном Родиона, прозванного Первушей. В данной грамоте Орине Васильевой дочери писцы дали ссылку на бывшую принадлежность д. Беляшкино «по купчим отца ее Ивашка Васильева сына Меркурьева» с точной их датой «94-го (1586) и 103-го (1595) году»⁹⁹. Наглядно видно, как в одном документе, практически в одной фразе, не совпадает имя отца Орины. Вслед за пассажем об отдаче ей деревни на льготу приведена ссылка на приправочные книги Василия Самарина и подьячего Семена Осокина 1619/20 г.: «деревня, что была пустошь Беляшкино на Лузе, а в ней двор Первушки Никитина из деревни Игнатьевские, пашет наездом». Сделанное дополнение важно, так как говорит о пребывании свекра Орины в другой деревне, а не в Беляшкине. Далее писцы обращаются к текущему моменту — введущемуся «новому письму и мере», в ходе которого «подала на нее (д. Беляшкино — *Е.Ш.*) писцом Оринка Васильева дочь, а Васкина жена Родионова две купчие брата своего Ивашка Васильева сына Меркурьева 94-го года, 103-го году...»¹⁰⁰. Итак, выясняется, что приведенное выше имя Иван Васильев сын Меркурьев относится к брату Орины Васильевой дочери, а не отцу. Брат и сестра были детьми некоего Василия Меркурьева. В писцовой книге 1625 г. д. Игнатовская помещена среди жилых черных деревень, в ней 5 дворов¹⁰¹. Все дворовладельцы имеют фамильное

⁹⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 41.

⁹⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰⁰ Там же. Л. 39–40.

¹⁰¹ Там же. Ф. 1209. № 446. Л. 344об.

прозвание Нечаевы, среди них нет крестьянина, в имени которого значилось бы отцовское имя Первого — Никита.

Замечательно, что удалось найти купчие грамоты, которые упоминаются в данной грамоте. В 1586 г. Дементей Девятой Семенов сын Вотчицев продал «половину деревни Обеляшкина в Ратмеровском присуде» Ивану Васильеву сыну Меркурьеву, причем она так названа трижды¹⁰². Именование продавца приведено в наиболее полной форме, с крестильным и неканоническим именами, именем отца и фамильным прозвищем, что встречается не так уж часто. В 1595 г. Иван Васильев сын Меркурьев приобрел у того же Дементия Семенова сына Вотчицева «полдеревни Беляшкина, другую полдеревни в Ратмерове в трете средней»¹⁰³. Почти через 10 лет приобретатель стал обладателем целой деревни, докупив ее вторую часть. Эти две покупки говорят о самостоятельном хозяйствовании Ивана Васильева Меркурьева с середины 1580-х гг. и его скорее зрелом возрасте. Интересно, что списки с обеих купчих снимал опять-таки Первой Никитин Нечаев, свекор Орины, вместо которого прилагал руку Никольский поп Василиск.

Вернемся снова к данной грамоте, которую получила Орина Васильева дочь от писцов на д. Беляшкино. На нее существовала еще «купчая восьмьдесятого (1572) году» Томилка Михайлова сына Шишкина. Однако, «тот Томилко по той купчей июля по 27-е число не бывал, государю не бил челом и к писцом». Главное же «та деревня для того их спору стоит в пуге, и потому она Оринке и отдана на льготу, что с нее для пуга о их споре государева подат[и] нет. А тому Томилку впредь до тое деревни дела нет»¹⁰⁴.

Итак, приведенный источниковый материал убедил в эффективности сопоставления конкретных сведений писцовой книги и актов поземельных сделок, позволил раскрыть демографию внутри крестьянского двора и за его пределами в деревне, родство с соседями окрестных деревень, высветить антропологические отношения между крестьянами на микроуровне, правда только по поводу земли.

* * *

Рассмотренные сделочные акты характеризуют поземельные связи крестьян, которые локализовались как на внутрисемейном, так и деревенском уровнях. Они показывают, что крестьянская се-

¹⁰² Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45–2. Л. 72.

¹⁰³ Там же. Л. 71.

¹⁰⁴ Там же. 1623. № 13. Л. 40.

мья, живущая в доме-дворе, как некоем целом, с принадлежавшей ему на праве владения землей, составляли базовую ячейку деревенского микромира. Межкрестьянские отношения высвечивают озабоченность и даже «одержимость» по отношению к обладаемой земле. И такие отношения не всегда были добрососедскими и мирными. Порой они принимали остроту и выливались в жесткие конфликты.

После предварительных замечаний обратимся к одному из подобных событий. Местом его действия была волость Антропьева Слобода Сольвычегодского у. и конкретно д. Овсянникова Гора. Время действия 1627–1628 гг. и 1631 г.

Его интригу составило спорное дело между крестьянами Федкой Васильевым сыном Захаровым и Баженом Мальцевым сыном Бутаковым. Оно, на первый взгляд, очень запутанное, так как с взаимными обвинениями в воровстве (мошенничестве, обмане), ябедничестве и поклепах выступали обе спорящие стороны¹⁰⁵. Из разбирательства постепенно стало ясно, что судившиеся крестьяне не просто соседи, они — складники. Это означало, что в их совместном пользовании находились некоторые уголья, по всей вероятности неразмежеванные, но о них в документах речь не идет.

Дело рассматривалось в Москве в Устюжской четверти, оно началось с челобитной, которую подал 14 июня 1628 г. дьяку Михаилу Смывалову крестьянин Федка Васильев сын Захаров на своего соволожанина Баженка Мальцова сына Бутакова. Его челобитчик характеризует как «вора, ябетника, поклепщика». Истец Федка Захаров обвинял Баженка Бутакова в том, что тот в 1627 г. его оболгал, заявив «будто» истец избил Бажена. Федка Захаров для начала подал челобитную в Сольвычегодскую съезжую избу, обеляя себя и обвиняя Бажена Бутакова в ложных действиях и возведении на него напраслины. В том же 1627 г. Баженко подал встречный иск «о сыску», но не сольвычегодскому воеводе, а прямо в Москву в четверть на имя государя (из дальнейшего хода дела становится понятно, почему). Устюжская четверть рекомендовала воеводе Ивану Лодыженскому провести в Антропьевой Слободе сыск «про ево Баженково прежнее воровство и ябедничество и про поклепы сыскать... всякими сыски накрепко...»¹⁰⁶. Далее в челобитной 1628 г. истец Федка Захаров сообщал, что розыск, которого добивался Баженко в 1627 г., был в волости проведен. Сведения о нем привожу в изложении Федки: «И в

¹⁰⁵ Там же. 1631. № 30. Ч. 1. Л. 16–53.

¹⁰⁶ Там же. Л. 16.

обыску... Антропьевы слободы старосты и целовальники и все крестьяне сказали по крестному целованью, что тот Баженко записку писал на меня Фетку ложно и многих крестьян наперед того своим бездельством, ябедничеством продавал и в роту приводил». Характерно, что крестьяне свидетельствовали, принеся присягу — крестное целование.

В этом месте необходима пауза, ибо документ содержит незаурядное сообщение — именно о роте. Оно возвращает нас к временам Русской Правды. Присяга-рота упоминается в ст. 10 Краткой Правды, говорящей о наказании за избиения и оскорбления. По ней варяг-дружинник, заявивший об избиении его каким-либо новгородцем, должен был подтвердить это личной присягой, не прибегая к услугам свидетелей. Ст. 31 Пространной Правды, развивая положения ст. 10, говорит о побоях и оскорблении действием, по ней варяг — истец или ответчик — должен, как и местный житель, выставить свидетелей, которые приводятся к присяге («идета на роту»)¹⁰⁷. Еще ряд статей 47, 48, 49 Пространной Правды устанавливают сферы применения присяги-роты. Следует упомянуть специально ст. 109 Пространной Правды, выделенную своим заголовком «Уроци ротнии». Она (наряду с подобными статьями 107, 108) регламентирует размеры пошлин, поступавших в пользу княжеских чиновников с судебных разбирательств, решаемых с применением роты как судебного доказательства. «Ротную» пошлину платил истец, возбуждавший судебное дело¹⁰⁸.

Но вернемся к челобитной Федки Васильева сына Захарова 1628 г. В его изложении обыск подтвердил лживость Бажена Бутакова и его «бездельное» ябедничество. После обыска, результаты которого были сообщены в Сольвычегодскую съезжую избу, из нее пришла наказная память с указом, адресованная земскому судейке Ждану Никифорову с товарищи и приписным судейкам Русину Дудину с товарищи. По указу, аккумулировавшему прежние «государев указ и наказные памяти», было велено «того Баженка Бутакова из Онтропьевы Слободы за ево воровство *выслать вон и жить ему в Онтропьеве слободе не велено*» (курсив мой — *Е.Ш.*). Земские судейки суровую рекомендацию постарались претворить в жизнь: они Бажена из деревни высылали и деньги за деревню отдавали по мирской

¹⁰⁷ Правда Русская. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 82–85; 356–359. См. также: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 47, 54; 66, 95.

¹⁰⁸ Там же. С. 694–695; 72, 122.

оценке. Однако, Бажен «из Онтропьевы слободы вон не пошел», денег за деревню не взял и «учинился силен». Тогда земские судейки Ждан Никифоров с товарищи написали на Бажена «отпускную» отпись воеводе Ивану Васильевичу Хилкову, сменившему Ивана Лодыженского, и подьячему Постнику Задонскому. Федка Захаров далее сообщает, что «по прежним обыскам 135 (1627) году и по отбойному списку указ... не учинен». Бажен Бутаков продолжал жить в волости, и «живучи» в ней «по всяместа многих крестьян продает и наказные многие на крестьян приносит напрасно и убытчит своим ябедничеством». Изложив обстоятельства дела 1627 г., Федка Васильев Захаров свои убытки «в деревенской недопашке и в сенной доставке и в усольской проесте и в волоките нынешней московской» оценивает в 12 рублей с полтиной¹⁰⁹ и, заканчивая челобитную 1628 г., просит рассудить его дело с Баженом Бутаковым и «не велеть» последнему жить в волости Антропьевой Слободе.

Итак, перед нами версия событий, как их представил Федка Васильев сын Захаров в своей челобитной от июня 1628 г. Выслушаем противоположную сторону. Другой участник дела Бажен Мальцов сын Бутаков в августе того же 1628 г. в свою очередь обратился в Устюжскую же четверть с челобитьем на Федку Захарова, характеризуя его как «складника своего, сильного человека». Он повторил, что в 1627 г. «после Николина дни осеннего в третьей день» Федка Захаров «бил его насмерть и очи бил, вовеки учинил увечна», ограбил на 15 руб., «выживаючи меня Бажена из деревнишка насильством своим». Бажен был избит Федкой столь сильно (в общей сложности он лежал «в конце живота» недель 13 и больше), что две недели у него «не было речи». По восстановлении речи, он перед Рождеством послал свою жену Марьицу к волостному судейке Ждану Никифорову, заявить о нападении на него Федки. Примечательно, что посланную с устным заявлением женщину мирские выборные судейки выслушали и пришли в дом к Бажену Бутакову. Однако, видимо воспользовавшись физической слабостью Бажена и получением заявления из уст женщины, земский судейка и земский дьячок Афоня Бобровский «розпросново списку и досмотру прямово по моим речам не писали», еще и потому, как их Федка «скупи и вином поил». В результате судейки составили «ложную записку», причем «воровски», задним числом «отписали назад месяца три и больши — день святых мученик

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. № 30, ч. 1. Л. 17. Проестъ — издержки, расходы, связанные с ведением судебного дела. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 128.

Фрола и Лавра» 1627 г. (добавив, будто Бажен был тогда болен «чирьем», а он по его заверениям тогда был здоров). Составленную записку, ложную по уверениям Бажена Бутакова, волостные целовальник и дьячок, подкупленные Федкой, послали в Сольвычегодск к воеводе, и сделали они это воровски, без «мирского совету». Федка Захаров со своими братьями «с родными и с родимными и с родом и с племенем да с целовальником Володею Полеваемым да с Пьянком Борисовым да с дьячком с Офонею Бобровским стакаком и заговором на меня Баженка написали ложную составную челобитную» и послали ее в Сольвычегодск также без «мирского совету воровски, хотячи животою моим завладеть и деревнишко мое отнять»¹¹⁰. Примечательно, что Федор Захаров действует в конфликте заодно со своими братьями и другими родственниками, и Бажен специально об этом говорит. В свое оправдание и Бажен Бутаков также сольвычегодскому воеводе Ивану Васильевичу Хилкову подал челобитную с просьбой провести в волости «обыск», ставя крестьян «налицо» кроме родственников истца и ответчика. Такой обыск был проведен по распоряжению воеводы, но независимыми судьейками соседней Лальской волости. В его ходе подтвердилось, что Федка Захаров подкупил антропьевских волостных судеек, документы их — ложны; Баженка же «одобрили»¹¹¹. Все документы этого независимого расследования были «положены у Соли Вычегодской в съезжей избе».

Далее в своей челобитной Бажен сообщает, что Федка Захаров не успокоился, подал снова челобитную в Москве, о которой говорилось в начале изложения данного дела, «прямые наличные обыски утая», чтоб Баженка из волости выслать и завладеть его деревней. Адресуясь в четверть о проведении нового расследования, Бажен, естественно, исчисляет свои «убытки в земляной недопашке, сенной потраве, в скотинном падежу, московских издержках» на сумму в 35 руб. с полтиной кроме «грабежу и увечья». Главное же он приводит веский довод: «И подати твои, государь, на 135 (1627) год с... деревни не плачены», ибо Федка не давал пахать и податей платить было нечем. Довод — беспроегрышный! Бажен просит также «поставить к ответу» в Москве земских судеек со всеми документами и в соответствии с «ложным Федкиным челобитьем» не велеть его до «твоего государева сыску и до указу из волости вон высылать и деревнишко моего ценить».

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631. W30, ч. 1. Л. 26. Стак — сговор, стакатися — вступить в сговор. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 192.

¹¹¹ Там же. Л. 27–28.

Решение Устюжской четверти от декабря 1628 г. было следующим. В Сольвычегодске по всем старым и новым обыскам (их 3) «розвесть» спорящих Бажена и Федку, и если выяснится, что один из них бьет челом ложно, то того наказать битьем батогами и «посадить в тюрьму на неделю»¹¹². Грамота из Устюжской четверти с этой рекомендацией была отослана в Сольвычегодскую съезжую избу¹¹³.

Однако дело на этом не кончилось. В марте 1631 г., через три года, Бажен Бутаков подал новую челобитную в Устюжскую четверть. В ней он рассказывал историю вражды с Федкой Захаровым в 1627–1628 гг., которая продолжалась. В 1628 г. на Преображенье Федка со своими «потаковщиками» снова приезжал в деревню Бажена, опять пограбил имущество, а его жену «мучили и позорили». От Федкина насильства Бажен с женой и детьми бродит на Устюге «меж двор», отчего его деревня пустеет в течение 5 лет¹¹⁴. В августе 1629 г. из четверти к Соли Вычегодской была отослана грамота о проведении нового «обыска» с распоряжением и его результат, а также истца и ответчика прислать в Москву к дьяку четверти Пантелею Чирикову. Из-за отсутствия документов, следующих за этим распоряжением Устюжской четверти, невозможно судить об окончании дела.

Что же остается по рассмотрению жесткого конфликта «в сухом остатке»? Документы говорят, что подтвержденное комплексное обвинение в мошенничестве, лжи, ябедничестве, поклепах, воровстве допускало в XVII в. изгнание из волости как мирской организации. Это — чрезвычайная мера, и в ее принципиальной справедливости не сомневались ни крестьяне, ни власти местного и центрального уровней. Применение подобного наказания выбивало человека из сообщества себе подобных как на микроуровне деревни, так и волости. Из дела со всей ясностью вытекает, что крестьянин тогда не мыслил себя вне своей укорененности, не был готов рвать с деревней-землей как средством материального обеспечения и существования. Ведь именно корпоративные, групповые узы в крестьянском мире были оплотом социальных связей, которые придавали отношениям конкретный и личностный характер.

Безотносительно к рассматриваемой ситуации показательно, что ментальность крестьян допускала возможность наказать собрата, выгнав его из общины. Конкретный же конфликт, как лакмусовая бумага, проявил ее. Словно на генетическом уровне зиждется

¹¹² Там же. Л. 30.

¹¹³ Там же. Л. 48–51.

¹¹⁴ Там же. Л. 51.

порядок, уходящий во времена становления территориальной общины и ассоциирующийся с понятием изгойства.

Небесполезно в этой связи еще раз обратиться к древнейшему правовому памятнику — Русской Правде, а именно к первой статье Краткой Правды. Как известно, она говорит о кровной мести: «Убьет муж мужа, мстить брату брата...» и далее в ней перечисляются родственники, которые могли мстить за убитого. А.А. Зимин писал: «перед нами общество, где еще силен кровный принцип родства». Он полагал также, что «статья 1 Краткой Правды в своей основной части рисует семейный, а не родовой принцип мести»¹¹⁵. Мстителями в таких обстоятельствах выступают близкие родственники. Л.В. Милов считал первую статью «Древнейшей Правды», «касающейся древнерусского общества в целом» и прочной систему денежных штрафов за различные преступления¹¹⁶. Наряду с допущением кровной мести ст. 1 называет ряд лиц, за смерть которых за отсутствием мстителей взимался денежный штраф¹¹⁷. Среди этих людей и присутствует изгой, а его название вводится оборотом «аще изгой будет», а не через союз «любо», как другие упоминаемые лица. Этот факт дает основание А.А. Зимину считать оборот более поздней вставкой. Он полагал, что изгой — это выходец из общины, не член общины¹¹⁸. Человек, порывавший с общиной, изгнанный из нее почему-либо (за какие-то проступки), находился вне общественных связей и не мог рассчитывать на защиту. Сам термин этимологически родствен глаголу «гоити» — жити (давать жизнь, устроить) при их морфологическом расхождении. С приставкой из=гоити, т. е. изжить, выжить откуда-то...

Попытка применения столь радикальной меры, как изгнание из волости в XVII в., говорит об обычноправовых порядках, которых придерживались крестьяне в волостном суде. Оба «актера» охарактеризованной драмы с криминальным компонентом — люди достаточные, и ни один из них не собирается рвать с крестьянством, менять свой статус. Наоборот, они стремятся повысить свою зажиточность, правда разными способами.

Проделанный компаративный анализ разнородных источников — кадастровой (писцовая книга) и частнодоговорной (акты поземельных сделок) сущности — дал основания для некоторых

¹¹⁵ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 65.

¹¹⁶ Милов Л.В. Византийская эклога и «Правда Ярослава» // Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009. С. 173, 182, 314.

¹¹⁷ Зимин А.А. Указ соч. С. 72–73; Милов Л.В. Указ соч. С. 183.

¹¹⁸ Зимин А.А. Указ. соч. С. 66, 90–91.

суждений, обобщений и выводов. Писцовая книга локализует деревни почти всегда с опорой на реки, что подтверждает их коммуникационное значение. Названия гидронимов и деревень нередко совпадают. В оборотах актов о деревнях как объектах сделок названия деревень приводятся без привязки к рекам. Речь о них или их притоках заходит, когда продавец указывает межи участка и угодья, граничащие с другими владельцами. Названия деревень в актах часто произведены от антропонимов, а вообще представлены в формах более развернутых, чем в писцовой книге. Писцам существенно было учесть деревню как таковую. Крестьянам же важно было указать расположение на местности как деревни-поселения, так и участков, конкретно находящихся в их обладании.

Одной из рабочих методик была идентификация крестьян по антропонимам. Оба вида источников в этом плане несут по-разному образованную информацию. В писцовой книге имена крестьян приведены, в основном, в двухчастной форме. В нее входили имена носителя и его отца или имя носителя и фамильное прозвище. Перед писцами не стояла демографическая задача, и потому именам крестьян они уделяли меньше внимания, чем земле. Сделочные акты писались со слов крестьян. Они стремились назвать себя наиболее полно и, как правило, наряду с собственным именем приводили имя отца и фамильное прозвище, а порой и свое прозвище, и именование обретало четырехчастную форму. Употребление некалендарных имен чаще встречается в актах, чем в писцовой книге, и именно в первых — крестьяне называли себя наиболее привычным именем, распространенным в повседневности. Последний факт понятен, ибо крестьянские акты были деловыми документами, причем «живыми», они совершали оборот среди крестьян, их часто передавали приобретателю при сделке, хранили, как можно было убедиться, десятилетиями. Крестьянам было необходимо в них точно именовать себя во избежание могущих возникнуть в дальнейшем осложнений, а при распространении одноименности важно было выделиться именно конкретному Ивану, Василию, Дмитрию, чему и служили отличающие человека бытовые, просторечные имена, а также прозвища. Акты, воплотившие в себе множество поименованных людей, вступавших в договорные отношения «здесь и сейчас», вместе с тем были нацелены на временную перспективу той или иной длительности, они служили потомкам в практической жизни и воплощали реальную память о предках. Акты поземельных сделок в крестьянской повседневности играли роль связующего звена между настоящим и прошлым и транслятора, нацеленного в будущее.

Специально хочу подчеркнуть, что их значение перерастает рамки, обусловленные только источниковым содержанием, я считаю их одной из историко-культурных форм, в которой выражались потребности каждодневного крестьянского бытия. Как известно, в позднесредневековой России частноправовые акты существовали вне зависимости от привязки к определенным социально-сословным коллективам, в том числе находившимся на противостоящих ступенях общественной системы; это свойство, с одной стороны, придает им общность, а с другой — наделяет их отличиями, которые зависели от неодинаковых социальных запросов разных групп и индивидов в них.

В ходе проведенного перекрестного опроса разных источников и взаимного дополнения их данных действующие лица перестают быть только субъектами, зафиксированными в книгах или упоминаемыми в актах. Они обретают наряду с собственными именами и именованием по отцу фамильные прозвища, восходящие к их дедам, а возможно и прадедам. Мы получаем почти зримое подтверждение наследственного, десятилетиями сохраняемого крестьянскими семьями земельного владения в деревне. Однако оно было не застывшим, окостеневшим, а подвижным. Крестьянские поколения его приумножали или сокращали в зависимости от жизненных обстоятельств индивидов или семьи в целом. Крестьяне в ходе земельных операций приобретали и реализовали участки в деревнях, и покупатели в тот конкретный момент были более удачливыми, чем соседи. Характерно, что они реализовали земли небольшими частями, «лоскутами» как в своей деревне, так и в близлежащих. Отчетливо прослеживаются движение земли и взаимоотношения крестьян в этой связи внутри волости, как целостного микромира. На Севере не деревня, а именно волостной мир как общность имел первенствующее значение. Свобода передвижения в «своем» окружающем пространстве была важнейшей нормой жизни и хозяйствования северных крестьян, которая сохранялась, по меньшей мере, в течение трех веков и придавала крестьянской повседневности характерность и типичность. Земледельческие занятия крестьян солидаризовали соседей — однодеревенцев и соволощан, обеспечивая социальное единство. Выявленные постоянные, тесные связи общежития, трудовой деятельности способствовали формированию правил и обычаев, как нравственных, так и регламентирующих поведение, авторитетных для всех крестьян, включенных в миры разного уровня.

Почти все прошедшие перед нами крестьянские семьи в одном или двух поколениях как покупали, так и продавали земельные вла-

дения. Целое дробилось на разновеликие части, затем снова, но уже в других руках понемногу стягивалось в целое. Участки переходили из рук в руки в одной семейно-родственной группе, выходили из нее вовне, в соседство, а порой уходили не к крестьянам; происходила горизонтальная миграция крестьян, двигавшихся за приобретенными жеребьями, словом, совершалась как бы пульсация волостной земли.

Крестьяне, как можно было убедиться, умело применяли семейно-родственные стратегии, выстраивая их в поземельной сфере, важнейшей для своего жизнеобеспечения. Встретились и такие, которые в какой-то период своего жизненного пути сосредоточивали в хозяйстве несколько долей одной деревни, временно округляя свои владения — «вотчины». Однако этот факт не означал безоговорочной концентрации земли, которую еще нужно было суметь удержать во владении семьи, хотя бы в течение жизни одного поколения, и передать одному из сыновей. Налицо — и «одержимость» землей, стремление обладать приглянувшимся участком соседа во что бы то ни стало, даже посредством насилия. Думаю, что по фактам о стягивании земли можно судить скорее о повышении уровня состоятельности или «прожиточности» по терминологии источников, нежели о накоплении земельного богатства как такового. В целом же преобладал нивелированный уровень подавляющего числа крестьянских хозяйств при минимальном количестве крупнодольных и мельчайших. В то же время среди большинства хозяйств среднего уровня существовала своя градуированность¹¹⁹. Увеличение земельного обеспечения вело к повышению имущественного уровня, но внутри среднего слоя крестьян.

¹¹⁹ Швейковская Е.Н. Критерии зажиточности в российской деревне XVI–XVII вв. // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 40–49.

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ КРЕСТЬЯНАМИ

Говоря о природном пространстве, в котором действовали крестьяне, преобразовывая его, я коснулась короткого временного цикла, на который приходилось земледельческое хозяйство. Стоит остановиться на рассмотрении категории времени и его восприятию крестьянами несколько подробнее. Тем более, что этот вопрос практически не изучался в отечественной историографии России позднего средневековья и раннего нового времени. Пожалуй, первой монографией, в которой была рассмотрена проблема времени и пространства, была книга А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры. Он поставил сложную задачу «понять жизнь, поведение и культуру людей средних веков», для чего было необходимо «восстановить присущие им представления и ценности», особенности видения мира. В этих целях ученый выбрал универсальные категории культуры — понятия и формы восприятия действительности, и на первом месте среди них он назвал время и пространство, а также право как регулятор социальных отношений, богатство, труд и собственность¹. В книге аккумулирована обширная зарубежная историография, относящаяся к проблеме. Применительно к «времени» — работы Ж. Ле Гоффа 1960-х гг., в том числе книга «Цивилизация средневекового Запада», вышедшая в Париже в 1965 г. и ставшая доступной в переводе на русский язык только в 1992 г. Французский историк охарактеризовал свойственное людям средних веков восприятие времени в его сакральном и мирском проявлениях, каждому из которых были присущи определенные качества. Он констатировал аграрную суть времени в средневековой повседневности. «В мире, где самым главным была земля, с которой жило — богато или бедно — почти все общество, первым хронологическим ориентиром был аграрный». Ученый употребил емкие понятия для времени земледельческих работ, назвав его сельским, крестьянским. Оно было временем «ожидания и терпения, постоянства, возобновления и если не неподвижности, то по крайней мере

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 15–19.

сопротивления переменам». Ж. Ле Гофф называет также другие типы времени — сеньориальное и церковное, действовавшие вместе с крестьянским, и все они обусловлены природным временем². А.Я. Гуревич, оценивая вклад школы «Анналов» и осмысливая его значение в развитии мировой историографии, охарактеризовал широкий круг проблем, которые разрабатывал Ле Гофф и кардинальную из них — проблему средневековых ментальностей с органично входящей в нее темой времени³.

Северные крестьяне, как и центральнорусские, землепашцы по преимуществу, хотя определенный доход они получали от промысловых занятий — рыбной ловли, лесных заготовок и собирательства, охоты. Они, живя у реки и в лесу, в микромире своих или рядом находящихся деревень, сравнительно редко выходили или выезжали за их границы, особенно из удаленных от волостного или уездного центра. В этой своей «ойкумене» бытие крестьян подчинялось природным ритмам. Смена сельскохозяйственных сезонов определяла и обуславливала протекание крестьянского времени. Находясь в сфере действия, как бы внутри, повторяющихся природных циклов, крестьяне именно ими измеряли время. Оно было для них в этом плане реальностью, которая подкреплялась конкретикой их сегодняшнего дня, необходимостью совершать те или иные практические поступки. Природные ритмы, продолжительность северного светового дня между восходом и заходом солнца в разные сезонные циклы влияли на темп жизни, то убыстряя, то замедляя его, и знания точного времени крестьянину не требовалось. Время было текучим, длительным, а основными его отрезками служили год, сезон, месяц, сутки в смене дня и ночи. Вместе с тем на аграрное время наложился литургический цикл и церковный календарь с его праздниками, приуроченными к событиям жизни Христа и тех святых, чествование которым было установлено либо всецерковное, либо местное. Получился своеобразный симбиоз временных систем, сопряженных и встроенных друг в друга. Они настолько тесно сплетены, что стали единым целым в своей органичности.

Церковные праздники, наполнявшие год, были его вехами и измеряли разновеликие временные отрезки. Начало года приходилось в XVI–XVII вв., как известно, на 1 сентября — «Се-

² *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 155, 159, 167–169, 171.

³ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 195–206.

мин», «Семионов» день летоначатца или летопроводца. Аграрный смысл начала года в этой дате вполне прозрачен. Понятно, что от нее велся отсчет времени. Подобное, если так можно выразиться, общественное, официальное для крестьян, время явственное всего присутствует в документах, вышедших из недр земских мирских изб. Напомню, что они находились в уездных городах Устюге, Тотьме, Сольвычегодске. В них же была сосредоточена воеводская администрация. Мирские власти вели свою документацию, важную часть которой составляли приходо-расходные книги⁴.

Начальной датой их ведения было 1 сентября. Так, в Устюге в 1666 г. именно «сентября в первый день к воеводе ко князю Гаврилу Матвеевичю Мышецкому земские старосты Константин Коморников с товарищи ходили на поклон, несли ему в почесть хлеба да колачей»⁵. Интересно, что накануне Семенова дня 31 августа, в преддверии грядущего года, земские старосты и третчики, т. е. должностные лица из волостей, уже посещали воеводу «с почестью» из хлебов и калачей, барана. Другими словами, смена годов для мирских властей и должностных лиц была значима и состояла из двух отделенных во времени этапов. На один, в последний день августа, приходилось расставание со старым годом, на второй, первый день сентября, вступление в новый год.

Правильность этого наблюдения подтверждают обнаруженные в расходной книге 1670–1671 гг. земского старосты Устюга следующие записи: «179-й (1670) год сентября в 1 день. Стольнику и воеводе Петру Тимофеевичю Измайлову ходили поклониться земские старосты Иван Пеунов с товарищи. Год дошел 178-й. На проводины того года денег в почесть ему несено...». В данном тексте речь определенно идет об окончании предыдущего года, он «дошел» до своего края, и отмечены его «проводины». Несколько иная стилистика присутствует в записи о посещении подьячего приказной избы Алексея Мискова. К нему «ходили» для того же, «поклониться в Новый год для поздоровления». Калач, как праздничный хлеб, был поднесен еще «в Земскую избу на новоселье и

⁴ Их характеристику см.: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 177–198, 233–234.

⁵ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 2. См. там же: № 170. Л. 32. К воеводе же Г.М. Мышецкому 1 сентября следующего 1667 г. «земские старосты Федос Михайлов с товарищи ходили на поклон» (№ 177. Л. 29). В 1668 г. 1 сентября у воеводы Я.П. Змеева были земский староста Дмитрий Худяков и другие мирские люди.

для поздоровленья в Новой год»⁶. Три визита, зафиксированные под одним числом — 1 сентября, скорее всего, и были сделаны в тот же день. Совершенно ясно, жители Устюга в лице земских властей воспринимали наступивший год как начинающий новый отсчет времени, и на бытийном уровне его приход связывался с изъяслением здоровья и других добрых пожеланий, с праздничными подношениями.

К другому воеводе Устюга думному дворянину Ивану Ивановичу Ржевскому 1 сентября 1673 г. «ходили поклонитца» земский староста Яким Никитин Кабаков «с товарищи». В следующий новый 1674 год 1 сентября к нему же И.И. Ржевскому также пришли «земские старосты и третчики». В тот же день «новому земскому старосте Ивану Федорову сыну Жилкину с товарищи в земской избе на стол куплен колач»⁷, что означало не только празднование нового года, но и смену мирских старост.

К наступлению нового года происходили изменения в составе земских властей. В Сольвычегодске в 1653 г. «сентября в 1 день. Приехал староста Роспута к Соле, ходил на двор к воеводе Петру Никитичю Веснину, несл ему хлеба и колачей...»⁸. О приезде старосты в Сольвычегодск говорится потому, что выбранный всеуездным ямским старостой на 1653/54 г. Роспута Пихтусов не был посадским человеком Сольвычегодска, а крестьянином Вилегодской вол., значительно удаленной от города⁹. Объявившись воеводе, как можно предположить, с утра, староста Роспута «того ж дни (1 сентября — *Е.Ш.*), как крест поцеловал, ходил на двор к воеводе Петру Никитичю Веснину с мирскими людьми, несл ему...»¹⁰. Отсюда следует, что приведение Роспуты к присяге произошло в один день с утверждением в должности, по его приезде в город к 1 сентября. Принесение присяги по времени происходило раньше второго визита старосты к воеводе и вне его двора¹¹. Во второй раз староста явился не один, а с земскими должностными лицами и мирскими людьми. С ним к воеводе «ходили посадские целовальники Яков Гаврилов Котюрьмин, Ларион Христолюбцев, посыльщики Федор Шергин, Бажен Афонасьец, Демид Павлов,

⁶ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 184. Л. 197об.–198.

⁷ Там же. № 205. Л. 2, 151, 152.

⁸ Там же. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 60.

⁹ См. о нем в гл. 8. С. 268.

¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 60.

¹¹ О месте приведения мирских должностных лиц к присяге см.: Гл. 8. С. 271–272.

Окологородные целовальники Елесий Уткин, Иван Дубровин, Козьма Пироговской»¹². На исходе предыдущего года 31 августа и в первый день нового 1653/54 г. Роспута Пихтусов ходил к воеводе «хлеба ясти». Думаю, что эти трапезы у воеводы вполне можно связать с проводами старого года и встречей нового.

В Устюге и Сольвычегодске приход нового года отмечался и праздничными подношениями и застольем. В этих акциях участвовали мирские власти уездного и волостного уровней, земские старосты, а они, как показывает пример Роспуть Пихтусова, выбирались не только из жителей посадов, а и волостей. Должностные лица из них, будучи лидерами разного масштаба, приносили в свой мир из города отношение к смене лет как целостных природно-аграрных сезонов, укладывающихся в календарный год. Вполне допустимо считать, что и для крестьян приход нового года был связан с выражением поздравлений, а, возможно, после церковной службы с застольем.

В первую неделю наступившего года земские власти решали насущные дела. Так, «163-го (1654) году сентября в 5 день ходил староста Роспута к воеводе к Василью Ивановичу Колычеву на двор» для того, чтобы «перевести» с себя на другого мирского представителя деньги. Тогда же или в другой день, во всяком случае, число не отмечено, а время обозначено протяженным процессом: «Да как отводил староста Роспута нового старосту Максима на свое место к воеводе к Василью Ивановичу Колычеву на двор, несл колачей...»¹³.

Спустя 20 лет, в 1674 г., в Сольвычегодске другой земский руководитель Федор Семенов сын Воронкин также «сентября в 1 день староста Федор крест целовал, нес воеводе Якову Петровичу Булычову колачей... да деньгами». На следующий день, 2 сентября, староста отнес воеводе свежей рыбы, заплатив за нее 1 рубль. Возможно, значительность суммы была связана еще и с началом года. Однако, вероятнее в связи с поданной воеводе челобитной, «чтоб у пороховой казны караулу не быти кроме наемного годового». На второй день начавшегося года, 2 сентября, староста хлопчет о решении практического вопроса об охране порохового склада только силами нанятых миром людей. Их необходимо было подрядить именно в начале года, а период найма составлял календарный год¹⁴.

¹² РГАДА. Ф. 137. № 23-б. Л. 60об.

¹³ Там же. Л. 124–124об.

¹⁴ Там же. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 47.

Не совсем ясно из текста расходной книги, в один ли визит одновременно со старостой или отдельно, но мирские должностные лица «того ж числа (т. е. 2 сентября — *Е.Ш.*) в среду за понос несли ему воеводе 25 алтын, губ (грибов — *Е.Ш.*) соленых...¹⁵, капусты..., рыб свежих... У покупки и у поноски были посадочки и околгородные земские целовальники и волостные посыльщики»¹⁶. Понятно, что к новому году в уездный город, будь то Устюг, Сольвычегодск или Тотьма, сходились и/или съезжались земские представители из волостей (и третей для Устюга), ближайших подгородных и удаленных, в лице целовальников и уполномоченных миром посыльщиков. Выше упомянутый староста Роспута, как можно было убедиться, поименно их перечислил. Следующее посещение воеводы целовальниками и посыльщиками в наступившем 1674 г. состоялось «в 6 день воскресение...», затем «в 9 день в среду...» и далее «в 13 день», но уже без указания на воскресенье¹⁷. Земский староста Сольвычегодска Федор Воронкин, как следует из приведенных фактов, в части книги, относящейся к расходам на воеводу Я.П. Булычова «всякою харчью и деньгами к столам», наряду с числом указал дни недели — среду и воскресенье, причем в начальных записях, далее указания на день недели встречаются нерегулярно. Характерно сочетание числа и дня недели, оно подчеркивает, что старосте было важно придать особую точность такого рода записям. Они же позволяют определить, что 1 сентября пришлось на вторник. Если задаться целью, то можно даже составить календарную роспись по месяцам, числам и дням недели на весь 1674/75 год. Повышенная точность книги связана с денежно-продуктовым содержанием, которое воевода Сольвычегодска традиционно получал от земских властей¹⁸.

Тотемский земский староста Иван Афанасьевич Спасский начал свою расходную книгу 1674/75 г. также записью: «Сентября в 1 день в праздник Семииона столпника...» Далее к дате начала года он присовокупил фиксацию другого знаменательного в государственном масштабе дня: «и на ангел государыни благоверные царевны и великой княжны Марфы Алексеевны несен колач столовый воеводе князю Семену Петровичю Вяземскому...» Староста одновременно соединил оказываемое воеводе внимание по случаю начала нового года и дня ангела особы царского дома¹⁹. Под 4 сен-

¹⁵ Здесь и далее опускаю сумму покупки.

¹⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 47об.

¹⁷ Там же. Л. 47об.—48, 59.

¹⁸ *Швейковская Е.Н.* Указ. соч. С. 186, 250.

¹⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. № 76. Л. 1.

тября значится его следующее посещение воеводы для утверждения в должности, а 11 сентября мирские люди отпраздновали выбор старосты²⁰. Примечательно, что первой под датой 11 сентября 1674 г. была запись о дне ангела царевны и великой княжны Феодоры Алексеевны. А из следующей мы узнаем: «В тот день звал воевода хлеба есть всех мирских людей», которые поименно перечислены²¹. И лишь затем следовала заметка о «изволении» в старосты, о которой речь шла выше. Из этих текстов не очень ясно, в один ли день происходили означенные события и сделаны записи о них. Формы «как меня... сводили...» или «...изволили» говорят о совершенных и длившихся во времени действиях, которые могли отстоять от дня их фиксации. Однако отчетливо видно, что волостные посыльщики в начале года проводили какое-то время, в данном случае 11 дней, в уездном центре по мирским делам. В книге тотемского земского старосты Ивана Спасского нет записи от последних чисел августа, говорящей о мероприятии, приуроченном к концу года, как в книгах устюжского и сольвычегодских старост. Правда, под 31 августа сказано о покупке снеди и питья «на счетчиков», которые «считали безотходно»²². Речь шла о комиссии мирских людей, скорее всего, из действующих, а может быть бывших целовальников денежного сбора, которые проверяли расходы старосты за истекший календарный год.

Заслуживает внимания рассмотрение формы записей в расходных мирских книгах, что вытекает из приведенных сведений. Земские старосты придерживались одинакового принципа их ведения, о чем уже приходилось писать²³. Обращаясь же к восприятию времени, важно отметить следующее. Записывая траты в течение календарного года по месяцам и числам, старосты помещали под одним числом несколько записей, которые вводились соответствующим оборотом «того ж дни», «того ж числа»²⁴. В таком способе фиксации расходов убеждают уже факты книги тотемского старосты И.А. Спасского. Сольвычегодский староста Р. Пихтусов, например, указал, что «сентября в 14 день... дал староста Роспуга Пятому Бачурину за письмо...» и «того ж дни

²⁰ Там же. Л. 4 об., 13 об.

²¹ Там же. Л. 9 об., 10 об.–11.

²² Там же. Л. 256.

²³ Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 185.

²⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Сольвычегодск. № 71. Л. 6об., 13об. Книга «Соли Вычеготцкой уезду Вилеготцкой волости Ильинского приходу земского целовальника Ивашка Лукоянова Патрушева» от 1673/74 г.

купил староста Роспута воску...»²⁵. С некоторыми вариациями эта форма присуща всем расходным книгам, в том числе и земских целовальников.

Запись старосты Роспуты о выплате денег Пятому Бачурину представляет особый интерес. Последний «седел у земьского дела, неделю писал выбор на старосту на Роспуту да приговор писал Роспуте годовой да розвод писал». Бачурин на написание трех документов, правда существенно важных, затратил неделю времени. Трудно сказать, много это или мало. Во всяком случае, он, конечно же, не торопился, выполняя ответственную работу. Ведь документы, которые он изготовлял, конституировали статус и обязанности старосты.

Выше уже было упомянуто о фиксации в тотемской расходной книге под 1 сентября в одной записи сразу двух важных событий — о вступлении в новый год и дне ангела царевны Марфы Алексеевны. Устюжский староста 1666/67 г. Константин Коморников применил другую форму: «Того ж дни на имянины благоверные государыни царевны и великие княжны Марфы Алексеевны у воеводы...»²⁶. В устюжской же книге расходов 1673/74 г. имеются две первосентябрьские записи. Одна относится к 1673, а другая к 1674 гг. Обе они вводят текст об именинах царевны Марфы Алексеевны одинаково: «того ж дни в имянины...»²⁷ и почти идентично соответствующим фразам более ранней книги 1666/67 г. Сольвычегодский староста 1674/75 г. поместил под 1 сентября сообщение о своей присяге, а «184-го сентября в 1 день в именины царевны Марфы Алексеевны» о снабжении воеводы²⁸. Мы столкнулись с тем, что старосты в привязке к одному дню упоминают значительное календарно-временное событие и приходящийся на него же факт жизни индивида. В силу его социальной принадлежности к царскому дому этот факт выходит за границы частной жизни и становится общественно значимым. Под числами месяцев, чаще по форме «того же дни», приводятся дни тезоименитства особ царской семьи.

Следует выделить записи, относящиеся к царю Алексею Михайловичу. «Марта в 17 день. В тот день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя России самодержец имянник был»²⁹. Староста Устюга Иван

²⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 29об.

²⁶ Там же. Устюг. № 164. Л. 3.

²⁷ Там же. № 205. Л. 2, 151.

²⁸ Там же. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 83об.

²⁹ Там же. Устюг. № 184. Л. 120–121об.

Пеунов в своей расходной книге 1669/70 г. привел полный титул государя, так же как он сделал бы в каком-либо документе, посылаемом в Москву в Устюжскую четверть или иной приказ. Запись другого старосты в книге 1667/68 г. относится к 25 марта, когда «для ангела хранителя и многолетнего здоровья великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца» земские люди были у воеводы³⁰. Фиксация дня ангела царя сдвинута во времени, так как 17 марта в том году пришлось на середину страстной недели. Другой староста Устюга в 1673/74 г. Яким Никитин Кабаков употреблял иной стиль изложения: «Марта в 17 день. В ымянины великого государя и великого князя Алексея Михайловича ангела его хранителя...»³¹. Эта фразеология — менее официальна. Приведенные выражения, с одной стороны, определенным образом характеризуют старосту, а с другой стороны, и воеводу. Последний предъявлял к старосте некоторые требования, основываясь на полученном им наказе. А по истечении года старосты, например, Устюга, как явствует из расходной книги 1669/70 г., должны были приносить воеводе свои расходные книги: «октября в...день. После году стольник и воевода Петр Тимофеевич Измайлов имал к себе на двор издержечную книгу смотреть», и эта процедура делалась с конкретной целью, «нет ли к каким статьям приписок»³².

Староста Сольвычегодск 1674/75 г. обозначил в марте: «В 17 день в ыменины великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великие и малые и белые России самодержца» и добавил: «и в среду несли воеводе...»³³. Он, как видим, также употребил полный титул государя. При этом он соединил через союз «и» сообщение о регулярно приносимом по средам натуральном взносе, присовокупленном к праздничному, что видно из состава продуктов.

На июнь месяц приходилось несколько именных дат. Во-первых, «июня в 8 день в ымянины государя и благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России...». Во-вторых, «июня в 29 день, в имянины государя царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России...»³⁴. Они приходились на день Петра и Павла. Федору Алексеевичу, родившемуся 30 мая 1661 г., было в 1673 г. 12 лет, а

³⁰ Там же. № 170. Л. 137.

³¹ Там же. № 205. Л. 86.

³² Там же. № 184. Л. 198.

³³ Там же. Оп. 1. Сольвычегодск. № 36-а. Л.64.

³⁴ Там же. Устюг. № 205. Л. 120, 127об. См. также: № 184. Л. 156–156об.

Петру всего год. Характерно в этой расходной книге 1673/74 г. идентичное написание титулов обоих царевичей, будущих претендентов на престол. Сольвычегодский староста 1674/75 г. Ф.С. Воронкин записал: «июня в 9 день в именины царевича Федора Алексеевича дал в собор...». Другая июньская дата отмечена просто: «В 29 день на праздник Петра и Павла несли...»³⁵. Об именинах царевича Петра староста не упомянул. Он использовал даты, выраженные месяцем и числом, совершенно практически, так как ему были важны сами траты, сделанные к этим дням. Для тотемского старосты Ивана Спаского в 1675/76 г. 29 июня, в первую очередь, день ангела царевича и великого князя Петра Алексеевича, а затем он говорит о «петровском» подношении воеводе по форме «того ж числа». Староста же показал 14 июля как «память блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси...»³⁶

27 августа был днем ангела царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны³⁷. Сольвычегодский староста Ф.С. Воронкин не обошел этого дня, а также отметил: «в 29 день в именины царевича Ивана Алексеевича дал в собор...»³⁸ Запись о бывшем «столе» в 1670 г. у воеводы Устюга «для имянинницы благоверныя царевны и великие княжны Софьи Алексеевны» находится под 19 сентября с примечательным пояснением: «А имянинница была сего же месяца в 17 день»³⁹. Именно под этой датой 17 сентября обозначены именины царевны Софьи «ангела ее хранителя» в расходной книге 1673 г. при устюжском воеводе И.И. Ржевском. Также «в 17 день в именины царевны Софьи Алексеевны несли воеводе...» в Сольвычегодске в 1674 г.⁴⁰. Другие царственные особы также были удостоены занесения в книги земских старост под теми числами, на которые приходилась память святого, чье имя они носили.

Из приведенных данных вытекает, что дни тезоименитств были включены в официальный календарь. Ему следовали местные администраторы в лице воевод и подьячих приказных изб, приказные лица, приезжавшие из центра в уездные города или проезжавшие через них к месту службы либо исполнения какого-либо задания. Земские должностные лица, включенные в орбиту

³⁵ Там же. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 40, 40об.

³⁶ Там же. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 205, 219.

³⁷ Там же. Устюг. № 205. Л. 148.

³⁸ Там же. Оп. 2. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 44об., 82.

³⁹ Там же. Устюг. № 184. Л. 11.

⁴⁰ Там же. № 205. Л. 8; Сольвычегодск. №36-а. Л. 49.

местного управления как одно из его звеньев⁴¹, вынуждены были придерживаться такого календаря и соучаствовать в мероприятиях по его соблюдению. Однако такие записи старост разнятся по своему стилю. В фиксации дней тезоименитств улавливается проявление индивидуальности старост, в Устюге, самом крупном из северных городов, оно было более официальным, чем в Сольвычегодске и особенно в Тотье.

Специально остановлюсь на способе записей важнейших годовых праздников в расходных книгах, на примере Устюга. Это — Рождество: «Декабря в 24 день. На праздник Рожества Христова» воеводе Г.М. Мышецкому «несено...» (1666/67 г.); «Декабря в 24 день на праздник Рожества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа стольнику и воеводе...» (1667/68 г.); «Для праздника Рожества Христова стольнику и воеводе...» без указания на месяц и число, которые все знали (1670 г.). Затем — Пасха: «Апреля в 6 день. На праздник Святого Христова Воскресения воеводе» Г.М. Мышецкому была поднесена «праздничная перепеча», сыр и другие натуральные дары (1666/67 г.); «Марта в 21 день на праздник светлого Христова Воскресения стольнику и воеводе...» Я.А. Змееву (1667/68 г.); «На праздник Светлого Христова дни стольнику и воеводе... праздничного несено...» — без месяца и числа. Однако далее после перечисления поднесенного записано: «Апреля в 3 день в самый Христов день» к воеводе «ходили» и «в самый Велик день Христов к нему же подьячему... ходили» (1670 г.). Далее — праздник Петра и Павла: под 28 июня читаем: «Того дни на праздник святых верховных апостолов Петра и Павла...» (1666/67 г.); «Того ж дни на праздник святых верховных апостолов Петра и Павла...» (1667/68 г.); «Июня в 28 день для праздника святых верховных апостолов Петра и Павла...» (1670 г.). Завершающее год Успенье: «Августа в 14 день на праздник Успения пресвятыя Богородицы» тому же воеводе «несено праздничного...» (1666/67 г.); «Августа в 14 день на праздник Успения...» (1667/68 г.); под 14 августа «того ж дни для праздника Успения пречистыя Богородицы...» (1670 г.)⁴².

Тотемский староста И. Спасский высказался о 4 праздниках проще, менее пышно. Так, «Декабря в 24 день на праздник на Рождество Христово...» или о следующем дне «В праздник Рождество Христово...»;

⁴¹ Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 234, 237–239.

⁴² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 164. Л. 70об., 133, 162об.–163, 188об.; № 184. Л. 76, 130об., 132, 163, 184; № 170. Л. 95, 135, 168об., 190.

«Марта в 25 день. На праздник Светлое Христово Воскресение...»; под 29 июня «в тот же день воеводе петровского борана дал»; «Августа в 15 день. В праздник Успенья Богородицы...»⁴³.

Остановлюсь еще на одном дне, существенном для устюжан, а именно дне святого праведного Прокопия. Его праздновали широко, и не только горожане, но и прибывшие сельские жители. Его готовили заранее: «Июля в 7-й день на праздник святого праведного Прокопия Устюжского чудотворца...», как видно из книг 1666/67, 1668/69, 1675/76 гг.⁴⁴. Выделяется его обозначение в книге 1673/74 г. Вверху на отдельном листе написано «182-го (1674 г.) году Прокопьевская мольба», на следующем листе записаны траты на праздник «Прокопию праведному Устюжскому чудотворцу...»⁴⁵.

Другие значимые даты христианского цикла и календаря обозначались отлично от четырех главных, не столь развернуто. Так, «марта 25 на Благовещение у воеводы...» (Устюг, 1667 г.) или у другого воеводы: «Для великого праздника Благовещения пресвятыя Богородицы...» У подьячего 3 мая «для всечестные памяти преподобного отца нашего Феодосия Печерского киевского чудотворца был...» (Устюг, 1671 г.). У воеводы И.И. Ржевского в 1674 г. апреля в 12 день «в неделю цветную старосты и третчики хлеба ели...», а под 1 июня значится: «о семике ходить з блюдами...» (Устюг, 1674 г.)⁴⁶. Выше приводилась запись И. Спасского о празднике Пасхи. Он же 3 мая записал: «В праздник отданья Пасхи...» Между 25 марта и 3 мая протек целый пасхальный цикл, и две даты расходной книги ограничили его. Праздник «Вознесения Христова» староста отметил 4 мая. А до Пасхи, «марта в 17 день. В праздник Алексеев день Божия человека» были совершены и соответственные дню продуктовые покупки. Об именинах царя Алексея Михайловича И. Спасский не упоминает. Он же пометил 24 июня праздник «Рождество Иоанна Предтечи»⁴⁷. Староста Сольвычегодска выделил 8 сентября 1674 г. Рождество Богородицы, 20 июля — Илью Пророка⁴⁸.

Крестьяне, выбиравшиеся в волостные целовальники, в уездном центре появлялись эпизодически. Их контакты с воеводской администрацией не были такими частыми и прямыми, как городских земских властей. В своих расходных книгах они также

⁴³ Там же. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 94об., 156об., 205, 244.

⁴⁴ Там же. Устюг. № 164. Л. 168об.; № 177. Л. 222об.; № 206-а. Л. 83об.

⁴⁵ Там же. № 205. Л. 205, 206.

⁴⁶ Там же. № 164. Л. 122; № 184. Л. 124, 144; № 205. Л. 99об., 116об.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 175, 175об., 151об., 202.

⁴⁸ Там же. Оп. 2. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 48, 78об.

придерживались календарного принципа записей. Однако в конкретных случаях им было привычнее пользоваться привязкой события ко времени церковного праздника. Так, из расходной книги 1673/74 г. «Соли Вычеготцкой уезду Вилеготцкой волости Ильинского приходу земского целовальника Ивашка Лукоянова Патрушева» узнаем, что в январе он платил приказной избы приставу, присланному в волость, понедельную плату. О ее сумме с приставом «договаривали в Офонасьев день (т. е. 18 января) без мена целовальника»⁴⁹.

Итак, материал расходных книг земских старост и денежных сборщиков, которые, еще раз оговорим, составлялись в уездных городах, свидетельствует о привязке регистрируемых сведений к официальному календарю. Годовое время имело аграрно-циклическую ориентацию и вместе с тем выражалось в праздничной литургике церковного месяцеслова. Выбор имени был привязан к последнему. Тот день, на который приходилась память святому, чьим именем нарекался ребенок при крещении, становился доминантой в жизни индивида. В этом убедили рассмотренные сведения о тезоименитстве. Такие же свидетельства о важнейших вехах жизни человека получены для воевод и их «людей», подьячих приказных изб⁵⁰. Можно считать, что в разных социальных средах, наряду с уже упомянутыми, и у горожан, и у крестьян существовали временные ориентиры и даты, к которым они относились как индивидуально значимым. Составители расходных книг, в основном, придерживались в них сплавленной воедино календарно-церковной хронологии. Из них она предстает социально ориентированной, с доминированием социального времени.

Судить об индивидуальном отношении крестьян к времени позволяют в определенной степени поземельные акты, так как они оформляли права владения на участки как наследуемые, так и приобретаемые. Сделки обладали юридической силой, поэтому оформлявшие их документы, естественно, имели точную дату, состоявшую из обозначения года, месяца и числа. Она, как правило, находится после перечисления послухов в конце грамот — купчей, закладной или иной разновидности. Формула, содержащая дату, имеет еще элемент, указывающий на писца грамоты. В зависимости от вида имущественной сделки — купли-продажи, заклада, обмена — содержание документа распадалось на определенные блоки, одним из которых

⁴⁹ Там же. Оп. 2. Сольвычегодск. № 71. С. 11об.–12.

⁵⁰ См. Гл. 9. Воеводский двор и его обитатели.

была датировка акта. Совершая ту или иную поземельную сделку, а с уверенностью можно сказать, что почти каждому крестьянину за его жизнь приходилось идти на подобный шаг, а также обращаясь с челобитной к представителям местной или/и центральной власти по имущественным поводам или конфликтам, он сталкивался с официальным летосчислением. Конкретная дата, проставленная на сделочном акте, означала для одного из контрагентов прерывание его владельческих прав на землю и имущество, а для другого вступление в такие права. Для каждого же из крестьян именно эти год, месяц и число были рубежными и воспринимались субъективно, касающимися только его⁵¹. Дата распорядительного акта с его вступления в силу становилась индивидуально значимой. Официальное, социальное время приобретало свою окраску, оно трансформировалось под действием повседневности. Устремляясь к индивидуальному, оно все же его не достигало.

Наряду с такими, определенно выраженными и вместе с тем точечными моментами на жизненной шкале времени, а они зафиксированы в сотнях крестьянских актов, в них же встречаются другие временные указатели. К ним были привязаны вытекающие из существа поземельных сделок некоторые обязательства. В них проявлялась социальность времени, прежде всего в пункте документа о податных платежах.

Как уже было выяснено, при переходе земли из одних рук в другие, будь то крестьянские или посадские, менялся ее тяглец. Новый владелец с приобретением участка получал и соответственные ему тяглые обязательства. Они состояли из совокупности государственных и мирских платежей, которая исчислялась на основе поземельного обложения. Оно учитывало наряду с размером участка и совершение на нем полного сельскохозяйственного цикла⁵². Он играл роль своеобразного регулятора аграрного времени при совершении сделки. Ее момент был той вехой, когда для продавца прерывался длящийся из года в год земледельческий кругооборот.

Наиболее распространенным сроком перехода тяглых обязательств был Ильин день, приходящийся, как было сказано выше, на 20 июля. Реже таким моментом был Семенов день. И тот и другой разделяли для продавцов и покупателей платежи, падающие на участок. Посмотрим, как крестьяне обозначали эти рубежные даты,

⁵¹ Это видно из материала глав 5 и 6.

⁵² Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 108–110.

естественно, привязанные к определенному году, которые означали для них налоговое изъятие государством овеществленных плодов их труда.

В декабре 1587 г. в Учецкой вол. состоялась купля-продажа половины д. Обросимовской или Балуевской. В ее результате платить «подать государева Пантелию (продавцу — *Е.Ш.*) сего году, Пантелию до Ильина дни 90 пятого, а с Ыльина дни потягнути с тое деревни Матфию (покупателю — *Е.Ш.*) три жеребы, а Панку четверть»⁵³. День перехода налоговых платежей назван конкретно и лапидарно. Продавая треть д. Олешевской в 1599 г., 2 брата обязались «подати государевы платить до Ильина дни нам продавцам, а вперед Григорью (покупателю — *Е.Ш.*)...». По поводу же оброка они условились по-иному: «оброк на осень платить нам продавцам весь»⁵⁴. При точной дате перевода государственных налогов уплата оброка обозначена сезонным временем. В 1608 г. реализуя полдеревни Васильевской, продавец соглашается «государевы подати и всякие земские розметы платити мне Ярофею до Ильина дни до 116-го году, а с Ыльина дни с тое деревни платить мне Сидору (покупателю) в земские розметы государевы дань и оброк»⁵⁵. В данной сделке указание на конкретный день праздника соединено с показанием текущего года.

При купле-продаже половины д. Скорняково в феврале 1620 г. крестьяне уговорились следующим образом относительно платежей: «А подати государевы и всякие земские и волостные розметы Учецкие волости платити мне продавцу с тое полудеревни Скорнякова до Ильина дни святого пророка 128-го году, а с Ыльина дни потянути государевы подати и всякие земские и волостные розметы Учецкой волости и старые мирские невыплаты платить купцу...» Контрагенты не ограничились фиксацией только дня памяти, причем представив его в развернутой форме. Они добавили к нему еще сезонную компоненту: «...платить купцу Самылу до новыи дани до осени до розруб» — и раскрывают это дополнение: «а с нового розруб, чем его Самыла мир пожалует обложит». В другой сделке от ноября 1619 г. на другую половину той же деревни «подати государевы дань и оброк и всякие земские и волостные розметы» нужно «платить продавцу с тое полудеревни Скорнякова до Ильина дни святого пророка до 128-го (1620), а после Ильина дни... государевы подати и волосные розметы платити

⁵³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 23.

⁵⁴ Там же. № 3. Л. 43.

⁵⁵ Там же. Л. 45.

купцу». Так же, как и в выше представленной сделке, покупатель платит сумму «до новые дани до розруб. А с новые дани, чем его... мир пожалуйт обложит»⁵⁶. В этих сделках представлены три разные временные составляющие, это определенный день — Ильин с подразумеваемой привязкой к числу и реальной к году, сезон — осень, момент волостного розруб и налоговой раскладки, происходящий осенью, однако подвижный внутри сезона. Подобные временные пометы для перевода налоговых платежей с некоторыми присущими каждой сделке нюансами содержат многие купчие на разные доли деревень в Учещкой вол. Например, 4 купчие 1620–1623 гг. на участки д. Подлесное⁵⁷.

Имеет смысл обратиться к документам разных лет на одну д. Взвоз (или Чюпаново). В 1599 г. продавцы полудеревни два брата решили: «А што на той земле сеяна рожь в год, ино та рожь сняти Григорью и Третьяку до Ильина дни 107-го году, а после того Ильина дни» покупателю до продавцов «дела ж нет в податех». В формулировке данной клаузулы акта привлекают внимание слова о посеве ржи «в год». Учитывая, что сделка совершена в апреле, эти слова отодвигают время назад, к осеннему севу озими к будущему, а теперь уже текущему 1599 г. Купчая на четверть деревни от февраля 1628 г. говорит: «А подати государевы платить и всякие мирские розметы продавцу Еремею до Ильина дни до 136-го году... И после Ильина дни платить всякие государевы подати купцу...» В апреле 1637 г. состоялась продажа также четверти той же деревни, и «подати государевы и мирские всякие розметы платить» продавцу «до Ильина дни пророка господня нынешняго 145-го году, а после Ильина дни вперед...платить мне купцу»⁵⁸. Такое же полное именование Ильина дня употреблено в сделке крестьянина с устюжанином на «шестой жеребей деревни Мартыщева», по которой «государевы подати и всякие мирские розводы платить мне продавцу Василью до Ильина дни пророка господня нынешняго 154-го году, а впредь по Ильине дни государевы подати и всякие мирские розводы платить мне купцу Илье, а продавца Василья не спрашивать»⁵⁹. Вернемся снова к сделкам на д. Взвоз. В ноябре 1640 г. крестьянин этой деревни занял у двух крестьян некую сумму, причем «без росписи», до срока «до Егорьева дни вешнего нынешного 149-го (1641)

⁵⁶ Там же. Л. 24, 28.

⁵⁷ Там же. Л. 91–96, 112; также: Л. 51, 54, 69,

⁵⁸ Там же. 1646. № 113. Л. 50, 46, 49.

⁵⁹ Там же. Л. 29.

году» под залог своего участка в четверть. Если заемщик «на тот срок на Егорьев день вешней нынешного 149-го году» не выкупит свою четверть, то заемно-закладная сделка становится купчей⁶⁰. Период ее действия — полгода, и если начало точно датировано числом, месяцем и годом — 11 ноября 1640 г., то окончание приурочено ко дню памяти святого Георгия.

Интересно определили срок перехода платежей при совершении сделки крестьяне на полдеревни Прислон. В декабре 1593 г. Василий Васильев сын Дольнин с покупателем Горяином Петровым распределили их следующим образом: «подати государевы сего году 101-го (1592/93 г.) платить Василью до Ильина дни да на осень со ржи заплатить половина оброку, а с Ыльина дни до иных потугов дела нет»⁶¹. Участники сделки использовали два временных определителя: распространенный день Ильи пророка и один из годовых сезонов. Продавец д. Скорняково в 1619 г. «подати государевы дань и оброк и всякие волостные розметы» обязался платить с четверти проданной деревни «до осени до новые дани да на осень дань заплатить, а оброк государев с тое деревни Скорнякова на осень во 128-м (1620) году платить купцу Василью»⁶². В том же 1619 г. при продаже д. Росляково «подати государевы и всякие земские и волостные розметы... платить мне продавцу до осени до нового розруб. Да на осень государев оброк заплатить с тое деревни повытно, а заплатя, до государевых податей и до земли впредь дела нет. А с нового розруб, чем его Ортема (покупателя) мир пожалует обложит»⁶³. В данных случаях нет точной привязки к какому-то определенному дню, а имеется в виду осень как некий вполне целостный, однако длительный сезон, когда крестьяне производили новое обложение и разверстку налогов.

Как вариант такого отношения к времени уплаты налогов можно оценить следующую сделку. В 1618 г. Андрей Афимов сын Челпанов продал четверть Кибардинского починка Марье Федоровой дочери, вдове Захара Яднова. Контрагенты договорились, что «подати государевы дань и оброк и мирские розводы всякие» с проданного участка «продавцу мне Андрею платити до новые дани 128-го (1619) году, а с новые дани мне продавцу до всяких податей дела нет. А с новые дани государевы подати дань и оброк» и

⁶⁰ Там же. Л. 47, 45.

⁶¹ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 61.

⁶² Там же. Л. 12.

⁶³ Там же. Л. 31.

мирские платежи обязывалась «потянути и платити» Мария⁶⁴. Эта купля-продажа была совершена 16 декабря, спустя небольшое время после произведенной раскладки тяглых и оброчных платежей текущего 1618 г. Несмотря на то, что продавец реализовал свою часть починка, он обязуется оплачивать приходящиеся на нее подати. Важно, что предстоящее в следующем 1619 г. распределение «новой дани» служит рубежом на временной шкале. Так в восприятии крестьян время раскладки налогов и податей, приходящееся, как уже стало ясно, на осень, и сам разруб как процедура, выражавшаяся для каждого крестьянского домохозяйства в определении мирскими людьми размера «новой дани», от которой зависело его материальное состояние в течение целого года, и может быть не одного, были слиты.

Привлекает внимание купчая от февраля 1603 г. на половину д. Правдина Гора в Учецкой вол. Продавец и покупатель договорились, что «дань и оброк, всякие государевы потуги платить до нового году мне Ивану» (продавцу). Вторая часть налогового обязательства в данном документе не следует непосредственно за первой, как обычно. Она отделена от первой условиями, косвенно связанными с ней. Одно — о посеве ржи, урожай которой снимает продавец земли, другое — «а хлеба оброк дати Ивану же». И после этого следует: «А вперед дань и оброк и всякие государевы потуги платить с тое деревни» покупателю⁶⁵. Перевод тяглых платежей крестьяне приурочили к смене годов, к их рубежу, хотя Семенов день, как таковой, не был назван. Он четко оговорен в следующей сделке. При обмене деревнями в январе 1617 г. в Чарондской округе братья Кирилловы по своей четверти «земли Онофриевы горы» обязались «потуг... платить с тое земли, государевы доходы и мирские розметы все сполна до Семеня дни летопроводца»⁶⁶.

В разные годы Иван Михайлов сын Уваров скупал участки в д. Стрелка Ратмировской вол. В январе 1628 г. с шестого жеребья продавец платит «государевы подати, всякие доходы» до Ильина дня текущего года, а потом ему до земли и «до податей дела нет ни до каких». При сделке на двенадцатую долю деревни в январе 1635 г. моментом перевода платежей выбран Ильин день, хотя братья-продавцы обязуются «на осень по рже заплатить государеву дань и оброк», но не иные подати, ибо «земля Ивану (покупателю),

⁶⁴ Там же. Л. 62–63.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ Там же. 1627. № 71. Л. 20.

а подати платить ему ж». В марте 1645 г. Иван Уваров приобрел еще шестой жеребей той же д. Стрелка у Мальца Иванова сына Попова. Они условились: «А подати государевы платить мне Мальцу до Семенова дни летопроводца 154-го году...», а после него — «впредь Ивану». Семенов день назван в развернутой форме и с указанием года, который начинается Семеновым днем. В июне 1644 г. тот же И. Уваров приобрел еще четверть деревни с иным вариантом перевода платежей на покупателя: было необходимо «подати государевы и всякие мирские розрубы платить мне купцу Ивану с тое четверти деревни с сякова дни, как ся купчая писана»⁶⁷.

Комплекс купчих грамот на д. Стрелка содержит разные варианты указаний на срок перехода податных платежей от продавца к покупателю. Это — Ильин день и Семенов (он же Новый год) и осень как длящийся сезон. Оба дня приходились на конец года, аграрного и календарного. К его истечению завершались работы по уборке урожая и обработке земли под озимые посевы. В конце года и осенью крестьяне подводили некий итог сельскохозяйственному циклу. Этот срок был практичен и для изменений при переводе тягла с одного владельца земли на другого.

Наряду с названными временными вехами в грамотах в качестве таковой фигурирует также и день заключения сделки. На подобном варианте, полагаю, следует остановиться подробнее, хотя он встречается реже, чем Ильин день. Один из его типов находится в купчей на полдеревни Косаково Учецкой вол. от декабря 1613 г., когда контрагенты согласились, что будут «подати государевы и земские розметы платить с тое деревни Косаковы по мирскому окладу с сякова дни, как ся купчая писана». Приобретая в ноябре 1618 г. полдеревни Ишутино, покупатель Фрол согласился «подати государевы и всякие волосные розметы платити в Уцецкую волость с тое полудеревни...с сякова дни, как купчая писана»⁶⁸. Продавец шестого жеребья д. Холм Ратмировской вол. в марте 1630 г. так обусловил переход платежей: «а подати государевы и всякие мирские розметы платить Поздию (покупателю), как ся купчая поляжет»⁶⁹. Пожалуй, подобные формулировки наиболее краткие. Продавец д. Зеленинской в октябре 1615 г. оказался обстоятельнее, а формула документа многословнее. Он и покупатель определили, что «подати государевы дань и оброк и всякие земские розметы Уцецкие

⁶⁷ Там же. 1646. № 113. Л. 52, 55, 54, 57.

⁶⁸ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 11, 66.

⁶⁹ Там же. 1646. № 113. Л. 22.

волости и старые невыплаты платить с тоя деревни Зеленинской мне, купцу Григорью, с сякова дни, как ся купчая писана». Они оба, а скорее продавец, сочли необходимым подчеркнуть: «а продавцу Данилу ни до каких податей с сякова дни дела нет, платить все Григорью купцу с полуторы деньги с четвертью»⁷⁰.

Выше уже говорилось, что все акты имели точную дату. Именно составление документа придавало сделке юридическую силу, а его календарная дата — год и месяц, наконец, число и день — становилась для приобретателя точкой отсчета для несения налоговых платежей, а для продавца — их полного прекращения. Обозначение времени — «подати... и розметы... платить... с сякова дни, как ся купчая написана» — в формуле о платежах играло роль своеобразного костяка. Вокруг него выстраивались связанные с их уплатой сведения, дополняющие основной смысл и существенные в каждый момент для продавцов участка. Так, при продаже половины д. Трушниковской в июне 1622 г. продавец, как водится, во главу угла ставит государственные подати и «всякие» волостные платежи, затем говорит о «старых земских заемных кабалах», которые принимает на себя покупатель, причем в доле, определенной «по мирской засетке». Самому же продавцу до всех перечисленных им взносов «дела нет, никак, никоторыми делью». Продавец 2/3 д. Созутинские в марте 1614 г. отказывался и от налогов по ней, применив в документе формулу «с сякова ж дни, как ся купчая писана» с дополнением: «по мирской засетке, что положено государевы дани на тех двух третях деревни Созутинские»⁷¹. При реализации трети д. Бабино в январе 1617 г. одним братом другому в формуле об уплате податей и волостных платежей, включая прежние невыплаты, использована несколько иная редакция: «с сякова дни, как купчая полягла»⁷². В д. Мартыщево Ратмировской вол. в 1644 г. два брата продали порознь свои участки. Одна купля-продажа относится к январю, и по ней покупателю придется платить подати с девятого жеребья «с сякова числа, как купчая залегла». Вторая относится к сентябрю, и покупатель с девятого жеребья станет также «подати государевы всякие и четвертные денежные доходы платить с сякова дни, как купчая залегла»⁷³. Январскую купчую писал в Сольвычегодске площадной подьячий Никифор Фомин Плотников, по-

⁷⁰ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 3, 4. См. там же: 1646. № 113. Л. 57, 64.

⁷¹ Там же. Л. 8, 87. Также: Л. 26 — 1620 г., поч. Мальцевский.

⁷² Там же. Л. 71.

⁷³ Там же. 1646. № 113. Л. 30, 32.

слухом в ней был также сольвычегодский подьячий Иван Иванов Мутнаго. Площадные подьячие — профессиональные писцы с нотариальными навыками, их квалификация была выше, чем местных дьячков в волостях. Н.Ф. Плотников, написавший «с сякова числа», а не «дни» точнейшим образом привязал сделку к числу и тем самым проявил свой высокий опыт.

По-другому решили покупатель с продавцом в апреле 1642 г. относительно части д. Кузминской Ратмировской вол.: «А подать государева, всякие четвертные доходы платить мне Терентью (покупателю), как купчая залегла, а старые невыплаты по старым десятным платить мне Никифору (продавцу)». Такое же условие видим в купчей от марта 1643 г. на д. Марьино той же волости. Государственные подати покупатель платит с момента «как купчая залегла, а старые невыплаты» гасит продавец⁷⁴. В формуле данных актов, как и в выше упомянутой купчей на д. Холм, опущен, думаю, важный элемент, подчеркивающий время — день, что придает ей делящуюся текучесть (поляжет, залегла). Любопытен вариант, который употребили крестьяне той же д. Холм в 1638 г. Продавец выразился следующим образом: «Земля Родиону (покупателю) с сякова дни, как купчая залегла, и подати платить всякие купцу Родиону»⁷⁵.

В несколько ином словесном обрамлении данная формула применена при сделке на восьмой жеребей д. Макаровской (Слободной) в июне 1642 г. в Ратмировской вол. По ней покупатель обязуется платить государственные подати и «всякие мирские потуги и заемные кабалы... с коих мест купчая залегла» и продавцу убытка «не привести никоторого»⁷⁶. Вместо элемента «с сякого дня» в этом документе стоит выражение «с коих мест», по смысловому содержанию соответствующее временной компоненте. Время и место здесь слиты и взаимно заменяемы. В той же д. Макаровской в 1637 г. Алексей Федоров сын Овчинников с матерью Агафьей Перфирьевой дочерью совершили заемно-закладную сделку. Они заняли 10 июня значительную сумму — 30 руб. «до Петрова дни и Павлова» того же 1637 г., т. е. на очень короткий срок до 28 июня. В обеспечение займа они заложили свою долю в четверть деревни. Документ имеет формулу о переходе платежей: «а подати государевы, всякие волостные розметы, что в Ратмерове не розрубят вново,

⁷⁴ Там же. Л. 3.

⁷⁵ Там же. Л. 23.

⁷⁶ Там же. Л. 43.

с сякова дни, как ся закупь залегла» платить продавцу⁷⁷. Показательно употребление термина «закупь», он предельно точен в выражении заемно-закладного характера операции.

Встречаются и другие сроки для перевода с купца на покупателя налогово-податных обязательств. При сделке в июле 1617 г. на жеребей д. Долгий Прислон «подати государевы дань и оброк и всякие волосные розметы Учецкие волости платити продавцу Данилу (Семенову сыну Лепуну) до Покрова пресвятой Богородицы до 126-го году, а с Покрова... потянуть государевы подати дань и оброк и всякие волосные розметы платити купцу Федору»⁷⁸.

Акты, как купчие, так и закладные, свидетельствуют, что при заключении поземельных сделок крестьяне достаточно широко оперировали временными отрезками, приуроченными к годовым праздникам и дням памяти святых. Закладные имели два временных рубежа: один относился к моменту составления документа и был выражен годом, месяцем и числом, т. е. точной датой. Второй же срок был предметом договора, определял его заемщик, конечно, по соглашению с займодавцем, и их инициатива проявлялась в выборе конечного срока действия займа. В уже упомянутой закладной на д. Макаровскую таким временем был день Петра и Павла. Два брата Кубенина 24 марта 1618 (126) г. заняли 13 руб. под залог своей четверти д. Карповской в Пежемском стане Устьянских волостей. «А строк деньгам Благовещеньев день пресвятой богородицы во 127-м году. А до строку деньги и без росту». Крестьянин дер. «Гороканово» Вотложемской вол. Устюжского у. Денис Гаврилов сын Рогов занял в январе 1627 г. у крестьян села Петровского Бажена и Третьяка Селивановых детей Новосельцовых 19 рублей, а кабалу дал в 50 рублях, и при этом он заложил и подписал половину своей деревни «до сроку до Вербново воскресенья 135 году»⁷⁹. Закладная на четверть д. Марьицыно Ратмировской вол. была оформлена в январе 1637 г. «до Соборного Воскресения нынешнего 145 году без росту». В той же волости в обеспечение 26 рублей займа Леонтий Семенов сын Попов заложил 29 апреля 1645 г. крестьянину Семenu Лукоянову сыну Щапковых свой участок в д. Фатьяновской «до сроку до Офонасьева дни Александрейского вешняго (2 мая) в год 154-го году», т. е. сроком на год⁸⁰.

⁷⁷ Там же. Л. 41.

⁷⁸ Там же. Л. 56.

⁷⁹ Там же. 1631. № 36-2. Л. 419; 1631. № 30-2. Л. 425.

⁸⁰ Там же. 1646. № 113. Л. 2, 35.

Продав 25 сентября 1570 г. половину «Скорняковские земли» в Ущечкой вол., Семен Борисов сын Ляпун договорился с покупателем, что «жити мне Семену до Велика дни на той земле», т. е. до Пасхи, в течение полугода. Крестьянин Михайло Федоров сын Басанов в проданной в мае 1584 г. половине деревни Ушаково собирается жить до «Филиппова заговенья», тоже в течение полугода. Интересна временная привязка в податном обязательстве продавца: «А потуг сего году — Семенов с его земли, а на прок оброк Семену платить со ржи...» Он обуславливает платеж оброка на будущее время (впрок), и его определение по своей форме растяжимо, длительно. Продавший в декабре 1587 г. полдеревни Обросимовской-Балуевской Пантелей Борисов сын будет в своем дворе «жить... до Покрова святей Богородицы не в год, а с Покрова Пантелию з земли Матфиевы (покупателя) изба и две клетки свести, где ему любо, а до земли Пателию дела нет»⁸¹. Два брата Кириллова из д. Онофриева Гора в Чарондской округе 2 января 1617 г. заключили сделку обмена также с двумя братьями Ивановыми из д. Сиговской. Партнеры договорились, чтобы «дворы нам опростать после Крещенья Христова недилю спустя, в таков же день»⁸², т. е. в тот же день недели в 20-х числах января. Характерно, что при установлении срока переезда из деревни в деревню крестьяне не назвали число, а привязали его к тому же дню недели после крещенского праздника, в какой была заключена сделка. При разделе в д. Ивановской Вилегодской вол. братья Василий Зелов и Семен Жданов условились, что «жить Василью у Семена в избе до Филиппова заговенья, а з заговенья ему выти в свою избу»⁸³. Во всех этих случаях примечательно, что крестьяне меняют место обитания, а значит и хозяйствования, в разные периоды. Хотя подобных конкретных случаев немного, они приходится на осенне-зимние сезоны. Можно полагать, что это время, свободное от непосредственных земледельческих работ, было наиболее удобно для таких переездов, к тому же устанавливались и дороги. Перебраться из двора во двор, особенно в разные деревни, хлопотное дело. Оно требовало сборов — имущества в избе, хозяйственного инвентаря, продовольственных запасов и корма для домашних животных во дворе, освобождения, если таковы были условия, зернохранилищ, перегона домашнего скота. На все это было необходимо и относительно продолжительное время.

⁸¹ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 70, 48, 23.

⁸² Там же. 1627. № 71. Л. 20.

⁸³ Там же. 1626. № 45–1. Л. 131–138.

В несколько иной сфере и обстановке существовало и иное отношение к времени, выраженное в его обозначении. Праведного Прокопия Устюжского чтили не только в Устюге и его сельской округе, но и в Сольвычегодске и более удаленных северных районах⁸⁴. Крестьяне свидетельствовали, что «у Соли на посаде о празднике о Прокопьеве дни были. А как обедни у Праздника отпели, и мы волостные крестьяне по своим деревнишкам розъехались»⁸⁵. В данном случае употребленная стилистическая фигура — повествовательна. В ней хорошо выражена текучесть времени, составленная из длящегося (не один час) праздничного богослужения и следовавшего за ним неспешного, не вдруг отъезда.

Полагаю, что менее всего «официальное» социальное время проступает при межличностных контактах и конфликтах крестьян. В своих челобитных они излагают существо конкретных ситуаций, приправленных разными бытовыми подробностями. Их высказывания — произвольны, они не подвержены рефлексии и соответствовали ментальным установкам. Время крестьяне обозначали, исходя из житейской действительности, с той же непосредственностью, с какой рассказывали о фактах из повседневной жизни. В 1626–1628 г. возникло затяжное дело, длившееся в течение трех лет, между крестьянами Антропьевой Слободы Федором Васильевым Захаровым и Баженом Мальцовым Бутаковым⁸⁶. Они взаимно обвиняли друг друга в насильственном завладении землей. Оба участника подавали челобитные со своими версиями раздора и в несколько ином словесном выражении одних и тех же фактов при повторном их изложении, но с сохранением их сути. Федор Захаров заявлял о лживом обвинении в его адрес, будто он в 1627 г. «бил Баженка после Николина дни осенново на третий день» или «избил Бажена на третий день после Николина дни осеннего». Отводя обвинение Ф. Захарова, Баженом Бутаковым, в свою очередь, сказал, что «перед Рождеством» того же года он послал свою «жену Марьицу» к земскому судейке, а «в Филипов пост бил ево тот Фетка и грабил». Еще в одной челобитной он сообщал, что в 1628 г. Ф. Захаров снова приехал в деревню Бажена «о Преображеньеве дни» со своими «братьями и потаковщиками» или «с людьми на Преображенье»; в одном из эпизодов дела Баженом упоминает составленную земскими судейками ложную записку, события которой они приурочили ко

⁸⁴ См. Гл. 10 «Престольный праздник в Устюге».

⁸⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636. № 25-1. Л. 13.

⁸⁶ О нем см.: Гл. 6. С. 216.

дню «святых мученик Фрола и Лавра»⁸⁷. События данного дела разворачивались в период с первых дней декабря (2 или 3) 1626 г. по начало (6) августа 1628 г., на значительном отрезке времени. Можно думать, что реальному или вымышленному избиению одного челобитчика другим на Николин день предшествовало уже нагнетание отношений между ними. Характерны привязки происшествий, использованные обоими «актерами», растянутые во времени, — к Николину дню — «на третий день после», «перед» Рождеством — накануне или за несколько дней до него, в Филиппов пост, длящийся несколько недель.

В июне 1633 г. крестьянин д. Нижнее Заборье Пежемской вол. из Устьянских волостей Игнатий Минин Попов сообщал о своем избиении и ограблении тремя братьями Хромовыми, когда он приезжал за своим имуществом, оставленным для «береженья» у его половника. Нападение на него произошло годом раньше в 1632 г. «после Петрова дня»⁸⁸. Челобитчик счел для себя убытки и оскорбление столь великими, что просил «поставить» грабителей к ответу в Москве в Устюжской четверти. С современной точки зрения заявление о моменте разбойного нападения на И.М. Попова выглядит очень неточно. Однако для него самый день нападения оказался не столь важен, как оно само, и он счел достаточным просто указать, что происшествие совершено после праздника Петра и Павла.

В 1630 г. двое крестьян д. Наволок Шангальской вол. Устюжского у. заняли, причем без документального оформления, у своего соволащанина значительную сумму денег «в великое говейно». В какую именно неделю Великого поста был совершен этот заем, челобитчик не уточняет. Для него было совершенно довольно в своей челобитной сослаться на время поста, который, как известно, длился и длится в течение 7 недель. Для крестьян, как челобитчика, так и, по всей вероятности, заемщиков, «говейно» было целостным периодом.

Восприятие времени крестьянами, как было выяснено, воплощалось в разных формах его обозначения, донесенных и совершенно различными свидетельствами источников. Картина, которая из них предстает, убеждает, прежде всего, в социальности времени. Крестьяне в границах деревенского пространства живут и действуют без точного обозначения времени, используя как ориентир

⁸⁷ РГАДА. Ф. 141 . Оп. 1. 1631. № 30-1. Л. 16–17, 26, 42.

⁸⁸ Там же. 1631. № 36-2. Л. 421.

привязку к церковному событию или дню. Время разумелось цикличным, растяжимым, процессуальным. Крестьяне придерживаются официального времени в рамках календаря, когда выходят из своего микромира во внешний для них. Но и в разносторонних контактах с ним, когда дело заходило о событийной стороне жизни, крестьяне опять погружались в «свое» время, как бы встроено внутрь официального, государственного. Следует заострить внимание на том, что в рассмотренном материале употребленные вехи литургического года воспринимались как крестьянами, так и администраторами уездного и столичного уровней как само собой разумеющееся, устоявшееся, что было одной из характерных черт в проявлении ментальности. Для людей столь разного социального статуса было важнее, с одной стороны, обозначить событие и, с другой, выяснить, имело ли оно действительно место, чем точно устанавливать его срок. Поэтому эластичность времени, столь явно представленная в предложенном конфликтном деле двух крестьян одной из волостей Сольвычегодского у., — это присущее ему органичное универсальное качество.

КРЕСТЬЯНЕ И ЗЕМСКИЙ МИР

Общество на Севере наряду с горизонтальными связями было пронизано и вертикальными, которые восходили от малых социальных групп — семьи, соседей — к общине на уровне волости и через нее к земскому миру в масштабе уезда или земли. Все эти связи, причудливо переплетаясь, вырабатывали у посадских и сельских людей традиционные привычки общения, стереотипы поведения и в свою очередь подпитывались ими. Охарактеризовав семью северных крестьян и их соседские взаимоотношения, целесообразно обратиться к другой форме их социальной организации, именно к земскому миру. Мир не только играл большую и важную роль в повседневной жизни крестьян, но и концентрировал в себе самоуправление. Он был тем центром, куда сходились коммуникативные связи.

Прежде всего, необходимо остановиться на устройстве, структуре северных миров. Они имели на Севере ступенчатую, соподчиненную организацию, которая обуславливалась системой расселения. Мир территориально восходил к древнему, естественно возникшему делению. На нижней ступени находились сельские общины-волости. Они состояли из гнезд малодворных деревень, объединенных в границах волостей, которые сложились при заселении той или иной местности Поморья. М.М. Богословский писал, что в образовании волостей реки на Севере играли роль, сходную с той, какую исполняли в образовании швейцарских общин горные долины и ущелья¹. Волостные миры разнообразились по своим размерам: от 5–10 до 30–40 деревень. Волости в 20–30 деревень были наиболее распространены. Некоторые обширные волости делились на более мелкие самостоятельные общины-волостки, нередко совпадавшие с церковным приходом. Так, в Вилегодской вол. Сольвычегодского у. существовали Покровский, Никольский, Ильинский, Спаский, Богоявленский

¹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 21–28, 35; См. также: *Копанев А.И.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // *Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни.* Вып. IV. Вологда, 1973. С. 319–321; *Он же.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 220–221.

приходы-волостки². Введенский стан (волость) Устьянских волостей включал 4 более мелкие волостки — Шангальскую, Никольскую, Введенскую и Дмитриевскую, три из которых назывались по одноименному приходу, а все они вкуче составляли одно целое³.

Тесную территориальную связь расселения и сельского церковного прихода, прослеживаемую на основе археологических и письменных данных по Белоозерью, примыкавшему к Поморью, установил А.Н. Макаров. Он полагает, что организацию первых сельских приходов в этом районе можно отнести к концу XII — XIII в. Именно к гнездам поселений домонгольского времени явственно тяготеют приходские церкви XV–XVII вв. Церкви возводились на местах древнерусских поселений или рядом с ними в границах микрорегионов, освоенных в домонгольское время. Однако считать, что «позднесредневековые погосты наследуют местным центрам христианского культа более раннего времени», нет оснований, считает автор. Он интерпретирует наблюдаемую ситуацию «как осознанное помещение сакрального локуса в староосвоенную зону, нередко — на место древнейшего поселения». Возможную причину этого ученый видит в существовавших «представлениях об особых сакральных свойствах этих участков, закрепленных в местных исторических преданиях»⁴. Взаимодействие важнейших компонентов в развитии антропологической культуры: расселения, мирской организации и церковного прихода — сохранялось на протяжении веков и сплывилось к XVI–XVII вв. в органичную структуру.

Миры волостей вместе с посадскими соединялись в более крупные образования, которые составляли следующую ступень земской организации — всеуездный мир. Замечу, что посадские миры были устроены в соответствии с территориально-сотенным делением городов, совмещенным с церковно-приходским⁵. Всеуездный мир слагался из волостных общин и посадской, как это было в Великом Устюге, Тотьме, Сольвычегодске, Каргополе, в Подвинье. Наряду с такими земскими мирами в Поморье существовали сообщества, состоявшие только из волостных миров, как в Устьянских волостях и Заонежских погостах, ибо в этих административных территори-

² РГАДА. Ф. 1209. № 446. Л. 637–769об.

³ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. С. 222, 291.

⁴ *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 202, 207, 215–216.

⁵ *Швейковская Е.Н.* К сотенной организации города на севере России в XVII веке // *От Древней Руси к России нового времени.* Сб. ст. К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 243–241.

ях не было посадов. Всеуездные миры объединялись в мир земли, например Вятской, как крупной областной территории. В отношении объединенных миров документы как раз употребляли понятия: земский мир/всеземский совет, всеземский староста/всеуездный староста или земский целовальник (денежного сбора или просто сборщик). Для ведения судебно-полицейских расследований и других дел существовали земские судьи (судейки), «судецкие» старосты и целовальники, а также сотские.

Земские миры Севера обладали самоуправлением, причем на всех уровнях. Его высшим проявлением было действие сходов. На них собирались представители общин — на волостные от групп соседних деревень, на всеуездные — от волостей, их выборные власти или специально уполномоченные «посыльчики», либо как первые, так и вторые. Члены общины делегировали этим представителям свои права, и они выступали от имени крестьян — «во всех крестьян место». Право на участие в сходе имели крестьяне, владевшие земельным участком в данной волости уезда и несущие по нему тяглые обязательства «с волостью в ряд». Всеуездный мир в Сольвычегодском у. возглавлял староста, фигурирующий в документах как: всеземский староста / выборный земский староста / всеуездный выборный земский староста, а иногда земский ружный староста⁶. М.М. Богословский, тщательно проследивший состав мирских властей по северным уездам и волостям, заключил, что разнообразие по местностям их названий — земские старосты, земские судейки, судецкие старосты и даже сотские, целовальники носят в документах «название "старост" в общем (я бы добавила собирательном — *Е. III*) смысле, в значении земских властей вообще»⁷.

Инициатива созыва выборного схода, как и любого другого, принадлежала старостам — всеуездным или волостным, в зависимости от уровня земской организации. По их распоряжению оповещались волости и деревни. Выбор Куростровской волости 1591 г. показывает: «А пятидесятькому на земские дела десятцких свещати. Десятцким нас крестьян свещати, а которому ж ведати свой десяток»⁸. С мест в центр опять-таки волостной или уездной прибывали соответствующие мирские должностные люди. Собравшиеся на сход

⁶ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. М., 1909. С. 273 — Сольвычегодск; С. 281, 283 — Устюг; С. 284, 286 — Тотьма.

⁷ Там же. С. 297.

⁸ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 418.

представители миров принимали решение по насущному на тот момент вопросу, которое фиксировалось в постановлениях сходов, так называемых «приговорах». Их исполнение было обязательным для всех общинников. В конце календарного года по истечении полномочий мирские должностные лица и, конечно, староста должны были отчитываться перед сходом.

Выбор на сходе должностных лиц мирского самоуправления — старост, разного рода целовальников (по финансовым делам), посыльчиков — был одной из важнейших его прерогатив. Само избрание закреплялось в специальном акте, который принимал сход и который так и назывался «выбор».

Процедура выборов мирских властей заслуживает подробного рассмотрения, тем более что ее представляется возможным раскрыть на основе документов, возникших в недрах мирских организаций. Исследователи Русского Севера и в первую очередь М.М. Богословский, а также А.И. Копанев опубликовали ряд подобных документов. В приложении к первому тому своей книги о земском самоуправлении М.М. Богословский поместил свыше 20 «актов, относящихся до земских выборов»⁹. А.И. Копанев опубликовал 25 документов XVI в., касающихся деятельности мирского схода Куростровской волости Двинского у., и три из них говорят о выборах разных должностных лиц¹⁰. Названная волость находилась на одноименном острове в дельте Северной Двины недалеко от Холмогор. В свое время мне удалось найти и опубликовать в приложении к своей книге документы крестьянских миров, действовавших в конце XVII — начале XVIII в. в вотчинах архиепископа Вологодского и Белоозерского и Спасо-Прилуцкого монастыря¹¹. Отмечу, что целенаправленно документы о компетенции мирских властей в XVII в. не выявлялись и не публиковались. Выскажу предположение, что акты о выборах мирских должностных лиц, по всей вероятности, менее многочисленны по сравнению с финансово-податными и поземельными документами.

Мирской аппарат разных уровней в XVI–XVII вв. выбирался ежегодно, и, как правило, на календарный год. Он начинался, напомним, 1 сентября в день Семиона столпника (Семина день). Обычно к началу года и были приурочены выборы мирских властей. Во всяком случае, так было в Устюжском, Сольвычегодском, Тотемском

⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. М., 1909. Приложения. V. С. 82–105.

¹⁰ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 398–431.

¹¹ *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII–начало XVIII в. М., 1976. Приложение. С. 197–219.

уездах. В них «мирской» год совпадает с церковно-гражданским. В Устьянских волостях выборы проходили не осенью, а зимой, на Сретенье 2 февраля (Чушевицкая, Пежемская, Ростовская, Соденская, Введенский стан), в дни святых Афанасия и Кирилла зимних 18 января (Чадромская)¹².

Итак, из года в год по утвердившемуся обычаю в первый день наступившего года или в самых первых его числах (либо в другой календарный срок) участники мирских сходов выбирали разных должностных лиц — всеземских и/или волостных. Избранному аппарату общинники вверяли ведение всех своих дел — землеустроительных, тягло-финансовых, заемных. Проводившееся на сходе любого уровня избрание закреплялось в специальном акте, который принимал сход и который так и назывался «выбор», «выборный список». Его можно уподобить избирательному протоколу. Прежде всего, он фиксировал сам факт выбора того или иного должностного лица, определял его обязанности и одновременно служил основанием полномочий. Вместе с тем, по «выбору» избиратели принимали на себя ответственность за избранных лиц не только перед общинниками, но и государственной властью в лице местного воеводы, что гарантировало от какого-либо «дурна».

Выборный документ, несмотря на встречающуюся разницу в сроках выборов и местную специфику мирских должностей, состоит из нескольких содержательных блоков. Первый из них представляет собой фиксацию участников схода, которые называются поименно. В октябре 1591 г. в Куростровской волости Двинского у. одновременно выбирали сотского, пятидесятского и десятских. На сходе присутствовали «Куростровские волости крестьяне Семен Парфеньев сын...» (и далее еще 21 имя)¹³. Перечисление участников было обязательным элементом в документах сходов по любому из решаемых на них вопросов, будь то выборы каких-либо должностных лиц или разверстка («розруб», «розмет») различных налоговых платежей.

«Выборы» в Устьянских волостях, Устюжском уезде и его волостях, относящиеся к XVII в., открываются именами земских лиц «прошлого» года, которые предворяют список участников схода¹⁴.

¹² *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. II. Приложения. V. № 1–13. С. 82–97.

¹³ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 417.

¹⁴ Устьянские волости: Пежемский стан. 3 фев. 1642 г.: «Се яз прошлой выборной и земской судья Пежемского стану Филипп Тимофеев Некрасова, да судейской целовальник Богдан Михайлов, сотской Пежемские ж волости Никон Васильев Тупицын, староста успенской церковной Иван Са-

Помещение на первое место мирских людей, отслуживших свой годовой срок, можно трактовать как объявление о складывании с себя мирских полномочий. Интересен вводный элемент «Се яз»¹⁵, непосредственно за которым стоит имя главного земского лица. М.М. Богословский, квалифицируя «выбор» как публично-правовой акт, вместе с тем находит в нем проявления частноправовых отношений, которые выражались в присутствии и подписях свидетелей, а также в двусторонней сделке между избирателями и избранным, «довольно сильно отдававшей договором найма»¹⁶. Упомянутый элемент и взаимные обязательства сторон действительно присущи частным актам, оформлявшим имущественные сделки¹⁷. Однако согласиться с высказанной ученым оценкой возможно только после сравнительного сопоставления выборных документов на длительном временном отрезке и по разным районам. Во всяком случае, документы Куростровской волости Подвинья XVI в., опубликованные А.И. Копаневым, не имеют указанного оборота и явно выраженно-

вин Черного, да староста фроловской церковной Парфений Антипин, да староста усть-подоской церковной Афанасей Дементиев Потемин, да...»; Чушевицкая волость, 2 янв. 1643 г.: «Се яз прошлой выборной и земской судья Чушевицкие волости Пятой Автомонов сын да церковной староста Никифор Архипов сын, да прошлой целовальник Вишняк Михеев сын, да...»; Устюжский уезд, Сухонский Нововышлый стан, 1 сент. 1633 г.: «Се яз прошлой земской судья Сухонского Нововышлого стану Степан Данилов сын Кокшаров да староста судецкой Иван Родивонов, да целовальники розрубные Осип Иванов Рычков, да Панетелей Ситников, да пятидесяткой Богдан Иванов сын Бороздин, да спасской поп Григорей, да...»; 1 сент. 1634 г.: «Се яз прошлой земский судья Сухонского Нововышлого стану Федот Иванов сын Корякин да староста судецкой Пятой Митрофанов, да целовальники розрубные Михайло Григорьев сын Удачин, да Фрол Алексеев сын Суковатицын, да сотской Василей Федоров сын да того ж стану крестьяне и посадские...». См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. II. Приложения. V. № 1, 3, 16, 17. С. 82, 84, 101, 102.

¹⁵ При выделении структурных частей в выборных документах я придерживаюсь деления, предложенного С.М.Каштановым для актов, на статьи (законченные по мысли выражения), предложения (состоящие из нескольких обстоятельственных, определительных, сложноподчиненных предложений), обороты (логические части предложений) и элементы (понятия из одного или нескольких слов). Формулы — это устойчивые выражения, переходящие из документа в документ. См.: *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 28–30; *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 173–174.

¹⁶ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. С. 220–221, 302, 321.

¹⁷ *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 104–120.

го договорного характера¹⁸. Возможно, слова «се яз (имярек)» появились с развитием формуляра «выбора», оснащением его формул дополнительными оборотами и элементами, которое было вызвано определенной необходимостью. Этот элемент, считаю, усиливает формулу об участниках выборного схода, придавая ей большую конкретность, индивидуальность. Его присутствие подчеркивает, что «яз», ниже именованный мирской староста (земский судья), целовальник, лично слагаю с себя исполненные в течение года обязанности. Так как земский староста стоял во главе мирских должностных лиц, которые были приданы ему и все вместе составляли мирской аппарат, то одновременно то же самое делают перечисляемые вслед за старостой другие мирские люди.

Поименный перечень присутствовавших на выборах завершает словосочетание «и все крестьяне» или «во всех крестьян место». Оно означает, что на сходе представители действуют от лица всех крестьян, живших в той или иной общине-волости.

Второй содержательный блок связан с фиксацией самого избирательного действия. Оно сопряжено с обозначением конкретной мирской должности и выражено оборотом: все крестьяне «выбрали есми и излюбили в...» старосты, земские судьи, земские целовальники, «в земские в данные разрубные целовальники», сотские. Если смысл первого глагола ясен, то второй требует пояснения. «Излюбить» означает выказать предпочтение, дать взаимное согласие, принять решение¹⁹. Данный оборот призван показать, что поименованный избранный на определенную должность приискан миром, устраивает его и сам согласен быть выбранным. Оборот продолжается условием о добропорядочности избранника. Он должен быть человеком «добрым и душою прям и животом прожиточен» или «добрым и прожиточным» или просто «добрым». Другими словами, «выбор» уже предопределяет имущественное состояние и морально-этическую характеристику кандидата на должность. Обратимся к элементам оборота: «добрый» — прилагательное от существительного «добро», которое означает хорошее дело, благопристойное поведение и вместе с тем

¹⁸ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 414, 417. То же самое видно из «выбора» старосты в Вологодском у., соседнем с Тотемским. В сентябре 1682 г. в волости Лежский Волок вотчины Вологодского архиерейского дома в с. Раменье на мирской сходке в присутствии («перед») приказчика, что было в порядке вещей, «мирские люди соцкой Гордей Естифиев, целовальники...» (и далее 119 имен) выбрали старосту на текущий год. См.: *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. Приложение. С. 216–217.

¹⁹ Словарь РЯ XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 169.

имущество, богатство. «Душою прям»: понятие «душа» многозначно, среди его значений — нравственные качества, характер человека и сам человек; «прямой» — честный, правдивый, справедливый. «Животом прожиточен»: «живот» — имущество, а «прожиток» — также имущество и состояние²⁰; общий смысл — имущественно обеспеченный и состоятельный. Итак, избранник на мирскую должность обязан обладать следующими качествами: он человек — нравственный, достойного, порядочного поведения, честный и справедливый, зажиточный исправный хозяин. Такой идеальный портрет мирского деятеля присоветывается из разбираемой формулы документа.

Насколько этот портрет соответствовал жизненным обстоятельствам? Хорошо известно, что мирские должности, действительно, занимали наиболее обеспеченные, зажиточные крестьяне и/или посадские люди, причем нередко принадлежавшие к одним и тем же семьям²¹. Их представители десятилетиями замещали разные мирские должности. В общинах, как черносошных, так и частновладельческих, сложились группы людей, составлявшие очень тонкую прослойку, которые как бы специализировались на мирском управлении. А оно, несомненно, требовало определенных навыков и опыта в ведении дел, умения общаться с администрацией — вотчинной, воеводской и приказной в Москве; не лишней была и грамотность. Крестьянин Вологодского у. архиепископской домово́й вотчины в с. Никольском Любим Наумов сын Губкин в 1683 г. и в прошлые годы был «в выборных старостах» и по долгу службы «меж крестьяны по челобитьям росправы чинил». Теперь он постарел и «ждет смерти», и поэтому на его «место твои домовые крестьяне выбрали брата моего родного Андрея Наумова сына Губкина». Любим Губкин ходатайствовал перед домовыми властями, чтобы они санкционировали выбор его брата в старосты своей «святительской грамотой», а также «домовые дела и дворовое строение и казенные семена и село Никольское с деревнями» у него «против росписных книг принять и во всем со мною росписаться». В той же вотчине крестьянин волости Лежский Волок Данилко Алексеев в челобитной властям сообщал, что в с. Раменье были у вотчинных «казенных у хлебных анбаров в целовальниках дед мой Василий Филиппов и отец мой Алексей многие годы». По смерти отца у его сына в доме

²⁰ Там же. Вып. 4. М., 1977. С. 258, 270, 384–385; Вып. 21. 1995. С. 29; Вып. 20. С. 129.

²¹ *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 221; *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. С. 143.

остались «на твоих ... крестьян того ж Лежского волоку заемные многие кабалы в заемном казенном хлебе и тех анбаров ключи. И мне сироте у того хлебного сбора быть не в мочь, потому что я стал в малолетех... после деда и отца моего». Он просил, чтобы другой целовальник села «принял» у него «ключи от анбара и кабалы, а его освободил»²². Из обоих документов видна та материальная ответственность, которой были облечены старосты и целовальники. Должности мирского старосты и целовальников денежных сборов, как известно, были связаны с несением и покрытием финансовых издержек, нередко из собственных средств, и уже поэтому было необходимо обладать имущественным достатком. Сосредоточение мирской власти в определенных семьях на протяжении лет вело, с одной стороны, к ротации земских «администраторов» на их должностях, а с другой не исключало их злоупотреблений. Условие об избрании на мирскую должность человека «доброго и прожиточного», оставаясь обязательной, закрепило формальные черты и обрело стереотипность.

Показательно, что данная формула существовала почти в неизменном виде длительное время. Так, она действовала в 1680-х гг. в общине вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря²³. Присутствовала она также в выборных приговорах от начала 1720-х гг. одного из центральнорусских монастырей. Староста, цитирует документ Н.В. Соколова, — «человек доброй и душою прям и животом прожиточен и верить ему в таком деле мочно...». Исследовательница справедливо при этом подчеркивает, что элемент о прожиточности был одним из требований, предъявляемых к старосте²⁴. Существование данной формулы на протяжении XVI–XVIII вв. показательно само по себе, и ее обязательность говорит об устоявшемся порядке внутри миров, ценностной ориентации его сочленов, почти неизменной во времени²⁵. Завершает статью об избрании указание на годовой срок действия выбора.

²² Архив СПб ИИ РАН. Кол. 34. Карт. 8. № 19. Л. 15, № 121.

²³ *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. Приложение. С. 216.

²⁴ *Соколова Н.В.* Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII — первой четверти XVIII в. // *Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Материалы XVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда, 2001. С. 89.

²⁵ При выборах церковных старост, членов притча мирские люди также стремились, чтобы их избранник был «человек добрый, не вор и не плут и не пришлый». Исследовательница вопроса отметила, что в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII в. должности волостного и

Следующий содержательный блок относится к обязанностям лица, избранного на ту или иную должность. Одной из главных функций мирского самоуправления была финансово-податная. Однако она варьировала в зависимости от ступени земской организации. В волостных мирах функция реализовалась в раскладке (розрубке, размете) тяглых платежей на каждое крестьянское хозяйство, их сборе, своевременной доставке собранных сумм в уездную земскую избу либо прямо в московский приказ, которому был подведомствен тот или иной уезд. В выборной формуле обозначение должности целовальников уже содержит функциональный элемент: выбрали в «земские в данные разрубные» или просто «земские в розрубные» целовальники. Им в помощь могли избираться еще и целовальники денежного сбора. Именно на эти категории земских лиц ложился в волостях сбор платежей, как прямых налогов, так и на мирские нужды.

Обязанности целовальников, хотя были вполне конкретными, в выборных документах могли обозначаться в общем плане или с детализацией. В выборе 1591 г. в Куростровской вол. Двинского у. статья о круге деятельности сотского содержит оборот о его обязанности в налогово-податной сфере: «И тому нашему сотцкому Василью наши всякие дела делати земские волостные и розрубы волостные збирати по нашим волостным розрубным спискам»²⁶. Среди земских дел статья выделяет сбор налогов. В соответствующем обороте явно различаются два элемента, отвечающие совершенно определенным действиям. Первый имеет в виду сбор с жителей волости платежей, совокупно покрываемых понятием «розрубы». Второй представлен результатом действия («розрубными списками»), суть которого состояла в разверстывании налоговых сумм на каждое хозяйство, что предшествовало самим сборам. Следует пояснить, что как розрубы налогов, так и их сборы производились несколько раз в году. «Выбор» 1633/34 г. в Сухонском Нововышлом стане Устюжского у. рекомендует целовальнику: «И государевы данные и оброчные и всякие

церковного старост могли совмещаться в одном лице или исполняться попеременно, церковные старосты привлекались к исполнению отдельных светских поручений мира, при выборном сроке в один год староста мог избираться на должность несколько лет подряд. См.: Тимошенкова З.А. Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 477, 488, 490, примеч. 4.

²⁶ Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. С. 417.

государевы четвертные денежные доходы с нас крестьян собирать и государю в казну к Москве отвезти»²⁷. В данном случае перечислены основные прямые налоги, поступавшие с крестьян, и имеется указание о доставке собранных сумм в московский приказ — Устюжскую четверть. В вотчине Вологодского архиепископа избранный в 1682 г. староста волостной общины на Лежском Волоке должен был собирать со всех волостных крестьян великих государей в казну всякие денежные подати, и архиепископль домовый оброк и столовые запасы без недоборов»²⁸. Характерна вынесенная на первое место обязанность старосты по сбору государственных налогов и лишь затем повинностных сборов в пользу собственного вотчинника.

Особый интерес представляет выбор в разрубные целовальники Черевковской волости Устюжского у. 1627/28 г., в том числе своими финансово-податными статьями. Они показывают поэтапные действия в налоговой сфере. Основное из них обозначено следующим образом: «И дань ему целовальнику государева разрубать в трапезе на столе, с тяжелаго снимать, а на легкаго прибавливати, смотря по животом и по промыслом, и верста крестьяном давать»²⁹. Первый оборот статьи «и дань... разрубать» возлагает на целовальника организацию раскладки прямых налогов, обозначенных в общем понятии «дань». Ценность обороту придает дополнительный элемент, который с предельной конкретностью определяет место проведения «разрубов», а именно «в трапезе на столе...». Имеется в виду трапезная церкви, скорее всего Никольской, судя по рукоприкладству никольского попа, стоящему под текстом выбора. Трапезная центральной церкви в волости была местом локализации мирской власти, пребывания и заседаний ее должностных лиц при ведении необходимых дел, здесь же хранилась мирская касса³⁰ и делопро-

²⁷ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 16. С. 101.

²⁸ *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. Приложение. С. 216.

²⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 14. С. 98. О значениях «верста» см.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 2. С. 93–94.

³⁰ О стольце как мирской кассе, существовавшей у черных волостных крестьян в XV в., упомянул А.Д. Горский. Он, ссылаясь на ряд актов, говорил, что со «стольца» на крестьян «метались» (раскладывались) поборы и повинности, «в столец», «к стольцу» крестьяне «тянули» «потуги», т. е. подати поступали в него как в пункт сбора, в «столец» поступали и другие доходы, например, от продажи земли. См.: *Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 142. Примеч. 6. Также писал о «стольце» Г.Е.Кочин. Он определял его как «организационный центр черных и других волостей. «Столец» — это и казна, в которую вносились оброки

изводство. Следующие друг за другом два элемента раскрывают механизм совершения разруба: «с тяжелого снимать, а на легкого прибавливати», руководствуясь («смотря») имущественным состоянием («по животом и по промыслом») дворов. Смысл процедуры заключался в пересмотре и оценке податного состояния всех хозяйств, снятии части платежей с ослабевших и распределении сбавленной суммы по «мочным», состоятельным дворам³¹. Важен и следующий, конечный элемент данного оборота: «и верста крестьяном давать». Его суть состояла в установлении податной тяжести крестьянских хозяйств в соответствии со степенью их доходности. В такой разверстке проявлялся этический принцип, существовавший в общине, который ставил всех ее сочленов в равные условия, идеальная установка мирской ментальности, весьма далекая от реальности.

Статью логически завершает оборот, поясняющий процедурную сторону при проведении разруба: «а нам крестьяном засадчиков из сох давати, с кем ему целовальнику дань разрубати и розметы... в сохи давати сборщиком и деньги у сборщиков преимать, и отписи в тех деньгах давати»³². Собственно целовальник должен разверстывать податные платежи не один, а вместе с некоей «коллегией» заседателей, в которую входили специально выделенные, назначенные (можно и так сказать) от деревень крестьяне. Среди них были люди, часто обладавшие подобным опытом и непосредственно собиравшие деньги. Целовальник принимал у сборщиков поступившие к ним от крестьян платежи и давал им расписки. Поясню, что волость в целом и каждая из деревень при писцовом описании облагались долей сохи — государственной окладной единицы. Отсюда — контаминация «из сох», «в сохи». Еще одна статья ха-

и деньги за пользование некоторыми волостными угодьями; здесь же решались вопросы раскладки тягла, порядка пользования угодьями и вообще хозяйственные вопросы волости; здесь было сосредоточено и все делопроизводство по ее хозяйству». См.: *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965. С. 381.

³¹ А.И.Копанев исследовал механизм обложения и раскладки налогов, и, главное, опубликовал документы оценки экономического положения крестьянских хозяйств, на основе которых проводились разрубы, и тексты самих разрубов. См.: *Копанев А.И.* Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 147–150, 186–198; *Он же.* Куростровские столбцы XVI в. С. 401–404, 408–409, 411.

³² *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 14. С. 98.

рактирует следующий этап движения собранных платежей. Она гласит: «И дань государева, собрав у сборщиков, и судье отдать, и ямские деньги и ружные к Устюгу Великому отвозить и старостам платити». Полученные с крестьян деньги сборщики передавали целовальнику, а он прямые и другие налоговые платежи отвозил сам или отправлял со специальным посыльщиком в земскую избу и сдавал всеуездному старосте. Последний должен «государевы данные и оброчные деньги собрав, отвезть к Москве, а к нам в мир привезть отпись полновая»³³, то-есть староста обеспечивает доставку налогов, поступивших с волостей и посада, в московский приказ и получает из него отпись в их приеме.

Выборы земских должностных лиц содержат статью, показывающую еще одну сторону финансовой деятельности мирских властей, а именно возможность займов на нужды волости в целом. Выбор сотского Куростровской вол. 1591 г. говорит: «И на какво дело земское приведетца денег занять до розруба, и сотнику деньги займовать в кабалы, а нам его ис кабал выкупати»³⁴. Документ имеет в виду появление острой необходимости в денежной сумме, какой у сотского в тот момент нет в наличии. Ее можно собрать, проведя отдельный разруб или присовокупя разверстку нужной суммы к ранее назначенному разрубам. И пока таких денег нет, сотский вправе их занять. Мир затем снимает с него общественный долг, чтобы «убытка ему в том не учинить». Выбор Черевковской вол. 1627/28 г. отличает подробно развернутая статья. Она предусматривает: «Или когда будет понадобится деньги для государева скорого дела и для мирского, и ему целовальнику деньги займовать с мирского совету и кабалы давати, и росты сулити, как пригодит»³⁵. Экстраординарность ситуации, когда требовалась крупная сумма через короткое время, например, на погашение скопившейся недоимки государственных податей, ставила земские власти в зависимость от заимодавца, который соглашался одолжить деньги под значительный процент. В таких случаях статья выбора предоставляет целовальнику свободу действия, однако не безграничную. Он может совершать заем, обещать и соглашаться на требуемые заимодавцем «росты», например «понеделные», только с «мирского совету». Это условие красноречиво раскрывает другой выбор Сухонского Нововышлого стана от 1634/35 г. в земские судьи и «судетцкие» старосты. Он

³³ Там же. № 15. С. 100.

³⁴ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 417.

³⁵ *Богословский М.И.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 14. С. 98.

предостерегает: «А в кабалы судье и старосте без мирского ведома денег не заимывать на мирское дело». Тем самым они удерживались от самовольных поступков, что доказывает и следующий оборот: «А будет где денег с совету займут на мирское дело, и тех им кабал без мирского совету не выкупать, и ростов на них без миру не подписывать»³⁶. Он регламентирует каждый из шагов по займам, которые должны быть согласованы со всеми земскими властями и мирскими людьми. Возможно, такая скрупулезная фиксация условий заключения займа была вызвана вскрывшейся недобросовестностью («хитростью» по выражению документа, цитируемого ниже) предыдущих мирских должностных лиц, во всяком случае, она предостерегает их от возможных махинаций. При согласовании займа с мирскими людьми крестьяне Черевковской вол. обязуются «его целовальника из кабал выимати и из ростов», т. е. выручать, освобождать от долга. Причем это делается по истечении мирской службы, что фиксируется следующей статьей выбора: «А как ему целовальнику год отойдет, и нам крестьяном его целовальника из кабал из ростов, что будет займовано в мирской расход, вынять и убытка ему в его целовальничестве нам крестьяном ему целовальнику не учинити»³⁷. Итак, в выборе Черевковской вол. дважды присутствует условие о снятии с должностного лица долговых обязательств, и второй оборот за счет повторов и добавлений получает дополнительную силу. Оба оборота гарантируют целовальника от начетных сумм и нанесения личного финансового ущерба. Краткая формула «убытка ему в том не учинить», присутствующая в выборе Куростровской вол. 1591 г., в выборе Черевковской вол. 1627/28 г. обрастает деталями и утрачивает чеканную четкость. Во всяком случае, данная формула, независимо от ее краткости или пространности, держится во времени и является постоянной в финансово-податном блоке выборных документов. Из приведенных свидетельств ясно, что заемная операция оформлялась специальным документом — заемной кабалой. К подобному способу пополнения мирской кассы прибегали почти все земские власти, как на волостном, так и уездном уровнях, и в общинах разного землевладельческого статуса.

Примыкающей к финансово-податному блоку можно считать статью, связанную с еще одной гранью в работе мирских лиц. Статья входит в содержательный блок, открывающийся уже приводимым чуть выше оборотом «А как ему целовальнику год отойдет...»,

³⁶ Там же. № 17. С. 103.

³⁷ Там же. № 14. С. 98.

и она гласит: «А ему целовальнику по своим приходным и расходным книгам, и по отписем с нами крестьянами счестися вправду по государеву крестному целованью и прошлых целовальников земских...». В ней названы три вида мирских документов из обширного мирского делопроизводства. Финансово-податная служба была связана с прохождением через руки мирских должностных лиц значительных денежных средств в десятки и сотни рублей, которые в течение года было необходимо учитывать. Этой цели служили приходные и расходные книги, которые вели мирские власти как на волостном, так и уездном уровнях³⁸. В расходных книгах фиксировались все совершаемые траты, включая выдаваемые деньги на какие-либо дела; такие выдачи оформлялись «отписями». Замечу, что расходные книги содержат однообразно организованную, но достаточно разностороннюю информацию. По окончании своей службы старосты и целовальники в соответствии с предписанием выбора должны были финансово отчитаться перед миром. Они держали отчет перед специально уполномоченной комиссией, что следует из оборота, продолжающего статью: «...и прошлых целовальников земских, кого миром велят ему целовальнику, с мирскими людьми в их издержке считать вправду»³⁹. Финансовый «счет» значительно отстоял во времени от окончания должностной службы. Расходная книга старосты Сольвычегодского у. 1653/54 г. свидетельствует, что «считали прошлого ружного старосту Семена Веселкина» только 26–28 июня⁴⁰, через 8 месяцев по истечении его службы. Финансовую отчетность вотчинного старосты Спасо-Прилуцкого монастыря в 1687/88 г. Кондратия Софонова проверяли через два года, в 1689/90 г. Делала это представительная комиссия из перечисленных поименно — назначенного келарем старца, вотчинного старосты текущего года, шести «выборных крестьян» и десяти «ключевых старост и крестьян». Они «считали и книг ево слушали.

³⁸ Подробную источниковедческую характеристику приходных и расходных книг см.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. С. 177–198.

³⁹ Богословский М.М. Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 14. С. 98–99. В выборе Сухонского Нововышлого стана 1634/35 г. условие о счете включено в обширную статью: «А нам крестьяном деньги судьбе давати на всякие государевы четвертные и денежные доходы и на отвоз, и суды судить и во всяком мирском деле вправду, и прошлых старост и целовальников, и поборщиков, и судей считать, кто был в сборе, деньги собирали, и начетчи, те начетные дела править безпенно по сему нашему выбору» (Там же. № 17. С. 102).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 236. Л. 46об.

И выслушав его книги, никаких порочных статей не объявилось, а по щету у него старосты Кондратья объявилось», что, сколько и по каким статьям было ниже перечислено и заверено восемью присутствовавшими⁴¹. В выборе от 1682 г. в архиепископской волости Лежский Волок факт ведения старостой приходных и расходных книг, на основании которых «считали» старосту, включен в следующий текст: «А буде ево (старосты — *Е.Ш.*) нерадением учинитца какой недобор, или мирским людям какая налога или хитрость, или по мирским приходным и расходным книгам какой недочет, и на нас мирских людех, кои в сем выборе и в прошлом имены писаны, преосвященного Симона архиепископа Вологодского и Белозерского пеня»⁴². Ясно, что в вотчинах старосты отчитывались не только перед мирскими людьми, но и управителями. Совершенно очевидно, что «выборы» предусматривали контрольную функцию миров за работой избранных лиц, воплощенную в достаточно устойчивых формулах.

Из приведенных документов вытекает совокупность разных обязанностей и действий выборных мирских властей, относящихся к финансово-податной деятельности. С большой степенью подробности они представлены в детально рассмотренном выборе целовальника Черевковской вол. 1627/28 г. Статьи документа прописывают не только все ее этапы, но и раскрывают важные черты повседневной жизнедеятельности мирского управления.

Блок, вводимый оборотом с условием о прошедшем годовом сроке целовальничества, как можно было убедиться, состоит из двух частей. Первая из них содержит обязательства крестьян-общинников, которые они принимают на себя по отношению к миру в целом и к должностному выборному лицу, ограждающие его от покрытия общественных расходов. Вторая же обязывает должностное лицо в подотчетности мирскому сообществу⁴³. Подобные блоки с разнящимися вариантами единых по своей сущности формул представляют взаимные обязанности земского мира и его властей. Общинники также соглашались, опять же с «мирского совета», в случае надобности выделять старостам, целовальникам в помощь из своей среды людей, посыльчиков, сборщиков для исполнения разнообразных кратковременных, разовых поручений. Их выпол-

⁴¹ *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. Приложение. С. 215.

⁴² Там же. С. 216–217.

⁴³ Выбор Сухонского Нововышлого стана 1634/35 г. свел все это в одну статью.

нение старосты и целовальники оплачивали из мирских денег, и подобными фактами изобилуют расходные книги.

В некоторых выборах содержится статья, обуславливающая оплату мирской службы. Обратимся снова к выбору Черевковской вол.: «А найму ему целовальнику миром рядили во весь год шесть рублей денег, и те наемные деньги ему целовальнику взять, и дьячку, и приставу из наших мирских денег»⁴⁴. Эта статья предшествует рассмотренному блоку об окончании годовой службы целовальника. Выбор старосты в архиепископской волости Лежский Волок от 1682 г. формулирует данное условие по-иному: «А подмоги ему выборному нашему старосте по нашему мирских людей приговору взять на год против прежнего из миру с стола десять рублей»⁴⁵. В обоих случаях сущность совершаемого действия одна и та же — вознаграждение, получаемое должностным лицом за службу в общемирских целях. Однако форма его выражения не одинакова, что говорит об организационной разнице во внутреннем выстраивании отношений в общинах. В черносошной волости Устюжского у. оплата ведется по сложившемуся порядку через найм-ряд, предполагающий свободный договор сторон — непосредственного исполнителя какой-либо должности и мира в лице его властей о сумме вознаграждения. В архиепископской волости речь идет о подмоге-помощи в размере, установленном когда-то ранее. Интересен здесь элемент «из миру с стола», который подразумевает мирскую кассу.

Хотя статья о материальной поддержке должностных лиц из мирских средств присутствует в выборных документах не часто, в чем убедился в свое время М.М. Богословский⁴⁶, сведения о ней можно почерпнуть в мирских расходных книгах. Так, староста общины в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в 1687/88 г. взял «годовые своей работы подможных денег десять рублей»⁴⁷. Примечательно, что сумма подмоги старосте в монастырской и архиепископской общинах была одинаково соразмерной и, вероятно, оставалась таковой в течение восьмого десятилетия XVII в. Как подтверждение материального содействия можно расценить запись из книги сольвычегодского всеуездного земского старосты Федора Семенова сына Воронкина от 1674/75 г., который «взял себе против прошлых лет дворовой кортомы 2 рубля», где «кортома» тождественна наемной плате⁴⁸. Староста

⁴⁴ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 14. С.98.

⁴⁵ *Бакланова Е.Н.* Указ соч. Приложение. С.217.

⁴⁶ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. С. 313.

⁴⁷ *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. С. 214.

⁴⁸ РГАДА. Ф 137. Сольвычегодск. № 36а. Л. 35об.

снял, арендовал двор в городе, он, по всей вероятности, был не посадским, а волостным жителем. Всеуездным старостой Сольвычегодска в 1653/54 г. был Роспута Максимов Пихтусов, который жил, как удалось установить, в деревне Спасского прихода Вилегодской вол. «от Соли верст с шестьдесят»⁴⁹.

По констатации всех предъявляемых к избраннику требований и обязательств, принимаемых на себя членами общины-мира, следует формула, которая подводит итог всей выборной процедуре и выражает ее главную суть. Костяк формулы сводится к выражению «и в том ему (им) выбор дали», что означает свершение акта избрания, его общего признания и документальной фиксации⁵⁰. Такой вариант присутствует в земских выборах Чадромской и Соденской волостей 1652 г., Введенского стана 1643 г.⁵¹ В подобном варианте присутствует формула в чистом виде, не осложненная дополнительными оборотами. Естественно, что расширительный смысл достигается за счет добавляемых к основе элементов. Среди них — указание на выборную должность, исполняющее роль усиливающего подтверждения, как в документах устюжской Черевковской вол. 1627 г., Ростовской вол. 1652 г.: «В том ему целовальнику миром и выбор дали», «Да в том ему судье и выбор дали»⁵². Наряду с таким подтверждением формулу дополняет элемент, подчеркивающий волеизъявление общинников и выраженный по-разному. В 1637 г. четыре волостки-«сошки» Введенского стана Устьянских волостей сразу избирали по 2 человека в земские судьи, целовальники, сотские и пятидесятские, которым «на том мы крестьяне им и выбор дали». В данном случае к костяку формулы прибавлено собирательное обозначение участников выбора, а все избираемые объединены местоимением «им». Почти такая же формула в документе 1642 г. с повторной ссылкой на волость: земскому судье, целовальнику и сотскому «да в том мы им крестьяне Соденские волости и выбор дали». Акт Чушевицкой вол. от 1643 г. квалифицирует сообщество иначе: «В том ему миром судье и целовальнику и сотскому и выбор мирской дали», подчеркивая коллективное единение и решение.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23 б; Ф. 141. № 25-1. Л. 156; Ф. 1209. Кн. 446. Л. 746 об. По писцовому описанию 1622–1625 гг. в трехдворной деревне за Роспутой значилось 2 двора и земли, приобретенные по купчей 1596/97 г.

⁵⁰ Глагол «дати» с существительным в винительном падеже обозначает действие по значению существительного (Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 175).

⁵¹ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 5, 9, 12. С. 88, 91, 94.

⁵² Там же. №, 7, 14. С. 89, 99.

При одновременном выборе нескольких должностных лиц: земских (судей, целовальников, сотских) и губных (старост, сотских и целовальников) в Введенском стане 1634 г. указаны лишь главные, а остальные обозначены собирательно: «На том мы крестьяне судьям с товарищи выбор дали», в выборе 1644 г. в земские судьи, целовальники, сотские и пятидесятские в Шангальской и Никольской-Введенской-Дмитриевской волостках-сошках названы, причем поименно, опять только двое главных: «Да в том им судьям Ефрему и Досаде с товарищи Устьянские волости крестьяне и выбор дали»⁵³.

Отлична от выше приведенных рассматриваемая статья в выборных документах начала 1630-х гг. миров Устюжского у. Ключевое выражение содержит выбор 1632 г. в земские судьи, судетские старосты Устюга: «А их судей выбрали и к крестному целованью привели, и выбор дали» и близкое к нему из выбора 1633 г. в земские розрубные целовальники, сотские и пятидесятские Сухонского Нововышлого стана: «В том и выбор дали и к крестному целованью привели. Выбор писал того ж стану дьячек...». В оборот введено указание еще на одну процедуру — приведение к крестному целованию, т. е. к присяге. Важно отметить соединение в данной формуле выборного документа этих двух действий. Такая формулировка может свидетельствовать об одновременности их свершения, а не очередности. По-иному выглядит рассматриваемая формула в документе 1634 г. того же стана при выборе земских судьи и старосты: «А выбрав их, и ко кресту привести». Она, подытоживая выбор, указывает на необходимость последующего принятия присяги. При разнообразии выражений в формуле «выбор дали» в них сконцентрирована квинтэссенция выбора как общественного акта и завершающее его письменное оформление⁵⁴.

Окончательно заключает документ формула, в которой содержится имя писца и дата. Эта запись имеет удостоверительный характер и подкрепляет подлинность выбора. В ее основе лежит выражение: «выбор писал...». Обычно выборные списки, как и все мирские документы, писали земские дьячки, которые также избирались. Иногда в одном лице соединялись церковный и земский дьячок. «А выбор писал Чушевицкие волости земской церковной дьячек Васка Кирилов сын. Лета 7151 году генваря в 2-ой день»⁵⁵.

⁵³ Там же. № 11, 8, 3, 10, 13. С. 93, 90, 85, 92, 97.

⁵⁴ Там же. № 15, 16, 17. С. 100, 102, 103.

⁵⁵ Там же. № 3. С. 85.

Часто в документе содержалось подтверждение, что он писался по предписанию и уведомлению мирских людей: «Выбор писал по мирскому велению Соденские волости земской дьячек Герасимко Фокин. Лета 7150 генваря в 25 день»⁵⁶. Интересна своей развернутостью данная формула в выборе Черевковской вол. Устюжского у. от 1627 г.: «Выбор матицу писал с мирского веленья земской Якунка Карамзин. А позади у матицы у выбору пишет: к сему выбору Черевковские волости Никольской поп Федор и в детей своих духовных место руку приложил. К сему выбору прошлый земской целовальник Замятня Харитоново руку приложил»⁵⁷. Из нее ясно, что выборный документ существовал не в одном экземпляре. Одно из значений слова «матица» — основа, источник, а по отношению к документу оно означает подлинник⁵⁸. К спискам, снимавшимся с грамот или других документов, применялся термин «противень», и по выражению самих документов, он писался «слово в слово». В данном случае мы имеем дело с подлинником, что подтверждают удостоверительные пометы на обороте выбора попа местной церкви и выборного целовальника прошлого года.

Выборы не завершались самой их процедурой. Обязательным актом по введению старосты или другого мирского лица в должность было принесение присяги. Обратимся рассмотрению этого сюжета. Крестоприводные документы целесообразно отнести к общему пакету документов, которые вкуче характеризуют главные этапы выборной «кампании» в земских мирах разных уровней.

Любое вновь избранное на мирскую должность лицо, будь то староста, целовальник, приводилось к присяге-крестоцелованию и таким образом утверждалось на своем посту. В 1590 г. состоялось приведение к присяге во Введенской вол. Устьянских волостей, на котором остановлюсь подробнее, так как свидетельства от XVI в. немногочисленны. Целовали крест 11 февраля «целовальник Поздий Васильев сын Меледин, да сотцкой Ондрий Иванов сын Слудного, да пятидесятцкой Дмитрий Иванов сын Дирын, да десятцкой Трофим Васильев сын Тяненой, да земской дьячек Данило Омосов сын», то есть должностные лица, принимавшие на себя ответственность за исполнение налогово-финансовых (целовальник) и полицейских обязанностей, а также делопроизводственных. Все они, присягая «своему царю государю великому князю Федору Ивано-

⁵⁶ Там же. № 8. С. 90; Также: № 5, 7, 9, 12. С. 88, 80, 91, 94.

⁵⁷ Там же. № 14. С. 99.

⁵⁸ Словарь РЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 44–45.

вичю всея Руси, великой царице Ирине и их землям», давали обещание «в Веденском стану з земьским судею с Суетою с Федоровым сыном в суде сидити и управа меж крестьяны чинити, а мне диячеку Данилу судные дела писати». Эта группа «заседателей», одновременно приносившая присягу, по всей вероятности, и избрана была одновременно, но отдельно от земского судьи. При рассмотрении дел и принятии решений они обязуются «другу в суде не дружити, а недругу не мстити и посулов и поминков ни имати ни у ково ничево никоторыми делы», другими словами, судить беспристрастно и неподкупно. Именно в добросовестном исполнении своих функций вновь избранные должностные лица и клялись: «На том своему царю государю великому князю Федору Ивановичю всея Руси, великой царице Ирине их землям и крест целуем». Далее указывается, что на процедуре «у крестного целования на приводе был целовальник прошлого году Василей кузнец Павлов сын, да Матфий Тишинин Максимов сын, да волостные люди добрые (приведены имена трех человек), да прошлой судия Иван Иванов сын Поторчин, да Михайло Дементиев сын (далее еще 3 имени), да веденский дьячек Гриша Иванов сын Ногин». Крестоприводная запись оканчивается указанием: «А подкрестный список писал земский дьячек Гриша Иванов сын Ногин лета 7098-го февраля в 11 день». На обороте стоит удостоверительная подпись: «Веденской церковной дьячек Поспелко на приводе был и руку приложил»⁵⁹. Из данного текста не вполне ясно, приводили ли к присяге вновь избранных прошлогодние должностные лица, перечисленные как бывшие на процедуре. Скорее всего, констатация «у крестного целования на приводе был...» не пассивна, указанные лица играли в процедуре самую активную роль.

М.М. Богословский установил, что принятие присяги в XVII в. происходило в один и тот же день с выбором, могло предшествовать ему или совершаться несколько позже. Из документов, которые он опубликовал, ясно, что акт принесения присяги совершался, так же как и выбор, в местном центре земской жизни и локализации мирской власти. Так, в одной из Устьянских волостей, фигурирующей в документах как Пежемская волость или стан, в январе 1642 г. волостной «сотский Никон Васильев сын Тупицыных у Флора святого в трапезе привел к честному и животворящему ко кресту Господню выборного и земского судью Пежемского стану Петра Прокопьева Третьякова да судейского целовальника Конана Иванова

⁵⁹ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 443. Примечание 3.

Павлова в том...». Сам же выбор земского судьи П.П. Третьякова датирован 3 февраля, и среди участников выборного схода означен и «староста Флоровский церковный Парфений Антипин». В январе следующего 1643 г. в том же стане «на Ростовском погосте в трапезе в миру» был приведен «к честному и животворящему ко кресту Господню выборный и земский судья» одноименного стана и судейский целовальник⁶⁰. Процедура совершалась в трапезной церкви, бывшей мирским присутственным местом. На ней, естественно, находились «люди добрые», как это было «у приводе у крестного целованья» в Пежемской вол. и ранее в 1590 г. во Введенской, а среди добрых людей наряду с церковным старостой значатся имена еще 10 крестьян.

Основное содержание крестоприводной записи состоит в фиксации принимаемых мирскими людьми обязательств. Присягающие обещали исполнять свои обязанности «вправду», и при этом «другу не дружить, а недругу не мстить», а также «поминков [и посулов] ни у кого ничего не имати». Эта формула, вполне устоявшаяся, присутствует, судя по рассматриваемым документам, в крестоцеловальных записях в течение полувека с 1590-х по середину 1640-х гг. Обращение к Судебникам 1550 и 1589 гг. показало, что ее суть заимствована из ст. 1 обоих кодексов. Особенно характерен текст ст. 1 в Краткой редакции Судебника 1589 г.: «А на суде друг другу не дружить, а недругу не мстить. Посулов не имати в суде. А на том велети судьям крест целовати в том, что посулов не имати, а судити в правду истинную»⁶¹.

Завершает привод к кресту оборот «на том и крест целовал» и подпись земского дьячка, писавшего документ и удостоверяющего его. В случаях, когда присягающий был грамотен, то он сам удостоверял запись: «целовальник Коньша Иванов крест целовал и руку приложил»⁶². Крестоприводные записи были разной степени подробности и их формулы варьировали от краткой, лаконичной до пространной, развернутой формы.

Сведения об этой обязательной церемонии, правда включенные в иной контекст, можно почерпнуть из расходных книг мирских должностных лиц. Избранные в разные годы сольвычегодскими земскими старостами в 1653 г. Роспута Пихтусов «того ж дни (т. е. 1 сентября — *Е.Ш.*) как крест поцеловал...», а в 1674 г.

⁶⁰ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. № 18, 19. С.103.

⁶¹ Судебники XV–XVI веков. Ст. 1. С. 351.

⁶² *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. С. 103–104.

«сентября в 1 день староста Федор (Воронкин — *Е.Ш.*) крест поцеловал...»⁶³.

Приведение к присяге оформлялось двумя документами, кроме крестоприводной писалась еще одна запись — «подкрестная» или подкрестный список, представляющий собой текст принимаемой присяги. Он составлен от лица принимавшего присягу, и потому в начале сразу за датой приведено его имя и выборная должность и выражена суть происходящего публичного акта: «Лета 7151 года февраля в 2-ой день Устьянские волости Введенского стану выборной земской судья Яким Карпов целую крест Господень животворящей государю царю на том...». В следующем обороте рассматриваемой статьи раскрываются основные должностные обязанности и даются заверения в их исправном исполнении и в соответствии с данной присягой. В Устьянских волостях присягали: в 1642 г. в Ростовской вол. одновременно земский выборный судья и земский целовальник — «будучи мне судейке в Ростовской волости крестьян судом судити, а мне целовальнику в суду седити и меж крестьян росправа чинити»; в 1643 г. в Введенском стане земский судья обязуется — «будучи в Устьянской волости крестьян судить и управа меж их крестьян чинить по государеву указу и по судебнику и по государевым уставным жалованным грамотам и по мирскому выбору»⁶⁴. Далее идут обороты, совпадающие с крестоприводной записью, — о честном и неподкупном исполнении службы в соответствии с даваемой клятвой. Их итожит еще раз повторяемое подтверждение: «на том крест целуем»; «на том ему государю крест Господень животворящей и целую». В завершающей статье перечислены присутствовавшие при церемонии свидетели и указан написавший документ дьячок. Обороты статьи, естественно, варьировали по степени подробности. В меру лаконичен оборот в упоминаемом уже документе Ростовской вол.: «У приводу были вдовый поп Савастьян Романов, Левонтей Максимов, Оникий Семенов...» (и далее 4 еще имени), и достаточно распространенный в акте Введенского стана: «А у приводу были люди добрые староста церковной Пречистенского приходу Шангальского Иван Никифоров Рогозин да прошлые земские целовальники Евдоким Левонтиев Филимонов да Гость Прокопьев Темирев да прошлый сотской Силуян Игнатъев Павлова да крестьяне...» (и далее имена 13 крестьян). В Ростовской вол. «привод писал земской дьячек

⁶³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 236. Л. 60, 92.

⁶⁴ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложение V. № 20, 21. С. 104.

Васка Захарьев» и засвидетельствовал «у приводу вдовый поп Савостьянище был и руку приложил», а во Введенском стане «подкрестной писал по мирскому велению Устьянские волости Введенского стану прошлой выборной земской дьячек Селиверстко Кокорин»⁶⁵.

Чрезвычайно интересно имеющееся в подкрестной записи 1643 г. Введенского стана перечисление тех юридических оснований, которыми руководствуется мирской суд в своей деятельности. Это — указание на «государев указ и судебник и государевы уставные жалованные грамоты», под чем следует разуметь Судебник 1550 г., а скорее 1589 г., который возник как переработка царского судебника для земских судей поморских волостей с их местной спецификой и вобрал в себя уставные грамоты, в частности, 1552 и 1556 гг.⁶⁶. Наряду с этим упоминается и «мирской выбор», который придает действиям земских судебных органов, избранных миром, юридическую силу.

Принесение присяги и составление крестоприводных документов завершали собой процедуру выборов должностных лиц и подводили черту выборной «кампании» в земских мирах разных уровней. В ней участвовал определенный круг людей, вовлеченных в мирскую службу и составлявших земско-мирской «актив». Обязательным при принесении присяги было присутствие местного священника. Включение в крестоцеловальные записи формул и оборотов, основанных на статье Судебника 1589 г., иногда почти как прямой цитаты, говорит не только об использовании законодательного кодекса в деятельности земского суда, но и о силе государственного начала в этой сфере.

Конечно, важен и интересен вопрос, как подбирались кандидаты на мирские должности. Однако, сведения о технической стороне этого неизвестны.

Обновленный состав земских людей во главе со старостой представлял перед местными властями, в черносозных уездах — перед воеводой, в частных владениях — перед вотчинными управителями. Такой визит знаменовал собой смену земских должностных лиц и санкцию властей на их деятельность. Данные об этом содержатся в расходных книгах мирских старост. Упомянутый выше староста Сольвычегодского у. Роспута Пихтусов в 1653 г. после крестоцелования «ходил на двор к воеводе Петру Никитичю Веснину с мир-

⁶⁵ Там же. С. 104, 105.

⁶⁶ См.: Судебники XV–XVI веков. С. 419, 422–423, 442.

скими людьми...»⁶⁷. Тотемский земский староста Иван Спасский в новогодний день 1 сентября 1674 г. посетил с «колачом столовым» воеводу С.П. Вяземского, а 4 сентября пошел к нему для своего утверждения в должности: «Да как меня старосту мирские люди сводили к воеводе ко князю Семену Петровичю Вяземскому...»⁶⁸. Другой шаг земских властей находится под датой 11 сентября в день, когда «меня старосту изволили мирские люди в земские старосты, поставлено, сам, мирским человеком колачей и пирогов на 10 алтын, полведра вина дано 20 алтын, три ведра пива дано 10 алтын. Были и пили все мирские люди, посыльщики, которые были о Семене дни»⁶⁹. Избранные на должность мирские люди не лишали себя возможности отпраздновать столь важное событие, а староста подчеркнул, что потратил на угощение собственные, а не мирские средства. Всевотчинный мирской староста Спасо-Прилуцкого монастыря Кондратий Софонов так же, как и его собратья в черносошных волостях, «ходил к ним государем своим влаstem с почестию. Государю келарю монаху Иллариону Лазареву несено почести..., казначею монаху Иоакиму Белозерцу...»⁷⁰.

Посадский и волостные миры, как говорилось выше, входили во всеуездный как органические составные части, а посадские и волостные люди выбирались во всеуездную «коллегию» мирских властей. Она состояла из всеземского (земского) старосты, целовальников денежных сборов (от 1 до 3), представлявших посад и подгородную волость, присутствовавших в городе на тот или иной момент волостных старост и/или целовальников, выборных посыльщиков от остальных волостей и вкуче насчитывала около 10 человек. Именно эти люди решали текущие дела, которые не требовали созыва схода. Такое устройство земских миров на Севере обусловлено единством города и сельского уезда, которые представляли собой целое, гомогенное по земельному фонду (государственному) и фискально-однородное.

Необходимо остановиться на еще одном моменте, относящемся к присяге как процедуре, существовавшей в российском обществе XVII в. Было охарактеризовано бытование присяги на нижней социальной ступени — в крестьянско-посадской общине Севера. Однако данная процедура действовала и на других социальных

⁶⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 60, 125.

⁶⁸ Там же. № 76. Л. 1, 4об.

⁶⁹ Там же. Л. 13об.

⁷⁰ *Бакланова Е.Н.* Указ. соч. Приложение. С. 200.

уровнях. Имеется в виду принесение ее при занятии воеводами своей должности. Об этом свидетельствуют наказания, которые получали воеводы, назначаемые в уездные центры Поморья.

Вообще же принесение клятвы существовало на Руси издревле. Упоминания о ней содержат древнерусские памятники, например, Изборник Святослава 1076 г., Лаврентьевская, Ипатьевская, Софийская I летописи. По сути, процедура представляла собой произнесение особых слов при клятве как определенном действе. В последнее время вопрос о принесении клятвы стал предметом внимания П.С. Стефановича, что воплотилось в ряде статей⁷¹ и затем было обобщено в соответствующем разделе коллективной монографии⁷². Ученый остановился на видах клятв и терминах, обозначавших в средневековой Руси их принесение. Он отметил, что слово «присяга» входило в употребление с конца XIV в., сначала в определенном контексте, а затем оно постепенно вытеснило древнерусские термины, обозначая всякую клятву, в том числе и крестоцелование⁷³. П.С. Стефанович убедительно показал, что в XV — начале XVI в., когда формировалась политическая система московского самодержавия, крестоцелование стало использоваться как служебная присяга знати и служилых людей верховному правителю, а также верности населения ему⁷⁴. К XVII в. крестоцелование прошло достаточно большой путь в своем развитии. Оно в качестве присяги было устоявшимся порядком при занятии должностей разных уровней.

Наказ отъезжавшему воеводе следует квалифицировать как должностную инструкцию приказа (четверти), в соответствии с которой воевода действовал во вверенном ему городе и уезде. Наказы, индивидуально адресованные сменявшим друг друга воеводам в одном городе, перечисляли требования власти к исполнителю должности. При этом за образец брался документ, выданный предыдущим

⁷¹ *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004; *Он же.* Давали ли служилые люди клятву верности князю средневековой Руси? // Древняя Русь. М., 2006. №1; *Он же.* Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю)? // Древняя Русь. М., 2008. № 2; и др.

⁷² *Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269.

⁷³ Там же. С. 164–168.

⁷⁴ *Стефанович П.С.* Князь и бояре... С. 197.

му воеводе, о чем имеются прямые свидетельства. Так, из наказа от 29 августа 1637 г. воеводе Сольвычегодска А.Г. Козловскому следует: «Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси велел воеводе князю Офонасью Григорьевичу Козловскому быти на своей государеве службе у Соли Вычеготцкой на Федоровом месте Левашова. И князю Офонасью, приехав к Соле Вычеготцкой...» По отношению к уездному населению власть вменяет ему в обязанность: «будучи у Соли Вычеготцкой усольцев посадцких людей и волостных крестьян судить и росправа меж ими чинить в правду...» и, главное, исполнять это «по государеву крестному целованью, на чем он государю крест целовал»⁷⁵. Наказ от 24 декабря 1634 г. о назначении Григорья Кузьмича Варнавина к «государеве службе на Тотьме на Васильево место Борцова» предписывал: «будучи на Тотьме, тотмич посадцких людей и волостных крестьян судити и росправа меж ими чинить вправду по государеву крестному целованью, на чем он крест целовал»⁷⁶. Приведенные формулировки из наказов в разные города, данные из одного приказа — Устюжской четверти, по основному содержанию совпадают дословно. М.М. Богословский заметил, что в основе текстов наказов в разные местности просматривается «как бы общая модель», в Устюжской и Новгородской четвертях в каждой сложились свои типы наказов, хотя различия между ними не существенны⁷⁷. В обоих рассматриваемых наказах упоминание о даваемой воеводой присяге повторяется. Сольвычегодскому воеводе вменялось: «А судити ему посадцких людей и волостных крестьян вправду по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси крестному целованью, а не по посулам, виноватого правым, а правого виноватым не учинити»⁷⁸. Формулировка наказа воеводе Тотьмы несколько отличается от только что цитируемой: «А судить ему посадцких людей и волостных крестьян и управа чинить по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси крестному целованью вправду, а не по посулом, по вине никого виноватого не оправить, а правого не по вине не обинить»⁷⁹. Эти свидетельства недвусмысленно говорят о приведении служилого человека, отправлявшегося к месту административной службы, к должностной присяге с одновременным ее принесением, что было слито в одном публичном акте.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 141. 1636. № 57. Л. 115, 116.

⁷⁶ Там же. 1626. № 17. Ч. 2. Л. 73, 74.

⁷⁷ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. II. М., 1912. С. 270.

⁷⁸ РГАДА. Ф.141. Оп. 1. 1636. № 57. Л. 118.

⁷⁹ Там же. 1626. № 17. Ч. 2. Л. 76.

Принесение присяги было обязательным и при занятии высших должностей думных дьяков, приказных судей, а также дьяков и подьячих. Крестоприводные записи, дававшиеся при смене правителя и отдельными лицами при вступлении в должность или при повышении в чине, охарактеризовала Н.Ф. Демидова, прослеживая выделение понятия «приказная работа» из понятия «государева служба»⁸⁰. Она заострила внимание на присягах 1613 и 1626 гг. Последняя стала образцом для последующих крестоприводных записей 1651 и 1653 гг., тексты которых «за некоторыми чисто редакционными изменениями, повторяют текст присяги 1626 г.», ставший, по-видимому, традиционным⁸¹. Исследовательница убедилась, что до середины XVII в. присяга для приказных людей «состояла как бы из двух частей — общей, которую они давали, как часть служилых людей вообще, и частной, где они выступали как служилые люди гражданской службы». Такая двойственность, полагает Н.Ф. Демидова, и привела к разделению обязанностей приказных людей на «государеву службу» и «приказную работу»⁸². О должностной присяге, после принятия которой вступающее в должность лицо могло исполнять свои обязанности, говорит К.В. Петров. Он отмечает, что крестоцеловальные записи были разработаны для членов Боярской думы, дьяков, подьячих⁸³. Он также упомянул указ от 1625 г. о порядке крестного целования во время судебного процесса⁸⁴.

Таким образом, крестоцелование, бытовавшее в мирах Севера при занятии земских должностей в XVII в., вписывалось в общую культурно-правовую традицию принесения присяги, которая существовала на разных уровнях российского общественного устройства.

Местом пребывания мирских властей и ведения дел служила земская изба в городе или в крупном волостном центре. В волостях же мирские люди собирались для ведения насущных дел в трапезной местной, центральной для волости, церкви, что уже было видно из рассмотренных выше земских документов. В мирской центр кре-

⁸⁰ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 147–150.

⁸¹ Там же. С. 150.

⁸² Там же. С. 152.

⁸³ Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. М.; СПб., 2005. С. 76.

⁸⁴ Там же. С. 95. Сам указ см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 142. С. 123–124.

стьяне сходились для выборов тех или иных мирских должностных лиц, оглашения государственных указов и постановлений воеводской администрации, здесь решали вопросы по налогообложению, займам денег на экстренные мирские нужды, вели судебные тяжбы и разбирательства, расспрашивали свидетелей. Трапезная церкви была и местом общих празднований.

Представляет большой интерес акт купли-продажи на двор в Сольвычегодске от июля 1613 г. Продавцом была уездная земская организация, представленная в сделке целовальником Соли Вычегодской Ярофеем Карповым сыном Сосниным с «товарищи», целовальником же Окологородной вол. Иваном Ивановым сыном Корякиным с «товарищи да всего Усольского уезда...», и далее поименно перечислены 1 староста (Алексинского стана), 6 целовальников и 9 посыльщиков — от всех волостей, всего 16 человек. Последним при этом назван целовальник Пачеозерской вол., после имени которого написано «с товарищи», что должно относиться не столько именно к нему, а к должностным лицам всех волостей, и за счет двух-трех «товарищей» число участников акции увеличивалось. Они действовали от лица всей мирской организации и «всем Усольским уездом продали» сольвычегодскому посадскому Гаврилу Иванову сыну Звягину «двор свой всеземской всего Усольского уезда», который «купливали у Юрья Толстова», и, как водится, «со всеми хоромы и с огородцем и с половиною трубою, что с Фомою вместе, и та труба у нас вопчая»⁸⁵. Как и полагается, в купчей названы постройки городского двора: «изба с комнатою, а под избою подклет да против избы сенник и с подклетом, а промеж сенником и избою сарай да и з банею и со всеми хоромы, что есть хоромов». Далее оговорены дворовые межи, указана цена сделки — 5 руб., и «деньги взяли все наперед, у купчие сидя». В приведенном обязательстве об «очищении», т. е. погашении могущих всплыть старых долгов, «весь Усольский уезд» обязуется их «выкупать и очищать своими деньгами», и в том числе «в отводе и в оцыщенье тому двору всего Усольского уезда крестьяне». Купчая говорит о приобретенном когда-то коллективно и теперь продаваемом довольно обширном «всеземском» дворе и о наличии на нем соляной трубы. Ею пользовались по половинам с неким «Фомой вместе», а продолжающая это указание фраза «та труба у нас вопчая» намеренно подчеркивает совладение соляным колодцем и его эксплуатацию двумя владельцами. Купчая недвусмысленно свидетельствует о проведении сделок на деньги посадских людей

⁸⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45–2. Л. 69.

и уездных крестьян, которые соучаствовали в них своими взносами в «мирские платежи». На обороте акта — шесть собственноручных рукоприкладств — двух земских дьячков посадского и Окологородной вол., трех волостных посыльщиков и старосты Алексинского стана, а сам акт написал земский дьячок Лальской вол., из чего следует, что грамотность была важным условием для занятия мирских должностей. Дополнительный штрих к фигуре покупателя всеземского двора посадского Гаврила Иванова сына Звягина: он купил в кожевном ряду по лавке в 1600 и в 1612 гг.⁸⁶

Наряду с выборной функцией мирского самоуправления на разных уровнях важнейшей была налогово-повинностная. Мирские власти занимались раскладкой податных сумм, причитавшихся на волость как относительно крупный территориально-финансовый округ. Волостные целовальники денежного сбора разверстывали общую налоговую сумму на каждое крестьянское хозяйство в соответствии с их состоятельностью, выраженной в доле тяглого оклада. Такие разверстки производились несколько раз в году. Каждый дворохозяин уже в силу выполнения своих фискальных обязательств контактировал с мирскими должностными лицами. Вместе с тем он при соответствующих обстоятельствах и при условии удовлетворения необходимым требованиям мог быть выбранным к исполнению одной из них. Своевременный сбор платежей в волостях, доставка их в земскую избу уездного города, затем отправка их в московский приказ были не менее важными делами мирских властей, чем их раскладка.

Из уже рассмотренных документов вытекает, что в течение года мирской аппарат вел свою разнообразную документацию, связанную с исполнением разных должностных функций. Усилиями ученых, особенно М.М. Богословского и А.И. Копанева, был внесен большой вклад в выявление, ввод в научное обращение и публикацию документов XVI–XVII вв., отражавших устройство, порядки и основные функции самоуправления в северных мирах. Результаты такой работы позволяют предпринять реконструкцию состава земского архива XVII в. в части документов собственно мирского происхождения.

В литературе в последнее время появились исследования подобного рода. Так, А.В. Топычканов изучил комплекс сохранившихся документов приказной избы дворцового с. Измайлова за 1676–1687 гг., опираясь на их описание, дошедшую в составе описания села и увязав

⁸⁶ Там же. Л. 68, 70.

вопрос о составе приказного архива с порядком ведшегося делопроизводства. Он показал составные части архива и преобладающие в каждой из них разновидности документов⁸⁷. Исследователь, продолжая занятия с измайловским документальным комплексом, опубликовал из него приходные и расходные книги разного профиля, описи дворца и хозяйственных заведений и другие документы последней четверти XVII в. Он не ограничился связным рассмотрением управления и делопроизводства приказной избы, а в русле современной исторической проблематики предложил реконструкцию повседневной жизни дворцового села⁸⁸.

М.Б. Булгаков почти одновременно с А.В. Топычановым обобщенно охарактеризовал документальный комплекс посадских изб XVII в. Он подразделил всю совокупность земской документации посадов на 3 группы: документы а) «исходящие» из центральных приказов; б) происходившие из земских изб и связанные с тяглыми обязанностями посадских людей; в) связанные с внутренними земскими делами. Собственно, его группировка следует принципу происхождения документов. Исследователь перечисляет их разные типы (в целом их около 30) в каждой из групп и обозначает возможные вопросы, которые могут быть изучены на их основе⁸⁹.

Письменные акты выборов мирских властей, как мы уже убедились, появлялись в результате процедур, которые состояли из двух этапов — самих выборов и принятия присяги. Оформление соответствующих документов подводило окончательный итог «избирательной кампании», и они по своей сути конституировали аппарат земской власти и определяли круг его действий. Такие документы следует считать наиболее важными в практике миров, и они, безусловно, сохранились.

На сходах не только выбирались должностные лица, но и решались иные насущные дела, прежде всего, связанные с раскладкой и уплатой налогов и платежей на мирские нужды. Принятые решения по этому, как и по другим вопросам, фиксировались в постановлениях сходов, так называемых «приговорах». Выполнение приговоров

⁸⁷ *Топычанов А.В.* Архив приказной избы подмосковного села Измайлова за 1676–1687 гг. и его документы. // АЕ за 2001. М., 2002. С. 336–343.

⁸⁸ *Он же.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004.

⁸⁹ *Булгаков М.Б.* О составе документации земских посадских изб XVII столетия // Историческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. М., 2003. С. 71–74.

было обязательным для всех общинников, а их неисполнение мир осуждал. Содержание налогово-финансовых документов разнообразилось. Отмечу, что о них уже до некоторой степени можно судить по «выборам». Так, выбор 1591 г. в Куростровской вол. Двинского у. называет «волостные розрубные списки». Они были результатом действия, суть которого состояла в распределении налоговых сумм на каждое хозяйство, в соответствии с которыми сотский должен собирать налоги. Из 25 опубликованных А.И. Копаневым куростровских столбцов 18 являются разрубам, которые относятся к 40-м гг. и последней четверти XVI в. Эти документы прямо указывают: «разрубили куростровские волощане брати старосте...». Ученый писал, что документы показывают технику волостной раскладки государственных и мирских платежей, окладные единицы, тяжесть денежных взносов каждого из хозяйств, социальное положение волощан⁹⁰. Раскладке податных сумм предшествовал предваряющий ее этап оценки экономического положения каждого из хозяйств. А.И. Копанев уделил внимание и механизму раскладки, который фиксировался в книгах: веревных при поземельном принципе, оценных при принципе «по животам», а также «по головам»⁹¹. Выборы XVII в. также предусматривали проведение имущественной оценки. Специально избранная комиссия мирских людей во главе со старостой (целовальником) устанавливала и/или пересматривала доходы хозяйств, например в упоминавшейся уже Черевковской вол. Устюжского у., определяя размер податного обложения «по животам и по промыслам»⁹².

Как происходила разверстка в действительности, видно из ряда документов. В декабре 1625 г. Куротецкая волость Чарондской округи в лице старосты Леонтия Александрова, двух земских судей и 14 поименованных крестьян «да и всех крестьян» выбрала «к деревенской поверстке промеж собою судного целовальника Григория Иванова да крестьян», числом 10, чтобы ее провести. Уполномоченная волощанами комиссия действовала по заведенному, привычному порядку, как «преж сего верстали в тягле, смотря по земле и уго-

⁹⁰ Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. С. 399, 417.

⁹¹ Там же. С. 421–422. См. также публикации: Копанев А.И. Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966; Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973.

⁹² Богословский М.М. Указ. соч. Т. I. Приложение. V. № 14. С. 98.

дьям...»; поверстка была направлена на приведение земель каждой из деревень в соответствие с тяглым окладом, что следует из логически продолжающего цитируемый оборот следующего элемента: «...с тяжелых деревень класти на легкия». К выборному документу примыкает «излюбленная поверстная записка», датированная тем же числом, что и сам выбор. Она сообщает, что волостной староста и земские судьи Филипп Климентьев да Андрей Васильев «да и все крестьяне» приговорили «поверстатись деревнями по писцовым книгам Алексея Игнатъевича Зубова да подъячего Михаила Неверова». Записка содержит перечень 25 деревень с указанием оклада каждой из них, выраженного в условных денежных единицах: Погостище — полторы выти, 2 алт., д. Зуевская — выть, 4 ден., Скурадова — 2 алт., Басаргино — 6 алт. и т.д.⁹³

К октябрю 1633 г. относится разруб ямских денег и ряда мирских платежей, проведенный комиссией, состоявшей из «данного» целовальника Никиты Тимофеева Тарасова и 25 крестьян волости Юрьева наволока, Евды и Устьева Устюжского у., они «всех денег розрубили на белку по рублю по 14 алтын по 2 деньги». В «сей разрубник» включено 50 деревень, по каждой из которых показан оклад тяглецов в долях белки. С этим документом связан другой, от августа 1635 г. той же волости «данного розрубного покладного целовальника Аброса Омосова сына Вершинского» и 17 крестьян. Они «во всех крестьян место Юрьева наволока и Евды и Устьева розрубили есмя прошлому целовальнику 142 году Миките Тимофееву сыну Тарасову государевы данные и оброчные деньги за пустые деревни на прошлой на 142-й год по жилым деревням по нам крестьянем». По разрубку пришлось на белку по 8 алт. 2 ден. и еще по 2 ден. «на пристава Оську и на зборщика»⁹⁴. Этот разрубный список свидетельствует о реальности круговой поруки в платеже налогов и сборов, упоминание которой неоднократно встречается в индивидуальных и коллективных челобитных крестьян в почти стандартной форме — и я/мы пустоту окупаю/ем с миром в ряд.

Показательна конечная фраза этого документа. Она сразу привлекает внимание тем, что проливает свет на приемы ведения мирского делопроизводства в волости: «а розрубной список писан с Обросова розрубника Юрьева наволока данного целовальника нынешняго 143 году», заканчивается она именем писавшего документ

⁹³ Там же. Т. II. Приложение. № 8. С. 29–30.

⁹⁴ Там же. Т. II. Приложение. № 6, 7. С. 24–28. Белка здесь — условная раскладочная единица.

«по мирскому велению»⁹⁵. Когда на протяжении многих лет через твои руки проходят разнообразные земские документы, то на логическом и аналитическом уровнях появляется убеждение в том, что при их составлении мирские «делопроизводители» опирались на предыдущие действующие образцы, формуляр которых развивался во времени. Исследовательская интуиция в данном случае получила реальное подтверждение.

В Варженской вол. Устюжского у. в ноябре 1652 г. состоялось верстание тяглых земель по деревням. Его провели выборные люди во главе с земским судьей и церковным старостой, которых пятеро, в присутствии 40 поименно названных крестьян. Они «выти верстали прямо в правду... с тяжелых деревень збавливали, а на легкие прибавливали», что и оформили документально: «в том написали поверстный список». Одновременно с междеревенским поравнением массивов тяглых земель был произведен разруб: «поверстав выти, розрубили земскому судье Климу Павлову собрать... и впредь всякие государевы доходы збирать, а нам крестьяном платить по сей поверстной, докуды миром поволят». В данном случае документ именуется поверстной памятью. К ней непосредственно примыкает разрубный список, в который занесены деревни, имена дворохозяев и размер оклада в долях местной выти: «Окулово — Бажену, Григорью, Овдотье, Третьяку, Дмитрею, Тимофию пол пяты осмины» и далее так перечислены 58 деревень⁹⁶.

Примечателен приговор от 1638 г. посадского схода Сольвычегодска с самоназванием «засетка». Посадские разрубные целовальники (4 чел.) и «все» посадские «лучшие и средние и младшие люди засели» государственные и мирские подати «розрубать и поводить нам всем посадским людям». Однако они сначала отрегулировали представительство на мирском сходе, так на него стали приходиться по несколько человек от хозяйства. Для соблюдения равных условий для всех участников было решено, чтобы на разруб от каждого домохозяйства не приходили 2–3 человека, иначе следует «тех людей из избы вон высылати безпенно для того, чтоб в государеве в данном окладе мирским людям никому ни в чем некоторые порухи не было»⁹⁷. Понадобилось, и, возможно, не в первый раз, упорядо-

⁹⁵ Там же. С. 28.

⁹⁶ Там же. Т. II. Приложение. № 5. С. 22–24. О причинах переверстки срока ее действия см.: Там же. С. 136–138.

⁹⁷ Там же. Приложение. № 4. С. 18–19. Поименно перечислено 122 чел., причем из них с: «братъсю; братьями» — 6, «братом» — 8, «детьми» — 2. В Сольвычегодске в середине 1620-х гг. было 285 дворов, людей в

чить делегирование от дворохозяев, ограничив его одним человеком, иначе на сходе создавалось неравное представительство, провоцировавшее споры и распри. Во избежание этого было принято публичное решение об участии в собрании в соответствии с составленными ранее окладными книгами. За записанный в них тяглый оклад нес ответственность глава двора, и он должен, лучше сам или по его поручению кто-то из взрослых членов семьи, представлять свой коллектив и хозяйство на сходах, но один, без сопровождения других сыновей или братьев. Приговор весьма представительного схода при обложении исходил из общего принципа «по животом и по промыслом и по торгам», включая оценку торговой инфраструктуры и сенокосных угодий, и дополнительно еще «по семьям». Последний фактор, полагал М.М. Богословский, имел в виду личный состав хозяйств⁹⁸, я бы уточнила, имевшихся в семьях мужчин тяглого, трудового возраста. Подтверждением этому можно считать указание на присутствовавших на данном сходе тяглецов «с братьею» (если их 2–3) или «с детьми» (трудоспособными сыновьями, по всей видимости неженатыми). Приговор установил величину единицы обложения — 80 руб. с белки, в соответствии с которой рассчитывался конкретный оклад в зависимости от имущественной состоятельности хозяйства. Он определялся скрупулезно, по многомерной шкале: «А на данном окладе считатись всем миром всякий живот и деньги, и дворы, и лавки, и полянки, и пожни, и кузнь серебряная, и платье доброе и среднее, у кого что есть, и порядня медная и железная, и деревянная добрая и середняя, что по мирскому приговору пригодится во счет положить, ино класть», принималась во внимание и обремененность хозяйств долгами и займами. Местом проведения «засетки» была земская изба, и в ней на разрубе от семьи должен присутствовать 1 человек, тот, который внесен в окладные книги, скорее всего дворохозяин. Этот факт специально оговорен в приговоре во избежание раздоров и проявления неподчинения решению схода. По приговору размеры утвержденного оклада не подлежали оспариванию и пересмотру⁹⁹. Такого рода приговоры, столь подроб-

них — 358, из этого числа — худых 40 дворов и 57 человек. К середине 1670-х гг. число дворов сократилось до 197, т. е. почти на 100. Если сделать грубое допущение, что в десятилетие уменьшалось примерно до 20 дворов, то к 1638 г. их могло насчитываться около 220 (без худых) и людей около 260–270 чел. Можно полагать, что в сходе 1638 г. участвовало около половины тяглоспособных дворохозяев.

⁹⁸ Богословский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 134.

⁹⁹ Там же. Приложение. № 4. С. 18–22.

но перечисляющие имущество, положенное в основу при обложении, передают его состав от денег и недвижимости вплоть до посуды и ценностей с указанием материалов их изготовления. Они как бы обрисовывают обеспеченность хозяйства и погружают в каждодневность посадского бытия.

У монастырских и архиепископских крестьян Вологодского у. в конце XVII — начале XVIII в., как было установлено, активно действовали крестьянские общины, собиравшиеся на сходы и выносившие решения-приговоры, выбиравшие должностных лиц, занимавшиеся регулированием землепользования и тяглообложения¹⁰⁰. Перераспределение земли проводилось не только по причине изменений в пользовательских угодьях или в численности населения¹⁰¹, но и в результате прямого вмешательства вотчинника. Власти Спасо-Прилуцкого монастыря в 1654 г. в с. Домшино «изволили... в то время землю сводить свою монастырскую в одно место», когда у крестьян были взяты их полосы и даны другие. После чего «у нас была земляная поверстка промеж собою у крестьян». Она была частного характера, хотя затронула участки в полях и сенокосах. «Верстали... полосы» небольшая комиссия крестьян (ок. 5 чел.) в присутствии «посельнича старца» и священника, что было письменно оформлено: «на то место есть у нас и записка»¹⁰². Отсюда следует, что и на частное поравнение земель составлялись соответствующие документы.

Приговор Заболотской волостки архиепископской Засодимской волости от марта 1678 г. свидетельствует о назревшей необходимости привести в соответствие «земленной роздел и... обежный оклад» по деревням. Для этого ранее был проведен выбор целовальников, «которые волостью выбраны». Они с представителями вотчинной власти — посельским старцем и домовым подьячим, а также с пятью крестьянами «новые вотчины» и с четырьмя «старые вотчины», «посоветовав меж собою, приговорили сообща зделать...». Суть прове-

¹⁰⁰ Бакланова Е.Н. Указ. соч. С. 130–154, 180–191.

¹⁰¹ Так, крестьяне одной из деревень архиепископской волости Лежский Волоч Вологодского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. сообщали, что у них сократились пашня и покосы, «потому что людьми у нас умножилось» (Архив СПб ИИ РАН. Кол. 34. Карг. 8. № 128).

¹⁰² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 953. Л. 1, 2. Частное междеревенское поравнение в архиепископской волости Лежский Волоч было проведено в 1683 г.: «приказчик... и староста с мирскими людьми промеж собою деревня на деревню окладом верстаются. С тяжелые деревни кладут оклад на легкую деревню» (Там же. Кол. 34. Карг. 8. № 23. Л. 7).

денного поравнения состояла в том, что деревни, которые оказались у домовых властей «в земляной мере и обежном окладе... положены не право тяжеле» и «не по нашим приговору» т. е. крестьян, «ныне деревни в той земляной мере и обежном окладе облегчены. И нам с тяжелые снять, а положить на облегченные». К приговору примыкает роспись деревень с указанием снятой или прибавленной доли¹⁰³. Указание на присутствующих в «передельной» группе крестьян из новой и старой вотчин можно истолковать, во-первых, как приобретение совсем новых селений и земель, увеличивших владения вологодского архиепископа в Засодимской вол., во-вторых, как расширение в ней тяглого массива земель за счет внутреннего освоения. Более основательного характера переделы-поравнения прошли в архиепископской Засодимской вол. в 1715 г. и в волостке с. Глубокое Спасо-Прилуцкого монастыря в 1717 г. Они подробно мной проанализированы, а их тексты опубликованы¹⁰⁴.

Рассмотренные документы показали существование в общинах разных способов обозначения земских окладных единиц и использование их сочетаний. Также не были единообразны мирские должностные лица, возглавлявшие проведение земельно-тяглого урегулирования, это — земские старосты, целовальники, судьи, нередко церковные старосты. Мирские приговоры разных типов, поверстные списки и росписи пополняли собой земские архивы, ложась в короба для хранения, а также для использования в случаях необходимости. По истечении полномочий мирских старост, денежных целовальников происходила проверка их финансовой деятельности, что выражалось в вариациях стандартной формулы «считать в правду». Результаты отчета — сметные списки, утвержденные специально выбранной комиссией — составляли значимую часть хранимых документов. Ясно, что пополнение и опустошение мирской кассы, т. е. приход и расход средств, необходимо было учитывать с особой тщательностью. Результат этой деятельности воплотился в ведении приходных и расходных книг в мирах как на волостном, так и уездном уровнях, о чем говорилось неоднократно.

В течение года мирской аппарат вел свою многообразную документацию с использованием черновых тетрадей, памятных записок, отписей, росписей, составлял челобитные, заемные кабалы. Многие документы, как было показано, были связаны, прежде всего, с

¹⁰³ Там же. Кол. 34. Карт. 7. № 4.

¹⁰⁴ *Бакланова Е.Н.* Указ соч. С. 146–148.

раскладкой и сбором налогов, ведением мирских дел финансового характера, разбором земельно-имущественных конфликтов. Естественно, все разнообразие документов мира тщательно хранили.

Текущее делопроизводство земских миров вел земский дьячок. С ним мирские власти заключали договор найма на год и уговаривались об оплате. Письмоводство дьячка земские власти оплачивали из мирских сборов, причем по мирскому всеземскому заручному приговору. На основании этого документа он получал «от мирских дел и от всеземских приходных и расходных книг от письма за работу» годового найма 10 руб. и в их получении «отпись писал своею рукою»¹⁰⁵. Сольвычегодский староста Роспута Пихтусов отметил в расходной книге 1654/55 г. под 31 мая, что два земских дьячка «писали на земском дворе московский отпуск и сметный список и отписки и скаски», в июне они же также на земском дворе писали «сметный список вчерне и чистой и отписку в чисте и считали книги и отпуски писали приемному целовальнику Федору Козмину Святковских»¹⁰⁶.

Однако мирские деньги тратились не только на значительные приобретения, как земский двор, погашение взятых в долг сумм, на оплату годовых наймов земских дьячков, приставов, сторожей земской избы, но и рядовые покупки: для разных документов бумаги (ее покупали стопами), свечей, чернил, дров для отопления, уборку помещения к праздникам. Расходные книги как земских, так и волостных старост пестрят записями о таких тратах. На них мира собирали деньги путем «мирских розрубов», т. е. раскладок специально на мирские надобности. Каждый крестьянин был плательщиком таких сумм, соучаствуя в финансировании мирских расходов. В актах поземельных сделок обязательно присутствует норма о налоговых и мирских платежах, и последние фигурируют в них как «всякие земские розметы», «волостные розметы, что не разрубят вново», «всякие мирские потуги и заемные (мирские) кабалы». У сольвычегодского старосты Роспуты Пихтусова числилась в приходе годовая сумма в 376 руб., поступающая «по мирскому приговору на земской всякой мирской расход»¹⁰⁷.

Местом хранения мирских документов в городском центре была земская изба, а в волости либо изба, либо нередко трапезная

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 195об. См.: Там же. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 15 об., 30–33об.

¹⁰⁶ Там же. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 44об., 46.

¹⁰⁷ Там же. Л.3.

церкви. Известны акты XVI в. крестьян Лодомской волости Двинского у., вошедшие в науку как собрание актов одноименной церкви. Трапезная главного волостного храма была местом локализации мирской власти и заседаний ее должностных лиц при ведении необходимых дел, здесь же хранилась мирская касса и делопроизводство. Об этом говорит книга целовальника Ильинского прихода Вилегодской вол. Сольвычегодского у. 1674/75 г., из нее явствует, что в трапезной церкви иногда даже могли быть заперты в наказание мирские люди¹⁰⁸. Этот целовальник дважды в июне 1675 г. посылал ходяков в Сольвычегодск с требуемыми документами, которые составили в волости. Один «относил запись да книги пустым деревням», другой «переписные тетради пустоте». В Яхренгской вол. Устюжского у. при передаче одним церковным старостой другому в 1686 г. церковной казны значится «всемирская коробка со всемирскими писмяными и с росрубными списками и с исдерженными книгами, которые были целовальники и судьи зчитаны»¹⁰⁹. Во владениях Николо-Коряжемского монастыря в Шалимовой слободе Сольвычегодского у. в результате пожара, случившегося в 1618 г. «против Васильеве дни Кесаринсково в ноче», сгорел храм Николая Чудотворца со всей церковной утварью, образами и книгами. «Да в том же... храму стояла коробия, погорела, казенная земская, а в коробье были домовых деревень Николиных купчие деревенские и поженные пути, да в той же коробье были книги рубежные прошлых годов и отписи данные и оброчные, и верхотурские в государеве запасе, довозные отписи, и порушные и урядные грамоты и всякие мирские дела, земские»¹¹⁰. Из этой явочной челобитной хорошо виден разнообразный состав документов в мирской организации монастырской вотчины, здесь акты поземельных сделок крестьян, порядные, поручные грамоты, межевые книги, отписи, связанные с уплатой налогов, поставкой продовольственных запасов в Верхотурье для сибирских городов, и другие земские «дела», и все это находилось в «коробье».

О способах хранения мирской документации еще узнаем из скурых данных расходных книг. Сольвычегодский староста 1674/75 г. Федор Воронкин приобрел «на книги лубок коробейной»¹¹¹. Расходная книга 1666/67 г. мирских денежных сборщиков Устюга говорит

¹⁰⁸ Там же. № 36-в. Л. 8.

¹⁰⁹ Там же. № 36-в. Л. 16 об., 20; РИБ. Т. 12. Стб. 754.

¹¹⁰ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45-1. Л. 125.

¹¹¹ Там же. № 36-а. Л.12.

об имевшейся в земской избе «всеземской коробке», так как ее сторожили, то в ней хранились наиболее важные документы, какими были царские указы и распоряжения Устюжской четверти, и упоминает о покупке «коробки в земскую избу на книги» за 3 алт., по ее цене можно думать, что она была значительного размера. В декабре 1666 г. был «куплен стол с нутром в земскую избу, а из земской избы отдан на воеводцкой двор» (дворецкому) за 5 алт. Новый стол понадобился и годился для держания текущих документов. Возможным хранилищем мог быть «анбар, что под земскою избою», к которому в марте чинили «замок висяч»¹¹². Попутно отмечу, что для других надобностей земские власти арендовали «Никольский церковный анбар, что против таможни», и в нем держаны свечи сальные, и горшки, и рогожи, и виники, и метлы, и голики, и хмель, и ковши, и поваренки, и туисы, и всякая покупка для всеземского дела: кортому (плату) в 23 алтына 2 ден. на текущий год платили «церкве в казну церковному старосте попку Сергею»¹¹³.

Итак, каждый из уездных или волостных миров в соответствии с теми или иными выполняемыми функциями вел документацию. В результате каждодневной работы миров копились фиксирувавшие ее документы разных видов и типов. Их номенклатура варьировала от записок для памяти до конституирующих самоуправление приговоров, от черновых записей на отдельных листочках, расходов в тетрадях до обобщения их в составляемых книгах. Миры разных уровней имели свои «земские» короба с текущими и давними документами.

Таким образом, земские миры Севера были деятельной социальной организацией, причем иерархически устроенной. Они базировались на двух фундаментальных началах — выборе мирских властей и самоуправлении. Важной функцией последнего было самофинансирование практической деятельности миров, и в нем участвовало каждое крестьянское хозяйство. Акты выбора мирских должностных лиц утверждались воеводами и московским приказом-четвертью, тем самым мирские представители получали правительственную санкцию на свои полномочия. Однако, несмотря на это, государственная власть не посягала на основы земской жизни, не вмешивалась во внутренние порядки миров, сохраняя их легитимность.

¹¹² РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 198об., 200об., 79об., 119.

¹¹³ Там же. Л. 197.

ВОЕВОДСКИЙ ДВОР И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Земским властям северных миров приходилось довольно часто контактировать с воеводами и наведываться на воеводский двор. Рассмотрение отношений мирских властей с воеводой как местным управителем и владельцем городской усадьбы, а также с жившими в ней обитателями вполне логично. В этот микромир, другой по отношению к посадско-крестьянскому, вступали находившиеся на мирских должностях жители посадов и деревень. Они были трансляторами разного рода социальной информации, часть которой черпали непосредственно во дворе воеводы, в том числе и от его слуг. Приходо-расходные книги, составлявшиеся мирскими руководителями — уездными старостами, целовальниками денежных сборов и волостными целовальниками, дают редкую возможность проникнуть за ворота воеводского двора. Хотя сведения этих книг лапидарны и специфичны, но из них проступают те трудно уловимые, ускользающие связи, которые действовали в тогдашней жизни общества и были значимы для людей разных социальных статусов.

Местное государственное управление XVII в., как известно, состояло из приказных изб, которые подчинялись воеводам. Н.Ф. Демидова в своем фундаментальном исследовании о формировании служилой бюрократии в центральных и местных учреждениях России XVII в. подчеркнула вытеснение ими разнохарактерных учреждений сословного типа и, что особенно важно, их отделение от институтов сословных служб-повинностей и земского самоуправления. Она отметила замедленность этого процесса при распространении приказной системы на местах, объяснявшуюся воздействием созданных в предыдущем столетии губных и земских учреждений. Становление местного управления воевод завершалось в первых десятилетиях XVII в. Сами же они исполняли свои обязанности как возложенное на них поручение, причем сословного характера¹. В воеводстве как виде службы сливались сословные обязанности и личные интересы феодала «покормиться» за счет местного население-

¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 15, 28, 63.

ния. В силу чего воевода оказывался как бы над штатом руководимой им приказной избы. Тем не менее, воевода и приказная изба осуществляли правительственную власть во вверенном округе.

М.М. Богословский в свое время уделил достаточное внимание компетенции воевод в городах Поморья, используя указы, которые они получали при своем назначении. «Содержание поморских воеводских наказов проникнуто двумя основными чертами: узкофискальным стремлением и бюрократическим недоверием». Не только статьи наказов, непосредственно касающиеся прямых и косвенных податных сборов, были подчинены фискальному государственному интересу, но и относящиеся к судебной или полицейской деятельности воевод. Вместе с тем указы проникнуты бюрократическим недоверием центральных органов власти к местным подчиненным, которые лишены самостоятельности и должны по любому поводу обращаться к высшей инстанции. И хотя воевода — блюститель интересов казны, за ним самим необходимы мелочная опека и неусыпный контроль². Е.В. Вершинин в работе, специально посвященной воеводскому управлению в Сибири XVII в., уделил пристальное внимание принципам назначения воевод на должности, государственному их содержанию, структуре подчиненности местных органов власти центру. Сочетание в назначении на должность двух тенденций — личного желания претендента и инициативы центрального учреждения — свидетельствовало, по обоснованному мнению автора, о переходном этапе в формировании гражданской службы как особой отрасли управления. Исследователь считает, что воеводский аппарат не представлял собой обезличенную структуру, основанную на четком разделении функций и иерархии должностей, но ему были присущи новые черты, отличавшие его от управления предшествующего периода. Такова была роль денежного жалованья, реально способствовавшего вовлечению дворян в профессиональное управление, и отрыву государственной службы от содержания ее населением, а также выработка принципа отбора кадров, наиболее пригодных, во всяком случае, для управления сибирским регионом. Примечательно высказывание исследователя о воеводах, которые как главы местного управления в силу своего сословного положения были воинами, но не всегда приемлемыми администраторами. Дополняя наблюдения С.В. Бахрушина, он отметил, что отправлявшиеся в Сибирь воеводы везли с собой обозы

² *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912. С. 271–274.

с запасами одежды, домашней утвари, продуктов, которыми экипировались в своих поместьях и которых должно было хватить на срок службы воеводе с семьей и сопровождавшим их десяткам дворовых людей³.

В свое время я достаточно подробно рассмотрела взаимоотношения и распределение функций между воеводской и мирской администрациями в Поморье, остановившись на вопросе об учреждении и распространении воеводской власти. Также была установлена определенная соподчиненность между центральным четвертным и местным воеводским управлением. Воевода, проводник центральной власти, поручал, а нередко понуждал земских управителей к конкретным действиям, связанным с государственными и внутренне присущими земским мирам делами. Вместе с тем он был не лишен стремления, используя свои властные prerogatives, привлекать местное население для удовлетворения своих хозяйственных нужд⁴.

Итак, воевода, приезжавший в уезд нести государеву службу, был феодальным землевладельцем с вытекавшими отсюда ментальными установками. А так как в воеводстве соединялись служилые обязанности и личные интересы, то крестьян и посадских в управляемом уезде воевода воспринимал как неполноправных и относился почти так же, как к своим вотчинным. Показательно в этом смысле высказывание сольвычегодского воеводы 1635/36 г. Ф. Левашова, который по своему приезду в город объявил мирским людям, что пожалован «за смоленскую службу к Соле на воеводство». Это пожалование он трактовал как обязанность мирских людей «меня воеводу за смоленскую службу кормити» и вполне прагматически конкретизировал: «и харчи всякие носить на двор по вся дни». Причем обязанность, возлагаемая на сольвычегодских жителей, городских и сельских, выражена в повелительной форме: «велено мирским людем... воеводу... кормити»⁵. Компетенция воевод, обеспечение их службы, превышение власти и злоупотребления ею достаточно прояснены в литературе. Однако, что же собой представлял воеводский двор как некая целостность, не вполне ясно. Понятие «воеводский двор» несет неоднозначную смысловую нагрузку. Во-первых, это — местопребывание воеводы, локализованное в комплексе

³ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 45–46, 63–64.

⁴ *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997. С. 231–258.

⁵ РГАДА. Ф. 141. 1636. № 25. Ч. 1. Л. 9.

жилых и хозяйственных построек, во-вторых, это — семья воеводы с родственниками и слугами. В-третьих, воеводский двор — центр притяжения как для лидеров земского самоуправления, так и подчиненного штата приказной избы. Будучи провинциальной городской усадьбой, воеводский двор представлял собой резиденцию местного администратора, где фокусировались разнообразные социальные связи. Попытаемся выявить некоторые из них и понять, как они влияли на социальные взаимоотношения.

Источниками для предпринятой характеристики воеводского двора стали расходные книги старост миров: всеуездных Устюга за 1666–1668 гг., Сольвычегодска за 1653/54, 1674/75 гг., Тотьмы за 1675/76, 1691/92 гг., а также целовальников разных волостей: Окологородной 1673/74, 1674/75 гг., Вилегодской 1674/75 г. Сольвычегодского у., Шемогодской 1665/66, 1667/68 гг. Устюжского у.⁶. Среди них, как видим, книги за ряд последовательных лет, причем уездного и волостного уровней. Это обстоятельство, отражавшее территориальную соподчиненность миров и проявляющееся в ведении расходных книг, обеспечивает преемственность сведений. Наряду с расходными книгами чернососных миров использованы также книги вотчинных старост Спасо-Прилуцкого монастыря за 1686/87, 1687/88 и 1689/90 гг.⁷. Расходные книги земских властей раскрывают каждодневные отношения мира и местной государственной администрации. Если книги всеуездных старост концентрируют, по преимуществу, расходы на содержание воеводы и подьячих приказной избы, связанные со сбором и отправкой государственных налогов, проездом через город чинов государственного аппарата, то книги волостных целовальников денежного сбора содержательно их дополняют. Например, расходная книга Ильинского прихода Вилегодской вол. Сольвычегодского у. 1673/74 г. так же, как и книги всеуездного старосты, содержит записи по месяцам и числам. В отличие же от последних волостная книга открывается фиксацией уплаты государственных податей, далее следуют записи об уплате годового найма приставам, целовальникам, дьячку, взносов по мирским кабалам⁸. После чего фиксируются «мелкие расходы», связанные с приходом приставов из уездного города по налоговым делам,

⁶ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 164, 170, 177. Сольвычегодск. Оп. 1. № 23-6, Оп. 2. № 36-а, 68; Тотьма. Оп. 2. № 76; АЮБ. Т. 3. СПб., 1884. № 322; Чтения ОИДР. Кн. 4. М., 1908. Смес. С. 21–40.

⁷ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 125, 44; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. № 339; Оп. 1. № 354.

⁸ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. Оп. 2. № 71. Л. 2, № 36-в.

с поездками самого целовальника денежного сбора в Сольвычегодск по подобным же случаям, по вызову уездных мирских властей. Расходные книги последних показывают, по преимуществу, контакты мирской и приказной администраций, а книги волостных должностных лиц рисуют отношения, в основном, на нижней ступени мирской организации. Вместе с тем волостные крестьяне участвовали в несении общемирских расходов на содержание воеводы и его двора, что как раз воплотилось в записях книг целовальников денежного сбора.

Содержание расходных книг подчинено учету денежных средств, выплачиваемых из мирской кассы, с чем связана главная информация книг. Пожалуй, следует остановиться еще на одном моменте. Заголовок, например, расходных книг устюжского мира и их контекст нацелены на персону воеводы, а остальные действующие лица по отношению к нему на вторых и второстепенных ролях: «Книга расходная... нынешняго... году..., что держано воеводе /имярек/ и подьячему...». Сольвычегодские земский староста и целовальник Окологородной вол., ведшие свои книги по статьям расхода, специально выделяли траты «на воевоцкой двор», которые состояли из подношений к праздникам или по иным жизненно важным поводам, а также «к столам»⁹. Имя правившего в том или ином городе воеводы упоминается либо в заголовке расходной книги, который дан самим ее составителем, либо в одной из первых записей, которая говорит о явке только что выбранного земского старосты к воеводе.

Однако, информация расходных книг, естественно, объемнее и может быть наращена посредством обнаружения ненамеренно введенных данных. Использование сведений источников, прямо не отвечающих целям их создателей, известно в историографии. Расширение источникового поля за счет «неприспособленных», по выражению Л.П. Репиной, документов успешно применено американскими историками Б. Ханавалт и Д. Беннет. Не только домохозяйство, структура и состав семьи, но и эмоционально окрашенные отношения между родственниками, свойственниками, а также друзьями, межличностные контакты женщин на различных этапах жизненного цикла были охарактеризованы по протоколам манориальных и церковных судов, различных криминальных разбирательств. Обращение к массовым источникам, содержащим разнообразные жизненные ситуации, обеспечило исследовательское проникновение в историю

⁹ Там же. Устюг. № 164, 170, 177; Сольвычегодск. № 23-б, 36-а, 36-б, 37-б.

повседневности и частной жизни женщин в ее сопоставлении с публичной сферой¹⁰. Именно использование фактов, как бы окружающих основные и сопутствующих им, дает возможность охарактеризовать воеводский двор с его обитателями.

Воеводский двор в Великом Устюге, судя по писцовой книге 1523–1526 гг., находился у церкви «Рождества Христова, что на Сухоне». Он был достаточно обширен, площадь непосредственно двора и огорода составляла около полугектара¹¹. В Сольвычегодске административным центром города была Троицкая сторона на восточном высоком берегу Вычегды, где располагался воеводский двор¹².

В Устюге с ноября 1665 по ноябрь 1667 г. правил воевода князь Гаврила Матвеевич Мышецкий. По установившемуся порядку уездный староста, волостные целовальники в сопровождении других должностных лиц приходили к воеводе с дарами, называемыми «почестью». Именно из записей о них, а они делались не по одному плану, возможна реконструкция окружения воеводы — его семьи и слуг. Его удастся воссоздать по материалу всей расходной книги и из сопоставления с книгой целовальника Черного стана Шемогодской вол. Воевода Г.М. Мышецкий приехал в Устюг с женой Ириной Никитичной и двумя сыновьями Василем и Саввой, а также матерью Стефанидой Стефановной. Оба сына получали почесть одинакового размера (3 алт. 2 ден). То обстоятельство, что воевода привез с собой свою мать, говорит о более или менее почтенном возрасте женщины, скорее всего вдовы, которая жила вместе с сыном. Так получена возможность реально судить о составе воеводской семьи.

Во дворе встречаемся с управителем — дворецким. В его распоряжении были люди, причем разного ранга: «верховые» и те, которым старосты давали деньги «на весь двор». Число их трудно определимо, так как книги чаще всего упоминают их суммарно. Наряду с определением «верховые» люди встречаются и другое: «верховые жильцы», «жилцы», «жилцом... вверху». Так, целовальник Шемогодской вол. Андрей Трофимов Пелевин в 1666 г. к празднику Рождества воеводским «людем на весь двор на 15 человек дал 15 алтын, жилцом трем человеком гривна»¹³.

¹⁰ Ретина Л.П. История женщин сегодня // Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 40–42; Она же. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 253.

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. № 506. Л. 76.

¹² Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 215.

¹³ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 2, 3, 10, 105об.; АЮБ. Т. 3. Стб. 200, 204, 205.

Г.М. Мышецкого сменил на воеводстве Яков Андреевич Змеев, который «приехал на перемену» первому 5 декабря 1667 г., а 8 декабря новый воевода «перешел на новоселье в мирской двор»¹⁴. Следует обратить внимание на эту подробность документа. Она не представляла для старосты какого-то специального значения, была само собой разумеющейся. Главный акцент этой заметки — новоселье, которое было устроено и где староста с денежными сборщиками «хлеба ели». Попутное замечание о том, что двор «мирской», говорит о нахождении его на содержании мира. Писцовая книга 1623–1626 гг. Устюжского у. отметила среди тяглых «десять дворов земских мирских» для приезжающих гонцов, посланников, проезжающих администраторов¹⁵. Правда, воеводский двор включен в перечень нетяглых белых дворов. Однако переход воеводы в мирской двор вряд ли был временным, ведь отмечалось новоселье. Из записи о его праздновании узнаем о двух племянниках воеводы и людях верховых («верховых жильцах» — книга 1668/69 г.) и дворовых. Шемогодский целовальник 1667/1668 г. Иван Семенов Насоновских, ходивший «на проезд» (запись под 11 декабря) к воеводе Я.А. Змееву, поименовал его племянников, один Семен Прокопьев удостоен почести в 8 алт. 2 ден., другой Арефа в 5 алт. Судя по книгам уездного старосты и шемогодского целовальника, Рождество 1667 г. Я.А. Змеев праздновал в обществе племянников без своей супруги, которая на Пасху 1668 г. была уже в городе и одарена мирскими властями. Конечно, в расходных книгах не могло быть сведений о причине отсутствия воеводской жены до весны. Можно думать, что зимнее путешествие в северный город было для нее нелегким, а весной к великоденскому празднику она приехала к мужу.

Книга целовальника Шемогодской вол. 1667/68 г. конкретизирует состав людей Я.А. Змеева. Она упоминает «дворецкого верхового» или «верхового дворника» и наряду с ним просто дворника, а также «верховых жильцов», причем двух «малых ребят», «верхового жильца старика»¹⁶. У устюжского воеводы Г.М. Мышецкого служили

¹⁴ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 84–85. Воеводой в Вологде в 1687 г. был Андрей Борисович Змеев. См.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 203.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. № 506. Л. 75.

¹⁶ Там же. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 86 об., 137; № 177. Л. 32. АЮБ. Т. 3. Стб. 212, 214, 217, 221. Отмечу, что в уставной книге Разбойного приказа 1616/17 г. (ст. 13 и 14) присутствует взаимозаменяемое употребление

в «дворниках» Феодосий Сидоров и Михаил Акинфиев, их имена упоминают книги за последовательные годы 1665/66 и 1666/67 гг., но ведшиеся разными должностными лицами: целовальником Шегогодской вол. и всеземским денежным сборщиком Устюга. Сольвычегодский земский староста 1674/75 г. Федор Воронкин в своей расходной книге поименно называет тоже двух дворецких воеводы Я.П. Булычова: Ивана Васильева и Афанасия¹⁷.

Е.И. Колычева в свое время отмечала, что должности слуг-министериалов в конце XV — начале XVI в. не исполнялись одним и тем же лицом постоянно, они были временными, поручаемыми доверенным слугам на определенный срок¹⁸. Конечно, ее наблюдение относится к качественно иной социальной группе, нежели «люди» воеводы XVII в. Однако существование по двое дворецких среди слуг у воевод сольвычегодского и двух устюжских, а у одного из последних (Г.М. Мышецкого) они сменились в течение двух лет, примечателен. Положение, как видим, сходное с наблюдением Е.И. Колычевой. Возможно, должность дворецкого внутри феодального комплекса, каким был воеводский двор, оставалась и в XVII в. той синекурой, по меткому выражению исследовательницы, какой была в более раннее время.

Сольвычегодским воеводой в 1653/54 г. был Петр Никитич Веснин, с которым жили его два сына Никифор и Стефан. Деньги в почесть, которые они получали, существенно разнились: первому подносили втрое больше, чем второму, а сумма равнялась той, которую давали всем людям. На этом основании можно полагать, что Никифор — старший сын. Среди имевшихся «людей» выделен «дворник»¹⁹. П.Н. Веснин «поехал от Соли к Москве» 3 мая 1653 г., а на смену ему 5 мая приплыл В.И. Колычев.

Этого воеводу встречал староста Роспуга Пихтусов, как обычно, хлебом, калачами, рыбой. О приезде воеводы уже было известно, и прежний П.Н. Веснин должен был к его прибытию освободить двор. Мирские люди буквально накануне появления нового воеводы, 4 мая, прежнего возили «Федоровского двора смотреть».

терминов «дворник» и «прикащик» // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 80. С. 87.

¹⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 69, 77об.

¹⁸ Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С. 61. Ср.: Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 415–416, 419–421.

¹⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 6, 62, 63.

Из более поздней записи (28 мая) становится ясно, что это — двор Федора Калистратова, и он был нанят мирскими властями для покидавшего город воеводы. Перевозом занимался нанятый старостой Никита Сидоров Пономарев, а наряду со всякими домашними вещами были взяты дрова и сено. Никита Пономарев несколькими днями позже перевез весь скарб и груз «к реке в судно». Интересно, что воевода увозил с собой не только сундуки и коробка с вещами, но и дрова и сено. Переезд П.Н. Веснина начался загодя. Уже 13 апреля тот же Пономарев стал перевозить тяжелый и объемный груз, именно сено и дрова, сначала из воеводского двора в упомянутый двор Федора Калистратова²⁰.

Приехавший в Сольвычегодск В.И. Колычев сразу же был доставлен в приготовленный для него воеводский двор, видимо, с самыми необходимыми вещами. Остальной же груз и «запас ис судна во двор воеводы» возили на следующий день по прибытии, 6 мая. Староста ходил к воеводе 10 мая, чтобы оплатить «три обеда», т. е. за три дня²¹. Эта же запись показывает, что воевода и его жена Мария привезли внука Ивана Григорьева и, конечно, своих дворовых людей. Отчество воеводской жены — «Автономовна» выясняется лишь из записи от 14 августа. Внук воеводы И. Григорьев уезжал в Москву и ему поднесена почесть 3 алт. 2 ден., т. е. столько же, сколько людям «на весь двор», из чего можно заключить, что он не подросток²². На новом месте воеводская семья устраивала хозяйство и налаживала быт, причем жена заботилась о его гигиенической стороне. Староста неоднократно покупал мыло: 28 июня, 17, 27 августа, скорее всего по распоряжению воеводской жены. Он фиксировал наряду с другими хозяйственными расходами, что «мыла купил Роспута Марье Автономовне стопу». Ее компаньонку и приживалку, «боярских боярынь», путешествующих со своей госпожой, староста также снабдил мылом²³.

Другой представитель рода Колычевых Матвей Павлович воеводствовал в том же Сольвычегодске спустя 20 лет, в 1673/74 г. Он, естественно, с женой-«боярыней» и двумя сыновьями, а также дворовыми людьми, среди которых выделены «малые ребята». Из последующих записей выясняется присутствие воеводской «племянницы-внучки», конечно же слуг, а среди них —

²⁰ Там же. Л. 63–71, 86 об.–87, 90 об.–91, 113.

²¹ О продовольственном понедельном содержании воеводе, которое обеспечивали мирские власти, см.: *Швейковская Е.Н.* Указ. соч. С. 251.

²² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 122–123.

²³ Там же. Л. 134 об.–135.

«верховых робят» ключника, повара, конюха и управляющего всеми ими «дворецкого»²⁴.

Заменил М.П. Колычева воевода Яков Петрович Булычов, который управлял Сольвычегодском в следующем 1674/75 г. К его приезду также, как и в случае, рассмотренном выше, прежний воевода освободил двор, перебравшись в нанятый ему миром «протодыяконовский двор»²⁵. Устройство Я.П. Булычова в новом для него месте пребывания было отмечено не только традиционной почестью «на приезд», но и новосельем «в новой избе», на котором староста «хлеб ел»²⁶. Жена воеводы Прасковья Володимировна (а ее имя выясняется далеко не сразу) привезла свою внучку и «боярских боярынь». В феврале навестить мать приехал пасынок воеводы Иван Иванович Патрикеев («сын ее») и прогостил 1,5 месяца, с ним были его слуги, ибо «людям ево» на прощание в день отъезда староста дал почесть деньгами²⁷. Из этих разрозненных записей становится ясно, что жена воеводы Я.П. Булычова Прасковья Владимировна в предыдущем браке была замужем за Иваном Патрикеевым и, по всей вероятности, овдовела. Можно думать, что И.И. Патрикеев навещал не только мать, но и свою дочь, упоминаемую ранее внучку Прасковьи Владимировны. Так отдельные крупницы среди записей расходных книг позволили заглянуть во внутренние покои сольвычегодского воеводы и дать штрих его семейной жизни. Среди «людей» воеводы — дворецкий, ключник, повар, конюх, люди «верховые» и дворовые.

Тотемский воевода 1675/76 г. князь Семен Петрович Вяземский был в городе с женой, которая сама не упомянута, но ее присутствие подтверждают состоящие при ней «боярские боярыни». В воеводском доме живут три племянника, один из которых именован — Матвей Румянцев. Можно думать, что он старше двух других, так как под 9 сентября староста сделал запись о его отъезде «к Москве» и данной ему почести в 6 алт. 4 ден. (вдвое больше обычной 3 алт. 2 ден.). Под 17 марта говорится об уплате площадным подьячим за письмо поручной «по Агапите Никитине в отвозе великого государя казны». Воеводскому же племяннику М. Румянцеву староста доверил отвезти эти «отписки из Съезжие избы» и заплатил ему рубль²⁸. В июле «воеводцкой племянник Матвей Иванов поехал на Маркушу к Николе, дано ему на харч деньгами

²⁴ Там же. Оп. 2. Сольвычегодск. № 68. Л. 42, 45, 47–48, 54.

²⁵ Там же. Л. 43 об.

²⁶ Там же. Оп. 2. Сольвычегодск. №. 36-а. Л. 50 об.

²⁷ Там же. Л. 61.

²⁸ Там же. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 8 об., 33, 87, 96, 153.

рубль». Скорее всего, речь идет об одном и том же человеке Матвее Ивановиче Румянцеве, который вполне самостоятелен, ездит на богомолье, в Москву и попутно выполняет некоторые поручения мирского старосты за соответствующее вознаграждение. Дом воеводы наполнен слугами, среди которых упомянуты «жильцы» и два повара, два конюха²⁹.

Семейную жизнь воеводского двора в далеком северном городе скрашивал проезд родственников. В начале ноября в Тотьме появился «воеводцкий зять князь Федор Васильевич Морткин», которого встречали традиционными хлебом и калачами. Через два дня по приезде «звал воеводу хлеба ести» мирских людей. И тут мы узнаем подробно, что сестра воеводы «выходила с чаркою», и, следовательно, она со своим мужем Ф.В. Морткиным и дочерью, а «племянницей княжей» гостила у брата. Конечно, их сопровождали слуги, и им «людем зятя воеводцкого дано 3 алтына 2 деньги»³⁰. Г.К. Котошихин привел существовавший «обычай же таковой», когда перед обедом жена устроителя праздника выходила к гостям для приветственных взаимных поклонов и ее целования, после чего она «учнет поднести гостем по чарке вина»³¹. Расходная книга зафиксировала это. Однако не только родственников жены принимали в воеводском доме. В январе прибыл «воеводцкой брат князь Степан Юрьевич», встреченный, как всегда хлебом и калачами³². Судя по отчеству, он не родной брат воеводы, однако пустился в далекое зимнее путешествие к родственнику, по всей вероятности к двоюродному брату. Неясно, сопровождали ли его семья и слуги, приезжал ли он специально в город или был проездом.

Тотемский воевода 1691 г. стольник Василий Иванович Кошелев, как свидетельствует «издержечная» книга всеуездного старосты Андрея Выдрина, привез семью, состоявшую из «боярыни»-жены, сына, трех дочерей, причем одной «большей» (девушкой на выданье?) и двумя «малыми», племянника. Старшая из дочерей была одарена деньгами наравне с сыном (по 3 алт. 2 ден.). Воеводский двор состоял из «людей», и среди слуг не обошлось без «жильцов» и «боярских боярынь»³³. Позже, в 1702–1703 гг., В.И. Кошелев переписывал

²⁹ Там же. Л. 212.

³⁰ Там же. Л. 53, 56.

³¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Публ. Г.А. Леонтьевой. М., 2000. С. 172–173.

³² РГАДА. Тотьма. Оп. 2. № 76. Л. 110об.

³³ Чтения ОИДР. 1908. IV. Смесь. С. 26–27. См.: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере. Т. 2. 1912. С. 284.

владения Вологодского архиерейского дома в ходе общей переписи монастырских и церковных вотчин, проводимой Монастырским приказом³⁴. Тотемским воеводой в 1692 г. уже был стольник Федор Иванович Бакин, с ним в окружении служанок — «боярских боярынь» — жена-«боярыня», вникавшая в домоводство (староста «платил боярыне за луженые сосуды»). Среди слуг — «жилцы», «татарченок», а также поименно указанные «Селиверст» и Андрей Яковлев. Последний, как выясняется из дальнейшего содержания книги, «воеводцкий» человек. Он, видимо, весьма приближенный, так как ему «на кафтан дано 6 алтын 4 ден.». Сильвестр получал деньги в почесть в размере 3 алт. 2 ден., это — достаточно высокий платеж, такой же, какой давался родственникам, сыновьям или дочерям воевод. Сильвестр, неоднократно упоминаемый в книге, лишь к концу года в записи от 26 августа назван «держалником»³⁵.

Воеводой Вологды в 1686–1687 гг. был стольник из рода Змеевых Андрей Борисович. Одаривая его, вотчинные старосты Спасо-Прилуцкого монастыря Кондратий Григорьев и Кондратий Софонов оделяли и его слуг. Среди них на первом месте находятся дворецкий, конюший, «клюшник», затем «жилцы» и «люди»³⁶. Круг дворни воеводы Якова Ивановича Дивова, который весной 1688 г. сменил А.Б. Змеева, включал, как и у предшественника, дворецкого, конюшего. В составе его слуг также встречаем «держальника», который был поименован — Андрей Гневашев. Ему староста на Пасху поднес почести столько же, сколько вкупе дворецкому с конюшим. Не были обойдены и «люди», получившие «во весь двор» (2 алт.). На праздник Петра и Павла держальник был одарен, но в меньшем, чем в предыдущие праздники, размере — 2 алт., но опять в таком же, как дворецкий и конюший вместе. Жильцам было дано к этому празднику 10 ден.³⁷ Мирская расходная книга 1691/92 г. Спасо-Прилуцкого монастыря свидетельствует, что именно к празднику Рождества 25 декабря 1691 г. «рознес монастырской крестьянин Кондратей Софонов стольнику и воеводе Алексею Семеновичу Чаплину». К. Софонов, напомним, был вотчинным старостой в 1687/88 г. Оставшись в мирском «активе», он, спустя 4 года, одаривал как самого воеводу, так и его слуг. Празд-

³⁴ *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 52.

³⁵ Чтения ОИДР. 1908. Кн. 4. Смесь. С. 28, 29, 30, 31, 35.

³⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. № 339. Л. 14, 25, 30; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 125. Л. 14, 27об.–28, 35.

³⁷ Там же.

ничные деньги были вручены «дворецкому и людем», «жильцом». В марте 1692 г. в связи с подачей справки о возможных разбойниках, татях и лихих людях, были сделаны значительные дары воеводе, но уже Петру Григорьевичу Львову, и также подношения его «держалником» (3 алт. 2 ден.), «на весь двор людем» (8 алт. 2 ден.), «жилцам» (2 алт.). В мае на праздник Пасхи подарки были розданы, как всегда, воеводе, его детям и слугам: «держалником шесть алтын четыре деньги, людем на весь двор тож, жилцу гривна, племяннику Алексею Высоцкому шесть алтын четыре деньги». Те же слуги — держальник, люди, жильцы, включая в этот ряд и племянника (они перечислены в том же порядке, как и в записи о почести к Пасхе), упомянуты в день Петра и Павла³⁸.

Перед нами прошла череда воевод, правивших в севернорусских городах во второй половине XVII в. Причем по отдельным зернам сведений, разбросанным в расходных книгах мирских властей, удастся получить конкретное представление о составе семей российских феодалов, входивших в правящую элиту. Как правило, воеводы отправлялись к месту службы с женами, детьми, иногда боковыми родственниками, чаще — племянниками. Навещавшие воевод семьи родственников также состояли из супружеской пары с детьми. Все прослеженные семьи по своей структуре типологически относятся к индивидуальной, нуклеарной семье. Все они сравнительно немногочисленны и состоят, как правило, из двух поколений, третья — представлено чаще внуками, нежели кем-то из родителей воеводы — главы семьи. Отчетливо просматриваются линияжные связи, которые цементировали индивидуальные семьи феодалов. Визиты к родственникам в далекие от центра северные города побуждались, думаю, в большой мере родственными чувствами, а не только стремлением материальной выгоды.

Дарами действительно наделялись все родственники воевод, а жены и сыновья в первую очередь. Хорошо о роли первых высказался С.В. Бахрушин: «Не следует представлять этих московских дам забытыми и робкими существами... Разделяя с мужьями тягости и опасности дальнего пути, они разделяли с ними и все выгоды положения. Когда подчиненные приглашали в гости воеводу, то с ним приглашали и его супругу, и за честь, оказанную им, преподносили ей подарки». Ученый полагал, что жена воеводы была небескорыстной посредницей между подчиненными и ее мужем³⁹.

³⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 354. Л. 12, 16об.–17, 20об., 22.

³⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 174.

Обратимся к расходной книге шемогодского целовальника 1667/68 г., дающей весьма любопытный жизненный эпизод. Целовальник, поднося воеводе Я.А. Змееву «праздничное петровское», состоявшее, традиционно из природы и денег, одарил последними также воеводскую жену. Как правило, этот платеж составлял половину от вручаемого воеводе. На сей же раз «боярыне его дано почести полтина же», т. е. столько, сколько самому Я.А. Змееву. Должный отчитываться за каждую деньгу целовальник сделал пояснение: «потому что он сам столник взял на нее челобитьем в доброту»⁴⁰. Оно подчеркивает, во-первых, устоявшийся обычай половинного (во всяком случае, гораздо меньшего) денежного подношения воеводской жене; во-вторых, проявление самовластья воеводы, облеченного в демагогическую «обертку». Примечательно выражение «челобитьем в доброту», которое лексически по-иному окрашивает смысл действия.

Как и северные, сибирские воеводы привозили с собой своих сыновей. С.В. Бахрушин привел факты «ублагодотворения» последних местным населением, в частности угощений их приказными людьми⁴¹. Практику приезда с воеводой сыновей рассмотрел достаточно подробно Е.В. Вершинин. Он считает ее установившейся с начала освоения зауральских земель и вполне устоявшейся для XVII в. Воеводские дети, достигшие «служилого» возраста, вливались в состав администрации уже на месте. «Для сибирского населения XVII в. взрослый сын воеводы, официально или негласно входящий в местный аппарат управления, был типичной фигурой»⁴². Сибирская практика представлена и наследованием сыновьями воеводской должности отцов. Е.В. Вершинин справедливо полагает, что это — обычай, проявление неписаного права, сложившегося в практике феодального властвования. «Сословно-наследственное право на управленческую должность в XVII в. не вызывало сомнений ни у правящих феодальных верхов, ни у самого населения». По наблюдениям ученого не только сыновья, но и братья воевод замещали их в административной должности, что характеризует патрилинейные связи высшей администрации Сибири. Автор полагает, что для изучаемого времени «прораствание родственных “кустов” в любых звеньях государственного управления — явление исторически универсальное»⁴³.

⁴⁰ АЮБ. Т. 3. 1884. Стб. 220.

⁴¹ *Бахрушин С.В.* Указ соч. С. 174.

⁴² *Вершинин Е.В.* Указ соч. С. 33.

⁴³ Там же. С. 35, 37.

Рассмотренные книги старост севернорусских миров при всей специфичности их информации также отразили кланово-родственное занятие (Колычевы в Сольвычегодске, Змеевы в Устюге, Вологде) воеводского поста в северных городах. По материалу книг трудно судить о соучастии сыновей в административных делах, однако, как можно было уже убедиться, племянник тотемского воеводы исполнял отдельные поручения.

Полученные свидетельства позволили заглянуть внутрь воеводского дома, в его верхние покои и познакомиться с его обитателями. Вместе с тем они дали нечасто встречающийся материал для суждений о типологии и форме семьи, о крепости патрилинейных связей у группы феодалов, занимавших ключевые посты в государственно-административном управлении страны.

Воевода, отправляясь к новому месту службы, порой на сотни верст отстоящему от прежней, не представлял, что его ожидает и в каком состоянии предоставляемый ему двор. Почти сразу же он принимался за благоустройство своего быта. При этом он не только ориентировался, но и прямо рассчитывал на «подмогу» мира.

Читая записи расходных книг, особенно в их последовательности за ряд лет, создается впечатление, что предыдущий воевода оставлял двор и дом своего пребывания в полном разорении и хозяйственном упадке, с перекошенными окнами, повисшими на одной петле дверями, прогнившими полами. Новый воевода начинал активно ремонтировать жилые и хозяйственные помещения, приспособлявая их для членов своей семьи, покупать столовую и кухонную посуду, светильники: светцы, шандалы, разнообразный хозяйственный инвентарь.

С размахом устраивался в Устюге в 1667–1668 гг. воевода Яков Андреевич Змеев. Приехав в начале декабря, он распорядился после Рождества чинить «в задней горнице» печь, а в подклете «шесток настилать», разумеется, у печи же. Для плотницких работ был нанят устюжанин Григорий Андреев Шаратов, который сделал две столовые доски (длиной полторы сажени, шириной «по аршину с четью»), доску в поваренную избу «пироги делать», 4 ставня в большие «окошка», также «в комнате лавку подводил», в бане «к окошкам брови приделывал». Он же «чюлан под горницею лютьцкой переносил и переделывал», чинил «в воеводцкой мыльне» лавки. Для этих и других плотницких работ в сенях, на конюшне были куплены тес, доски, гвозди. Воевода затеял также переделку черной «задней» горницы в белую. Поэтому была разобрана старая печь, топившаяся по-черному, вместо которой сложили новую и провели

соответствующий дымоход, заделали старое «дымовое окно» на потолке. Также было прорублено «окно большое красное».

Столь масштабная перестройка потребовала приобретения материалов, кирпича и дерева. Пришлось заново перестилать полы тесом, менять окончины и опять покупать необходимый строительный материал. Полы ремонтировали не только в реконструируемой горнице, но и других помещениях. Любопытен штрих о придании воеводскому жилищу уюта, который создавали ковры, привезенные, по всей вероятности, в воеводском обозе. Чтобы их прибить, дважды, в феврале и мае, покупали по несколько десятков «гвоздей сапожных»⁴⁴. Выше уже говорилось о приезде жены Я.П. Змеева не одновременно с ним, а позже, к Пасхе. Можно думать, что при ее участии ковры расположили в нужных местах. «Перепланировали» также горницы, приспособивая их в соответствии с имеющимися членами воеводской семьи. Две из них перед Пасхой мыли некая вдова «с товарищи восемь человек». Пространственно горницы обозначаются в разных записях как передняя и задняя. Расходы на эти и другие ремонтно-строительные работы оплачивал мир из своей кассы. Из расходных записей узнаем об имевшихся дворовых службах: конюшне, поварне, погребях; последних два — летний и зимний. Есть баня, которую также приводили в порядок, переделывая в ней полки. В доме же было место для отправления естественных надобностей, называемое «заход», со «стольчаком»⁴⁵.

Среди воеводских людей, скорее из категории дворовых, а не верховых, упомянуты мастеравые. Трудно сказать, были ли они специалистами-ремесленниками. Во всяком случае, у проводившего благоустройство своего двора и большие ремонтные работы Я.А. Змеева в мае-июне 1667 г. «воеводский человек» Михаил Андреев с помощником в горнице «пол новой намостил тесом в брусье в закрой и скоблили», за что получили 24 алт. 2 ден., один М. Андреев «в конюшне стойла намостил» (1 алт. 2 ден.), чинил «рундук у лисницы да скамью перед воротами да окошко в чулане делал» (3 алт. 2 ден.), также двери на «огородец да заплот перебирал» (1 алт. 4 ден.). В июне же «воеводские люди Михайло Андреев с товарищем в бане полкок вново переделывали да в комнатных сенях двери новые делали, рундук починивали». И чрезвычайно интересная деталь в продолжении этой записи: «Да крестьянин ево (т. е. воеводы) Акинфей Месилю делал лисницу свергнуую да в по-

⁴⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 170. Л. 96, 107, 107об., 112, 116об., 121, 133, 158об.

⁴⁵ Там же. Л. 140, 147.

гребе лед одалбливал. Плачено им за работу» 12 алт. Другой «воеводский человек Никифор Аверкиев делал две доски сыры сушить» (1 алт. 4 ден.)⁴⁶, из чего следует, что ему знакомо столярное дело.

Ясно, что М. Андреев не только мог плотничать, но был умелым плотником, хорошо знавшим свое ремесло. Он выполнял профессионально разные работы: настилал полы, проделал окно, вероятнее всего, волоковое, ведь оно в чулане, делал двери, чинил лари и т.д. Причем настилка полов в конюшне и в доме требовала разной квалификации. В горнице М. Андреев стелил тесовыми брусьями, причем с выемками по кромкам для плотного их соединения (в закрой). Некий Михайло Синица несколько ранее «в передней горнице пол новой намостил тесовой в закрой и скоблил в три бруса да поставец передельвал», за все он получил 1 руб. 5алт.⁴⁷. Судя по идентичности продельваемой в обоих случаях работы, надо думать, что ее выполнял один и тот же человек — Михаил Андреев, названный еще и по прозвищу Синица. Представляется, что для этого утверждения есть основание. Умелым был и другой мастер А. Месило, который сделал необходимую внутри дома лестницу «свертную», то есть свернутую в объеме, возможно, узкую круто поднимающуюся вверх или подобную винтовой. Выше было обращено внимание на указание социальной принадлежности Акинфия Месило, кстати также названного по прозвищу, к воеводским крестьянам. Это отчетливое свидетельство того, что среди людей воеводы, которых он вез с собой на место службы, находились, во-первых, мастера с навыками профессиональных ремесленников (плотники, столяры, как у Я.А. Змеева), во-вторых, отдельные крестьяне, вероятно, из ремесленничавших бобылей.

Состав слуг, упоминаемых в воеводских дворах, заслуживает быть рассмотренным более пристально. Остановлюсь в этой связи на точке зрения Г.П. Енина, который уделил им внимание как соучастникам кормления своего господина. Он характеризует тему кормления воевод в России XVII в. через призму их содержания уездным населением. Само кормление автор рассматривает «как единый феодальный способ содержания органов государственного, церковного и вотчинного управления и суда», действующий на протяжении многих веков, с конца XII по XVIII, а сосредоточивается на воеводском кормлении XVII в. Такой доминирующий в работе постулат обусловил позицию автора, который соглашается

⁴⁶ Там же. Л. 154 и об., 155, 160, 166.

⁴⁷ Там же. Л. 156.

с ликвидацией наместничьего управления в середине XVI в., но доказывает сохранение практики кормления со всеми ее пороками при воеводах. «Конкретной причиной ликвидации института наместников и волостелей, пишет Г.П. Енин, явилось их политическое значение в период становления самодержавия в России. Ивана Грозного не устраивало положение получавшей наместничества и волостелинства княжеско-боярской аристократии в качестве «совладельцев» царя». Автор полагает, что Грозный «не мог мириться с таким положением, поэтому можно сказать, что удаление наместничьей структуры управления с исторической арены было вызвано политической необходимостью». И далее он продолжает: «К вопросу об «отмене кормления» как способа содержания служилых людей на административной службе ликвидация института наместничества не имела отношения»⁴⁸. В данном случае неуместно углубляться в разбор точки зрения П.Г. Енина на сущность местного управления в XVI–XVIII вв. и сопутствующие ему проявления, каким было кормление, неизменное, по его убеждению, на столь длительном хронологическом отрезке.

Г. Котошихин, написавший свое сочинение в 1666–1667 гг., что почти совпадало по времени с составлением разбираемых расходных книг мирских властей, говорил о «житии» представителей правящей элиты. Он назвал число их дворовых людей, достигавшее порой нескольких сотен. «Да бояре ж и думные, и ближние люди в домех своих держат людей, мужского полу и женского, человек по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000». Количество дворни зависело, естественно, от состоятельности и места феодала на служебной лестнице: «сколько кому мочно, смотря по своей чести и животам». Сведения Г. Котошихина пригодны для рассматриваемого вопроса потому, что «таким же обычаем и иных чинов люди в домех своих людей держат, кому сколько прокормити мочно»⁴⁹. Воеводы северных городов были стольниками: в Сольвычегодске, Устюге, Вологде непременно, а в Тотьме феодалы меньшего ранга. Администраторы этих городов имели соответственные их статусу вотчины и поместья, держали подобающую дворню.

Столь подробно приведенный выше материал, происходящий, как было сказано, из черносотных и монастырской общин, пред-

⁴⁸ *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII в. (содержание населения уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 8–10, 14, 21, 40–41, 318, 319.

⁴⁹ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 183–184.

ставляет разные группы слуг на воеводских дворах. Одну из них составляют жившие непосредственно в доме при покоях самого воеводы и его жены и оказывавшие им личные услуги, которые в XVIII–XIX вв. выполняли камердинеры, горничные, казачки и т.п. В другую — входят люди, ответственные за запасы и имущество, питание и стол, конюшню и ее принадлежности; еще одна группа представлена дворовыми людьми, делавшими всякие необходимые в хозяйстве работы.

Над всеми группами возвышаются управители. Они в книгах зафиксированы в разных вариантах: дворецкий, дворецкий верховой, верховой дворник. В ведомстве дворецкого сосредоточивалось руководство хозяйством и слугами. Однако в приведенных терминах улавливается различие и они заслуживают быть рассмотренными более пристально. Функциональный смысл слова «дворецкий» вполне прозрачен, а обозначения «дворецкий верховой» и «верховой дворник» нуждаются в пояснении. Обратимся к расходной книге устюжского мира 1666/67 г. Среди записей о размере почести есть такие, в которых объединены, как бы под одной скобкой, дворецкий и люди, получавшие ее «на весь двор». В марте 1667 г. мирские люди «хлеба ели» у воеводы Г.М. Мышецкого в связи с именинами царевны Евдокии Алексеевны и на следующий день, как это было принято, отдаривали воеводу и его слуг. Людям воеводы «дворецкому и на весь двор» была поднесена гривна. Также «дворецкому ево Михайлу Акинфиеву и людям ево на весь двор дано десять алтын» к празднику Пасхи. Этому фрагменту предшествует запись о праздничном натуральном подношении мясом, маслом, яйцами, сыром самому воеводе Г.М. Мышецкому. Фиксация количества каждого поднесенного воеводе продукта, его цены и имени продавца вводится оборотом «ему ж несено». За последней записью: «ему ж несено мяса говьяжьа задняя полстяга весом семь пуд с четвертью, куплено у Ивана Евдокимова Ссякина, плачено по семи алтын по четыре деньги за пуд, итого рубль дватцать два алтына четыре деньги» — и следует рассматриваемый текст о денежном вознаграждении дворецкому⁵⁰. Притяжательное местоимение «его» в словосочетании «дворецкому ево» означает принадлежность воеводе, а в обороте «людям ево» наряду с той же принадлежностью воеводе может прочитываться и подчиненность их дворецкому. Подобная же фигура встречается и в расходной книге мирских властей вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря 1692 г. Рождественскую почесть «стольнику и воеводе»

⁵⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 164. Л. 105об., 133об.–134об.

А.С. Чаплину сопровождало вручение ее «двум племянником ево» (6 алт. 4 ден.), а также «дворецкому и людем ево» (5 алт.). Тот факт, что мирские люди в своих записях соединяли вручение совместной «почести» дворецкому и дворовым людям, показывали ее общую сумму, свидетельствует, во-первых, о подчинении дворецкому именно людей дворовых и, во вторых, о вероятном распределении дворецким полученной почести по своему усмотрению между людьми. С учетом сказанного становится понятным отдельное упоминание «верхового дворецкого», второго управителя слугами, который ведал «верховых людей».

Специально следует остановиться на упомянутых уже держальниках. Этот термин, употребленный в текстах расходных книг: тотемской 1691/92 г., вологодских 1688/89, 1691/92 гг., вызывает особый интерес и обозначает носителя действия по глаголу «держати». В нем слиты подвластность воеводе и обладание в свою очередь некоторой властью, сопряженной с несением определенных обязанностей. Важно понять, каким же было конкретное наполнение данного термина в рассматриваемых реалиях. Между держальником и воеводой явно и несомненно существовала прямая связь. Причем она более тесная, чем та, которая выражена в понятии «воеводский человек». Такой «человек» Михайло Никифоров встречен у устюжского воеводы Г.М. Мышецкого (1665 г.), Иван Микифоров — у тотемского воеводы С.П. Вяземского (1675 г.), Андрей Яковлев — у тотемского же Ф.И. Бакина (1692 г.). Держальники: тотемский Сильвестр (1692 г.), вологодский Андрей Гневашев (1688/89 г.) и вологодский же непоименованный (1692 г.), так же как и выделявшиеся своим положением люди, были приближены к воеводе. Однако степень приближения этих слуг к нему все-таки разная. Служившие воеводе люди всех рангов, связаны с ним зависимо-обязательственными отношениями, и, как было показано, выполняют определенные работы и несут службы. Держальники, что хорошо видно на примере Сильвестра, пользовались особенным доверием воеводы.

Положение как держальника, так и дворецкого среди воеводских слуг было как будто схожим. И тот и другой находились на самой верхней служебной ступени. Обратимся к свидетельствам о размере почести, подносимой мирскими людьми слугам разного ранга. Они помогут глубже проникнуть в иерархию слуг и понять, соотносились ли и как эти две должности. Величина всех почестей, как воеводе, так и его слугам, прежде всего, зависела от значимости праздника или важности мирского дела. Напомню, что для воевод они состояли из натуральных — мясных, рыбных и других продуктов, готовых

хлебов, а также денег. Слуги же одаривались деньгами. К четырем наиболее значимым годовым праздникам, именинам царя и близких членов его семьи, при решении дел, затрагивающих интересы всех мирских людей, естественно, подношения были наибольшими. Другие праздники, менее значимые дела, решаемые миром с воеводской администрацией, отмечались и меньшей почестью. Мирские должностные лица многократно в течение года приглашались во двор к воеводе «хлеба ясти», а на следующий день они отдаривали его и слуг по соответствующей этой трапезе таксе. Она была меньшей, чем, например, на значительные праздники. Участие мирских властей в совместном застолье с обитателями воеводского двора было настолько упрочившимся, что его можно считать установившимся обычаем. К сожалению, по расходным книгам нельзя узнать, с кем именно и где, со слугами и какими из них, в присутствии ли воеводы мирские должностные лица «хлеба ели».

Почсть дворецкому воеводы Я.П. Булычова в Сольвычегодске в 1674–1675 гг. составляла 3 алт. 2 ден. в большие праздники, и это столько же, сколько воеводской жене, а в другие праздники и при трапезах — 1 алт. 4 ден., как воеводской внучке. Людям «на весь двор» всякий раз вручалось одинаково по 3 алт. 2 ден., а ключник, повар, конюх, верховые жильцы также неизменно получали по 1 алт.⁵¹ В Устюге в 1666–1668 гг. при воеводе Г.М. Мышецком дворецкий М. Акинфиев был одарен: к Рождеству 5-ю алт., к Пасхе вместе с дворовыми — 10-ю алт., в дни трапез по случаям тезоименитства членов царской семьи и по другим по 3 алт. 2 ден., в таком же размере, как и сын воеводы. Дворецкому следующего воеводы Я.А. Змева Никите Лаврентьеву к Рождеству было поднесено 3 алт. 2 ден., так же как племяннику. Верховые люди у обоих устюжских воевод одаривались по 1 алт. 4(2) ден. Дворовым людям вкупе давали от 5 алт. до 3 алт. 2 ден. и иногда 1 алт. 4 ден., а целовальник Шемогдской вол. 1666 г. рождественскую почать поднес из расчета по алтыну каждому из дворовых людей⁵². Держальника тотемского воеводы 1692 г. Ф.И. Бакина мирской староста одаривал, как правило, в размере 3 алт. 2 ден. Таковую почать вручали мирские управители племяннику воеводы 1675/76 г. С.П. Вяземского⁵³. Показательно, что тотемский мирской староста Иван Спасский не называет ни

⁵¹ Там же. Оп. 1. Сольвычегодск. № 36-а. Л.47, 49, 51, 54, 57, 61, 67, 76, 78, 80, 83 и др.

⁵² Там же. Оп. 1. Устюг. № 164. Л. 70об., 112, 134 и др.; № 170. Л. 96, 137; АЮБ. Т. 3. Л. 205.

⁵³ Там же. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 96, 120, 125, 241.

дворецкого, ни держальника воеводы С.П. Вяземского. Племянник же его фигурирует в записях столь же часто, как в других мирских расходных книгах дворецкие. Обстоятельство фиксации почести племяннику и людям «на весь двор» в непосредственной последовательности друг за другом (схожий факт для Устюга был рассмотрен выше) можно истолковать как исполнение им роли дворецкого и подчинение ему дворовых людей.

Особый интерес представляют сведения о праздничных почестях, подносимых управителям вологодского воеводы 1688 г. А.Б. Змеева. На Пасху вручено «держальнику ево Андрею Гневашеву три алтына две деньги. Дворецкому и конюшему ево три алтына две деньги». Последние ранее к Рождеству получили вместе также 3 алт. 2 ден., а дворовые люди к обоим праздникам — по 2 алт. Петропавловская почесть как держальнику, так и дворецкому с конюшим вкупе составляла по 2 алт., что несколько менее, чем в другие праздники, а жильцам было дано 10 ден.⁵⁴. Эти записи примечательны, прежде всего, тем, что говорят об одновременном существовании в воеводском дворе двух слуг высшей категории — дворецкого и держальника⁵⁵. Вместе с тем явственно обнаруживается имеющаяся между ними разница, а она устанавливается только путем сопоставления размеров подношений. Ведь держальник один получает почесть в том размере, какая вручается дворецкому и конюшему на двоих. Думаю, что такое выделение мирским старостой Спасо-Прилуцкого монастыря держальника перед дворецким не случайно. Мирские власти, и не только монастырские, но черносотшные в особенности, были прекрасно осведомлены об иерархическом положении людей каждого из воевод. Вступая с ними в повседневные контакты, должностные лица миров, чтобы достичь искомой цели в том или ином случае, были просто обязаны хорошо ориентироваться в ранге слуг и расположении к ним их господина.

Таким образом, выстраивается соподчинение главных слуг во дворах воевод севернорусских городов: держальник — дворецкий — дворецкий верховой. Держальник был облечен более высоким доверием воеводы, и как своего господина, и как местного администратора, нежели дворецкий в случаях их совместного присутствия в составе слуг. Проистекающие из этого доверия обязанности реализовывались помимо самой резиденции воеводы. Он мог

⁵⁴ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 125. Л. 14, 27об.–28, 35.

⁵⁵ Об одновременном существовании у воевод дворецкого и держальника см.: *Елин Г.П.* Указ. соч. С. 197.

давать приближенному к собственной персоне «человеку» — держальнику некоторые личные и служебные распоряжения, реализация которых проходила за границами очерченного двором пространства, в том числе и по отношению к местному населению. Возникает отдаленная реминисценция со службой тиунов в вотчине крупного феодала.

Люди «вверху», а сюда следует отнести и «боярских боярынь», совершенно очевидно — комнатная челядь. Мирские должностные лица отделяют их от людей, которых одаривали вкупе «на весь двор». Последние не гнушались вымогательством, они в декабре 1667 г. у целовальника Шемогодской вол. Устюжского у. «взяли сильно, в подызбице запершись, полтину»⁵⁶. Отсюда явствует, что эта группа «людей» имела на воеводском дворе свое помещение, по большой вероятности жилое, а в данном случае находившееся в подызбице. Трудно сказать, располагалась ли она в воеводском доме или в отдельной людской избе. Г.К. Котошихин писал, что люди живут, причем женатые, «своими покоями на том же боярском дворе или на иных», холостые же «люди болших статей в нижних дальних покоях, а меньшей статьи живут в верхних покоях»⁵⁷. Последний факт дает основание считать группу слуг («верховые люди» «верховые жильцы», «жилцы вверху», «жилцы»), столь по-разному обозначаемых в мирских расходных книгах, жившими в верхних покоях воеводского дома и, по всей вероятности, неженатыми. Их холостое состояние подтверждается присутствием среди них малых и/или верховых «робят». Интересно выделение во дворе тотемского воеводы 1692 г. Ф.И. Бакина мальчика иной этнической принадлежности, а именно татарчонка. Не играл ли он у воеводы роль, подобную арапчатам XVIII — первой половины XIX в., столь ярко представленную А.С. Грибоедовым в комедии «Горе от ума»⁵⁸. Источники воспроизводят возрастное деление слуг — на подростков и отроков, а служили они, вероятнее всего, на посылках и исполняли мелкие поручения внутри дома. Для этих же целей у устюжского воеводы в 1667/68 г. использовали «верхового жилца старика», скорее всего вдовца. «Боярские боярыни», прислуживавшие воеводским женам, дочерям, племянницам, жили в покоях рядом, были незамужними, а иногда и вдовыми. Воеводские верховые люди могут быть отнесены к среднему разряду слуг.

⁵⁶ АЮБ. Т. 3. Стб. 214, 217. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 164. Л. 10.

⁵⁷ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 183–184.

⁵⁸ *Грибоедов А.С.* Горе от ума. Л., 1970. Графиня Хлестова, «тащась» с Покровки к Фамусовым, «от скуки... взяла с собой / арапку-девку да собачку». Она поясняет Софье: «Какая у меня арапка для услуг...» (с. 73–74).

Факты размеров почести, содержащиеся во всех используемых расходных книгах мирских властей, показывают, что в разные годы люди воевод получали: в Устюге верховые по 1 алт. 4 ден. — 1 алт. 2 ден., дворовые по 3 алт. 2 ден.; в Сольвычегодске верховые по 1 алт., а дворовые также по 3 алт. 2 ден. и несколько меньше; в Тотьме (в 1675/76 г.) жильцы и люди — от 3 алт. 2 ден. до 5 алт. 4 ден. общей суммой. «Боярыни» жен воевод разных городов одаривались практически одинаково — по 3 алт. 2 ден.

Уже выше говорилось, что число верховых и дворовых людей установить по имеющимся источникам трудно. По именам воеводских людей в книге тотемского старосты 1691/92 г. Андрея Выдрина («воеводцкому человеку Василью Шарапу», у «имянинника воеводцкого человека Пимина», «дано воеводцкому человеку Иеву») выявляется 10 человек (кроме держальника Сильвестра и особо доверенного Андрея Яковлева), однако неясно, были ли это «жильцы» или дворовые люди. Говорить поэтому о соподчинении этих групп слуг сложно. Пожалуй, лишь упоминаемое свидетельство в книге 1666/67 г. целовальника Шемогодской вол. Устюжского у. сообщает о 15 дворовых людях и трех жильцах устюжского воеводы Г.М. Мышецкого. Первые получили к Рождеству по 1 алт. на человека, а вторые — гривну на троих или чуть более 3 ден. на человека. Из тотемской мирской расходной книги 1675/76 г. узнаем о двух случаях, когда жильцам вручалось по 4 ден. Принимая во внимание сказанное, можно полагать, что подношение дворовым людям в расчете на человека было большим, чем верховым. Последние, в силу исполняемых обязанностей, находились в постоянном ежедневном контакте со своими господами. От них они в качестве своеобразного «жалованья» получали «всякое платье и шапки, и рубашки, и сапоги»⁵⁹. Несмотря на меньший размер подношений от мирских властей в сравнении с дворовыми, верховые люди, думаю, располагались на ступень выше, чем дворовые, но ниже, чем ключники, а также повара, конюшие.

Воеводы на месте в дополнение к привозимым слугам нанимали дворников, денщиков, приворотников. Хотя по указу от 1620 г. воеводам запрещалось «на дворех у себя денщиком... и с посадов бы и с слобод водовозом, и всяким деловым людем быть...»⁶⁰. Они составляли самый низший, но необходимый разряд слуг, проис-

⁵⁹ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 183.

⁶⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. № 98. С. 102.

ходивших из жителей посада. В устюжских книгах за последовательные 1665/66 и 1666/67 гг., но ведшиеся разными мирскими лицами: всеземскими денежными сборщиками города и целовальником Шемогодской вол. указаны дворники у воевод Г.М. Мышецкого (Феодосий Сидоров) и следующего за ним Я.А. Змеева⁶¹. Сольвычегодские воеводы 1653–1654 гг. П.Н. Веснин и В.И. Колычев также не могли обойтись без дворников. У устюжского воеводы Г.М. Мышецкого наряду с дворником служили денщики. По-видимому, их число увеличивалось по мере необходимости. Так, в декабре 1666 г. к Рождеству и в июне 1667 г. ко дню Петра и Павла мирские власти одаривали одного денщика Ивашку (по 1 алт.), в августе на Успенье — двух, Митку Ваганского и Сергушку, которым «дано алтын 4 деньги», а в сентябре 1667 г. «денщиком Алешке Паюсову с товарищи четверем человеком дано» было 2 алт.⁶² У вологодских воевод А.Б. Змеева и Я.И. Дивова 1686–1687 гг., по свидетельству вотчинных старост Спасо-Прилуцкого монастыря, служили приворотники, денщики, а воевода 1691 г. А.С. Чаплин не удовлетворился одним денщиком, а имел двух. Необходимы денщики и вологодскому воеводе 1692 г. П.Г. Львову, и судя по употреблению множественного числа — «денщикам» и размеру почести, их было, по всей вероятности, также несколько, во всяком случае не один. Всех этих наемных служителей, наряду с непосредственными слугами воевод, мирские люди оделяли соответствующей их месту почестью.

Запись в расходной книге сольвычегодского земского старосты Роспуты Пихтусова от 28 июня 1654 г. раскрывает, как нанимались посадские люди в услужение к воеводе. Она весьма красноречива: «дал по отписе дворнику Ивану Никитину Красных, что жил на воеводцком дворе после Петра Веснина две недели. Да при новом воеводе Василье Ивановиче Колычеве жил на дворе в дворниках три недели. Итого найма его десять алтын. И отпись взята»⁶³. Из этой записи вытекает, во-первых, прямое участие мирских властей северных городов в оплате этой службы на воеводском дворе; во-вторых, ее разные сроки (в данном случае несколько недель); в-третьих, наем сопровождался составлением документа — отписи, фиксирующей получение оплаты. Наконец, можно полагать

⁶¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 170. Л. 86об., 137; № 177. Л. 32; АЮБ. Т. 3. Стб. 212, 214, 217, 221

⁶² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 164. Л. 70об. 188об., 200.

⁶³ Там же. Оп. 1. Сольвычегодск. № 23-6. Л. 87.

посредничество мирских людей, вероятнее всего, самого старосты или денежного целовальника, в подыскивании кандидата на такую службу. Подтверждение всему этому содержится в расходной книге 1666/67 г. мирских людей Устюга, из которой виден механизм найма низших служителей в земскую избу. Ее «сторожем и приставам Максиму Башарину да Луке Гремячего да Павлу Воробьеву, Ивану Шишлакову дано годового найма на нынешней на 175-й год по мирскому приговору и по договору по рублю человеку. Итого четыре рубли». На поле сделана следующая приписка: «деньги даны и отпись взята в октября в 7 день», и далее следует пояснение, за что именно: «от сторожи всеземской коробки»⁶⁴. Итак, оба свидетельства аналогичны по содержательной сути. Мирские власти разных городов — Сольвычегодска, Устюга — действовали по одинаково заведенному порядку при найме низших служителей как в собственно мирскую земскую избу, так и на воеводский двор. Условия найма уточняются из второго источникового показания. Он заключался с утверждения мирских людей (по их приговору) и по обоюдостороннему договору между ними и нанимающимся человеком, документально оформлялся, а исполнение контракта завершалось написанием отписки в получении денег за службу.

Приведенные выше свидетельства о почестях слугам говорят, что в рассматриваемых севернорусских городах их размер был примерно одинаковым для определенной группы «людей», и это обстоятельство необходимо специально подчеркнуть. В городах Устюге, Тотьме, Вологде, различающихся по своим размерам и численности населения, такса почести для дворецкого и держальника равнялась 3 алт. 2 ден. Такой же она была и для «боярских боярын». Рассмотренный материал и полученные наблюдения придали реальность проницательному предположению М.М. Богословского, который писал: «Вероятно, обычаем были выработаны и установлены по разным местам самые размеры приношений... Содержание воеводы в глазах мира — покоящаяся на обычном праве повинность»⁶⁵. Высказывание ученого всецело относится к подношениям воеводским слугам. Мирские власти разных городов руководствовались при этом сложившимися нормами, сообразно социальному статусу лица.

* * *

⁶⁴ Там же. Устюг. № 164. Л. 198об.

⁶⁵ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 285.

Естественно, что воеводская челядь имела семьи. Хорошо известны упоминания о семьях холопов, содержащиеся в духовных грамотах. Рассматривая отпуск холопов на свободу феодалами в конце XV — середине XVI в., Е.И. Колычева приводит немало фактов об их семьях. Как правило, холоп освобождался с женой, с женой и детьми или с женой и сыновьями, «жонки» отпускались с малолетними детьми⁶⁶.

В.М. Панеях охарактеризовал демографический состав кабальных холопов. Он установил, что похолопляемые одной кабалой люди представляли собой чаще всего семью, состоящую из: супругов, отца и детей, матери и детей, супругов с детьми, братьев, сестер. Преобладали же среди поступающих в холопство мужчины-одиночки и группы из двух человек, среди которых были пары, едва вступившие в брак, что сулило холоповладельцам увеличение числа кабальных холопов за счет естественного прироста. Холоповладельцами в первой половине XVII в., по наблюдениям В.М. Панеяха, в большинстве своем были помещики и вотчинники. Лидировали же среди них представители местной администрации и, что самое интересное, в первую очередь воеводы. Именно они оформляли на себя в Новгороде и Пскове, по убедительным подсчетам исследователя, подавляющее число кабал⁶⁷.

Однако в северных уездах из-за присущего им чернососного характера землевладения холопы как категория зависимого населения отсутствовала. О видовой принадлежности привозимых воеводами холопов сказать что-либо конкретное крайне затруднительно. Имеющиеся сведения о семьях воеводских «людей» очень скупы, скорее это глухие упоминания об отдельных членах в связи с каким-либо поводом. Сольвычегодский староста 1674/75 г. на проводы воеводы одарил его людей калачами, а их жен деньгами. Он же воеводскому дворецкому «з женою и з детьми» поднес деньги. Женатое состояние воеводских людей подтверждает расходная книга земского целовальника Ильинского прихода Вилегодской вол. Сольвычегодского у. за 1673/74 г. Среди записей по статье «мелкий расход» под 9 сентября значится: «По государеву указу приходил пристав Серга Чюпановской для воеводцкие беглые женки»⁶⁸. О людских семьях тотемского воеводы Ф.И. Бакина (1692 г.) можно

⁶⁶ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 59, 163–165, 168–169.

⁶⁷ Панеях В.М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984. С. 108–113, 116, 118.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Сольвычегодск. № 71. Л. 6об.

судить по тратам, которые оплачивал староста А.Выдрин в связи с внутрисемейными праздниками. Он одаривал деньгами виновника торжества, подносил их также его жене или сыну⁶⁹. Получить представление о структуре и численно-поколенном составе «людских» семей, принадлежавших феодалам, находившимся на воеводской службе, по расходным книгам практически невозможно.

Большое количество дворни, которая служила как в доме, так и во дворе, необходимо было разместить. Для «людей» устюжского воеводы Я.П. Змеева в сенях встраивали чуланы с дверями, навешивали к ним замки, ремонтировали имевшиеся людские. Чуланы размещались у лестницы, правда неясно, ведшей в подклет или на второй этаж, у лестниц или под ними стояли сундуки, на которых могли спать господские «люди».

Воеводский двор состоял из собственно усадьбы и огорода, который возделывался. В Устюге в 1666–1668 гг. огородную землю удобряли, вывозя на нее навоз из конюшни, ее «орали» и вскапывали под гряды, засевали редькой, морковью, свеклой, сажали лук и чеснок. На огороде разделявали десять гряд. Казалось бы, что под них не нужно вспахивать землю, достаточно ее вскопать; выяснилось, что на огороде, вероятно, за грядами нанятая жена Никольского трапезника «рожь посеивала»⁷⁰. У тотемского воеводы 1675/76 г. С.П. Вяземского в для огорода купили уже готовую рассаду у 4-х продавцов, можно думать, специализировавшихся на разных культурах. Ее сажали «Настасья Василия Сулова жена и иные бабы»⁷¹. Сольвычегодский староста Роспуга Пихтусов нанял для обработки воеводского огорода Н. Пономарева, который его вспахал, унавозил, бороновал, причем не в один прием. Разделал гряды и посадил купленную рассаду Осип Рыжухин «с товарыщи». Поливать капусту на огороде «во все лето» обязался за 20 алтын «дворник Пашка Черепанов»⁷². На устюжском воеводском дворе был «садец», к которому при воеводе Я.А. Змееве в апреле 1667 г. купили пробои, скобы, закладку. Если вспомнить, что двор находился на берегу р. Сухоны, то «садец» — рыбный. Вместе с тем в мае того же года «Семен Андреев тын ставил гусям и лебедям»⁷³, и птица выпасалась, по всей вероятности, в том же «садце».

⁶⁹ Там же. № 36-а. Л. 43об.–44; Чтения ОИДР. 1908. Кн. 4. Смес. С. 28, 29, 31–32.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 164. Л. 146, 152; № 170. Л. 155–156, 168.

⁷¹ Там же. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 202об.

⁷² Там же. Оп. 1. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 133–134.

⁷³ Там же. Устюг. № 170. Л. 149, 154.

Расходные книги мирских старост дают некоторое представление о досуге и развлечениях местных управителей. В июне 1666 г. во дворе устюжского воеводы случился переполюх, к ликвидации которого оказались причастны и земские власти. Дело в том, что «в колодец медведица упала и в том колодце утонула». Можно представить, что последовало за обнаружением свершившегося. Пришлось «ис того колодца тое медведицу выволакивать и воду волочить». Лишь через месяц записана покупка «шести ширкунов» и ремня на «медведи». Из специально купленных «волку на конуру» деревянных «тынин» она была построена на воеводском дворе, а также поставлен тын, чтобы «волку жить»⁷⁴. Держали медведя и на тотемском воеводском дворе, что подтверждает покупка «двух урывков бечев... медведем»⁷⁵. Понятно, увеселения с медведем были распространённым развлечением. И.Е. Забелин говорит о разнообразии медвежьей потехи, которая разделялась на три типа — травлю, бой и представление «с поводчиками, т. е. с неизменною его спутницею ряженой козой»⁷⁶. Волка же завели и построили ему загон, возможно, для приручения.

* * *

Праздники, как христианские, общественные (дни царских тезоименитств), так и семейные, запечатлены на страницах расходных книг. Наиболее интересны из них семейные, так как характеризуют частную жизнь. В разных числах октября 1675 г. состоялись именины сольвычегодского воеводы Я.П. Булычова и его жены, на которые были приглашены мирские люди «хлеба есть». Они, как повелось, прежде обеспечили праздничный стол продуктами. К именинам П.В. Булычовой была куплена разнообразная рыба: семга свежая и солёная, щуки, язи, сиги, палтус, а также тесто и рыба для кулебяк. К праздничному столу самого воеводы приобретена также рыба, но в больших количествах: семги около 3 кг, 3 щуки, полпуда сигов, палтус, «свежих рыб всяких»⁷⁷. Это говорит о большем размахе праздника самого воеводы и значительном числе приглашённых на него.

Семейные праздники воеводских «людей» также отразились в книгах старост сольвычегодского Ф.С. Воронкина 1674/75 г. и то-

⁷⁴ Там же. № 164. Л. 158, 167, 188.

⁷⁵ Там же. Оп. 2. Тотыма. № 76. Л. 7об.

⁷⁶ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. I. Ч. II. М., 2000. С. 309–312.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 51об.–52.

темского А. Выдрина 1691/92 г. Среди них свадьбы, родины-крестины, именины, т. е. праздники, связанные с основными вехами жизненного пути любого человека. В апреле 1674 г. женился «человек» воеводы Я.П. Булычова Наум, на празднование были приглашены мирские люди — староста с целовальниками и «с посыльщиком Петром». Они «у воеводы на свадьбе хлеба ели», и в данном случае выражение «у воеводы на свадьбе» имеет в виду совершившееся празднование в воеводском дворе. Мирские люди не только обеспечили свадебный обед кострецом мяса и свиным окороком, одарили «новобрашного Наума с новобрашною» полтиной денег, денежной почестью воеводу с женой и внучкой, а также других людей по обычной таксе.

Необходимо обратить внимание на формулировку записи. Сначала фиксируется натуральное подношение: «Науму на свадьбу несли...», затем говорится об участии мирских людей в свадебном застолье, причем они «хлеба ели» не у «новобрашного Наума с новобрашною», а «у воеводы на свадьбе». Тем самым, во-первых, подчеркнуто, что она происходила на воеводском дворе, пространство которого как бы символически расширяется, скорее в том месте усадьбы, где обычно по приглашению от воеводы мирские люди «хлеба ели». Кстати, расходные книги не конкретизируют место такого угощения. Оно для мирских людей было настолько само собой разумеющимся, что не было надобности его обозначать. Во-вторых, вполне определенно выражена личная принадлежность Наума воеводе. Пожалуй, этот аспект превалирует в рассматриваемой записи. В ней женитьба не столько событие частной жизни человека, сколько отражение его статусного состояния.

Г.К. Котошихин, правда, в связи с выдачей замуж девушек и вдов писал, что по наступлении возраста «тех девиц и вдов выдают они, бояре, замуж, с наделком за своих дворовых слуг», а относительно места свадьбы указывал: «играют в их боярских хоромех, как чин повелся всякого чину людем жениться». В этом фрагменте содержится интереснейшая подробность. Осведомленный дьяк говорит, как о разумеющемся и вполне обычном деле, женитьбе дворовых слуг «кого кто излюбит», и в качестве оговорки добавляет: «или временем бывает, выдают через неволю»⁷⁸. Последний вариант брака, судя по контексту, скорее исключение, нежели правило.

В 1691 г. во дворе тотемского воеводы Ф.И. Бакина состоялось три свадьбы, две 10 и 18 апреля и одна 18 мая. Относительно их

⁷⁸ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 184.

земский староста А. Выдрин определенно записал, что нес воеводе калачей на свадьбу, «как женил человека своего». Женившиеся Яков, Федор и безымянный повар по этой формулировке — лица пассивные, а воевода — носитель активного действия. Отсюда совершенно очевидно зависимое состояние воеводских «людей», и выражено оно с большей ясностью, нежели в книге сольвычегодского старосты 1674 г. Новобрачные, как жених, так и невеста, получили денежные подношения, однако в каждом случае разного размера. В одном — наименьшего, по 2 алт. 2 ден., а из другого проясняется и механизм приглашения мирских людей на свадьбу. Было «позовного человеку ево (воеводы — *Е.Ш.*) Иеву и новобрашно[му] дано в земской избе 10 денег». Жених в сопровождении другого дворового, выполнявшего важные поручения воеводы (в июле Иев «поехал к Москве») и имевшего вес среди земских людей, пришли в мирскую избу с объявлением о свадьбе и получили «позовное». В тот же день «и позавтрию» новобрачной было дано 4 алт. 4 ден., а «к новобрашному» Якову — 3 алт. В третьем случае, когда женился повар, жениху и невесте было несено «в бумашках 6 алтын».

Способ вручения подарка — «в бумашке» — несет определенную смысловую нагрузку. Он характерен для тотемской расходной книги А. Выдрина. Как правило, староста в таком своеобразном «конверте» одаривал деньгами воеводу, приходя по его приглашению «хлеба есть»⁷⁹. Факт подобного подношения воеводскому повару говорит о его неординарном положении в иерархии слуг и соответственно о проявленном отношении к нему земских властей.

На традиционные «свадебные» калачи тотемскому воеводе Ф.И. Бакину мирские люди всякий раз тратили одинаковую сумму в 2 алт., о подношениях жене воеводы, дворецкому и другим дворовым людям не говорится. Зато к двум свадьбам были одарены «боярские боярыни» по 10 ден., что, пожалуй, можно объяснить принадлежностью к ним невест повара и Федора. Трудно судить об участии мирских людей в самих свадебных торжествах. Правда, за записью от 18 мая о женитьбе повара мирской староста сделал следующую: «Того ж числа были мирские люди и посылщики все у столыника и воеводы у Федора Ивановича Бакина, несено ему в бумашке 16 алтын 4 ден., бояроне 8 алтын 2 ден., Селиверсту 3 алтына 2 ден, татарченку 6 ден., боярским боярыням 10 ден., жилцам

⁷⁹ Чтения ОИДР. 1908. Кн. 4. Смесь. С. 26, 27, 29, 30–32, 34–35.

10 ден., людям на весь двор 3 алтына 2 ден., позовного 4 денег»⁸⁰. Несмотря на то, что у воеводы были все мирские люди, остается неясным, ограничился ли визит только поднесением почести по полной «программе», как это бывало и в тех случаях, когда мирские люди по приглашению воеводы «хлеба ели».

Вернемся во двор сольвычегодского воеводы Я.П. Булычова. В семье его дворецкого Ивана Васильева в мае 1674 г. родилась дочь, и староста не остался безучастен, он нес сначала на родины, а затем на крестины обоим супругам продукты (на 6 алт. 4 ден.) и деньги (10 алт. 4 ден.)⁸¹. Воеводский человек Миней звал целовальников Окологородной вол. Сольвычегодского у. в том же 1674 г. на родины же и крестины. Они отметили эти события по обычаю денежным подношением самому отцу (по 2 алт.), «новороженной» (4 алт.), «бабе» (4 ден.). Последняя, несомненно, повитуха, которая была приглашена на воеводский двор помогать при родах жене слуги. В этой записи снова упоминается праздничный обычай: на крестинах «боярыня ходила с чаркою». Естественно, ей было поднесено 2 алт.⁸². Судя по материалу расходных книг всех мирских должностных лиц, «боярыней» в них называлась, как правило, жена воеводы. Однако служанки воеводской жены обозначались как «боярские боярыни». В данном случае «боярыня» — жена Миней, и она принадлежала к служанкам жены воеводы. У человека тотемского воеводы Ф.И. Бакина в апреле 1691 г. «жена ево сына родила», и староста с мирскими людьми, придя на родины, дали «ей в бане 10 денег». Также 10 ден. было поднесено «на родины» жене другого воеводского человека в июле того же года⁸³. Известно, что баня из-за своей изолированности была местом для родов в городе (как и в деревне), а сами роды и все, что с ними связано, считалось нечистым в течение трех дней⁸⁴. Приносить подарки новорожденному — стариннейший обычай. Расходная книга 1691 г. о вручении их в бане донесла деталь семейного быта феодально-зависимых людей, связанную с обрядами деторождения.

⁸⁰ Там же. С. 28, 30, 33.

⁸¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Сольвычегодск. № 36-а. Л. 69, 72об.

⁸² Там же. № 68. Л. 28. Г.К. Котошихин называет «праздники господские или иныя нарочитыя, и имянинные, и родилные, и крестилные дни». См.: *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 172.

⁸³ Чтения ОИДР. 1908. Кн. 4. Смесь. С. 28, 32–33.

⁸⁴ См.: *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 244. Автор ссылается на свидетельства С. Герберштейна, Д. Флетчера, А. Олеария.

Именины были ежегодным событием в жизни человека. Расходные книги запечатлели их празднование не только у воевод, о чем сказано выше, но и у их «людей». Дворецкий сольвычегодского воеводы Я.П. Бульчова Афанасий пригласил на свои именины в июле 1674 г. мирского старосту, который «хлеба ел» и одарил именинника с женою и детьми 4 алт. Жена дворового человека Мины в июне 1674 г. была «имянинница», что староста отметил денежным подношением (3 алт. 2 ден.) обоим супругам⁸⁵. Тотемские мирские власти в 1691 г. неоднократно были участниками именинных застолий у слуг воеводы Ф.И. Бакина. Они в мае «хлеба ели» у Иева и одарили деньгами его (10 ден.), а также жену (6 ден.); в июне «обедали у имянинника воеводского человека Пимины, дано сыну ево 10 денег»; в июле дочери человека Василия Шарапа, обозначенной как «воеводская девица», прямо за именинным «столом» было дано 6 ден.⁸⁶.

Воеводские «люди», к которым земские должностные лица приходили на разные праздники, занимали ведущее положение, среди них — держальник, дворецкий, а также слуги, пользовавшиеся особым доверием феодала. Поддерживать хорошие отношения с ними мирские должностные лица были заинтересованы, ведь от благорасположения, в особенности дворецкого, многое зависело, что явствует из вышеизложенного материала. Целовальник Шемогодской вол. Устюжского у. 1665/1666 г. оставил прямые тому свидетельства. Неоднократные визиты к воеводе Г.М. Мышецкому по поводу уплаты налогов вынуждали его вступать в контакты с дворецким и ублажать последнего денежными подношениями, «чтобы нас князю обвестил» и сделал бы это «того ж дни»⁸⁷. Некоторые из воеводских слуг и земские должностные лица, как видим, находились в тесном личном общении, что их ставило на одну социальную ступень. Вместе с тем, эти слуги воеводы, власть которого отраженно придавала им некоторое превосходство, возвышались над мирскими людьми.

Таким образом, разбросанные по тексту расходных книг мозаичные сведения, позволили войти в ворота двора воеводы и заглянуть в многолюдный дом, где обитала его семья с родственниками и свойственниками, куда приезжали гости. Доверенные слуги и дворня, сравнительно немногочисленная, обеспечивали его хозяйственный быт и работали в поварне, конюшне и других службах.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 Сольвычегодск. № 36-а. Л. 73, 77об.

⁸⁶ Чтения ОИДР. 1908. Кн. 4. Смес. С. 29, 31, 33.

⁸⁷ АЮБ. Т. 3. Стб. 202, 205.

В эту повседневную жизнь воеводского двора были втянуты мирские должностные лица, которые доставляли продукты, предметы утвари, стройматериалы, посылали нанятых для тех или иных черных работ людей. Вместе с тем они ходили туда в гости. Мирские власти разных рангов не только обеспечивали комфортную по тем временам жизнь воеводы-феодала, но и были причастны к досугу его семьи и слуг в той мере, которая проистекала из их положения на социальной лестнице.

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В УСТЮГЕ

Врасходных книгах должностных лиц земских миров Поморья наряду с типичными записями попадают как бы выпадающие из общего контекста. Именно о таких, представляющих фиксацию расходов, которые делались ко дню памяти праведного Прокопия в Устюге Великом, и пойдет речь. Включение этих трат в расходные книги «всеземских мирских денежных сборщиков» 1666/67, 1667/68, 1668/69 и 1673/74, 1675/76 гг. наряду с таковыми на воевод и подьячих приказной избы к общезначимым церковным праздникам — Рождеству, Пасхе, дню Петра и Павла, Успению — свидетельствует о явной причастности устюжского мира и к празднованию Прокопьева дня. Освещение данного сюжета имеет смысл для получения суждений о взаимоотношениях земских миров и церкви в XVII в., которых все еще недостаточно.

М.М. Богословский в свое время охарактеризовал вопрос о церковном приходе на Севере. Он установил территориальное совпадение волости и прихода в большей части северных уездов, показал роль мира в сооружении церквей, выборах церковного притча, специально отметив наследование священнослужителями церковных должностей, заключение порядных записей между кандидатом на церковную должность и приходско-волостным миром, обязанности церковных старост, выбиравшихся для управления церковным имуществом, и нередко совмещении в одном лице земского и церковного старост. Историк уделил внимание общественному значению церкви, которая служила и мирским нуждам — была местом хранения архива, а ее трапезная местом проведения сходов, вершения правосудия и совместных трапез как таковых с угощением в складчину¹.

О северном приходе писал С.В. Юшков, следуя в рассмотрении поставленных вопросов наблюдениям М.М. Богословского и опираясь на них, однако придав своему очерку историко-правовую направленность и выделив социальную природу мира, не оттененную М.М. Богословским. С.В. Юшков подчеркнул сущность при-

¹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912. С. 19–52.

хода-волости, являвшейся еще и миром, т. е. «союзом публичного порядка». Он остановился и на совместно проводимых храмовых праздниках с общей трапезой — «братчиной». Ученый пришел к выводу о значении религиозных общин, автономия которых обуславливалась вековым самоуправлением миров как союзов, удовлетворявших все без исключения потребности².

Пожалуй, А.Н. Попов впервые обратил внимание на пиры в их тесном сочетании с братчинами и собрал о них сведения из отдельных жалованных и уставных грамот, содержащих запрет ездить «на пиры и братчины не званы». Он распространялся на княжеских наместников, волостелей, тиунов и их людей во избежание злоупотреблений с их стороны в отношении жителей, а также возможных краж, драк и убийств, которые могли произойти из-за стечения народа и коллективных возлияний. А.Н. Попов перебрал мост к братчинам XIX в., связал их приуроченность к храмовым праздникам и выделил их общинный характер, восходящий к XV в.³

Тема средневекового пира и совместимой с ним братчины, присутствующая в актовом материале XV — начала XVI в., где они по большей части упомянуты рядом⁴, привлекала внимание Л.В. Черепина, А.Л. Хорошкевич в плане их социального анализа. Л.В. Черепин рассмотрел статьи жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю, которые ограждали крестьян торговых и промысловых сел от въезда на пиры и братчины чинов местного управления — наместников, волостелей и их людей, боярских военных слуг и «сельчан» иных владетелей. Именно они составляли «незванных гостей». Пиры и братчины ученый оценил как торжественные коллективные собрания, представляющие собой пережитки языческого культа, когда их участники угощались вместе за праздничной трапезой. Образовавшиеся во второй половине XV в. крупные земледельческие и промыс-

² Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1913. С. 17–45, 72.

³ Попов А.Н. Пиры и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. Пол. 2. Отдел VI. М., 1854. С. 19, 39–41.

⁴ Известная уставная жалованная грамота Ивана III на Белоозеро от 1488 г. в одной из статей говорит: «А тиуном и наместничьим людям на пир и братчину незваным не ходити, а хто приедет к ним на пир и братчину незван, и они того вышлют вон безпенно» — Российское законодательство X–XX вв. Вып. 2. М., 1985. С. 195. См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952. № 264, 315, 322, 327, 354, 356, 414, 462, 463, 516, 534, 567; Т. III. М.; Л., 1964. № 22, 25, 40, 77.

ловые села с местными торжками становились центрами притяжения для окрестного населения, особенно в праздники с их пирами и братчинами⁵. А.Л. Хорошкевич обратилась к заповедным грамотам и другим актам середины XV — начала XVI в., которые ограждали участников праздников от «незванного гостя». Она существенно расширила состав источников, дала дипломатическую характеристику привлеченным актам, установила статусные различия лиц, скрытых под понятием «незванный гость». Среди них выделялись две группы пришельцев — представители княжеской администрации и «сельчане» Последние — это крестьяне менее привилегированных землевладельцев в сравнении, например, с митрополичьими, и мелких кормленщиков из среды княжеской администрации. А.Л. Хорошкевич полагает, что запрет посещать пиры и братчины, санкционированный государственной властью, повышал ее роль в противоречивом процессе становления Русского государства⁶. Названные ученые показали, что в запрете незванным гостям появляться на «пирах и братчинах», в том числе «о праздниках», сказывалось стремление землевладельцев через иммунитетную привилегию, получаемую от князя, ограничить участие княжеского аппарата в получении некоторого дохода таким своеобразным способом, как присутствие на пирах. В Псковской судной грамоте говорится о братчине и пире (ст. 113 и 114), которые Ю.Г. Алексеев, фундаментально исследовавший памятник, считает взаимосвязанными социальными институтами. Он отметил в происхождении пира дофеодалную подоснову, вплетенную в жизнь приходской церковной общины XIII в., а также запреты XV в. чужим людям появляться на братчине-пире во избежание возможных правонарушений. Братчине времени Псковской судной грамоты, проявлением внутренней жизни которой были пиры, ученый отводит роль соседской общины сельчан или уличан, совпадающей с церковным приходом, обладавшей к тому же судебными функциями⁷.

Обширный материал об общественных пирах, имевших место, но уже в XIX в., у крестьян разных районов России и приуроченных к храмовым праздникам в честь местночтимых святых, содержали со-

⁵ *Черепнина Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 308–311.

⁶ *Хорошкевич А.Л.* «Незванный гость» на праздниках средневековой Руси // *Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина.* М., 1987. С. 184–191.

⁷ *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 60–61; *Он же.* Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997. С. 47, 82.

временные им многочисленные этнографические и литературные свидетельства. Их основательно использовала М.М. Громыко, характеризуя празднования — братчины XIX в. в тесной связи с обычаями, традициями, поведенческими нормами в крестьянской общине⁸.

Даже некоторые рассмотренные работы, касающиеся вопроса о братчинах, выявили ситуацию явной хронологической, источниковой и содержательной лакуны, которую до некоторой степени позволяет восполнить имеющийся в распоряжении материал второй половины XVII в., относящийся к престольному празднику в самом крупном городе Севера Устюге Великом. Празднование дня святого Прокопия, «юродивого Христа ради», проходило 8 июля. Чествование памяти ему было в XVII в. крупным событием в местном масштабе. Следует сказать несколько слов о самом Прокопии. Он юродствовал в Устюге во второй половине XIII — самом начале XIV в., умер в 1303 г. Первое свидетельство его почитания относится к 1458 г., когда над местом его погребения была поставлена часовня; первая обетная церковь в его честь построена в 1471 г.⁹ Московский собор 1547 г., который установил чествование святым либо всецерковное, либо местное, отнес память Прокопия к последнему и приурочил его к 8 июля. Примерно с конца XV в. началось празднование святому, и оно постепенно вышло за городские и даже уездные пределы, в частности в соседний Сольвычегодск с его округой.

Естественно поэтому кратко остановиться на житии местного чудотворца. Культ Прокопия Устюжского, по мнению ученых, возник не ранее второй половины XV в., и на этом этапе, по-видимому, не было письменных свидетельств о биографии местного святого. Житие же патронального святого Великого Устюга — памятник, сложившийся в XVII в. на основе разновременных произведений конца XV — середины XVI в. Отсюда хронологическая непоследовательность частей, отрывочность глав, зависимость от ранее составленных житий, о чем писали в разное время В.О. Ключевский, его первый исследователь, Н. Коноплев, В. Шляпин и с большим разрывом во времени И.У. Будовниц, А.М. Панченко, С.А. Иванов, А.И. Клибанов, А.Н. Власов и др. А.М. Панченко писал, что расцвет юродства на Руси приходился на XV — первую половину XVII в., и отнес Прокопия Устюжского к заметным фигурам канонизированных юродивых наряду с Василием Блажен-

⁸ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 132–146.

⁹ Шляпин В. Святые г. Устюга в память пр. Прокопия чудотворца // Русский паломник. 1903. № 27. С. 459; Ключевский В.О. Древнерусская жизнь святых как исторический источник. М., 1988. С. 226, 387–388.

ным Московским, Николой Псковским Салосом, Михаилом Клопским. Ученый исследовал феноменологию юродства через его зрелищность и содержащийся в нем протест, а на страницах житий, по его образному выражению, разыгрывалась драма юродства. Житие Андрея Царьградского А.М. Панченко назвал «своеобразной энциклопедией юродства», ибо именно так оно воспринималось в Древней Руси¹⁰.

С.А. Иванов, посвятивший работу византийскому юродству, связывает появление подобного феномена на севере и северо-востоке Руси в XIV в. с эндогенными причинами, присущими тогдашней религиозно-культурной ситуации. Он выделяет Прокопия Устюжского, житие которого «при точности многих топографических привязок... в значительной своей части — это дословный пересказ жития Андрея» Царьградского. Агиографический канон, полагает исследователь, привел к подражательности и похожести русских «похабов» на византийских юродивых¹¹. Житие Андрея Царьградского, датирующееся X в., было очень популярно как в Византии, так и на Руси, где было переведено на древнерусский язык не позднее первой четверти XII в.¹²

Житийную литературу и жанр агиографии А.И. Клибанов оценивал как одно из проявлений поступательного развития духовной культуры. Культ святых, имевший опору в давних религиозных традициях, был связан с политеизмом народных верований. Концентрация их и христианства в культе святых делала последний наиболее приемлемой формой «для усвоения населением отвлеченных начал христианства» и личностного начала, воспринимавшегося «в живых олицетворениях». Для средневекового народного сознания сверхъестественное должно обладать «естеством», которое доступно человеческим чувствам¹³.

Развитие культа святых, полагал А.И. Клибанов, шло по двум направлениям: одно — снизу, когда почитались святые на узкой территории прихода или небольшой округи, другое — сверху от официальной церкви, которая на соборах 1547–1549 гг. санкционировала культы святых как общецерковные; к культу святых относится и культ «блаженных и юродивых»¹⁴. Замечу, что в почитании Прокопия Устюжского как раз сочетаются как оба пути складывания культа, так и своеобычность праведника — юродивого.

¹⁰ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 72, 81, 99.

¹¹ Иванов С.А. Византийское юродство. М., 1994. С. 143.

¹² Там же. С. 86.

¹³ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 75, 76.

Исходя из задачи своего исследования, А.И. Клибанов выявляет пути становления духовного начала, и один из них — феномен святости. Именно с ним генетически связано явление юродства, которое он считает «духовным новообразованием», возвышающим индивидуальность и высвобождающим духовное начало из телесного. Почитание местных святых, как проявление религиозного феномена святости, «выводило мирян за пределы прихода, а нити духовной связи их со святыми делало все более тесными и прямыми» — к такому выводу пришел ученый¹⁵.

Начальный вид агиографического цикла о Прокопии составлялся в середине XVI в. на основе местных преданий, так полагают В.О. Ключевский, Н. Коноплев, а также А.Н. Власов. Для него житийный цикл о Прокопии и Иоанне Устюжских стал предметом многолетнего исследования. А.Н. Власову принадлежит обстоятельная публикация, включающая тексты житий названных святых и нескольких сказаний о чудесах, с ними связанных, их исследование и комментарий. Он отметил, что после работ о памятнике конца XIX — начала XX в. его изучение возобновилось с 1980-х гг. А.Н. Власов считает, что совокупный Иоанно-Прокопьевский цикл складывался постепенно на протяжении середины XVI — конца XVII в. Житийная биография Прокопия Устюжского, полагает ученый, написана сравнительно поздно — в середине XVII в., и он осторожно связывает факт ее создания с 1640–1650-ми гг., когда был проведен «обыск» новых русских святых, которым составлялись и новые жития. Важным этапом формирования Устюжского агиографического цикла были 60–70-е гг. XVII в., «когда в нем были соединены практически все памятники и письменные свидетельства о юродивых Прокопии и Иоанне». Окончательно оформился устюжский житийный цикл о Прокопии и Иоанне во второй половине XVII в., и в нем запечатлены история и быт жителей Устюжского края более чем за сто лет. Цикл создавался не в одном конкретном месте, и по мнению исследователя, можно говорить о своеобразном коллективном творчестве устюжан по созданию городского житийного «свода», в котором «приняли участие авторы не только различных исторических эпох, но и авторы-современники»¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 85, 90.

¹⁶ Власов А.Н. Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995. С. 24, 30, 34; *Он же*. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 472, 480–482, 510, 515, 538.

Житие Прокопия содержит некоторые сведения биографического характера¹⁷. Происходил он «от западных стран, от языка латинска, от немецкия земли. Рождение же и воспитание его бысть в великом богатстве». Достигнув «совершенного возраста», Прокопий с кораблем, нагруженным «от имени своего во отечествии своем», прибыл в Великий Новгород с «многим богатством» и со «своею дружиною с латынники»¹⁸.

Мотив иноязычного и иноверного, латинского, происхождения присущ и другим житиям юродивых. Исидор Твердислов — выходец с Запада, «от латынского языка, от немецкия земля». Иоанн Властарь Ростовский, пришедший неизвестно откуда, молился по псалтыри на латинском языке, которая была переплетена по настоянию митрополита Дмитрия Туптало и положена в гроб юродивого¹⁹.

В Новгороде, таясь своих соплеменников, Прокопий познакомился с православной службой и верой, в городе ведь было множество церквей и монастырей, что повлияло на его «помышления». Прокопию понравились Новгород и, главное, «вера православная». Наставника в ней он нашел в Хутынском монастыре, по житию им стал сам Варлаам. Исследователи давно обратили внимание на эту временную несообразность. Варлаам Хутынский преставился, по свидетельству новгородских летописей, в 1192 г.²⁰, а Прокопий много позже — в 1285 г. по данным Устюжского летописца или в 1303 г. по житию²¹.

В монастыре Прокопий познавал православную веру, отрешился от «латинского мудрования» и, приняв крещение, остался в нем. Свое имущество он раздал бедным и нищим, а также дал в монастырь на устройство церкви Преображения. Совершив все это, Прокопий принял «юродственное Христа ради житие». Добровольноеприятие юродства Прокопием вызвало у новгородцев повышенный

¹⁷ Житийные биографии русских юродивых, особенно современные, редки. «Почти везде неискусная, привычная к литературным шаблонам рука стерла своеобразие личности», — писал Г. Федотов (*Федотов Г. Святые Древней Руси*. М., 1990. С. 199).

¹⁸ *Власов А.Н. Житийные повести и сказания...* С. 11–12.

¹⁹ *Будовниц И.У. Юродивые Древней Руси // Вопросы религии и атеизма. Сб.ст. XII*. М., 1964. С. 189; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех...* С. 73.

²⁰ *Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР*. М., 1895. Кн. 4. Отд. IV. С. 19. *Шляпин В. Житие праведного Прокопия Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопиевского собора*. СПб., 1903. С. 26. А.Н. Власов приводит дату смерти Варлаама 1193 г. со ссылкой на П.М. Строева и другую 1207 г. — на Е.Е. Голубинского. См.: *Власов А.Н. Житийные повести и сказания...* С. 551.

²¹ См.: *Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVII вв.* М.; Л., 1985. С. 103, 106.

интерес к нему, а их «похвалная словеса» стали ему в тягость. Желая «вечная жизни насладиться», он ушел из Новгорода «к восточным странам». Преодолевая на своем трудном пути «многия грады, и страны, и леса, дрязги, и блата мокрые и непроходимыя», терпя «с радостью» все невзгоды и «много досаду, и укорение, и биение, и пхание от безумных человек», Прокопий дошел до Устюга. В городе он остался «жителствовати», днем юродствовал, а по ночам молился за неразумных людей и их грехи. Время прихода его в город неизвестно, так же как и сколько он прожил в нем («времена и лета довольна») до своей смерти в 1303 г.²² Феноменология юродства, как и анализ жития, не входит в задачу моего рассмотрения, однако стоит обратить внимание на следующее обстоятельство.

А.М. Панченко, как известно, рассматривал юродство по двум направлениям — как зрелище и как общественный протест в связи с проблемой смехового мира древнерусской культуры. «Юродивый балансирует на грани между смешным и серьезным, олицетворяя собою трагический вариант смехового мира. Юродство — как бы «третий мир» древнерусской культуры»²³.

Житие Прокопия Устюжского ученый привлекает по большей части, характеризуя зрелищность юродства, проявлявшуюся в моменты преображения, лицедейства, а также сказывавшуюся в этикетности особого рода: язык, жест, платье (нагота). В меньшей мере ученый использовал житие при характеристике обличительной стороны юродства. Разоблачение общественных пороков отливало при этом в определенные формы: укор благополучному плотскому миру, его осмеяние, обличение и общественное заступничество. Обличение как бы вытекает из отчуждения юродивым себя от общества. А.М. Панченко подчеркивает, что юродство не призывает к переменам, не имеет ничего общего с бунтом, радикализмом или реформаторством. «Юродивый не посягает на социальный порядок, он обличает людей, а не обстоятельства. Это, в сущности, резонер, консервативный моралист»²⁴.

Житие Прокопия Устюжского, оформившееся по приведенному уже мнению А.Н. Власова во второй половине XVII в., в наибольшей степени соответствует разоблачению безнравственности людей и заступничеству за них. Именно этот мотив у агиографа звучит наиболее явственно. С утра и до вечера на городских улицах «в юродстве

²² Власов А.Н. Житийные повести и сказания... С. 14–18, 41.

²³ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех... С. 72.

²⁴ Там же. С. 83, 118, 122, 129, 132.

пребывая», ночами Прокопий молился по всем церквам за «неразумных» горожан, «прося у Бога полезных граду и людям». Наибольшего напряжения заступничество достигает в повествовании о чуде, избавившем Устюг от огненной каменной тучи, когда дар пророчества Прокопия стал явным для людей. Рассказ жития имеет хронологическую привязку к 1290 г. Праведник трижды призывал устюжан покаяться в грехах, но его призывы вызвали непонимание и насмешки, а он истово молился «за град и живущия в нем люди». И когда над городом сгустились тучи небывалой черноты, а от беспрестанно сверкавших молний появился жгучий зной, горожане вспомнили предостережения Прокопия и все, собравшись в соборной церкви, молились. Молитва же Прокопия перед иконой Богородицы вызвала чудо мироточения, отведшее тучу за город, где в пустынном месте, называемом Котовальской вьсюю, «испадоше ис тоя тучи превеликое камене на землю ту»²⁵.

В этом сказании, соединившем молитвенное заступничество юродивого и чудотворение иконы, слились запредельное и конкретное, что придавало житийной образности и символике черты реальности, познаваемой чувственно. Памятники житийного жанра, в особенности, возникшие на поморском Севере, в повествовании о чудесах святого сочетали в себе момент чудотворения и живого реалистического описания, которое сопровождает рассказ о нем. Бытовизм реальности воплощен здесь как факт культа. «Вера в эту эпоху была “зрячей”, как ни в какую иную», образно заметил А.И. Клибанов, говоря о юродстве XVI в.²⁶ Сосуществование, слияние обыденного и чудесного, сопряженных в эмоциональном накале чуда, одно из проявлений коллективного сознания и самопознания сообщества, в рассматриваемом случае городской общины и приходов. Духовная жизнь таких сообществ, будь то посадская или крестьянская общины, вращалась вокруг святыни и была ритуализована.

Об отсутствии привычки к отвлеченному мышлению в усвоении системы христианского вероучения у «массы» народа говорил А.С. Лаппо-Данилевский. Без нее (привычки) было трудно «воспринять отвлеченные его (вероучения — *Е.Ш.*) истины вне обряда», отсюда сосредоточенность «на наглядной обрядовой стороне христианства» и придание ему первостепенного значения²⁷. Наряду с этим

²⁵ Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893. Л. 21, 23об.–26; *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания... С. 19–25.

²⁶ *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 83.

²⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 206.

спонтанно, избирательно усваивая культурные веяния, проникавшие с Запада, культурная система трансформировалась в сторону секуляризации, постепенного разграничения духовного и светского, православного и неправославного.

Выскажу предположение, что черты этого процесса отразились до некоторой степени в житии Прокопия Устюжского. Оно традиционно привержено агиографическим топосам, раскрывающим существо святости Прокопия, и вместе с тем в нем очевидна тенденция вполне секулярная, боление за город и его жителей, противопоставления православия «латинству». Этот аспект жития Прокопия ярко отразил предание о каком-то реальном случае и, хотя нарушал агиографический канон, был обращен к человеку как личности, к его эмоциональному миру и живому восприятию житийного рассказа.

А.Я. Гуревич заострил внимание на появившейся у ученых потребности понять картину мира и способы поведения людей, находившихся на нижних ступенях средневекового общества и в нижних пластах человеческого сознания. Он высказал мнение, что христианству как типу мироотношения было свойственно личностное начало. Осознание или ощущение себя личностью, «индивидуально, морально ответственной за свое поведение, за совершаемые поступки, присуще средневековому человеку. Незачем его упрощать и примитивизировать. Он был личностью, но на свой особый, собственный средневековый манер. Вся система межличностных отношений феодального типа предполагает существование личностей, обладающих определенным юридическим и нравственным статусом. Иерархия не исключала личность, она отводила социально определенным личностям соответствующие места»²⁸. В коллективном праздновании Прокопиева дня находилось место и для проявления личностного начала. Крестьяне удаленных от Устюга волостей и деревень принимали решение, конечно, возникшее не спонтанно, отправиться в город на престольный праздник, задержаться в городе или сразу после праздничного богослужения покинуть его.

Однако обратимся к конкретным записям в расходных книгах земского мира, которые говорят о празднике. Они довольно однообразны, хотя, конечно, текстуально варьируют. Учет трат на него означал причисление их к мирским, а деньги на оплату таких выплат брались из мирской кассы, которая пополнялась путем разверстки

²⁸ Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. 1990. М., 1990. С. 83.

на общины-волости сумм, предназначенных для мирских расходов. Земские должностные лица в общинах-волостях, как уже говорилось, разрубали их в соответствии с окладом на каждое хозяйство. Красноречиво свидетельство разруба Шарженской вол. Устюжского у. от октября 1668 г., когда разрубали в первый побор в числе других на «всеземской росход во всеземскую избу на Устюг Великий... да на волостной мирской росход»²⁹. Таким образом, каждый домохозяин в городе и в волостях участвовал в оплате праздничных трат, в том числе в Прокопиев день.

Всякий праздник знаменателен неординарной едой и питьем. Что же оплачивал земский мир и что предназначалось к пиру в Прокопиев день, о чем можно судить по этим данным?

Празднование, естественно, начиналось поминальной службой в церкви Прокопия праведного устюжского чудотворца³⁰, где читалось его житие. После ее окончания происходила праздничная коллективная трапеза, которая заранее готовилась. Прежде всего, расходные записи говорят: во-первых, о покупке меда (примерно пуд) на «канун Прокопию чудотворцу» и иногда добавлялось «и по иным церквам» для поминовения святого; во-вторых, специально варили «молебное пиво». Причем основные его составляющие — солод, роща, мука, хмель — были «мирские зборные». Для варки существовали специальные котлы, хранившиеся при церкви. В 1668 г. устюжский мир воспользовался котлом приходской церкви Петра и Павла, за что «петровским старостам Константину Коморникову с товарищи от церковного котла дали провару шесть алтын четыре деньги». А в Богоявленском приходе Яхренгской вол. Устюжского у. в 1686 г. вновь избранный церковный староста принимал у прошлогоднего казну, утварь, книги, и среди имущества находились «три котла пивоварных,

²⁹ В другой Енанской вол. того же Устюжского у. в 1666 г. при разрубе разноцелевых взиманий указан платеж во «всеземский росход», в 1667 г. во второй декабрьский разруб наряду с государственными налогами развели платеж «на всякой мирской росход» в размере 10 руб., и в том же размере на «всякой мирской росход» развели в третий, апрельский разруб; всякий раз сумму всех взиманий разрубали на 20 вытей и указывали приходящуюся на одну выть. — АЮБ. Т. 3. СПб, 1884. Стб. 119–123.

³⁰ В писцовой книге Великого Устюга Никиты Вышеславцева и подьячего Аггея Федорова 1623–2626 гг. содержится описание деревянной церкви Прокопия праведного устюжского чудотворца «о пяти верхах» с тремя приделами, находившейся в ней гробницей праведного Прокопия с образом Прокопия, лампадой с неугасимой свечой у гроба и перечислением всех икон. См.: Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда. 1993. С. 169.

а четвертой малой, другой кашеварной»³¹. Пиво предназначалось попам, дяконам, пономарям, клирошанам и нищим: «сварено пиво для попов и крылошан и нищих из мирского сборного солоду и из муки» (1666/67 г.) или: «попом и дяконом и пономарем и нищим в дел сварено пиво на усольской поварне» (1667/68 г.) или: «то пиво в праздник в Прокопиев день роздано нищим и потчиваны попы и крылошане» (1668/69 г.)³².

Непреренно варили кашу для нищих, также из «мирской зборной крупы». В нее клали в мясоедные дни коровье масло в количестве 10–15 безмен, т. е. 10–15 кг (в пуде 16 безмен), а в постные — «сала трескина полпуда» или «сала рыба в кашу». Судя по расходу масла, самой каши стряпали изрядное количество. Безусловно, имело значение, на какой из дней недели выпадал праздник, на скоромный или постный, что определяло «меню» праздничной трапезы. 8 июля пришлось на скоромные дни в 1667 и 1679 гг., и на постные в 1668 и в 1674 гг.

Делали также сыры из молока (в постные дни из пресного с добавлением конопляного масла) и яиц. Покупали у хлебников и специально заказывали множество хлебов: от 150–170 до 250 крупных больших, а также караваев, пшеничных калачей, серых хлебов от 150–170 до 250–260, мелких хлебцев, последние шли в раздачу с сырами. Пекли разнообразные пироги. Обилие приготовляемой еды нужно солить, и «в тое ж кашу и в сыры и на издершку куплено полпуда соли»³³, не забыты чеснок, лук, уксус (ведро).

Из всех записей расходных книг ясно, что канун, пиво, каша, хлебы, сыр были обязательными блюдами прокопьевской трапезы. Канун, мелкие белые хлебцы и «сырцы» готовились «в рознос по церквам», и в 1674 г. купили 4 туса «на рознос канонов»³⁴.

В каждой из записей выделены приобретения для приготовления блюд, как бы более высокого «ранга». В скоромные дни — это свежие и соленые свиные окорока, говяжки «части» и полти — пудами, бараньи туши и жир, ингредиенты для студней (языки, бычьи ноги, губы), сотни яиц, в том числе для того, чтобы «середки начинивали и бараньи лопатки и в пирожные огибки»³⁵. К постным праздничным дням покупались палтус и треска свежие и соленые, а также сухие (от полупуда

³¹ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 175; РИБ. Т. 12. СПб., 1890. Стб. 752. Роца — зерно (ячмень, рожь), проращенное на солод. См.: Сл РЯ XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 223.

³² РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 168 об.; № 170. Л. 175, № 177. Л. 223 об.

³³ Там же. № 177. Л. 227.

³⁴ Там же. № 205. Л. 208 об.

³⁵ Там же. № 164. Л. 171; № 177. Л. 228.

и более), семга, свежая рыба (по 1,5–2 пуда) для кулебяк и рыбников, поштучно соленая щука, голавли для жарения³⁶.

В конце записей подведен итог тратам: «на тое Прокопьевскую мольбу издержано» 12–14 руб., правда сумма не всегда подсчитана.

Вопрос об участниках совсем не праздный. Известно, что как в Устюг, так и в Сольвычегодск на Прокопиев день был «большой съезд». В города приходили, приезжали крестьяне околородных сел и деревень и из более удаленных волостей. Участниками праздника были не только горожане, но и сельчане. В Сольвычегодске, где также чествовали Прокопия Устюжского, 8 июля 1636 г. был «великий съезд со всего Усольского уезда и с ыных волостей, с Пермогорья и з Двины и праздновали Прокопию Устюжескому Чудотворцу...». Крестьяне свидетельствовали, что у «Соли на посаде о празднике о Прокопьеве дни были. А как обедни у Праздника отпели, и мы волостные крестьяне по своим деревнишкам розъехались»³⁷.

Установить «действующих лиц» пира не просто. Сотрапезники вырисовываются как раз из несовпадающих упоминаний в записях разных лет, что зависело от прилежания человека, выбранного на должность денежного сборщика и ведущего расходную книгу. Застолье, во всяком случае, было весьма многочисленным, хотя точное число участников определить трудно. Среди них в первую очередь необходимо назвать причты городского собора Успения святой Богородицы, церкви Прокопия чудотворца, а также и других приходских церквей, а конкретно названы попы, дьяконы, дьячки, пономари, а также «крылошане». За причтом Успенского собора по составленной в 1638 г. росписи насчитывалось 9 дворов: протопопа, протодьякона, попа ключаря, четырех попов и двух дьяконов³⁸. В Устюге было в XVII в. 13 приходов со своим храмами, например, Рождества, Вознесения, жен Мироносиц, Николы чудотворца. Писцовая книга Устюга и уезда 1623–1626 гг. свидетельствует, что в этих и других «церквах образы и книги и свечи и ризы и сосуды церковные и колокола и всякое строенье мирское». В той же книге учтены городские дворы, и священно- и церковнослужителей в городе было 60 человек³⁹. Установить число клирошан не представляется возможным. Запись в книге 1668/69 г. свидетельствует, что «у Ивана Мартынова у Кучи куплено шездесят ложек на стол крылошанем» на 4 алт.⁴⁰ Из расходных запи-

³⁶ Там же. № 170. Л. 176об.; № 205. Л. 209–209об.

³⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1636. № 25–1. Л. 13.

³⁸ РИБ. Т. 12. Стб. 206.

³⁹ Бысть на Устюзе... С. 161, 173, 213.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 177. Л. 229.

сей создается впечатление, что «крылошане» — младшие члены церковного причта — представлены довольно многочисленной группой. По сведениям расходных книг нельзя сказать, где устраивался праздничный «стол», во дворе церкви или в трапезной, в каком порядке рассаживались участники, были ли места для гостей и нищих.

По всей вероятности, должностные земские лица — старосты, целовальники, собственно устроители пира, участвовали в нем. Вряд ли их роль ограничивалась только подготовкой праздничного стола, покупкой продуктов на местном рынке, договорами о поставке снеди, дров, хлопотами по обеспечению стряпни и подытоживанием расходов, сначала в тетрадях для памяти и затем внесением их в отчетные расходные книги. Показательно при этом отсутствие данных об участии в празднике воеводы и подьячего съезжей избы. Лишь в одной из расходных книг, которыми я располагаю, в сведения, внесенные под 7–8 июля, после указания, что «святому Прокопию в казну на медовый канун церковному старосте» были даны деньги, как бы врезано следующее: «Июля в 8 день стольнику и воеводе Якову Андреевичу Змеову несено свежие рыбы, куплено...», и то же и подьячему. Вслед за ней написано: «Того же дни на память святого и праведного Прокопия чудотворца соборные и прокопьевские и иных приходцких церковей попы и дьяконы и дьячки и пономари кормлены...»⁴¹. Эта запись находится в ряду обычных еженедельных трат на городских администраторов, которыми заполнена расходная книга. Нельзя ли факт их отсутствия среди участников празднования считать отдаленной реминисценцией запрета о появлении на братчинном пиру «незваных гостей». В то же время трудно представить, что воевода и его «люди», подьячий не присутствовали в такой значимый для города праздник на церковной службе, были совсем безучастны к нему, а их слуги не посетили его.

Рассматриваемые записи значимы в социальном смысле. Пивом «потчиваны» попы, клирошане. Духовные лица «кормлены» за столом. Именно «на стол в кормлю попам и дьяконам и дьячком и пономарем» готовилось обилие блюд из мяса, рыбы, кулинарные изыски — начиненные яйцами бараньи лопатки, кулебяки, пироги. Нищим пиво раздавалось, а купленными мелкими серыми хлебами они оделялись. Кашу в большом количестве варили также для нищих. Не обходился пир и без вина, которое покупали на кружечном дворе в количестве — полведра, ведра.

Социальность трапезы, проявлявшаяся в меню, как бы заложена в источнике и фиксируется с бесстрастностью. В литературе уже

⁴¹ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 176.

отмечена социальная роль пищи как одного из основных знаков иерархии. Набор и качество еды, ее изобилие служили индикатором социальной и политической иерархии среди принимающих участие в трапезе. «Связь между властными отношениями и пищей, по-видимому, глубинный пласт человеческого менталитета, уходящий своими корнями к социогенезу», и она фиксируется в политических культурах, где сохраняется архаический социальный субстрат в «виде всякого рода общинных отношений»⁴².

Выше я говорила, что продукты для пива, каши и других блюд собирали «по миру» и такой сбор был обязанностью земских приставов. В 1669 г. приставы Максим Антипин Башарин с товарищами получили полчана «дробин», т. е. оставшейся от варки пива гущи, «за работу от хоженья, что збирали по миру солод, и муку и крупу на кашу и яйца на сыры»⁴³. Это — очевидное свидетельство мирской складчины натурой, ссыпки, например, солода, крупы, муки, в которой участвовали горожане и возможно крестьяне подгородной волости. Рассматриваемая трапеза в честь патронального святого Устюга может быть охарактеризована как складочный пир, братчина, устраиваемая в храмовый праздник. В нем явно просматриваются следы дохристианских обрядов. Е.Е. Голубинский писал, что принятие христианства не поставило его на место языческой веры, а стало рядом с последней, и масса русского народа стала двоеверною. Хорошо известно, что синкретизму православия уделил много внимания в своем творчестве А.И. Клибанов⁴⁴.

Среди праздничных яств интерес вызывают хлебы, сыр и каша. Их поедание, да еще коллективное, ассоциируется с далекой стариной. Еще Н. Срезневский писал, что поклонение языческой Рожанице состояло в молениях и обрядном обеде, на котором «кряляли» хлеб и сыр и пили мед «во славу ее». Каша также была ритуальной едой в честь Рожаниц⁴⁵.

⁴² Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997. С. 35–37. О социальном смысле трапезы см.: Одиссей. Человек в истории. М., 1999.

⁴³ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 177. Л. 224.

⁴⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Втор. пол. М., 1881. С. 727. См.: Клибанов А.И. Указ. соч. О понятии «двоеверие» с 1970-х гг. велась полемика. См. о ней например: *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

⁴⁵ Срезневский Н. Рожаницы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Пол. 1. С. 110.

Обрядовое значение хлебных зерен наиболее ярко проявляется в свадебном празднике. Печеный хлеб имел такое же обрядовое, жертвенное значение. Жертвоприношение хлеба сопровождалось молитвами и священнодействиями, дошедшими в заговорах, свадебном обряде, песенном фольклоре. Хлеб был выражением благополучия и богатства, он и подношение, подарок, и угощение⁴⁶. Каша, приготовляемая из хлебных зерен, ритуальна так же, как и хлеб. Каша — неперменная принадлежность свадебного пира, рождественских праздников, похоронного обряда. В Архангельской губ. еще в XIX в. каша сохранялась в качестве ритуальной еды в конце жатвы⁴⁷.

Праздник Прокопия Устюжского воспроизводит традиционную схему празднования-братчины и обычая, элементы которых отчетливо просматриваются сквозь почитание христианского святого: молебен в церкви, коллективное застолье с яствами, имеющими архетипические образцы. Записи в расходных книгах земского мира Устюга приоткрывают завесу над его отношениями с клиром городского собора и приходских церквей. Роль земских властей, а в их лице посадско-волостного мира, в праздновании также очевидна и прочитывается как покоящаяся на обычае обязанность по организации трапезы и угощению священнослужителей. Если поставить рядом подношения местной администрации на Рождество, Пасху и в другие праздники и устройство пира для иерархов устюжских церквей в городской престольный праздник, то параллель напрашивается сама собой. Земский мир — организатор и «финансист» праздничной трапезы для многочисленного клира собора и приходских церквей северного города. Складчинная суть братчины, трансформированная во времени, но явно различимая в прокопьевской трапезе, несла в себе элемент принуждения, связанный с ее обеспечением.

Таким образом, из скупых «бухгалтерских» записей в расходных книгах денежных сборщиков устюжского мира извлекается многоаспектный материал социокультурного значения. Он свидетельствует о сохранении и бытовании ритуала праздника, имевшего корни в коллективной трапезе, но скорректированной временем и социальными условиями.

⁴⁶ *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. Избранные труды. М., 1996. С. 175–180.

⁴⁷ Там же. С. 183–185.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии были охарактеризованы базовые социальные группы — семья и мир, составлявшие в XVI–XVIII вв. сельский социум русской деревни не только на Севере, но и в других регионах страны. Поморье, занимавшее огромное пространство от Заонежья до Предуралья, представляло собой целостный культурно-социальный тип. Его отличало: гомогенное черносошное население — крестьянское и посадское (с небольшим вкраплением монастырского), сочетание сельского моноцентризма «завершенной в себе» организации — мира, малая подвижность и слабая открытость групп, ограниченность основной деятельности, а потому и социальных ролей, слабые возможности для реализации личной энергии и способностей в рамках традиционной среды. Все эти черты выражали культурную сущность сельского социума в поморском регионе.

Внимание было сосредоточено на проявлениях повседневной жизни крестьян в доме и сельском мире, и именно в них формировались социальные отношения и ментальные представления крестьян. В ходе исследования я стремилась известные в историографии источники, а особенно сложившиеся в крестьянской среде, заставить «заговорить», чтобы почерпнуть из них по возможности больше латентной информации.

Специальное внимание на новом уровне обращения к вопросу о крестьянской семье было уделено отдельным аспектам ее демографии и трансформации в рамках частнофеодального и государственного воздействия. Выяснилось, что в законодательных актах середины XVI — середины XVII в. отразился разветвленный круг крестьян-родственников, который в принципе соответствовал строю бытовавших у них семей. Впервые в историографии было выяснено отсутствие в публично-правовых актах XVI–XVII вв. обобщающего термина «семья». Вместо него в них фиксировались реальные родственные узы в описательной форме. В конкретной повседневности понятие «семья» бытовало наряду с собирательным и в избирательном смысле. Оно обозначало не супружескую пару, не супругов с детьми, а замужнюю женщину. Крестьянские семьи, в осо-

бенности на Севере, испытывали на себе воздействие со стороны государства, которое не исчерпывалось налогово-фискальной сферой. Государство вторгалось во внутренний строй семьи, и очень активно, в первой четверти XVIII в., при мобилизациях в армию и на строительство, главным образом, новой столицы. Семьи, из которых в период 1710–1717 гг. принудительно забирались крестьяне самого трудоспособного возраста, меняли свою структуру. После изъятия состав семей варьировал на базовой основе отцовской и братской семей. Выбывшего по мобилизациям молодого мужчину, по преимуществу холостого, трудоспособного и могущего образовывать семью, как бы замещал следующий за ним по возрасту и подросший сын или брат. Трудовая и военная мобилизация самым непосредственным образом влияла на состав семьи, искусственно ее упрощая. Следствием этого было снижение трудового потенциала крестьянских дворов и уровня вотчинных хозяйств, а в целом вело к ослаблению экономики и сокращению резервов для фискального пополнения казны на нужды ведшейся Северной войны и совершавшихся преобразований.

При характеристике констант повседневности — деревни и двора как места обитания и хозяйствования семьи было рассмотрено то природно-жизненное пространство, в котором они располагались. Для земледелия крестьяне использовали особенности микроландшафтов и все сколько-нибудь пригодные участки, приумножаемые мелкими клочками. Крестьянский двор в маленькой деревне был средоточием жизни семьи, более или менее сносное существование которой обеспечивал набор хозяйственных компонентов, слагавших деревенскую инфраструктуру. Анализ соответствующих правовых кодексов и законодательных установлений показал издревле гарантируемую неприкосновенность деревенского пространства. В его границах крестьяне обитали и вели хозяйство, которое состояло из необходимых строений. Вместе с тем, более или менее полное их наличие было свидетельством их хозяйственного поведения, и в то же время зависело от него. Прослежено, что ряд построек во дворе и на его периферии находился в пользовании совладельцев — родственников или соседей. Такое положение свидетельствовало о различных межличностных и внутригрупповых связях, как добрососедских, так и конфликтных.

Характеристика внутрисемейных отношений показала сферы сотрудничества крестьян и их личностные связи. Крестьяне руководствовались принципом цельности общесемейного имущества. Согласно ему родственники в неразделенных семьях действовали

солидарными группами. Рациональность хозяйственных документов, хотя и скупое, все же позволила показать сложность внутрисемейных отношений. Главенство мужчин, конечно, превалировало в них. На глав дворов ложилась хозяйственная и тяглая ответственность перед домочадцами и поступательно — миром, земельным собственником. Тяготы жизни, столкновение внутренних материальных, психологических интересов, особенно в неразделенных семьях, нередко провоцировали споры как имущественные, так и житейские. Противоречиво складывавшиеся внутри семьи отношения порой достигали большой остроты, и тогда крестьяне обращались к властям — вотчинным, мирским или государственным.

Межкрестьянские соседские отношения выяснены на скрупулезном сопоставлении сведений писцовых книг первой четверти XVII в. и актов поземельных сделок крестьян с применением антропонимического сравнения. Эта методика доказала свою результативность, сведения актов наполнили жизнью кадастровые записи писцовой книги, так как при всей формализации содержания в актах все же присутствует индивидуальность продавца, она скрыта, но проявляется при внимании к, казалось бы, «ненужным», словно завитушки в орнаменте, подробностям, сопровождающим костяк каждой из формул акта. С применением компаративного анализа удалось установить передвижение крестьян в ближайшей микроокружке, а также выявить родственные гнезда крестьянских семей, соседствующих в разных деревнях. Несмотря на совершение поземельных сделок, родственные коллективы на протяжении многих десятилетий сохраняли свои земельные владения, апеллируя к семейной памяти и реальной принадлежности участков отцам и дедам. Земельное владение северных крестьян можно уподобить шагреновой коже, оно временами сокращалось, но потом прирастало вновь. С помощью земельных сделок крестьяне регулировали трудовые и хозяйственные ресурсы, выстраивали свои жизненные стратегии.

Рассмотрение культурной категории времени в восприятии крестьян выявило употребление нескольких вариантов его обозначения, сочетавшихся между собой. Все они существовали, как в оболочке, внутри официального календаря. В зависимости от конкретной ситуации, в которую попадали крестьяне, они пользовались тем или иным способом указания на время совершавшегося события. Установлено превалирование в повседневной жизни крестьян празднично-церковной временной ориентации, нередко без точной привязки к дню праздника.

Межсоседские отношения крестьян реализовались в «своем» мире, включавшем ближайшую округу, а шире волостной мир. Жизненно важными и характерными особенностями мирского устройства были самоуправление, выборы мирских должностных лиц, самофинансирование собственной деятельности. Действенный орган мирского управления — ежегодно выбираемый мирской сход, принимавший решения, оформляемые письменным документом — приговором по важнейшим для мира делам. Подробно представлена процедура выборов кандидатов на мирские должности, выявлены совокупные требования, которым они должны были удовлетворять, а также взаимные двусторонние обязательства избранных и всех крестьян. При невмешательстве воевод в саму процедуру выборов они утверждали избранных на мирские должности лиц.

По жизненным обстоятельствам крестьяне были вынуждены выходить за пределы своего мира вплоть до уездного города, где, ходатайствуя по делам, они сталкивались с представителями иного социального статуса. В этой связи было уделено внимание воеводскому двору и его обитателям, выяснена иерархия воеводских слуг. Именно с ними часто общались мирские должностные лица, в том числе и волостные, которые располагали разной информацией и доносили ее до крестьян.

Характеристика городского престольного праздника в Устюге в честь праведного Прокопия показала вовлеченность в него не только горожан, но и жителей окрестных волостей. Мирские же власти обеспечивали праздничную трапезу по типу братчины, а каждый из дворохозяев участвовал в ее финансировании через взносы на мирские нужды. Рассмотренные праздники частной жизни, правда, у воеводских слуг, показали участие в них мирских должностных лиц и существовавшие контакты между малыми группами разного социального статуса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974.
- Аграрная история Северо-Запада России XVII в. Л., 1989.
- АЕ — Археографический ежегодник. М.
- АПД — Акты писцового дела. М., 1913; М., 1917; М., 1977; М., 1990.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1958; Т. III. М.; Л., 1964.
- Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.
- Александров В.А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.
- Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991.
- Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.
- Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997.
- Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001.
- Андреевский Л.И.* Очерк крупного крестьянского хозяйства на Севере 19 века. Вологда, 1922.
- Анисимов Евг.* Время петровских реформ. Л., 1989.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М., 2007–2009. Т. 1–3.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857–1884. Т. I–III.
- Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.
- Бакланова Е.Н.* Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы антропонимики. М., 1970.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. IV.
- Бессмертный Ю.Л.* Новая демографическая история // Одиссей. М., 1994.
- Бессмертный Ю.Л.* Историко-демографические процессы в Западной Европе XVI–XVIII вв. в современной науке // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989.

- Бессмертный Ю.Л.* Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.
- Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1956. Т. XXXI.
- Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909; Т. II. М., 1912.
- Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. М., 1902.
- Богоявленский С.К.* О Москве XVII в. // Научное наследие. М., 1980.
- Будовниц И.У.* Юродивые Древней Руси // Вопросы религии и атеизма. Сб. ст. XII. М., 1964.
- Булгаков М.Б.* О составе документации земских посадских изб XVII столетия // Историческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. М., 2003.
- Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда. 1993.
- Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
- Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
- Винокурова М.В.* Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI — начала XVII века). М., 2004.
- Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Витов М.В.* Северорусская топонимия XV–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 44.
- Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974.
- Власов А.Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010.
- Власов А.Н.* Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.
- Власова И.В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976.
- Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
- Водарский Я.Е.* Сельское население Вологодского уезда во второй половине XVII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968.

- Воскобойникова Н.П.* К истории создания писцовой книги Сольвычегодского (Усольского) уезда 1623–1626 гг. // *Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв.* Вологда, 2003.
- Воскобойникова Н.П.* К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623–1626 гг. // *Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.»*, посвященные 70-летию Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004.
- Воскобойникова Н.П.* К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623–1626 гг. // *Материалы XV научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»*. К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008.
- ГАВО — Государственный архив Вологодской области
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1. Втор. пол. М., 1881.
- Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М., 1994.
- Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV в. М., 1960.
- Грибоедов А.С.* Горе от ума. Л., 1970.
- Громов Г.Г.* Жилище // *Очерки русской культуры XVI века*. Ч. 1. 1977.
- Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Гуревич А.Я.* Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // *Одиссей. Человек в истории*. Личность и общество. М., 1990.
- Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А.Я.* «Феодальное средневековье»: что это такое? // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2002.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. I–IV.
- Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV в. М., 1955
- Данилова Л.В.* Сельская верхушка в средневековой Руси // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе*. Материалы

- XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- Дингес Мартин.* Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей: Человек в истории. М., 2000.
- Домострой. СПб., 1994.
- Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII в. (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.
- Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере: Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.
- Жекулин В.С.* Историческая география: Предмет и метод. Л., 1982.
- Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993.
- Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893.
- Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. I. Ч. II. М., 2000.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
- Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
- Иванов П.И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. 2. Вып. 2.
- Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1994.
- Именослов. Киев: Издательство Киево-Печерской лавры, 2010.
- История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.
- История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.
- Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.
- Капитанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Капитанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.
- Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

- Кобрин В.Б.* Генеалогия и антропонимика (По русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977.
- Кобрин В.Б.* Материалы по генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.
- Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976.
- Кольчева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). М., 1971.
- Коноплев Н.* Святые Вологодского края // Чтения ОИДР. М., 1895. Кн. 4. Отд. IV.
- Копанев А.И.* Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973.
- Копанев А.И.* Двор крестьянина в Подвинье в XVII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988.
- Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Копанев А.И.* Крестьяне русского Севера в XVII в. Л., 1984.
- Копанев А.И.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни (Вып. IV). Вологда, 1973.
- Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970.
- Копанев А.И.* Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х гг. XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966.
- Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Публ. Г.А. Леонтьевой. М., 2000.
- Кох О.Б.* Крестьянский двор и крестьянская семья на русском Севере в конце XVII — начале XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965.
- Крестьянские челобитные XVII в. М., 1994.
- Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1–3. М., 2004–2005.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006.
- Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998.
- Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.
- Масленникова Н.Н.* Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимии // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976.
- Милов С.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Милов Л.В.* Византийская эклога и «Правда Ярослава» // Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
- Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986.
- Мильчик М.И.* О составе крестьянского двора и его постройках на русском Севере в XVI–XIX вв. // Александр Ильич Копанев. Сб. ст. и воспом. СПб., 1992. С. 150–161.
- Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1906.
- Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929.
- Образцов Г.Н.* Оброчные и порядные записи крестьян Антониево-Сийскому монастырю XVI–XVII вв. // Исторический архив. М., 1953. Т. VIII.
- Огризко З.А.* Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. М., 1968.
- Одиссей: Человек в истории. М.
- Островская М.А.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913.
- Осьминский Т.И.* Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1731 год) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968.
- Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
- Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
- Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

- Павлов-Сильванский В.Б.* Писцовые книги России XVI в.: Проблемы историко-лингвистического и реконструкция текстов. М., 1991.
- Панеях В.М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975.
- Панеях В.М.* Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984.
- Петров К.В.* Приказная система управления в России в конце XV — XVII в. М.; СПб., 2005.
- Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
- Пиотух Н.В.* Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII — вторая половина XVIII веков // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000.
- Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1–5. М.; СПб., 1999–2004.
- Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова. М., 1997.
- Попов А.Н.* Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. Пол. 2., Отд. VI. М., 1854.
- Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997.
- Правда Русская. Т. II. М.; Л., 1947.
- Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003.
- Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
- Раскин Д.И., Фролов И.Я., Шапиро А.Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.
- Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- Ретина Л.П.* История женщин сегодня // Человек в кругу семьи. М., 1996.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.
- Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985.
- Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.
- Рыбина Е.А.* Берестяные грамоты о хозяйстве в средневековом Новгороде // От Древней Руси к России нового времени. Сб. статей. К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003.
- Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1978.
- Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.
- Сербина К.Н.* Устюжское летописание XVI–XVII вв. М.; Л., 1985.

- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.
- Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.
- Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М., 2001.
- Соколова Н.В.* Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII — первой четверти XVIII в. // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Материалы XVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Срезневский Н.* Рожаницы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Пол. 1.
- Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
- Стефанович П.С.* Давали ли служилые люди клятву верности князю средневековой Руси? // Древняя Русь. М., 2006. № 1.
- Стефанович П.С.* Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю)? // Древняя Русь. М., 2008. № 2.
- Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.
- Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952.
- Сулицов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. Избранные труды. М., 1996.
- Тимошенкова З.А.* Монастырские фонды как источник по истории двора и хозяйства новгородского крестьянина XVII в. // Александр Ильич Копанев. Сб. ст. и воспом. СПб., 1992.
- Тимошенкова З.А.* Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996.
- Топычканов А.В.* Архив приказной избы подмосковного села Измайлова за 1676–1687 гг. и его документы // АЕ за 2001. М., 2002. С. 336–343.
- Топычканов А.В.* Культура повседневности подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в.: делопроизводственные источники и методы исследования. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Топычканов А.В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004.
- Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2. М., 2006.

- Тушина Г.М.* Демографические аспекты социальной истории Прованса XII–XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993.
- Уваров П.Ю.* Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 23–70.
- Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990.
- Хорошкевич А.Л.* «Незванный гость» на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1987.
- Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.
- Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000.
- Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
- Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.
- Чтения ОИДР — Чтения общества истории и древностей российских при Московском университете.
- Швейковская Е.Н.* К сотенной организации города на севере России в XVII веке // От Древней Руси к России нового времени. Сб. статей. К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003.
- Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.
- Швейковская Е.Н.* Крестьянская семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV —XVII в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.). Вып. I. Таллин, 1986.
- Швейковская Е.Н.* Критерии зажиточности в российской деревне XVI–XVII вв. // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Шляпин В.* Житие праведного Прокопия Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопиевского собора. СПб., 1903.
- Шляпин В.* Святыни г. Устюга в память пр. Прокопия чудотворца // Русский паломник. 1903. № 27.
- Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978.

- Щапов Я.Н.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- Эксле О.Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007.
- Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1913.
- Goerke Carsten. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neuen Zeitbildern vom Frümittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 1: Die Vormoderne. Zürich, 2003.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Адовская, д. Баскачьего стана 141, 144
Александро-Невский м-рь 73
Алексеевская (Алексинская), д. Ратмировской вол. 185, 186
Алексеевская, д. Алексинского стана 175
Алексейцево, д. Сямской вол. 88
Алексинский стан (вол.) Сольвычегодского у. 41, 142, 280
Аникиевская, д. Ратмировской вол. 166
Антропьева слобода, вол. Сольвычегодского у. 41, 144, 146, 216-218
Архангельск, гор. 58, 77
Архангельская (Архангелогородская) губ. 57
Астрахань, гор. 52
Бабино, д. Учецкой вол. 108, 116, 117, 154, 244
Балуевская см. Обросимовская, д. Учецкой вол.
Баскачий стан Сольвычегодского у. 141
Бедрино, д. Сямской вол. 74
Бежецк, гор. 18
Бекренево, д. Кубенской вол. 62
Белозерский у. 36, 139
Беляшкино (Обеляшкино), д. Ратмировской вол. 213-215
Березник см. Трушниковская, д. (поч.) Учецкой вол.
Березники, д. Ваденской вол. 50,
Бессоновский см. Фроловский, поч. вол. Антропьева Слобода 146
Бобырево, д. Сямской вол. 79
Болсуново, д. Кубенской вол. 78
Большой двор см. Еремено Евсевьевская, д. Окологородной вол.
Большой двор, д. Хмельнитской вол. Важского у. 51
Большой Липовец (Липовицы), д. Ратмировской вол. 164, 190, 191
Борачево, д. Кубенской вол. 61
Борилово, д. Ракульской вол. 60, 77
Борисово, с. Сямской вол. 67
Бородинская, д. Вилегодской вол. 44
Бурцово, д. Вилегодской вол. 144
Быкокурский стан Устюжского у. 142
Вага, р. 141
Ваденская вол. Каргопольского у. 50, 51,
Важский у. 17, 49, 51, 58, 139, 141
Валгина, р. 107
Варженская вол. Устюжского у. 284

* В указателе приняты следующие сокращения: вол. — волость, выст. — выставок, д. — деревня, гор. — город, м-рь — монастырь, с. — село, с-цо — сельцо, пос. — посад, поч. — починок, р. — река, у. — уезд

- Василево, д. вол. Лузская Пермца 43
- Васильевская, д. Учецкой вол. 239
- Вахтина, р. 191
- Вахтино, д. Ратмировской вол. 191, 192
- Введенская стан (вол.) Устьянских волостей 252, 268-270, 272-274
- Вепрево, д. Кубенской вол. 67
- Верхвологодская вол. Вологодского у. 63
- Верхний Косогор, д. Кубенской вол. 80
- Верхотурье, гор. 289
- Ветлуга, р. 185
- Взвоз (Взвозная, Звоз) см. Чюпаново, д. Ратмировской вол.
- Вилегодская вол. Сольвычегодского у. 41, 143, 145, 147, 165, 228, 231, 237, 251, 268, 289, 294, 317
- Вилядь, р. 142-145
- Виртово, д. Верхвологодской вол. 78, 90
- Воблас см. Есиповская, д. Ратмировской вол.
- Водожская вол. Вологодского у. 94
- Вожбальская вол. Тотемского у. 130
- Воздвиженская вол. Вологодского у. 65
- Волково, д. Кубенской вол. 75
- Вологда, гор. 58, 125, 302, 308
- Вологодский у. 12, 36, 41, 45, 46, 57, 58, 59, 87, 91, 131, 133, 136, 139, 140, 141, 154, 156, 257, 258, 286, 316
- Володино, д. Воздвиженской вол. 67
- Вопчая, д. Ратмировской вол. 165, 199
- Вохта, р. 165
- Вохтомская вол. Каргопольского у. 51
- Выпрягово, с. Ракульской вол. 125
- Высокое, д. Сямской вол. 88
- Выставок Пуятинская, д. Вилегодской вол. 143
- Вычегда, р. 142, 143, 145, 149, 296
- Вятский у. (земля) 253
- Гавриловский прислон, поч. вол. Антропьева Слобода 146
- Галич, гор. 58
- Глубокое, д. Окологороной вол. 113
- Глубокое, с. Давыдовской вол. 49, 287
- Голеда, д. Воздвиженской вол. 64, 77
- Гольцово, д. Сямской вол. 78
- Гончарка, поч. Алексинского стана 142
- Горбово, д. Сямской вол. 74
- Горка Минина, д. Сямской вол. 67, 92
- Горка Никольская, д. Сямской вол. 62, 89
- Городок, д. Сямской вол. 66
- Гришино, д. Ракульской вол. 72
- Гришинская полянка, д. Алексинского стана
- Давыдовская вол. Вологодского у.
- Двина (Северная Двина), р. 139, 140, 141
- Двинской у. (Подвинье) 12, 17, 36, 37, 58, 139, 141, 149, 252
- Деминская см. Ивашково, д. Вилегодской вол. 142, 145
- Деревенцово, д. Кубенской вол. 89
- Долгий прислон, д. Учецкой вол. 104-106, 246

- Долматово, д. Верхвологодской вол. 68, 82
- Дрищов прислон, д. (поч.) Ратмировской вол. 146, 168, 195
- Дрищовка, р. Ратмировской вол. 146
- Другая Лубена, д. Ратмировской вол. 208
- Другое Кузнецово, д. Ратмировской вол. 208, 209
- Дубровское, д. Кубенской вол. 62
- Дулово, д. Верхвологодской вол. 83
- Дурасово, д. Учецкой вол. 99
- Дурманово, д. Вилегодской вол. 144
- Дьяконицыно, д. Вилегодской вол. 145
- Дяткинская, д. Вилегодской вол. 42, 146
- Евлашево, д. Воздвиженской вол. 78,82
- Езовица, р. 99, 148,163
- Енанская вол. Устюжского у. 335
- Ерденево, д. Кубенской вол. 66
- Еремено Евсевьевская см. Большой двор, д. Окологородной вол. 43, 143
- Есиповская см. Воблас, д. Ратмировской вол. 186, 188
- Ефимовка, р. 199
- Заболотская волостка Засодимской вол. 286
- Заборье, д. Вилегодской вол. 145
- Завасевская, д. Уфтюжской вол. 143
- Завраг, д. Ракульской вол. 71
- Заонежье, Заонежские погосты 13, 23, 36, 252
- Зарубенка, д. Окологородной вол. 149
- Засодимская вол. Вологодского у. 286, 287
- Зеленая, д. Давыдовской вол. 50, 51
- Зеленино, д. Кубенской вол. 78
- Зеленинская, д. Учецкой вол. 243
- Зрелое, д. Сямской вол. 90
- Зыкова, д. Вилегодской вол. 144
- Иванковская, д. Сямской вол. 84
- Ивановская, д. Вилегодской вол. 247
- Ивановская, д. Кубенской вол. 69
- Иванцово, д. Окологородной вол. 145
- Ивашково см. Деминская, д. Вилегодской вол.
- Иверский Богородицкий Святоозерский м-рь, оз Валдай 259
- Игнатовская, д. Ратмировской вол. 214
- Ильинское, с. Кубенской вол. 63, 67,69
- Ильинское, д. Окологородной вол. 142
- Искрецово, д. Окологородной вол. 145
- Иштутино, д. Учецкой вол. 243
- Калинино, д. вол. Лузская Пермца 142
- Каменная, р. 102
- Каргополь, гор. 252
- Каргопольский у. 49, 51,
- Карповская д., Ратмировской вол. 207, 208
- Карповская, д. Пежемского стана Устьянских волостей 159, 246
- Кеврольский у. 58
- Кемская вол. 262
- Кендус, р. 144
- Кибардинский поч. (д.) Учецкой вол. 115, 117, 241
- Кивернино, д. Воздвиженской вол. 64

- Кинешма, гор. 58
 Кирилло-Белозерский м-рь 71, 72, 130
 Кишкино, д. Сямской вол. 93
 Кляпуновская д., Алексинского стана 175
 Кобелево, д. Сямской вол. 90
 Козминская, д. Окологородной вол. 110
 Колнобойская вол. Чарондского у. (округи) 155
 Кондратовское Новоселье, д. Уцецкой вол. 111-113
 Коренево, д. Кубенской вол. 85
 Кормановская, д. (земля) Уцецкой вол. 102
 Корнилево-Комельский м-рь 59
 Короваевская (Короваево), д. Уцецкой вол. 98, 100, 148
 Коровничье, с. Ракульской вол. 48, 93
 Коротецкая вол. Чарондской округи 282
 Косоково, д. Уцецкой вол. 107, 243
 Костромской у. 133
 Красково, д. Сямской вол. 62
 Кривое, д. Верхвологодской вол. 79, 83
 Кривой мыс, д. Вилегодской вол. 146
 Кубенская вол. Вологодского у. 63
 Куза, р. 213
 Кузминская (Козминская), д. Ратмировской вол. 170, 213, 245
 Кузнецово, д. Ратмировской вол. 208
 Куростровская вол. Двинского у. 253–256, 260, 263, 264, 282
 Лаврентьево, д. Верхвологодской вол. 60
 Лала, р. 146, 148
 Лальская вол. Сольвычегодского у. 41, 219, 280
 Лахмино, д. Кубенской вол. 76
 Лежский волок, вол. Вологодского у. 257-259, 261, 266, 267, 286
 Ленино, д. Ротковской вол. 51
 Липягино, д. Сямской вол. 78
 Лихохвостовская, д. Вилегодская вол. 144
 Лодомская вол. Двинского у. 289
 Ломовая веретя, д. Алексинского стана 142
 Лоскомская вол. Вологодского у.
 Луза, р. 150, 166, 190, 192, 196, 205, 209, 213
 Лузская Пермца, вол. Сольвычегодского у. 41, 44, 142
 Лукинская см. Оксеновская, д. вол. Антропьева Слобода 144, 146
 Макаровская (Макарово) см. Слободная д. Ратмировской вол. 155, 164, 171, 182, 205, 207, 245, 246
 Малгино, д. Сямской вол. 84
 Мальцевский, поч. Уцецкой вол. 244
 Марковская, д. Объячевского пог. вол. Лузская Пермца 45
 Мартыщево, д. Ратмировской вол. 165, 173, 199-205, 240, 244
 Марьино (Марьицыно), д. Ратмировской вол. 155, 156, 192, 245, 246
 Матвеевская, д. Ратмировской вол. 75, 81
 Матвеевская, д. вол. Антропьева Слобода 146
 Матвеевская, д. Сямской вол. 84

- Мезенский у. (Мезень) 58, 141
 Мелевинский (Мелезвинский)
 см. Терехинский, поч. Ратми-
 ровской вол.
 Мериново см. Юрьевская, д. Рат-
 мировской вол. 163–165, 170–
 172, 209–212
 Мидяево, д. Кубенской вол. 89
 Микулино, д. Лальской вол. 147,
 163, 168
 Микулино, д. Ратмировской вол.
 Микулинская, д. вол. Антропьева
 Слобода
 Митинское, д. Сямской вол. 89
 Михайло-Архангельский (Архан-
 гельский) м-рь, г. Устюг 48, 97
 Михальцово, с-цо Ракульской вол.
 72, 76, 79
 Мынчаково, д. Верхвологодской вол.
 77, 83
 Мыс Гledenский, д., вол. Антро-
 пьева слобода
 Мыкинница, д. Ратмировской вол.
 191
 Наволок, д. Шангальской вол. 249
 Нагорское, д. Сямской вол. 90
 Назаровская, д. Ротковской вол.
 51
 Негла, р. 99, 148
 Негодаево, д. Сямской вол. 85
 Нижнее Заборье, д. Пежемской вол.
 Устьянских волостей 249
 Нижний Косогор, д. Кубенской вол.
 80
 Нижний Новгород, гор. 52
 Никитино, д. Ракульской вол. 69, 93
 Николо-Коряжемский м-рь, Соль-
 вычегодский у. 289
 Никольское, с. вол. Лежский волок
 258
 Нимянда, р. 145
 Новгород Великий, гор. 331, 332
 Новгородские пятины (Новгород-
 ская земля, уезд) 23, 36, 140,
 156
 Обросимовская (Обросимово) см.
 Балуевская, д. Уцецкой вол.
 102, 239, 247
 Обухово, д. Кубенской вол. 65, 75
 Овсянникова Гора, д. вол. Антро-
 пьева слобода 216
 Окологодная вол. Сольвычегод-
 ского у. 41, 43, 118, 145, 279,
 280, 294, 295, 322
 Оксеновская см. Лукинская д. вол.
 Антропьева Слобода
 Олешевская (Олешево), д. Уцецкой
 вол. 102, 115, 239
 Олисавино, д. Кубенской вол. 61
 Олтушевская см. Большой двор,
 д. Ратмировской вол. 196–198
 Онкудиновская, д. Ратмировской
 вол. 156, 157, 159, 168
 Онофриева гора, д. Колнобойской
 вол. 155, 166, 168, 242, 247
 Останино д. Сямской вол. 71
 Остафьева гора см. Пердунова гора,
 д. вол. Антропьева слобода
 Остребалово, д. Кубенской вол. 62
 Офонасовская (Офонасово, Афо-
 насьево), д. Уцецкой вол. 114,
 159
 Павлищево, д. Окологородной вол.
 44, 192
 Павловская, д. Вилегодской вол.
 144
 Павловская, д. Ваденской вол. 51
 Палуи, р. 170, 196
 Паниловская вол. Двинского у. 282

- Пачеозерская вол., Сольвычегдского у.
- Пашковская (Пашково), д. Алексинского стана 149
- Пежемская вол. Устьянских волостей 255, 271, 272
- Пердунова гора см. Остафьева гора, д. вол. Антропьева слобода 146
- Песей Погост, д. Кубенской вол. 65
- Пестово, д. вол. Антропьева Слобода 167
- Петраково, д. Ракульской вол. 71
- Петрешина, д. Сямской вол. 67, 92
- Петримова, д. Алексинского стана 43
- Петровское, с. Сольвычегодского у. 246
- Пинега, р. и территория 37
- Писцово, д. Сямской вол. 69
- Погорелое, д. Кубенской вол. 63, 77
- Погорелой Липовец (Погорелое), д., Ратмировской вол. 164, 190
- Погостище, д. Сямской вол. 72
- Подлесная, д. Уцецкой вол. 103, 111, 240
- Подол, д. Ратмировской вол. 75
- Подолец, д. Сямской вол. 73
- Подольное, д. Кубенской вол. 68
- Пожарище, выст. вол. Антропьева слобода 146
- Полуй, р.
- Попово, д. Сямской вол. 59
- Потаповская см. Фатьяновская, д. Ратмировской вол.
- Починошное, д. Кубенской вол. 77
- Правдина гора, д. Уцецкой вол. 242
- Пригород, д. Сямской вол. 67
- Прислон, д. Ратмировской вол. 166, 241
- Прислон, д. Уцецкой вол. 241
- Прованс, область в Южной Франции 46
- Псковский у. 36
- Пуяттино, д. Вилегодской вол. 143
- Пучка, с. Сямской вол. 60, 90
- Рабангская вол. Вологодского у. 63, 202
- Ракульская вол. Вологодского у.
- Раменье, с. вол. Лежский Волок 257, 258
- Ратмирово, стан (в значении – селение) 203
- Ратмировская вол. Сольвычегодского у. 41, 118, 180, 185, 199, 202
- Реваж, р. 142, 150
- Романово, д. Кубенской вол. 61, 77, Романово, д. Верхвологодской вол. 83
- Росляково, д. Уцецкой вол. 241
- Рослятино, д. Верхвологодской вол. 84
- Ростовская вол. Устьянских волостей 255, 269, 273
- Ротковская вол. Чарондской округи 51
- Савинцово Большое, д. Сямской вол. 77, 94
- Сараево, д. Сямской вол. 77
- Северная Двина (Двина), р.
- Семейки Белова, д. вол. Антропьева Слобода 146
- Семеновская, д. Вилегодской вол. 142
- Сиговская, д. Колнобойской вол. 156, 166, 247
- Сидоровское, д. Сямской вол. 74
- Скобелевская, д. Вилегодской вол. 144

- Скорняково (Скорняковская), д. Учецкой вол. 108, 109, 239, 241, 247
- Скорое, д. Ракульской вол. 70, 79
- Слободка см. Талыгинская, д. Вилегодской вол. 142
- Слободная см. Макаровская д. Ратмировской вол.
- Соденская вол., Устьянских волостей 168, 255, 268, 270
- Созутинская, д. Учецкой вол. 103, 115, 244
- Соловецкий м-рь 50
- Сольвычегодск (Соль Вычегодская, Соль), гор. 46, 58, 105, 106, 108, 118, 145, 161, 202, 203, 219, 220, 227-236, 244, 248, 252, 253, 268, 277, 279, 284, 288, 289, 294-296, 298, 299, 300, 308, 311, 314-319, 322, 323, 328, 337
- Сольвычегодский (Усольский) у. 12, 15, 27, 41, 42, 101, 106, 121, 141, 142, 146, 149, 150, 162, 174, 180, 196, 199, 250, 153, 254, 265, 274, 337
- Спасо-Каменный м-рь, Вологодский у. 59, 60, 62, 63, 66, 67, 90, 92
- Спасо-Нуромкий м-рь, Вологодский у. 123
- Спасо-Прилуцкий м-рь, Вологодский у. 46-50, 59, 69, 70-72, 93, 125, 127, 130, 131, 175, 259, 265, 267, 275, 286, 294, 302, 309, 312, 315
- Спирина гора, д. вол. Антропьева слобода 146
- Старчевская, д. (поч.) вол. Антропьева Слобода 148, 150, 172
- Стрелка (Стрелково), д. Ратмировской вол. 163, 166, 193-195, 242, 243
- Сулинская, д. Баскачьего стана 141, 144
- Сухона, р. 139, 140, 142, 144
- Сухонский Нововышлый стан Устюжского у. 47, 256, 260, 263, 265, 266, 269
- Сямская вол. Вологодского у. 63
- Сямский (Богородицкий Рождественский) м-рь, Вологодский у. 79
- Тавреньгский стан Важского у. 45, 51
- Талица, р. 169
- Талыгинская см. Слободка, д. Вилегодской вол.
- Тараканово, д. Вотложемской вол. Устюжского у. 246
- Тарасово, д. Сямской вол. 81, 90
- Терентьево, д. Воздвиженской вол. 85, 89
- Терехинский см. Мелевинский, поч. Ратмировской вол. 164, 169
- Тимошинская, д. вол. Антропьева Слобода 158, 172
- Топорово, д. Учецкой вол. 150
- Тотемский у. 12, 15, 58, 141, 150, 254, 257
- Тотьма, гор. 54-56, 58, 227, 230, 234-236, 252, 253, 277, 294, 301, 308, 311, 314, 316, 318
- Троице-Гледенский м-рь, Устюжский у. 151
- Троице-Сергиев м-рь 50, 326
- Трушниковская см. Березник, д. (поч.) Учецкой вол. 109, 244
- Туралыково, д. Ратмировской вол. 150, 162
- Угрюмово, д. Воздвиженской вол. 78
- Удим, р. 175

- Устиновская, д. Окологородной вол. 43
- Усть-Недумская Богородицкая пустынька 196
- Усть-Нимянда, д. Окологородной вол. 120
- Устьянские волости 58, 141, 252, 255, 269
- Устюг (Великий Устюг), гор. 47, 58, 142, 156, 192, 201-203, 207, 220, 227-230, 232-236, 248, 252, 253, 263, 269, 288, 289, 294, 296-298, 305, 308, 311, 314-316, 318, 319, 325, 328, 332-337, 339, 340
- Устюжский у. (край) 12, 15, 56, 139, 140-143, 254, 267, 269, 297, 330
- Уфтюга, р. 143
- Уфтюжская вол. Тотемского у. 53
- Уфтюжская вол. Устюжского у. 143, 174
- Ущецкая вол. Сольвычегодского у. 98, 108, 240, 244, 246
- Учка, р. 104
- Ушаково, д. 247
- Фатьяновская см. Потаповская, д. Ратмировской вол. 169, 173, 246
- Федоровская, д. Баскачьего стана 141, 144
- Федотовская, д. Алексинского стана 150
- Федяево, д. Кубенской вол. 93
- Фокино, д. Кубенской вол. 65
- Фроловка, р. 46, 156, 157
- Фроловский см. Бессоновский поч. вол. Антропьева Слобода
- Фрязиново, с. Сямской вол. 81, 90
- Харамзино, д. Ратмировской вол. 170
- Харапово, д. Сямской вол. 89
- Хватуново, д. Давыдовской вол.
- Хмельнитская вол. Важского у. 51
- Холм (Холмец, Холмицы), д. Ратмировской вол. 169, 198, 243, 245
- Холмогоры, пос. 201, 254
- Хрипулево, д. Кубенской вол. 77
- Чадромская вол. Устьянских волостей 255, 268
- Чарондская округа (уезд) 49, 166, 242
- Чашниково, полусельцо Ракульской вол. 85
- Черевковская вол. Устюжского у. 261, 263, 264, 266-268, 270, 282
- Черная речка, д. Окологородной вол. 43
- Чешкова Гора, д. Вилегодской вол. 147
- Чигра, р. 182, 184, 186
- Чигры, д. Ратмировской вол. 165, 166, 173, 182-189, 212
- Чушевицкая вол. Устьянских волостей 255, 256, 268, 269
- Чюглак, д. Давыдовской вол. 127
- Чюпаново см. Взвоз, д. Ратмировской вол. 44, 154, 166, 167, 171, 173, 181, 182, 206, 240
- Чюхла, д. Ущецкой вол. 164
- Шалимова слободка Сольвычегодского у. 289
- Шарженская вол. Устюжского у. 335
- Шемогодская вол. Устюжского у. 294, 296-298, 311, 313, 314, 315, 323
- Шиловская, д. вол. Антропьева Слобода 164

- Шишкино, д. вол. Антропьева Слобода 146
- Шумихино, д. Воздвиженской вол. 79
- Щапово, д. Лоскомской вол. 46
- Щекарево, д. Ракульской вол. 88
- Юг, р. 142
- Юрино, д. Кубенской вол. 61
- Юркино, д. Сямской вол. 93
- Юрьев наволоок, вол. Устюжского у. 283
- Юрьевская, см. Мериново, д. Ратмировской вол.
- Яковка, р. 191
- Яковлевской Мусунова, поч. Ущецкой вол. 107
- Ярыгино, д. Ракульской вол. 71, 79
- Яхренгская вол. Устюжского у. 289, 335

Области Центрального Поморья в XVII в.
 См.: Карта Поморского края в XVII веке. —
 Богословский М.М. Земское самоуправление на
 Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909.

SUMMARY

The monograph penned by Dr. Yelena N. Shveikovskaya is devoted to the peasantry of the Russian North in the late 16th and early 18th centuries, whose life activities invariably took place in their family circle and within their village *mir* or commune. The author understands the *mir* as a group association of peasants that combined autonomy and existence in a definite territorial space. The peasant, and not only in the North, hereditarily belonged to a household and was a member of a *zemstvo mir* and other, smaller, social groups. The author analyzes how the peasants realized in the course of their daily life their individual life experiences, and tries to understand how typical the strategy of the decisions taken by them was in the then existing circumstances. Also, she endeavors to reveal the network of internal (family and village) relations established by the peasants, as well as the network of their external relations outside of their 'own' microcosm. To a great extent, the author conducts her research in accordance with the current trend of combining historical-and-anthropological methods with those of micro-sociological analysis and social history techniques. The monograph is based on a wide range of predominantly archival sources mostly dating from, but not limited to, the 17th century.

The research is thoroughly based on the specific-to-general approach. When applied in the monograph, this method has provided descriptive characteristics of the following entities: the household with the family of its inhabitants and the village as the locus of habitation and economic activities of the peasants; the *zemstvo mir* as an organizational entity and the nodal point of various neighbor relations; the *voyevoda* household and its 'otherness' with regard to the peasant *mir*; special attention is paid to the mental and cultural categories of time (routine and festive) and space. In the ten chapters of her book, Dr. Yelena N. Shveikovskaya was the first to shed light on the issue of the meaning of the term 'family' and its proliferation in society and in the peasant's daily life practice of the 17th century. Similarly, she was the first to assess the consequences of the Petrine mobilizations of 1710–17 in regard to the destinies of some individual peasant families, and to concurrently reveal the negative role played by the *mir*s who were eager to get rid of their economically weak members. Also, the author has found that generations of peasants, being led by the principle of indivisibility of family property, kept their land possessions undivided as it behooved them

SUMMARY

to do in accordance with family memory and the actual ownership of the land plots by fathers and grandfathers. And she has examined in depth the hierarchical structure of the *voyevoda* household represented by relatives and servants, that looked completely alien to the peasants. On the whole, Dr. Yelena N. Shveikovskaya's monograph offers a new interpretation of various manifestations of the routine, specific features and deviations in the private life of the North Russian peasants and promotes a deeper understanding of the social nature of the Russian village in the late Middle Ages and early modern times.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ШВЕЙКОВСКАЯ

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН В ДОМЕ И МИРЕ:
СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ
КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет и оформление *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 954-17-52

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
23,0 п.л. Тираж 800 экз.

Отпечатано с оригинал-макета

Швейковская Елена Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Славяноведения РАН, специалист по социальной истории России XVI — начала XVIII вв. Автор монографий «Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII вв.» (М., 1976), «Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в.» (М., 1997) и многочисленных статей по проблемам демографии, истории права, а также историографии, источниковедения. Лауреат премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (1999 г.). Председатель Научного совета по проблемам аграрной истории при Отделении историко-филологических наук РАН. Член редколлегии «Археографического ежегодника» и других изданий. Преподавала ряд лет в Российском государственном гуманитарном университете.

